

Tatar medeniäte Jort'nyñ oqılma xızmetläre. II tom.
Труды Дома Татарской Культуры. Том II

ВОРОБЬЕВ Н. И.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
КАЗАНСКИХ ТАТАР

(ОПЫТ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Издание Дома Татарской Культуры и Академического Центра ТНКИ.
КАЗАНЬ
1930 г.

Tatar Mədəniəte Jortlyñ qilmi xzmətləre. II tom.
Труды Дома Татарской Культуры. Том II.

ВОРОБЬЕВ Н. И.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
КАЗАНСКИХ ТАТАР

(ОПЫТ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

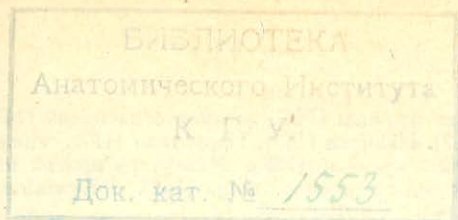
Издание Дома Татарской Культуры и Академического Центра ТНKP.
КАЗАНЬ.
1930 г.

Напечатано под наблюдением учен. секретаря ДТК П. М. Дульского.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ
ИСКАНДРА
БОГДАНОВА
КНЯЗЬ-МОСКВА

Памяти первых исследователей быта казанских татар—Палласа, Лепехина, Рычкова и Фукса посвящает свой труд

Автор.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Предисловие	VII
От автора	XIII.
Гл. I. Краткий обзор истории исследования и ли- тература	1—12
„ II. Очерк истории казанско-татарской культуры. 13—37 Первые сведения о крае (13). Болгары в эпоху самостоя- тельности (14). Татарское завоевание (18). Упадок Болгарии в XIV веке (22). Казанское ханство (23). Русское завоевание и его значение для края (25). Татары под русской властью: от завоевания до Пугачевщины (26), от Пугачевщины до середины XIX века (32), новометодизм и проникновение но- вых веяний (35).	
„ III. Естественно - историческая обстановка места обитания татар, их демография и экономика. 38—97 Физико-географический очерк края (38). Почвы (41), климат (42), растительность (43), разделение на естественно-гео- графические районы (43). Население: число, плотность, воз- растной и половой состав, прирост (44), грамотность (50). Населенные пункты (53), распределение по территории и районы расселения татар (57). Хозяйство: распределение угодий (61), обеспеченность земель (64), хозяйственные рай- оны (66), землевладение (68), системы хозяйства (68), состав культур (70), мертвый с-х. инвентарь (74), скотоводство (76). Продукция хозяйства и доходы (81), отхожие и мелкие про- мыслы (83), бюджет крестьянской семьи (92). Расслоение татарского общества, и культурные навыки (95).	
„ IV. Хозяйственные приемы и инвентарь. Сред- ства и способы передвижения	99—123
Землепользование (99). Вспашка и сев (100), уборка (102), молотьба (104), луга и заготовка сена (107), огородни- чество, садоводство (110), лесное дело (111). Животно- водство: лошади (113), коровы (114), козы и овцы (115), разведение птицы (116), пчеловодство (117). Охота и рыбо- ловство (119). Средства передвижения: верховая езда (119), колесные экипажи (120), зимние экипажи (122).	
„ V. Пища	124—169
Продукты питания: мясные (126), молочные (128), жиры (133), растительные (134), приправы и пряности (138). Ку- шания: жидкие блюда (139), жаркие и холодные (140), каши и плов (143). Печения: изготовление теста и хлеба (145), пе-	

- ченья без начинки (146), печенья с начинкой (147). Лакомства (152). Напитки (155). Наркотики (157). Инвентарь изготовления кушаний (158). Инвентарь приема пищи (159). Время и виды приемов пищи (162). Ритуальные приемы пищи (167).
- ” VI. Жилище и поселения 170—266
Места поселений (170), планы поселений (175), усадьбы (181), сады (192). Жилой дом: история развития (194), план (197), размеры (200), постройка (202), крыша (205), окна и двери (208), крыльцо (210), орнаментация (212), окраска (216), план жилых помещений (220), отопление и освещение (229), внутреннее убранство (235), чистота (241). Домашняя утварь: постель (242), сундуки (245), столы, стулья и др. мебель (246), шамаилы (247), полотенца, намазальки, занавесы и др. (248). Ворота и изгороди (253). Надворные постройки (255). Кладбища (263). Жилища городских татар (264).
- ” VII. Техника 267—303
Обработка древесины (268). Обработка коры (271). Обработка животного сырья: выделка кож (272), изготовление обуви (273), выделка овчин (277), обработка шерсти (277), обработка рога (278). Обработка растительных волокон: обзор тканей (279), орнаментированные ткани (279), заготовка и обработка волокна (282), прядение и ткачество (283), вышивание (291), веревочное дело (299). Обработка металлов: кузнечное и слесарное дело (299), ювелирное дело (300).
- ” VIII. Одежда, обувь и головные уборы . . . 304—384
Материалы для изготовления (306). Мужские одежды: рубаха (310), штаны (314), камзол (316), казакин (318), бишмат (320), шубы (321), филан и чикман (323), чапан (324), фартук (325), кушак и пояс (325). Женские одежды: кўльмак (328), кўкракча (336) штаны (338), камзол (339), ксабика (342), бишмат и шубы (342), филан (343), фартук (344), нарукавники (345). Детские одежды (345). Обувь: портянки (349), чулки (349), ичеги (350), кайш (353), туфли (354), лапти (355), валенки (356), рукавицы и варежки (356). Головные уборы мужские: прически (357), тюбштейки (359), шапки (361), шляпы (364). Женские: прически (365), платок и шаль (365), тастар (367), орпак (368), колпак (372), тюбштейки (381), каттажи (381), шапки (382), чадма и башлык (383).
- ” IX. Украшения 385—423
Материалы и техника изготовления (386), косметика (390), чулпы (392), чай танька (394), чай төбө (395), баш хаситаси (396), битлик (396), ука-чачак (397), серьги (397), головное украшение (398), ожерелья (398), шитые воротники (399), цака чылбыры (400), изү (403), хасита (406), брошь (412), пуговицы (412), каптырма (414), браслеты (415), запястья—ичи (418), кольца и перстни (419). Мелкие украшения (420).
- ” X. Заключение 424—438
Список литературы 439—464

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий труд Н. И. Воробьева „Материальная культура казанских татар“, без сомнения, является ценным трудом в области этнографии татар. Эта книга ему поручена Академическим Центром ТН КП еще в 1925 году и была закончена только в 1929 году. Такая продолжительная работа над этим произведением уже сама по себе свидетельствует о том, что в него вложено много сил и труда со стороны автора. В своем отзыве об этой книге академик А. Н. Самойлович говорит следующее:

„Я подробно ознакомился с обширным трудом Н. И. Воробьева по материальной культуре казанских татар и, на основании этого ознакомления, признаю в высшей степени необходимым издание настоящего труда со всеми к нему иллюстрациями, так как издание это будет несомненно ценным и крайне полезным не только для национально-культурных целей Татарской Республики и не только для просветительных задач в области познания народов СССР со стороны широких масс нашей страны, но и для международной науки по линии этнографии турецких народов.

„Для обширнейшей области турецкого мира от якутов до анатолийских турков этнографическая наука имела до сих пор только два труда, дающих систематическое описание различных сторон народной культуры: 1) труд Серошевского об якутах и 2) труд профессора Руденко о башкирах. Труд Воробьева теснейшим образом примыкает к двум названным изданиям в качестве третьего, ни в какой мере не уступая им ни по богатству материала, ни по наукообразности его изучения. Напротив, касаясь исключительно материальной культуры, труд Н. И. Воробьева представляет эту часть этнографии казанских татар с такой полнотой, которая превосходит соответствующие части трудов Серошевского и Руденко“.

К сказанному тюркологом Самойловичем следует добавить, что изучение татарской культуры еще до сего времени не налажено у нас как следует. Особенно плохо обстоит дело по части научной разработки таких важных областей, как социальная культура и быт.

То, что Н. И. Воробьев, несмотря даже на свое недостаточное знакомство с татарским языком, взялся за выполнение такой ответственной задачи, как составление монографии по татарской этнографии, служит доказательством его большого интереса и приверженности к избранной им области науки. За это, конечно, мы должны быть ему благодарны. Но вместе с тем считаем нужным отметить и недостатки этой работы.

Самое главное, что мы должны, разумеется, констатировать в первую очередь, это то, что работу Н. И. Воробьева ни в коем случае нельзя считать марксистским исследованием. Но прежде чем мы перейдем к рассмотрению ее с этой точки зрения, остановимся сначала на менее важных, но все же весьма существенных недостатках данного труда.

1. Настоящая работа Воробьева посвящена исключительно культуре материальной, совершенно без учета моментов социальной культуры; последние остаются в стороне, как совершенно обособленная область социально-этнографического исследования. По нашему же мнению на эту область культуры также должно быть обращено внимание исследователя, ибо область материальной культуры это такая область, которую по вещественным данным можно изучать и с успехом характеризовать спустя некоторое время после изменения и даже исчезновения данной бытовой обстановки. Что же касается быта и других характерных моментов социальной культуры, то в этой области каждый незарегистрированный своевременно факт может безвозвратно исчезнуть для исследователя не оставив даже следа в жизни. Потому то, нам кажется, было бы целесообразнее провести изучение татарской этнографии всесторонне, т. е. со стороны материальной культуры, и со стороны культуры социальной.

Конечно, говоря об этом мы не собираемся обвинять Н. И. Воробьева в том, что он взял предметом своего изучения материальную культуру. Нам хотелось лишь напомнить нашим этнографам о первоочередных задачах, стоящих перед татарской этнографией. Н. И. Воробьеву можно поставить на вид то обстоятельство, что он, описывая отдельные области материальной культуры, не достаточно связывал ее факты с фактами общественного быта.

2. Как видно из самого названия книги, „Материальная культура казанских татар“, она не охватывает этнографию всех поволжских татар вообще. Беря объектом, главным образом, только казанских татар, автор оставляет вне круга своего изучения многочисленные группы татарского народа, рассеянные более или менее крупными островами в Башкирии, на Урале, в Среднем и Нижнем Поволжье, во внутренней России, в Сибири, в Средней Азии и т. д. Слабо охвачены также и татары Закамья, восточной и западной (нагорной) части самой Татарской Республики.

Автор в заключении своей книги говорит:

„Однако, несмотря на всю сложность факторов, которые влияли на создание татарской культуры в современном её виде, несмотря на некоторые территориальные изменения в различных местах поселения и значительные классовые различия внутри народности, татарская культура и быт все же более едины, чем быт и культура других народностей края. Так между татарами разных мест различия меньше, чем между отдельными группами чуваш (верьял и анатри), чем между горными и луговыми мари, северными и южными вотяками и, тем паче, северо-западными и юго-восточными башкирами“.

Но это должно относиться только к заволжским татарам, так как, если взять поволжских татар в целом, что обычно делается в отношении чуваш, мари и башкир, то разница в быте между отдельными группами татар окажется ни в коем случае не меньше, чем между отдельными группами вышеупомянутых народов. Например, мишари, касимовские татары, тептяри¹⁾ и ряд других групп значительно отличаются по быту, как от казанских татар, так и друг от друга. Следовательно, татарскую культуру в целом следует рассматривать, как продукт воздействия разнообразных экономических обстановок на различные территориально обособленные группы татар. На их культуре сильно отразились, конечно, и культурные влияния соседних народов; это обстоятельство должно бы было привлечь автору во внимание.

¹⁾ Хотя некоторые утверждают, что „тептярь“ является чисто административным термином, однако у группы тептярей имеется ряд особенностей в этнографическом отношении, хотя-бы являющихся результатом влияния башкир.

3. „Материальная культура казанских татар“ состоит из 10 глав, при чем первые три главы, а именно: „Краткий обзор истории исследования и литература“, „Очерк истории казанско-татарской культуры“, и „Естественно-историческая обстановка места обитания татар, их демография и экономика“, являются вводной частью к последующим 6 главам, а последняя заключение.

Серьезным пробелом первой главы является недостаточное внимание автора к вопросу изучения татар после Октябрьской революции. Всем нам хорошо известно, что за этот все же короткий срок дело изучения татар, сравнительно с прошлым, продвинулось вперед огромными шагами; выход такого капитального труда, как настоящая книга Н. И. Воробьева, уже сам по себе служит достаточно показательным явлением.

Вторым недостатком главы является то, что автор к прежним исследователям относится без критики и не характеризует, что они из себя представляют и с какой целью они изучали татарскую культуру. Мы считаем необходимым сказать, что при изучении татар старыми исследователями не могло быть чисто „утилитарное“ изучение, как это отмечает автор.

Историческая глава книги страдает излишней краткостью и схематичностью, представляя собою скорее сжатый общий обзор, чем обстоятельный очерк истории татарской культуры. Зато в отделе экономики автор раскинулся несоразмерно широко. Эта глава превратилась у него чуть ли не в целый курс по эконом-географии Татареспублики. Вместе с тем материалы этого отдела являются в настоящий момент значительно устаревшими и не характерными для экономики современной татарской деревни. Ибо и цифры и вся обстановка, бывшие реальными лет 7—8 тому назад, в данное время уже приняли совершенно иной вид. В стране идет горячее социалистическое строительство. Татарстан на наших глазах усиленным темпом превращается в район сплошной коллективизации. В настоящий момент цифры о колхозах, количестве и качестве сельско-хозяйственного инвентаря, как живого, так и мертвого, способы ведения хозяйства меняются и реконструируются такими бешеными скачками, что любые данные сегодняшнего дня уже завтра будут представляться устарелыми. Описывая же экономику татар-

ского крестьянства, автор в настоящем труде берет для себя основой только индивидуальное хозяйство и характеризует преимущественно эпоху после голода.

Само собою возникает вопрос: зачем же тогда эта глава помещена в таком виде? Если в основе перестраивать эту главу, то пришлось бы переработать заново всю книгу целиком: так как, если экономика татарской деревни, в том виде в каком она здесь описана, устарела, то и в области быта и материальной культуры многое уже успело отойти в область истории. При такой коренной ломке в области экономики внешний быт не может остаться неизменным. Описанные же здесь старая экономика татарской деревни и старый материальный быт приблизительно совпадают друг с другом и, следовательно, разрушая одну часть, пришлось бы нарушить всю структуру книги и перестроить ее заново. Поэтому главу по экономике и пришлось оставить в прежнем виде.

Одним из крупных недочетов главы экономики является, кроме того, отсутствие общего обзора промышленности. Характеризуя экономику, на которой базируется вся этнография данного народа в различных его классовых группировках, следует обратить внимание на все стороны экономики. Однако, область промышленности оставлена автором без освещения! Здесь автор поступил последовательно: он не касается также и этнографии татарских рабочих. Поэтому монография Н. И. Воробьева в отношении изучения социального состава татар имеет большую ошибку. Правда такие ошибки характеризуют не только Воробьева! Ограничиваться деревней в этнографических описаниях превратилось в своеобразную традицию у многих этнографов. Однако, как бы мало характерной в смысле национальных особенностей не являлась жизнь фабрично-заводского пролетариата, все же именно эта среда является самой ценной для исследования влияния на нее интернациональной пролетарской культуры, с одной стороны, и культурных влияний других народов, — с другой. Это раз. Во-вторых, вообще классовый подход должен выражаться в этнографии в полном своем объеме. Правда, описывая крестьянский быт, автор делает классовую установку, но все же эта классовая установка не доведена у него до конца по всем разрезам. Без сомнения, это является большим минусом для настоящего труда.

4. В последующих 6 главах автор подробно и точно описывает хозяйственные приемы, инвентарь, средства и способы передвижения, пищу, жилище и поселения, технику, одежду, головные уборы и украшения татар. Все, однако, описывается у него в состоянии статики; автор приходит мимо диалектического развития. Словом, в работе марксистский метод не применен. Такие стороны быта, как, например, пища и одежда, не связаны с производственными моментами; мало говорится и о том, какие изменения перетерпели они за последние годы, в каком направлении идут эти изменения и т. д. Автор не дает никакого анализа описываемым фактам культурной жизни, не исходит из задач, стоящих перед СССР в области коренной реорганизации быта на новых социалистических началах. Он ограничивается лишь одним приведением фактического материала. И с научной, и с общественной точек зрения это безусловно является большим недостатком.

Однако, несмотря на вышеуказанные существенные недостатки, мы считаем появление работы Н. И. Воробьева нужным и полезным. Во-первых, до сего времени не было ни одной систематической работы по этнографии татар, и обнаружить первую попытку в этой области было своевременным; коренная же переработка книги заняла бы слишком много времени и надолго отсрочила бы ее издание. Во-вторых, в этой книге много достоверного фактического материала, в виду чего она может служить готовым материалом для этнографов-марксистов. Последние, вне всякого сомнения, не преминут воспользоваться таким богатым источником фактических данных, тем значительно облегчив свой труд по кропотливому собиранию сырого материала. Помимо всего этого, нам думается, выход в свет такого солидного, первого в своем роде, труда по татарской этнографии послужит толчком к усилению деятельности, как в области собирания и разработки нового материала, так и в области критики. Серьезная критика на такой труд, обнимающий в себе огромное количество систематизированного материала, может породить много новых мыслей, может послужить стимулом к открытию новых путей в области этнографии, этой науки, которой марксизм еще очень мало коснулся. И так, слово за марксистской критикой!

3. Мухсинов.

Настоящее исследование быта казанских татар есть результат нашей работы в течении нескольких лет. Начало работы по собиранию материалов было положено во время подготовки к Всесоюзной С-Х. Выставке 1923 года. После Выставки нами был разработан план систематического изучения татар, который и выполнялся ежегодно, вплоть до 1929 года. Благодаря материальной поддержке со стороны О-ва Татароведения при Думе Татарской культуры, Академического Центра ТНКП и О-ва изучения Татарстана, пользуемся случаем принести им глубокую благодарность, нам удалось посетить почти все районы ТССР, за исключением Елабужского и Бугульминского кантонов, а также и вне ТССР (Каринские и Глазовские татары).

Исследование только элементов материальной культуры нами было взято потому, что мы считаем совершенно невозможным монографирование целиком всей культуры такого уже достаточно культурного народа, как казанские татары. Нами взята материальная культура, как вопрос слишком мало изученный и почти не подвергавшийся этнографическому анализу, тем паче данных у нас накопилось такое количество, что задуманное исследование в процессе работы разрослось почти вдвое.

Мы поставили себе целью дать возможно полное описание отдельных бытовых элементов, анализировать их прошлое, отношение к другим народностям и наметить основы их классификации. Татарская культура не представляет собой чего либо монолитного на всей площади расселения татар, во все времена и у всех классов, уже вполне дифференцированного, татарского общества. Главными разрезами при анализе мы ставили территориальный и классовый, затрагивая, где имелась возможность по наличию материалов, и исторический. Этнологического разреза мы касались в тех местах, где это являлось возможным, не давая исчерпывающей проработки, ибо сложность культуры и многочисленность влияний не давали

физической возможности охватить целиком всю литературу по народностям, с которыми татары так или иначе соприкасались. Нашей целью было дать сводку материала, создать ряд рабочих гипотез и тем наметить дальнейшие пути для работы, как нашей, так и других исследователей в деле сравнительно-этнографических исследований в крае.

Точно также мы сознательно ограничились своей темой только казанскими татарами, не беря татар Приуралья (тептярей), мишарей, касимовцев и др. т.-к. эти группы, имея ряд своеобразных бытовых черт, сравнительно слабо изучены и требуют специальных исследований.

В настоящем исследовании кроме наших наблюдений, записей и почти всей литературы о Поволжских татарах, мы пользовались коллекциями по татарам в Центральном Музее ТССР, которые в некоторой доле нами и собраны, коллекциями Этнографического Отдела Русского Музея и Музея Антропологии и Этнографии Академии Наук СССР, где нам любезно было разрешено заниматься и оказано самое широкое содействие, а затем коллекциями по мишарям в Центральном Музее Народоведения в Москве и в Саратовском Этнографическом Музее. Фотографии исполнены под руководством автора и П. М. Дульского, фотографами Х. А. Апанаевым (1923 и 1929 г.г.) и Н. П. Засыпкиным (1925—27 г. г. и снимки с музейных предметов).

Пользуемся также случаем выразить искреннюю благодарность: акад. А. Н. Самойловичу, проф. Г. С. Губайдуллину, Али-Рахиму и П. М. Дульскому за их в высшей степени ценную для нас помощь своими советами и материалами, а также приносим благодарность: Г. Г. Ибрагимову, С. Атнагулову, З. Мухсинову, С. Г. Вахидову, К. С. Губайдуллину, М. Г. Худякову, Е. И. Чернышеву, К. И. Воробьеву и Л. М. Поздеевой за любезное предоставление в наше распоряжение ряда материалов и за помощь при их собирании и опубликовании. Глубоко признательны так же всем тем полуизвестным нам лицам в татарских деревнях, которые оказывали весьма ценную помощь при наших исследованиях.

Автор.

Глава I.

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ
И ЛИТЕРАТУРА.

Среди народностей Среднего Поволжья одно из крупнейших мест принадлежит, так называемым, Поволжским татарам, относящимся по языковым данным к северо-западной группе турецких народностей вместе с турками Урала и Зап. Сибири ¹⁾. Однако под именем Поволжских татар объединяется не одна народность и, при ближайшем ознакомлении, эти татары разбиваются на две группы: татар казанских и мишарей. Между этими группами татар, живущими нередко вместе, бытовые различия очень незначительны, но, при детальном изучении, эта разница обнаруживается и во внешнем быте и в языке ²⁾, а кроме того представители этих народностей твердо знают к какой группе они относятся и даже при совместном поселении расселялись по возможности в различных концах.

¹⁾ Наименованием татар в русской литературе XVIII и частью XIX века именуется много народностей, иногда даже и не турецкого происхождения. Так даже бурят называли «братскими татарами». В настоящее время термин «татар» прилагается только к небольшой группе турецких народностей. Кроме поволжских татар, к татарам причисляются сибирские татары (тобольские и тюменские), крымские и литовские татары. Другие же, так называемые, татары, как азербейджанские и др. не имеют термина татар ни в качестве самоназвания, ни в качестве названия от соседей и за татар в настоящее время не считаются, не говоря о народностях Алтая и Саян.

²⁾ А. Н. Самойлович в статье «Название дней недели у турецких народов» (Яфетический сборник № 2) на стр. 114 отмечает, что по названиям дней недели казанские татары и мишари относятся к различным группам. Казанские татары ближе к среднеазиатцам, а мишари к чувашам и их группе (часть башкир, марийцы и вотяки). Дж. Валидов в статье «О диалектах казанско-татарского языка» (Вестн. Татароведения № 6) отмечает целый ряд языковых отличий татар и мишарей. То же отмечают и др. авторы, как Золотницкий, Магницкий и др.

Казанские татары в настоящее время занимают преимущественно территорию Татарской республики,¹⁾ а так же не мало их в Приуральи²⁾ и южном Зауральи, куда много татар переселилось после присоединения края к России, под влиянием различных и очень сложных причин, на которых остановимся ниже. Мишари расселены в южной части Среднего и северной части Нижнего Поволжья, а также в Нижегородской губ., смешиваясь на границе расселения с татарами (южные кантоны ТССР).

Происхождение мишарей до сего времени не ясно, но во всяком случае у этой народности имеется значительное смешение элементов турецких и финских, более значительное, чем у казанских татар, которых все же приходится считать, пожалуй, наиболее чистой турецкой народностью края, несмотря на то, что и их происхождение так же довольно сложно.

Татары вообще, сыгравшие крупную роль в средневековой истории Азии и Восточной Европы, всегда привлекали интересы исследователей, пытавшихся изучить как их историю, так и быт. Особенно интересовали татары русских исследователей, которые занимались всегда как татарами вообще, так и в частности Поволжскими, в число которых входят Казанские татары. Этим вопросом интересовалось значительное число авторов и по Поволжским татарам, а в частности по Казанским, существует довольно значительная литература, правда, большей частью состоящая из мелких статей. Не касаясь специально исторической литературы, мы сделаем краткий обзор тех работ, которые относятся к интересующему нас вопросу, именно, изучению быта данной народности.

История исследования татар, а стало быть и литература по ним, может быть разделена на несколько периодов, сообразно направлению интересов и времени исследования. К первому периоду отнесем данные средневековых авторов, относящиеся частью к Волжско-Камским болгарам, на месте которых живут Казанские татары, а частью

¹⁾ В админист. территориал. отношении татары находятся почти во всех областях СССР.

²⁾ Татары Ю-Востока ТССР и Приуралья, являясь выселенцами из Казанского края, получили название тептярь, благодаря особым правовым условиям в прошлом.

к татарам вообще. Сюда же отнесем данные авторов-путешественников до XVIII века, интересовавшихся Золотой Ордой и, отчасти, Казанским ханством.

Ко второму периоду отнесем исследования XVIII века — эпохи путешествий наших первых академиков, которые, описывая территорию Российского государства, касались и татар.

Третий период включает в себе первую половину XIX века, когда появляются специальные исследования татар учеными, только что возникшего Казанского Университета и вообще появляется местная научная мысль.

К четвертому периоду относятся исследования второй половины XIX и начала XX (до революции), когда изучение татар ведется, с одной стороны медиками и экономистами, с другой учеными, не ставящими утилитарных целей и др.

Наконец в пятый период мы включаем исследования, произведенные после Революции, которые в общем являются продолжением исследований предыдущего периода, но только в совершенно другой политической обстановке.

Самые первые сведения не о татарах, а о болгарах, продолжателями культуры которых являются татары, мы имеем в описании Ибн-Фадлана, поскольку оно дошло до нас в пересказе Якута (510)¹⁾ и Ибн-Роста. Сведения эти очень скудны, но все же говорят, что в то время (X век) в край уже начал проникать восточный торговый капитал, а с ним вместе ислам с его культурой. В дальнейшем сведения о крае становятся еще более скудными и выражаются лишь в упоминании о тех или иных исторических событиях совершенно безотносительно к быту народностей, его населяющих. Первыми сведениями собственно о татарах, правда, не интересующих нас, а вообще, мы имеем у средневековых путешественников, которые дали описания, важные для нас постольку, поскольку возможно проведение аналогий, и их бытовые данные, пожалуй касаются вообще турок того времени,

¹⁾ Цифры, ставящиеся рядом с именем соответственных авторов являются указанием на номер, под которым находится данное исследование в указателе литературы в конце настоящей работы.

объединенных под общим государственным наименованием татар. К таковым описаниям относятся описания Платона Карпини (182), Марко Поло (371), Рубрука (400)¹⁾, из которых два первые автора дают довольно обстоятельные описания и внешнего быта татар, что для нас имеет особенно важное значение. Наиболее обстоятельное описание жилища имеется у Марко Поло, а одежда у Платона Карпини, причем приведенные рисунки, несмотря на значительную стилизацию, дают возможность получить некоторое представление об интересующих нас моментах.

Сочинениями более позднего времени—времени упадка татарского владычества,—являются описания Корнелия де Бруин (47), Олеария (340) и Гербенштейна (82), в которых, особенно у де-Бруина (голландское издание 1711 г.), имеется ряд данных, касающихся внешнего быта и приведен ряд рисунков из быта Кундровских татар—прямых наследников Золотой Орды, с которыми у Казанских татар несомненно были значительные культурные связи. Некоторых сторон быта специально казанских татар касается князь Курбский, в своем „Сказании о Казанском Царстве“ (228), где, среди ряда исторических фактов, есть и ценные наблюдения по быту.

XVIII век, который ввел Россию в круг мировой и в частности Западно-европейской экономической жизни, а также выдвинул русский капитал на восточном рынке, требовал ознакомления со страной и в это время мы видим, что правительство щедро субсидирует изучение страны, посылая целый ряд исследователей в различные области и по различным вопросам, причем эти исследователи, будучи до известной степени энциклопедистами, довольно подробно описывали все, что им встречалось на пути и в частности быт народов. Поэтому, поскольку маршруты тех или иных исследователей касались и Волжско-Камского края, мы имеем ряд описаний и местных народностей. Особенностью подобных описаний является то, что авторы касались тех или иных народностей и в частности татар лишь попутно, описывая только то, что они видели, не пытаясь охватить народности в целом. Из та-

¹⁾ Приводим лишь наиболее интересные для наших целей исследования.

ких путешественников интересующих нас вопросов касались: Гмелин (*Reise durch Sibirien*) (87) и путешествие по России (86) Паллас (Путешествие по разн. пров. Росс. Гос.) (351), Лепехин (Дневные записки)... (249), Рычков (Журнал и дневные записки...) (409) и наконец Максим Невзоров (Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург) (320). Из этих авторов наиболее ценные для нас материалы дают Лепехин и Гмелин, особенно первый, давший подробное описание костюма татар, живущих по р. Черемшану. Не безынтересно также описание татар Симбирской губ., сделанное в 1783 г. уездным землемером Мильковичем, которое широко использовано в сводке Георги (81) ¹⁾.

К этому же времени относится и попытка дать монографическое описание края. Прекрасная работа Рычкова (Топография оренбургская) (412) дает описание быта Оренбургских татар, которые в значительной своей части являются выходцами из Казанского края. Широкий общественный интерес к быту народов России вызывают и сочинения сводного характера, как работа Георги (Описание всех обит. в Росс. Гос. народов) (81) и работа, изданная К. W. Müller'ом (*Beschreibung aller Nationen des Russischen Reiches*) (295), где сведены все данные, известные тогда о народностях России и в частности о татарах, о которых имеются основательные материалы. Сюда же можно причислить и работу Ziemmermann'a (*Taschenbuch der Reise, oder Unterhalten der Darstellung..*) (540), которая подводит итоги этой эпохи.

Прямым продолжением и углублением работы Рычкова по описанию отдельных районов, и даже специально отдельных народностей края, являются работы авторов начала XIX века и до середины его. В это время в Казани открывается Университет, она становится не только административным и хозяйственным, но и культурным центром обширного края и, у новоприбывших ученых, местный край и его народности, а особенно татары, известные их историческим прошлым, вызывают значительный интерес. К таким авторам, связанным с краем на более или менее продолжительное время, необходимо отнести Эрдмана, Турнерелли и Фукса. Особенно тесно с краем

¹⁾ Сочинение Мильковича было напечатано лишь в 1851 г. в Симб. Губ. Ведом. и затем 1905 г. Н. В. Никольским в ИОАИЭ.

и татарами был связан К. Ф. Фукс, который, кроме ряда мелких статей о татарах, в 1844 году опубликовал книгу *Казанские Татары...* (524), которая является результатом 30 летних наблюдений автора¹⁾. Эту работу мы считаем первой работой, глубоко охватившей различные стороны быта татар, не только города, но, отчасти, и деревни, причем описание основано на многочисленных и очень тщательных наблюдениях. Интересные также работы представляют описания Иог. Эрдмана (*Medicinische Topographie des Gouvernements und der Stadt Kazan.*) (563) и воспоминания Турнерелли, изложенные им в двух работах (*Kazan the ancient Capital of the Tartar...* (504) и *Kazan et ces habitans...* (503). Из упомянутых сочинений можно почерпнуть много данных о татарах того времени, но меньше, чем из работ Фукса. Необходимо также отметить работу Фр. Эрдмана (*Ueber die Tataren Kazan*) (565), которой в значительной мере пользовался Вамбери при составлении сводки по турецким народностям (*Die primitive Cultur des Turko-Tatarischen Völkes*) (55). Однако для русского читателя эта работа многое теряет, т. к. в значительной степени является компиляцией, а местами прямым переводом текста Фукса. Кроме работ университетских ученых, нужно отметить еще и некоторые другие работы, как работу Thomas'a (*Souvenir de Russie*) (498), где он касается немного и быта татар, а также русские работы, касающиеся описания быта деревенских татар. Из этих работ упомянем анонимную статью „Этнографическое описание Казанской губернии“ (568) и работу Сбоева (*О быте крестьян в Казанской губ.*) (423). Первая работа интересна тем, что в ней описывается архаический план татарской деревни, являющийся остатком патриархального быта, ныне совершенно исчезнувшего, а Сбоев касается жилища, одежд, а также санитарного состояния татар. К этому же времени относится работа известного татарского историка и бытописателя Марджани, которого можно считать одним из первых татар, заинтересовавшихся бытом своего народа, правда, преимущественно с точки зрения его истории (272).

¹⁾ Подробный разбор работ Фукса см. нашу статью: К. Ф. Фукс — первый исследователь быта Казанских татар. Вестн. Научн. О-ва Татароведения № 6. Казань. 1927 г.

Следующий период в деле изучения татар начинается с половины XIX века, или точнее развертывается с 60-х годов и продолжается до Революции. В это время число работ становится гораздо обильнее, вопросы захватываются и разрабатываются глубже, появляются работы, монографирующие отдельные стороны быта татар. Кроме того сочинения пишутся авторами различных групп и идеологических течений, почему и литература периода естественно распадается на несколько групп. Первой группой являются сводные работы, сделанные почти исключительно на основании литературных данных. К этой группе необходимо отнести известные работы Риттиха (393) и Лаптева (240), касающиеся населения Казанской губернии вообще, где сделаны сводки и по татарам, на основании литературы, но не подвергая повидимому критике используемый материал и не задаваясь целью анализировать быт, почему все сведения распространены на татар вообще, не разделяясь ни по времени, ни по социальным группам. Сюда же надо отнести статью-атлас Паули (354) на русском и французском языках, где имеется кое-что и о татарах на основании литературы, а кроме того приведены рисунки. К подобным же сводкам, но в общегерманском масштабе необходимо отнести работы Вамбери (*Das Türkenvolk in seinen Ethnologischen und Ethnographischen Beschreibung* (24), а также Фалька *Beiträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reiches*) (511), где о татарах имеется несколько страниц.

Ко второй группе относятся сочинения экономико-статистические и медико-топографические, с попытками монографировать татар по отдельным районам, чего прежде не делалось. Сюда надо во-первых отнести прекрасное описание Малмыжских татар (ныне северная часть Арского кантона ТССР) Штейнфельда (559), которое представляет значительный интерес, как подробное описание быта определенного района, без попыток обобщений на всю народность, и описанный материал дает возможность ознакомиться как с бытовыми, так и с экономическими данными по этому району. Из чисто экономических работ отметим работы Черемшанского (543) и Кешпена (204), касающиеся хозяйственного положения Оренбургской и Казанской губ. Черемшанский в своей работе касается

быта восточных татар (восточные кантоны ТССР и татары Приуралья), а Кеппен татар заволжских (горной стороны), причем оба хорошо описывают быт татар своих районов и дают ценный материал для сравнений, особенно по жилищу. Только Кеппен делает попытку распространить свои данные на всех татар и делает некоторые выводы об их неприспособленности к оседлому быту. Сюда же относится интересная работа Лаврского (татарская беднота) (238), дающая подробное описание экономики нескольких деревень Спасского уезда Каз. губ., где кроме того имеется прекрасное описание жилища и некоторых других бытовых черт бедноты. Имеются попытки монографирования и промыслов татар, к каковым относятся работы Криваксиной (224) и Рылова (408), касающиеся изготовления татарских головных уборов. В этих статьях авторы подходят к теме, правда, с чисто статистико-экономической стороны, но дают также некоторые данные и по технике промысла, что при скудности подобных описаний, придает данным статьям некоторую ценность.

К этой же группе работ, так сказать утилитарного назначения, отнесем еще работы Змеева (Медико-топограф. и статист. описание Бугульминского уезда) (143) и Сухарева (Опыт этнографического и мед-антроп. исслед.), касающегося татар Казанского уезда (478). Работа Змеева с нашей точки зрения интересна тем, что дает довольно подробное описание жилища татар, обследованного им района, а так же и тем, что автор, как медик, подробно останавливается на санитарной стороне жилища. Сухарев в первой главе дает некоторые данные о татарах вообще, а затем ведет описание татар Казанского уезда на основании своих многочисленных наблюдений. Ценность данных работ увеличивается еще и тем, что материал строго локализован, и это дает возможность пользования им при сводках.

К следующей группе работ авторов, поставивших своей целью чисто научное освещение вопросов, относятся ряд статей Катанова (186—202), Пинегина (364), Насырова (314—317) и Ахмарова (24—25), которые преимущественно посвящены элементам духовной культуры, но дают некоторые интересные и главное локализованные

данные и по материальной культуре. Из работ, посвященных материальной культуре, отметим работу Вечеслава (60), которая дает интересные материалы по одежде татар мусульман и крышен, преимущественно из северо-восточного района их обитания, а также некоторые главы (об одежде и жилище) в материалах Каюма Насырова (314), изданных лишь в 1926 г., касающиеся татар Казани и Свияжского кантона. В этот период все чаще и чаще появляются в русской печати авторы из татар, как Насыров и Ахмаров, данные которых, как представителей народности, очень ценны. Кроме того печатается ряд этнографических работ и на тат. языке. Так много ценных данных имеется в календарях, издававшихся Насыровым, а также в журнале «Шуро». Сюда же можно причислить работы Коблова (Мифология казанских татар) (209) и Религиозн. обряды и обычаи татар магометан (210), которые хотя и написаны автором, примыкающим к последней миссионерской группе, но все же дают описание более или менее беспристрастное. После 1905 г., когда у татар появляется литература, основанная на описании быта своего народа, небезытересные данные по быту имеются у татарских беллетристов (Ибрагимова, Амирханова и др.).

Четвертой группой являются работы, написанные миссионерами и лицами к ним примыкающими, работы которых имеют определенную тенденцию доказывать преимущества русской христианской культуры над татарской мусульманской. Большинство работ этой группы касается духовно-нравственного состояния татар, как мусульман, так и крещеных, с очень немногими интересными для нас штрихами, почему мы этих работ касаться не будем, а отметим лишь попытки авторов этого направления дать работы для широкого круга читателей. К таковым работам отнесем работу Знаменского (Казанские татары) (144), где автор, путем подбирания целого ряда „фактов“, пытается доказать свою мысль и в то же время не дает анализа культуры. Почти полные компиляции с работы Знаменского представляют глава „татары“ у Спасского (Родиноведение) (458) и статья Сперанского—Казанские татары (459), которые, особенно последняя, являются образцом компиляции совершенно без осмысливания материала. Сперанский путает факты из различных мест и эпох, почему работа

не имеет совершенно никакой цены и мы приводим ее лишь как образец подобного безцеремонного обращения с материалом.

К последнему периоду относятся работы, написанные в годы революции, когда политические условия способствовали более свободному развитию исследовательской работы. Немногочисленные пока работы этого периода, с одной стороны представляют попытки сделать сводки материала преимущественно по прошлому татар и их культуры, к каковым относятся работы Худякова (537—538) и Г. Губайдуллина (97—98), а с другой статьи, монографирующие отдельные вопросы. К последнего рода статьям надо отнести работу Адлера Б. Ф. (Коллекция Сиклера (3), единственную статью по украшениям татар, Дульского (Искусство Казанских татар) (117), М. и К. Губайдуллиных (Пища казанск. татар (101), Воробьева (Жилища и поселения татар Арск. кант.) (65), Худякова (Деревянное зодчество казанских татар) (514), Егерова (Самобытное расселение народностей Казанского края) (122). Все эти работы монографируют отдельные элементы быта на основании новых материалов. Интересно также отметить работу Валидова (О диалектах казанско-татарского языка) (53), имеющую преимущественно лингвистическое значение, но очень интересную и для этнографии, т. к. она дает возможность, при классификации татар по культурным районам, воспользоваться и лингвистическими данными. Некоторой попыткой к описанию быта народности в целом является работа Воробьева (Казанские татары) (67), написанная по новым данным, относящимся к Заказанскому району, наиболее типичному для народности. Напечатан также ряд статей и в татарских журналах: «Безнен'юл» и «Маариф»¹⁾, большей частью по духовной культуре татар.

Просматривая литературу о казанских татарах в целом, надо отметить, что, ежели имеется целый ряд ценных работ, касающихся, или отдельных элементов быта, или быта отдельных районов, то сводных работ, охватыва-

¹⁾ Научный в литературный журнал „Безнен'юл“ является органом дома Татарской культуры, а „Маариф“ научно-педагогический—орган ТНKP и Тат. Педагогического О-ва.

вающих все элементы быта с территориальным, историческим и классовым разрезом, совершенно нет. Все работы сводного характера страдают тем недостатком, что данные распространяются на всех татар в целом, хотя материалы, бывшие в распоряжении автора, или касаются определенного района или класса. Благодаря этому получается целый ряд невязок, которые резко бросаются в глаза при просмотре литературы и ставят в тупик исследователя, владеющего малым материалом. Так например Штейнфельд (559) отмечает у татар наличие садика почти перед каждым домом, а Кеппен (204) пишет, что в татарских деревнях „не видно ни одного зеленого деревца“, причем, делая такое заявление, говорит о татарах вообще. Недоразумение, вызванное этими противоречивыми данными, разъясняется, ежели принять во внимание, что Штейнфельд описывает деревни Заказанья, которые утопают в зелени, а Кеппен правобережья Волги, где нет ни одного дерева. Целый ряд фактов, подобных приведенному, получается благодаря желанию говорить о татарах вообще, причем авторы, писавшие о татарах сводные работы, частенько брали лишь те данные, которые почему либо им больше нравились, не пытаясь сопоставлять их.

В связи с подобным положением, основной задачей исследователя быта татар и является увязка всех литературных данных, но эта работа возможна только тогда, когда исследователь сам владеет большим материалом. Кроме того в литературе, специально в круге тех вопросов, которые интересуют нас, т. е. в материальной культуре, данных вообще мало, ибо старые авторы интересовались преимущественно духовной культурой, давая описания материальной лишь мельком и в общих фразах. Благодаря этому нет удовлетворительных описаний почти ни одного бытового предмета, а есть лишь упоминание об их наличии, так что в деле описания, и тем паче классификации, бытовых предметов, литературные данные оказывают сравнительно небольшую помощь.

Касаясь вопроса о коллекциях по казанским татарам, надо указать, что самая большая из них (по мусульманам), находится в Центральном Музее ТССР (Казань), затем хорошие и большие материалы имеются в этнографическом

отделе Русского Музея в Ленинграде (как по мусульманам, так и кряшенам). Есть некоторые материалы в Центральном Музее Народоведения в Москве, и в Музее Кабинета Географии, Этнографии и Антропологии Казанского Гос. Университета. Кое какие разрозненные вещи есть в Пермском и Уфимском Музеях. Имеются немногочисленные коллекции также в Музеях кантонных городов ТССР, но они большей частью созданы из фондов Центрального Музея в Казани.

Глава II.

ОЧЕРК ИСТОРИИ КАЗАНСКО-ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Первые сведения о крае. Болгары в эпоху самостоятельности. Татарское завоевание. Упадок Болгарии в XIV веке. Казанское ханство. Русское завоевание и его значение для края. Татары под русской властью: от завоевания до Пугачевщины, от Пугачевщины до середины XIX века.

Новометодизм и проникновение новых веяний.

Исследование быта казанских татар в тех формах, в которые он отлился в настоящее время, совершенно невозможно без предварительного ознакомления с историей развития его, ибо татары, как народность, живущая длительной исторической жизнью, все время находились под влиянием различных факторов, учесть которые необходимо при ознакомлении с современным бытом.

Прежде всего необходимо отметить, что и по происхождению казанские татары не представляют собой замкнутой народности, а являются лишь последним звеном в той цепи турецких народностей, которые так или иначе попадали в край в течении его многовековой исторической жизни. Кроме того турецким народностям пришлось претерпеть ряд изменений, благодаря тем влияниям, которые с одной стороны шли от соседних с турками народностей, с другой от той большой торговой дороги, на которой эти народности жили, а также тех влияний, которые шли в качестве наследия прежних времен, поскольку, как это будет видно из дальнейшего, культурная жизнь края не прерывалась и не было резких смен одной народности на другую. Изменения происходили постепенно, путем медленной эволюции в одних и тех же условиях большого международного торгового пути.

Волжско-Камский край, расположенный при слиянии двух могучих рек Восточной Европы—Волги и Камы, рек, которые связывают далекий северо-запад и далекий северо-восток и даже Зауралье с южными странами Передней и Средней Азии, повидимому был всегда местом, где человек охотно селился. Исследования показывают, что со

времен неолита, в крае по берегам рек имеется довольно значительное количество поселений человека, который здесь повидимому сидел довольно прочно. Несмотря на слабую изученность этого вопроса, все же мы имеем целый ряд стоянок, и в музеях Казани материалы по неолиту В.-К. края занимают значительное место.

В сводной работе Высоцкого и Штукенберга ¹⁾ указывается значительное количество неолитических стоянок, расположенных довольно густо в тех районах, которые подверглись более тщательному изучению. Исследования показали, что пребывание человека позднего неолита в крае не было случайно, ибо имеются данные о начатках скотоводства и даже земледелия ²⁾.

Бронзовый век в крае также представлен рядом очень интересных остатков. Таллгрен ³⁾ разделяет бронзовый век В.-К. края на три периода: ранний, средний и поздний. Наибольшего развития бронза достигает в период, так называемой, Ананьинской культуры, остатки которой широко разбросаны по территории края, особенно по Каме, и свидетельствуют о мощном народе, создавшем эту культуру. Ананьинская культура является родоначальником более поздних финских культур, которые по словам Худякова ⁴⁾, являются продолжением Ананьинской. Кроме того, эта культура, повидимому, повлияла и на создание Болгарской культуры, которая для нас представляет большой интерес. По словам Худякова „по всей вероятности Болгарская культура возникла из спайки многих культурных влияний и среди них, быть может, не последнее место занимали отголоски блестящих культур позднего периода бронзового века“.

Зарей исторической эпохи в В.-К. крае является появление здесь болгар, что приурочивается к концу VI или началу VII века нашей эры ⁵⁾. Болгарская культура представляет для нас значительный интерес, ибо в процессе

¹⁾ Штукенберг и Высоцкий—Материалы для изучения каменного века. Тр. Об-ва Естествоиспытателей при Каз. Ун-те т. XIV, вып. 5.

²⁾ В. Ф. Смолин—Археологический очерк Татарской Республики. Матер. по изучен. Татарстана. Вып. II. Казань 1925.

³⁾ Tallgren—Collection Zaoussailof. Гельсингфорс, 1916 г.

⁴⁾ М. Г. Худяков—Ананьинская культура, стр. 127. Сборник Казан. Губ. Музея за 25 лет. Казань 1923.

⁵⁾ Смолин—цитирован. соч. стр. 32.

исторического развития, она без резких скачков, постепенно переходит, сначала в древне-татарскую, а затем в современно-татарскую, рассмотрение которой и является целью настоящего исследования.

Переселившись из южно-русских степей в лесостепной В.-К. край, болгары, повидимому, нашли здесь ряд народностей, которых они объединили общей государственной организацией и от которых несомненно взяли многое, чтобы приспособиться к непривычным для них условиям обитания. К сожалению процессы формирования болгарского народа и государства на территории края остаются неясными из-за скудости источников.

Однако несомненно, что довольно скоро болгары, осевшие на большой водной дороге, и имевшие в своем владении богатый естественными продуктами край, втягиваются в торговлю с более высококультурными народами Востока. Благодаря этим торговым сношениям в край широкой волной полилась восточная культура, преобладание в которой в это время было за арабско-мусульманской культурой. Тесные экономические связи с Аббасидским халифатом, постепенно начинают влиять на общественный и бытовой уклад жизни болгар и к X веку мы видим уже значительные влияния арабской культуры, по крайней мере на группах, связанных с торговыми интересами.

В течении этого периода, население болгарского ханства несомненно разбилось на 2 основные группы: городское и сельское, или точнее, связанное с торговыми интересами и связанное с использованием естественно производительных сил края (земледелие, охота, скотоводство). Торговые связи вызвали возникновение значительных городов с торговцами и ремесленниками. В городах все более и более усиливалось влияние арабской культуры и население становилось все более и более пестрым, от прилива иностранцев, которых привлекала сюда торговля и все усиливающийся спрос на изделия, удовлетворяющие запросам более высокой культуры. По данным Ибн-Фадлана мы видим, что в столице болгар было не мало чужестранцев, живущих там как временно, так и постоянно ¹⁾. Сельское население, так же повидимому

¹⁾ Ибн-Фадлан—Описание болгар в пересказе Якута. Сказания мусульм. писателей о славянах и русских. Изд. Гаркави. СПб. 1870.

в значительной части оседлое, занималось сельским хозяйством и скотоводством. Известно, что Болгарское государство, по данным русских летописей, уже в XI веке вывозило хлеб в Суздальскую Русь во время голода там, на основании чего А. А. Штукенберг¹⁾ замечает— „значительное производство хлеба могло быть также только результатом долговременной культуры земли. Большое количество хлеба можно было бы получить только с большой площади пашни, а распахивать большие пространства можно было только сравнительно совершенными земледельческими орудиями, приспособленными к упряжной тяге. Такие орудия нужно было выработать. Значительное производство хлеба привело неминуемо к замене ручной обработки земли и обработки ее орудиями ручной тяги, обработкой орудиями упряжной тяги, к которой были приспособлены домашние животные—лошадь и вол. Такая эволюция в способах обработки земли требовала много времени, а при обычной косности земледельческого населения, на это нужно было затратить не одно столетие“. На значительное скотоводство указывает наличие большой кожевенной промышленности в крае, продукция, которая имела большой сбыт на рынке, а кроме того среди татар и до сего времени лучшая юфть носит название „болгарской“.

Относительно этнического состава Болгарского Ханства эпохи самостоятельности до сих пор не имеется сколько нибудь надежных данных. Несомненно только, что в составе Болгарского Ханства были, с одной стороны турецкие народности, с другой финские. Отношения с финскими народностями у болгар были повидимому, во-первых чисто экономически-политическо-даннические, а во-вторых чисто культурные, т. е. болгары, несомненно, заимствовали многое у финнов—древних аборигенов края. Что представляли собой болгары, давшие название государству, в настоящее время не совсем ясно, кроме того, что они были турками по происхождению. Была ли это монолитная народность или группа турецких народностей, объединившихся лишь под названием господствующей народности—болгар, затруд-

¹⁾ Штукенберг—Земледельческие орудия древних Болгар, стр. 211. Ученые записки Казанск. Ун-та 1896, июнь—июль.

няются сказать даже крупные знатоки болгарской культуры. Для X века Ибн-Роста ¹⁾ отмечает среди болгар 3 группы: собственно болгар, эсегель, и берсула. Ашмарин ²⁾, затрагивая этот вопрос, пишет: «Однако, так как все эти названия повидимому служили для отличия различных частей одного и того же народа лишь по местам, ими занимаемым, по именам некоторых рек и урочищ, т. е. в чисто географическом отношении, то позволительно думать, что племенные отличия этих групп могли быть весьма незначительны. По вопросу, кто такие были болгары в этническом отношении, существует ряд теорий, из которых наибольшим успехом в настоящее время пользуется теория, что болгары были предками современных чуваш. Детальная проработка этого вопроса нас в настоящий момент не интересует, но важно только то, что болгары, принеся с собой известные культурные навыки и в частности зачатки городской культуры, создали в крае первое исторически известное государственное объединение. Кроме того, несомненно, что с финскими аборигенами у них была значительная культурная, а возможно и физическая связь.

Таким образом, не касаясь вопроса о том, кто была и из каких элементов создавалась основная масса населения Болгарского ханства, нам важно подчеркнуть значительную разницу, которая была в культурном отношении у городского и сельского населения в эпоху самостоятельности болгар. Если городское население, быт которого нам до некоторой степени знаком по остаткам, находимым на развалинах болгарских городов, было в значительной степени пропитано теми наносными влияниями, которые приносила большая торговая дорога, то сельское население, особенно далеких от торговых центров местностей, повидимому было затронуто этими влияниями весьма мало. К подобным выводам приходят и знатоки болгарской культуры и особенно языка, как Ашмарин и венгерский ученый Мункачи. Н. И. Ашмарин ³⁾, базируясь на пока-

¹⁾ Хвольсон—Известия о хазарах, буртасах, болгарях... Ибн-Даста. (Ибн-Роста) СПб 1869.

²⁾ Ашмарин—Болгары и чуваша. ИОАИЭ т. XVIII вып. 1—3, стр. 10.

³⁾ Ашмарин Н. И.—Цит. соч. стр. 23.

званиях восточных авторов (Ибн-Роста), указывает на то, что „в то время, как большая часть их (болгар) исповедывала ислам и имела в своих селениях мечети и школы с муэдзинами и имамами. другие из них пребывали в прежнем язычестве, сохраняя обычаи своих предков“. Мункачи ¹⁾ также склоняется к тому, что основные широкие массы, особенно деревенские жители, оставались верными своему древнему культу, а стало быть и культуре вообще. Он даже допускает известное обособление мусульман от язычников, так что могли образоваться как бы два различных класса, которые вероятно отличались и по языку и по культуре. К сожалению мы не имеем определенных данных о культуре сельского населения болгар, но ежели считаться с теорией болгарского происхождения чуваш, то мы видим, что у последних до сих пор сохранились древние бытовые и культовые особенности. Влияние восточных культур сказалось лишь на некоторых языковых данных, но не на быте. Ту же картину двойственности культуры города и деревни мы видим в крае и позднее, о чем коснемся ниже.

Разгром Болгарского Ханства в 1236 г. татарами на некоторое время внес в край значительную путаницу, но когда улеглись мутные волны завоевания, то выяснилось, что разгром имел главным образом политическое значение. Болгария в результате завоевания вошла составной частью в Джужидский улус Империи Чингиса, причем отношения ее с Золотой Ордой представляются довольно неясными. С одной стороны Булгар является местом чеканки монеты всей Империи и монет местного значения не чеканится, а с другой, повидимому, все же Булгария после завоевания сохраняет некоторую автономию, что мы видим из показаний русских летописей о поездках болгарских князей в Орду за ярлыками на княжение, а также из тех данных, что при позднейших конфликтах Болгарии как с Золотой Ордой, так и с русскими, фигурируют болгарские князья. Отмечается также и тот факт (Никоновск. летоп. и Рашид Эддин), что в 1241 году Болгария снова подверглась раз-

¹⁾ Цитируем по Самойловичу — „К истории культурно-этнических отношений в Волжско-Уральском крае“. Журн. „Новый Восток“ № 18. Москва 1927.

грому, так как ее население, изъязвившее татарам покорность в 1236 г. и получившее права некоторой автономии, восстало ¹⁾. Повидимому хотя у Болгарского Ханства и были более тесные и зависимые отношения с Золотой Ордой, чем у Руси, но внутреннее управление все же велось местными правителями, получавшими лишь назначение из Орды.

Положение Болгарии среди других завоеванных областей, вошедших в состав Золотой Орды, было значительно лучшим, потому что этот улус, в то время пока татары формировали свое государство с культурной стороны, являлся наиболее культурным, населенным родственным завоевателям народом, и поэтому мы видим быстрый расцвет Болгарии после разгрома. Завоеватели серьезно считались с культурой местного населения и скоро начали поддаваться ее влиянию, сливаясь с побежденными в один народ. Торговое и промышленное значение Болгарии также скоро возродилось, даже возможно в больших размерах, ибо Ханству теперь не приходилось заботиться о своей безопасности и прежние враги, мешавшие торговле болгар (Русь и половцы), сами стали такими же подданными Великого Хана, как и болгары. Торговое значение Болгарии, как посредника севера с югом, не только не пало, но даже еще более расширилось вовлечением сюда более восточных рынков, вплоть до китайского, который тоже находился в составе Великой Империи.

Результатом такого важного экономического значения Болгарского улуса, явилось его значительное экономическое и, возможно, политическое усиление. Города Болгарии и особенно Булгар, украшаются великолепными зданиями, построенными лучшими зодчими Золотой орды, восточные связи все более и более углубляли восточно-мусульманские культурные влияния, которые в это время завоевали в крае прочное место и, возможно, из стен городов начали все более и более распространяться и среди сельского населения.

Таким образом, среди городского населения Болгарии происходит постепенное слияние прежнего болгарского населения с новыми завоевателями, также в большинстве тур-

¹⁾ Все эти данные приведены у Шпилевского—Древние города и др. болгаро-татарские памятники. Казань, 1877, стр. 161—172.

ками, лишь с легким налетом монголов в лице правящей аристократии. Благодаря этому городская культура Болгарии времен татарского ига является прямым продолжением таковой же эпохи самостоятельности, только восточные влияния, пожалуй, еще более свободно вливались в край, благодаря политическому объединению огромной территории в Империи Чингиза.

Что касается сельского населения, то повидимому татарское завоевание произвело в нем ряд изменений, ежели не основной массы составных элементов, то территориальных. Финские народности края, повидимому нисколько не изменили своего положения и развивались тем же путем, сохранив с новыми хозяевами края, те же, вероятно лишь даннические отношения. Возможно только, что они потеснились немного к северу, ибо мы имеем ряд данных, что болгаро-татарское государство уже перебрасывается к северу за Каму, которая прежде, повидимому, служила границей болгар и финнов (Кирьменьское городище и кладбище около него). На основном турецком населении до татарских болгар, повидимому больше отразилось татарское завоевание. Во-первых, в край все же в той или другой степени влилось новое население южного происхождения, принесшее свой язык и культуру, а с другой, некоторая часть населения повидимому сдвинулась к северо-западу в область лесов ¹⁾, оторвалась от влияния болгарских торговых центров и, став лицом к лицу с финнами, дальше развивалась уже под их значительным влиянием. Таким образом, единственно можно объяснить культуру современных чуваш, которая в продолжении веков сохранила свои архаические особенности, поддавшись больше финским влияниям, чем мусульманско-татарским. Интересно отметить факт культурного различия отдельных групп чуваш как *верьял* и *анатри*, из которых первые ближе к финнам (марийцам), а вторые к татарам, с которыми они, посредством ряда переходов, в культурном отношении сливаются. То же население, которое осталось на основной территории Болгарского Ханства (чуваша на этой

¹⁾ О сдвигах в результате татарского разгрома среди болгарского населения свидетельствуют и русские летописи, которые отмечают, что многие болгары пришли даже на Русь и были поселены кн. Юрием по городам около Волги. Шпилевский—Древние города... стр. 161.

территории в настоящее время являются новыми засельниками), начинает постепенно все более и более испытывать культурные влияния с юга, ассимилирует пришельцев, но в результате этого изменяет постепенно свой язык, благодаря проникновению в него кыпчакских элементов (Самойлович ¹⁾ и таким образом постепенно превращается в тот народ, который позднее выступает под наименованием *казанских татар*. Процесс этот, т. е. формирования казанских татар, конечно, происходил значительное время, продолжался и гораздо позднее, но этого вопроса мы коснемся ниже. Что процесс перехода от болгар к татарам происходил медленно и незаметно, можно доказать еще и тем, что для соседей этот факт произошел настолько незаметно, что они не изменили даже своего наименования по отношению к господствующей в крае народности. Так по Ашмарину ²⁾ и Золотницкому ³⁾ луговые черемиссы (мари) до сих пор называют татар „суас“ (этим Ашмарин отчасти доказывает, что болгары были предками чуваш), а вотяки „бигер“, т. е. „болгар“. Подобный факт Ашмарин объясняет как раз постепенностью и незаметностью перехода одной народности в другую, путем постепенных изменений и налеганий новых элементов. В таком виде при современной изученности этого вопроса представляется момент перехода от болгар к татарам, совершившийся в результате татарского завоевания. Конечно, подобная постановка не может претендовать на абсолютную верность, но она является той рабочей гипотезой, которая вытекает из имеющегося материала.

В это время официальное название народа еще не изменилось и ханство продолжает называться Болгарским, также как и народ. Название *татар* (официальное, со стороны русских, название населения Золотой Орды) по отношению к населению В.-К. края начинает применяться русскими лишь с того момента, когда, после организации Казанского Ханства и блестящих побед этого ханства над русскими, казанские татары заслонили собой настоящих

¹⁾ Самойлович—Цит. соч. последний абзац.

²⁾ Ашмарин—Цит. соч. стр. 250.

³⁾ Золотницкий—Корневой чувашско-русский словарь. Прилож. XVI, стр. 245.

татар Золотой Орды, и все прежние отношения, которые были выработаны русскими по отношению к Золотой Орде, были перенесены на Казанское ханство и его население.

Вторая половина XIV века для Болгарии явилась эпохой очень большого значения. Начало упадка Золотой Орды, под влиянием причин не местного характера, ослабление центрального правительства и появление снова вопроса об обладании Волжским торговым путем со стороны усилившихся частей империи, приводят Болгарию к ряду конфликтов, как с самой Золотой Ордой, так и с соседями (русские, ногайцы), борьба с которыми привела Болгарию к разгрому и целому ряду передвижек среди ее населения. Начало этому было положено походом хана Пулад-Тимура в 1361 году, который взял Болгары и полонил всю землю, по данным русских летописей¹⁾. Далее, так как Золотая Орда, занятая усобицами, не могла уже защитить Болгарию, мы видим целую серию, как походов русских князей, так и набегов ушкуйников, на те или другие районы Болгарии, которые конечно разрушали экономическую жизнь и тем самым ставили край в безвыходное положение²⁾. Наконец вся эта эпопея разгромов кончается разгромом Болгарии Аксак-Тимуром в 1391 году.

Эти факторы имели огромное значение для населения края, так как они совершенно изменили положение Болгарии. Прежние центры ее становятся ареной борьбы с набегам русских, ногайцев и др., а также местом борьбы соседей болгар друг с другом, и поэтому происходит значительный сдвиг как населения, так и культурных центров к северу, в Волго-Камско-Вятское междуречье. Этот лесной район был более безопасным и население устремляется сюда, сдвинув еще дальше к северу финские племена. Это видно из татарских преданий, указывающих, что на местах многих татарских поселений на севере раньше жили финны (марийцы и вотяки), с которыми пришлось выдержать борьбу. Здесь же возникает и новый центр—Казань, сначала в виде Иски-Казан по верх-

¹⁾ Шпилевский—Цит. соч. стр. 167.

²⁾ Походы князей и ушкуйников отмечаются в 1366, 1369, 1370 и 1376 годах. (Шпилевский).

нему течению Казанки, а затем переносится на теперешнее ее место вблизи устья Казанки.

Кроме Казани здесь же возникают и другие поселения городского типа. Так большое значение получает г. Арск, а также и многие современные села, как Б. Менгер, Алаты, Богатые Сабы и др., которые были поселениями городского типа. Район Менгер повидимому был даже временной резиденцией хана, как об этом говорят предания и надписи на камнях кладбища эпохи Казанского Ханства в окрестностях этого села.

Конец XIV и начало XV века для В-К края были эпохой значительных перемен, когда в крае не было сколько нибудь твердой и авторитетной власти. Золотая Орда пришла в окончательный упадок и отдельные ее части получили самостоятельность.

В 1438 г. на развалинах прежнего Болгарского улуса Золотой Орды возникает новое самостоятельное государство—Казанское Ханство. Основатель Ханства—Улу-Магомет несомненно дал краю только новую политическую и военную организацию, воспользовавшись уже готовыми общественными формами, ибо мы видим, что, только что организованное, ханство становится могущественным и занимает прочное положение в Восточной Европе, заменив для Москвы, например, на некоторое время даже Золотую Орду. Этого конечно не могло бы произойти, если бы Улу-Магомет опирался только на свою 3000 дружину, с которой он пришел из Крыма, и не имел вполне организованного в общественном и экономическом отношениях населения, которому нужно было только политическую организацию, каковую и внес Улу-Магомет. С организацией Казанского Ханства за населением В-К края окончательно укрепилось наименование *татар*, которое надо заметить, самоназванием народа стало только в последние десятки лет. Раньше же Казанские татары это название считали обидной кличкой и сами называли себя или общим для всех магометан именем „*мусульман*“¹⁾ или

¹⁾ Термин «мусульман» для татар в эпоху сильных нажимов руссификации был некоторым щитом для сохранения самобытности, ибо, применяя его, они как бы становились под защиту тех мусульманских стран, с которыми правительству приходилось считаться.

же нередко прямо „болгар“, особенно старики, хорошо знакомые со старинными преданиями. Татары относятся к болгарам, как потомки к предкам и болгарская старина считается священной. Татары до сего времени ездят на поклонение на развалины Булгара и тщательно охраняют, рассеянные по краю, болгарские надгробные камни, считая их священными. На тесную же связь современных татар с болгарами указывают и те родословные, которые ведутся очень многими татарскими семьями и которые чаще всего упираются в то или иное лицо—выходца из Болгар. Подобное обстоятельство еще более утверждает в той мысли, что процесс перехода от болгар к татарам совершился совершенно незаметно и что здесь скорее изменилось самое название народа, чем его основной состав.

Эпоха с основания Казанского ханства и до его падения является одной из эпох, богатых внешними событиями. Ханство сразу становится в положение борьбы с, все усиливающимся, Московским государством, в борьбе с которым оно и погибло.

Борьба с Москвой приводит ханство к союзу с различными турецкими же государствами, возникшими на развалинах Золотой Орды. Астрахань, Крым, Ногайское ханство—все время были союзниками Казани. Особенно тесные отношения были с Крымом, так что на казанском престоле не раз были представители крымской династии Гиреев. С другой стороны и Москва превратила, основанное в пределах Московского государства татарское Касимовское ханство, в оплот русского влияния на Казань, принимая туда всех изгнанных ханов и ставя их оттуда при благоприятных обстоятельствах на Казанский престол.

Все описанные политические события имели важное влияние и на состав населения ханства, особенно городского. Перевороты, происходившие в Казани всегда вносили некоторое изменение в состав татарской знати, ибо новые ханы являлись со своими приверженцами, которые и поселялись в городах. Кроме того, сравнительное спокойствие и благополучие Казанского ханства привлекало в него некоторое количество населения из южных Золотоордынских местностей, жизнь в которых становилась слишком небезопасной. Так русские летописи отмечают, что в край с Улу-Магометом пришло до 3000 татар и в даль-

нейшем в Казань „нача собираться мнози варвары от различных стран, от Златия Орды и от Астрахани и от Азуева и от Крыма“ ¹⁾. Таким образом в эту эпоху в Казань, а возможно и в казанскую деревню, вливается новая волна переселенцев с юга. Далее борьба с Москвой давала массу пленных, которые в качестве рабов использовались татарской знатью как рабочая сила в их имениях и, конечно, не могли не влиять на местное население, как в физическом, так и в культурном отношении. Внедрение татарского населения в коренные поселения финнов в эпоху Казанского Ханства еще более сблизил сельских татар с финнами и взаимные влияния татар и финнов по видимому имели в это время солидное место.

Казань, занявшая место Булгара, как в политическом, так и в экономическом отношении, в эту эпоху становится крупным торговым центром, продолжая поддерживать старые торговые связи края. Ярмарка на Гостинном острове (против Казани) являлась международным торжищем, но бурная эпоха и частые неприязненные отношения с соседями и те неурядицы, которые происходили в низовьях Волги, конечно, плохо отзывались на торговых связях с Востоком и тем самым ослабили и культурные влияния, которые шли оттуда.

Борьба Казани и Москвы, шедшая сначала по инициативе Казани во имя восстановления татарского влияния на Русь, а затем по инициативе Москвы во имя овладения Волжским торговым путем, кончилась в 1552 году, взятием Казани. Правда взятием Казани борьба татар за независимость не кончилась и продолжалась еще около 10 лет, но это было более усмирение непокорных, чем борьба равных сторон. Все возстания были жестоко подавлены и с этого времени начинается усиленная русская колонизация страны.

Борьба за Казань имела для татарского населения громадное значение. Большое количество татар погибло в беспощадной борьбе и население в массе подалось на север, еще значительнее тесня финнов. Земли около Казани были брошены татарским населением и заселены

¹⁾ Цитируем по Худякову.—Очерки по истории Казанского Ханства. Казань. 1923, стр. 15.

русскими, так что ближайшие от Казани татарские поселения находятся не ближе 40 км., хотя большинство русских сел в этой полосе носят татарские названия: Дербышки, Чепчуги, Отары, Киндери, Ташовка, Сеитово, и т. д. Таким образом сдвиг населения после взятия Казани продолжил те сдвиги, которые произошли в результате разгрома Пулат-Тимура и позднейших набегов русских. Они опустошили древние болгарские земли за Камой и перенесли центр культуры к северу—в Казань. Эти южные места так и остались с редким татарским населением и позднее были заселены преимущественно русскими колонистами. Взятие же Казани разрушило и новый центр татарской культуры—Казань и с этого момента начинается жизнь татарского народа, уже под русским владычеством. В эту эпоху мусульманское население края окончательно сформировалось в бытовом отношении в народ, который мы называем *казанскими татарами*.

Здесь мы считаем не лишним остановиться на процессе формирования татар несколько подробнее. Раньше мы коснулись вопроса постепенной эволюции болгарского населения, путем приливания новых элементов. Однако кроме элементов, посторонних краю, в формировании народности принимали участие также и соседние с татарами народности, которые, приняв ислам, постепенно поглощались татарами, в свою очередь внося ряд черт и не только физических, в самих татар. Эти процессы повидимому шли с очень старых времен и продолжались можно сказать, почти до настоящего времени, проявляясь особенно ярко до того момента, когда русское правительство не положило этому предел, сделав соседей татар христианами. В литературе такой процесс отмечается по отношению ко всем соседям татар. Так Магницкий¹⁾ отмечает постепенное отатаривание чуваш на правом берегу Волги, приходя после целого ряда исторических сопоставлений к выводу, что многие правобережные татары „в действительности омагометаненные в разное время чуваш“. Таким образом здесь как бы фиксируется продолжение того процесса, который происходил при самом фор-

¹⁾ Магницкий В. К. — К вопросу о Тамбовских и Казанских татарах. ИОАИЭ том XII, вып. 5, стр. 466—468.

мировании татарской народности, ежели считать чуваш потомками болгар. Далее целый ряд татарских преданий указывает на отатаривание черемис (мари) и вотяков в тех местах, где они соприкасались с татарами. Особенно резко это явление, возможно, проявилось в то время, когда, силой исторических обстоятельств, татары передвинулись к северу и врезались в марийские и вотские земли. На отатаривание мари в Уфимской губернии указывает также Износков¹⁾. Там марийцы приняли язык и внешний быт татаро-башкир за исключением некоторых национальных пережитков, оставаясь в то же время язычниками, а не мусульманами. На взаимные влияния и даже, пожалуй, на некоторое отатаривание указывает и полная бытовая близость елабужских вотяков с елабужскими кряшенами. Далее мордва-каратаи в Тетюшском кантоне ТССР представляют собой группу, которая, так сказать, остановилась в процессе отатаривания и начала обрусевать под влиянием крещения. Таким образом татарский народ по своему происхождению представляет сложный конгломерат, из различных народностей, но спаянный общей культурой, сложившейся как равнодействующая всех его составных частей, хотя и со значительным преобладанием чисто турецких элементов, поскольку последние были в абсолютном большинстве.

Однако к моменту взятия Казани русскими, процессы, только что указанные нами, еще не заходили так далеко, так как основной нивелирующий фактор — ислам, не имел вероятно такого широкого распространения и во всяком случае не получил еще того доминирующего значения в быту татар, как в последние столетия. Повидимому ислам и восточная культура особенно укрепились только в городах и в сельское население проникали еще слабо, несмотря на то, что мы видим разбросанными по всему краю целый ряд могильных камней, принадлежавших знатным лицам, а также мелких городков-поместий, которые были центрами феодалов, а стало быть и мусульманской культуры. Сельское население в это время, повидимому, жило еще в своем древнем быту, сложившемся в результате целого

¹⁾ Износков И.—Кара-Якуповская волость (Уфимск. губ.). ИОАИЭ том XI вып. 2, стр. 183—187.

ряда влияний длительной совместной исторической жизни ряда народностей. Об этих влияниях можно судить, наблюдая современный быт старо-кряшен, которые были оторваны от общей массы татарского населения вскоре после взятия Казани и с тех пор жили особой жизнью, не подвергаясь значительно, ни влиянию татар-мусульман, ни русских, ибо заботы об их обрусении больше были в области религии, чем быта. Поэтому кряшены сохранили свой старинный бытовой уклад, несколько отличный от татар-мусульман и имеющий много финских влияний, которые у мусульман затушевались позднейшими влияниями восточных культур. У кряшен значительное количество общих черт быта с вотяками, мари, а также чувашами и в одежде, и в технике изготовления тканей, и в хозяйственной утвари, так что нередко довольно трудно отличить кряшенскую вещь от, например, вотской, особенно из районов их совместных поселений. Не мало, конечно, в быту кряшен и чисто древне-турецких черт, но мало черт, навеянных исламом. Отсюда можно видеть, что исламистское влияние на сельское население, особенно вдали от центра, до русского завоевания было незначительно и восточная культура была главным образом достоянием городского населения.

Одним из важных факторов, имевшим влияние на развитие татарской культуры после русского завоевания, было, упомянутое нами, стремление русских закрепить за собой важные в политическом отношении местности вблизи городов и особенно Казани, вытеснив отсюда татар. Такое оттеснение было сначала результатом вооруженной борьбы, а затем уже и „мирного“ вытеснения татар, путем передачи их в распоряжение русских помещиков и особенно духовных властей, от которых татары спасались бегством. По отношению к городскому населению были также приняты меры, а именно, изгнание татар из города, и поселение их на болотистом месте за оз. Кабан, которое было начато сразу после взятия Казани и окончательно зафиксировано царским указом 1593 года.

Сельское население под влиянием подобных мер уходило или в другие районы края, или переселялось в далекие области Башкирии и даже Сибири, где и осело, создав прочные татарские колонии. Городское население при переселении

также в некотором числе покинуло город совсем, переселившись в деревню, или уехав совершенно из края. Подобное явление продолжалось сравнительно долго и после русского завоевания, под влиянием миссионерской деятельности, и подкрепляющих ее указов правительства. Мы не будем в настоящий момент касаться того населения, которое покинуло совершенно В.-К. край, а отметим лишь влияние этого переселения и выселения на культуру, оставшегося в крае, населения, т. к. оно и впоследствии все же сохранило за собой руководящую культурную роль среди татар Поволжья, Приуралья и Сибири.

Отлив как сельского, так и городского населения, происходил преимущественно к северу от Казани и это происходило потому, что старый центр поселения—западное Закамье—было к этому моменту в значительной степени обезлюжено предыдущими событиями и являлось далеко не безопасным от набегов соседей. Когда русское правительство обезопасило до некоторой степени этот район, то туда бросалась и основная масса русского населения, как в край наиболее плодородный. Татарское население сохранилось там лишь небольшими островами. Кроме того в этом районе значительное количество из того небольшого числа татар, какое там есть, состоит из мишарей, которые переселились сюда сравнительно недавно, как говорят предания этого населения, и переселение шло преимущественно из-за Волги—центра мишарского расселения. Так же не мог быть местом татарской колонизации и правобережный район, в котором сразу же началась усиленная русская колонизация и который сам давал значительные кадры переселенцев, преимущественно в Закамье и Приуралье. Северный же район, как мало привлекающий русское население из-за малой плодородности и как более густо населенный татарами еще после разгрома Пулад-Тимура и стал главным центром татарской культуры под русским владычеством.

Подобное переселение татар было основным следствием упомянутой политики правительства, но наиболее интересным было то, что горожане, те, которые не покидали край совершенно, переезжали в сельские местности, также преимущественно к северу от Казани, в современные Арский и Мамадышский кантоны. Уезжая, горожане уво-

зили с собой и свой жизненный уклад и, поселившись в селах, начали постепенно вместе с проповедью и укреплением ислама, прививать этот уклад и коренному сельскому населению. Кроме городского населения и аристократия татар, та, которая не крестилась ради сохранения имущества и не обрусела окончательно, постепенно также уходит к периферии татарского поселения, ибо ее пригородные владения были отняты русским правительством и переданы более верным русским владельцам, да и самое сельское население, покинуло эти земли под влиянием различных причин и они заселялись русскими крестьянами. Благодаря этому очаги восточной культуры частично перебрались из Казани вглубь татарских деревень, создав новые центры вроде: Атни, Алат, Карадувана, Зюри, Тюньтерь, Маскара и т. п. Здесь татарская буржуазия начала упрочивать свое материальное благополучие, открыв впоследствии целую серию ткацких фабрик, создавая здесь же культурные центры.

Таким образом произошло некоторое смешение сельского населения с городским, результатом чего явилась значительная культурная нивелировка, возникли тесные связи между городом и деревней и современное городское татарское население как буржуазия, так и ремесленники и рабочие в значительной своей части является результатом вторичного переселения в город из деревень, когда условия улучшились и татарскому населению явилась возможность развиваться более или менее самостоятельно и в городе.

Восточная культура, бывшая доселе достоянием преимущественно городов, в результате подобного смешения населения, широко разлилась среди крестьянских масс. Были созданы новые культурные центры, взамен разрушенного основного центра—Казани, причем эти центры создавались в самой толще поселения татар, а не в городах только. Поэтому мы видим у татар близкий культурный уровень лиц, имеющих определенное имущественное положение без различия являются ли они горожанами или сельскими жителями.

Далее необходимо отметить, что и самый характер русского завоевания значительно отличался от завоеваний, которым подвергался край неоднократно. Прежние завое-

вания производились народами, родственными по происхождению и стоящими на более низком культурном уровне, чем завоеванное население. Поэтому, как только успокаивались военные события, так начиналось постепенное впитывание победителей со стороны побежденных, пока они не сливались в один народ, продолжающий ту же культуру. Здесь же встретились две самостоятельных культуры, к тому же находящиеся в антогонизме, по целому ряду причин. Поэтому русское правительство кроме экономического гнета, по отношению к побежденным, начинает сейчас же наступление и культурное, стараясь руссифицировать население, путем обращения его в христианство. В связи с этим борьба не ограничилась вооруженным покорением, а продолжалась очень долго, и история татарского народа под русским владычеством является историей борьбы не только за экономическое благополучие, но и за свою (восточную) культуру, в которой народ видел залог сохранения своей национальности. Эта борьба не была со стороны татар только пассивным сопротивлением, как со стороны финских народностей и чуваш, а татарская буржуазия все время укрепляла основы национальной „восточной“ культуры, всеми силами стараясь внедрить ее в сознание широких масс населения и где возможно даже наступая и отвоевая у русских миссионеров, ту часть татарского населения, которая уже была превращена в кряшен. (Вспомним массовое отпадение кряшен от христианства в XIX и XX столетиях, о котором имеются значительные материалы в миссионерской литературе). Ислам все время шел под национальным знаменем и внедрение в массы исламистского быта было делом сохранения национальной физиономии народа, вплоть до революции, когда национальное возрождение пошло внеисламистскими путями.

История татар после русского завоевания состоит в периодическом усилении и ослаблении этой культурной борьбы, сообразно исторической обстановке.

После первого особенно усиленного наступления, вскоре же после взятия Казани, наступления, вызвавшего вышеописанные значительные изменения в самой структуре татарского общества, наступает перерыв почти на весь

XVII век, в связи с политическими событиями в России (Смутное время) и с ослаблением в результате этого русского правительства.

Новое наступление руссификации начинается со времен Петра Великого, когда началось новое крещение, издаются законы, ограничивающие права мусульман-помещиков и т. д. Однако в то же время пробудившиеся интересы правительства к торговле с Востоком, заставляли его привлекать к этому татарских купцов и тем самым усиливать их экономически.

Своего апогея этот период руссификации достиг в царствование Елизаветы, когда действовала, так называемая, новокрещенская контора, в распоряжении которой были даже вооруженные отряды. Новокрещенская контора совершала большие насилия над татарским крестьянством, вроде выселения всех мусульман из сел, где есть хотя бы несколько человек крестившихся, перекладывания оброка крестившихся на некрещенных, отбирания детей у мусульман для воспитания их в духе православия и т. д. Этот нажим правительства имел своим следствием для буржуазии переход от землевладения к торговле и промышленности, а для крестьянства он был более чувствителен, ибо заставлял их переселяться вольно и невольно и, конечно, разоряться. Значительное количество татарского населения переселилось в это время в Башкирию, в Оренбургскую губернию (Сейтова слобода) и даже в Сибирь. Все эти мероприятия, конечно, не послужили к выработке хорошего отношения татарского населения к русскому правительству и вызывали страшное возмущение в татарских массах, что выявилось в активном участии татарского крестьянства в Пугачевском движении, которое охватило этот край, опираясь в значительной степени на туземное население края.

Пугачевское движение явилось причиной ослабления этого нажима и перемены правительства по отношению к мусульманскому населению. Кроме того усиление торговых интересов на Востоке, куда русские сами не могли проникнуть без помощи татарских торговцев и духовенства, заставляет правительство Екатерины покровительствовать исламу и сделать попытку использования его представителей в целях превращения населения в покор-

ных верноподданных. Организуется Магометанское Духовное Собрание и высшим представителям духовенства раздаются земли, чтобы тем самым сделать их преданными русскому правительству¹⁾. Конец XVIII и начало XIX века были периодом расцвета татарского торгового капитала и мы видим, что он восстанавливает древние торговые связи с Хорезмом, Бухарой и даже с Китаем через Кяхту, ведя значительную торговлю с этими странами. Возникает также значительная промышленность и татарские купцы строят многочисленные, хотя и не крупные, фабрики. Фабрики эти строились как в Казани, так и (больше) в селах, что возможно было, с одной стороны результатом некоторого недоверия татарских капиталистов к русскому правительству, а с другой наличием дешевых рабочих рук среди татарского населения, сгруженного в северном Закавказьи и страдавшего значительным малоземельем. Такие фабрики, преимущественно ткацкие, мы видим в следующих селах: Эши-Аста, Байлар-Орсо, Адня, Берескя, Березя, Менгер, Маскара, Сосна и др.²⁾. Крестьянское население, конечно, не получило тех выгод, какие получило духовенство, купцы и помещики, но смена политики все же освободила их от значительной части руссификаторского гнета.

Этот период имел большое значение и на усиление культурного влияния восточных стран, ибо для успешных торговых сношений с народностями Средней Азии требовалось иметь тот же культурный уровень, который был у тех народностей. Мы видим, что в это время татарская буржуазия массами посылает своих детей учиться в Хорезм и Бухару, где они насквозь пропитывались той средневековой мусульманской схоластикой, которая там в это время процветала. Получив образование в Средней Азии и вернувшись оттуда, эти питомцы начали вводить среди татар ту же культуру³⁾ и казанский край скоро покрывается сетью богословских схола-

¹⁾ Губайдуллин—Из прошлого татар. Сборн. Материалы по изуч. Татарстана, вып 2. Казань, 1925. стр. 97.

²⁾ Сведения взяты из различных источников. Сбором их мы обязаны М. Г. Худякову.

³⁾ Факты усиления среднеазиатского влияния отмечает Марджани (Мустафадуль ахбар II, стр. 24—25), где он указывает на меры борьбы с неисполнением обрядов, усиление затворничества женщин, введение ср.-аз. одежды и т. п. как раз в эту эпоху.

стических школ. Эти школы ставили своей задачей привить своим воспитанникам все тонкости арабско-бухарской науки, но ввиду того, что они были лишь слабой копией бухарских, то и не достигали своих целей. По словам Губайдуллина ¹⁾ „бывали случаи, когда обучавшиеся 15 лет в такой школе, не могли грамотно писать ни на родном, ни на арабском, ни на персидском языках“. Результатом этого движения была постепенная пересадка бухарской образованности и бухарского быта в Казанский край. Появилось увлечение этим, и свой национальный быт был в презрении у татарской буржуазии и особенно духовенства. Так, даже народный татарский язык считался языком „подлым“ и старались вводить арабский язык „жителей рая и бога“ и персидский язык „великих ишанов и святых“. Однако, благодаря слабой постановке этой школы мало кто смог перейти на эти „благородные“ языки, а просто начали в татарский язык вставлять массу арабизмов и фарсизмов, настолько, что простой народ почти перестал понимать письменный и отчасти разговорный язык культурных татар.

Условия расселения татар, указанные выше, приведшие к значительному перенесению культурной базы из городов в деревню, оказали и здесь свое действие. Медрессе бухарского образца открывались не только в Казани, где их было в 1844 году—4 ²⁾, но и в деревнях, особенно к северу от Казани, где создались крупные центры этой образованности. Так основаны были медресе в д. д. Кшкар, Сатыш, Саба, Тюнтерь, Курса и др. Такое расположение очагов высшего образования в деревнях, совместно с вышеописанным переселением из городов в деревню части коренного населения, создало то, что вводимая восточная культура, конечно, в ее внешних отражениях, быстро проникала в крестьянские массы и быт их так же постепенно проникся значительным количеством мусульманско-среднеазиатских элементов.

Таким образом, татарская буржуазия воспользовалась передышкой, данной ей русским правительством для того, чтобы укрепить свое экономическое благосостояние и

¹⁾ Г. С. Губайдуллин. Цит. соч. стр. 109.

²⁾ Г. С. Губайдуллин. Цит., соч. стр. 109.

чтобы ввести в народные массы мусульманско-бухарский фанатизм и тем самым обезопасить их не только от русского миссионерского влияния, но и вообще от влияния европейской культуры, которая считалась в то время вещь вредной для татарского народа. Результатом подобного отгораживания явилось то, что татарская буржуазия и кулачество получили монопольное право на эксплоатацию татарского крестьянства, запуганного, загнанного на худшие земли, крайне обнищавшего и дававшего большую возможность родной буржуазии создавать тот красочный быт, которым характерна тат. культура этого времени. Заботясь об отгораживании татарских масс от русского влияния, татарские верхи заботились о его религиозном просвещении. Создается много школ (мактаб), в которых преподавали муллы, питомцы медресе, и грамотность татарского крестьянства, по тому времени, была очень высокой и не только среди мужчин. Так, в 1870 году на 422.349 татарского населения в Казанском крае было 408 мактаб (начальная школа), а всего в ведении Оренбургского Духовного Собрания было до 1859 мактаб. Этот период, длившийся от конца XVIII века до 60-х годов XIX века, был последним наиболее сильным влиянием в быт татарского народа восточной среднеазиатской культуры, результатом чего было полное пропитывание татарских масс исламом и связанной с ним культурой, что в слегка ослабленном виде, мы можем наблюдать и сейчас у наиболее консервативной части населения. В это же время основные финские влияния, которые были заметны ранее, постепенно затушевывались и их можно выделить из быта современного татарского крестьянства только путем довольно сложного анализа.

С 60-х годов прошлого столетия происходит значительное изменение в экономическом положении татарской буржуазии, которое вызвало в жизнь и новую идеологию. Завоевание русскими Туркестана и самостоятельное проникновение туда русского торгового капитала, уничтожило татарскую монополию в этой торговле и татарской буржуазии пришлось ориентироваться уже на европейский рынок. В связи с этим практическая необходимость усвоения европейской культуры, вызвала в жизнь так называемый *новометодизм*, который вступает в жесто-

кую борьбу с схоластическим направлением и в 900-х годах окончательно его побеждает. С этого времени открывается дорога для проникновения европейской культуры в татарский быт, причем это проникновение идет двумя путями, с одной стороны через русских, а с другой через османских турок, с которыми в это время замечается значительное культурное сближение либерально настроенных кругов татарской буржуазии и духовенства.

Победа новометодизма, открывшая двери в татарские массы европейской культуре, в тоже время явилась началом национального возрождения татар. Начинается изучение и разработка народного татарского языка, создается национальная литература и попыткам миссионеров обрусителей, которые подошли на этот раз уже со стороны культурного фронта, татарская интеллигенция противопоставила свою национальную культуру, в которую европейская культура имела свой доступ, но без поглощения национальной физиономии татарской культуры и без примеси миссионерских тенденций. Со второй же половины XIX в. и татарская беднота начинает постепенно выходить из под исключительной опеки своей буржуазии, начинает уходить на дальние и более квалифицированные заработки (Донбасс и т. д.), впитывая там новые веяния, которые не могли не отразиться и на быту в тех местах, откуда уход имел большое распространение (Горная сторона).

Начало XX века было эпохой национального возрождения татар и сбрасывания тех схоластических пут, которые, исполнив свое культурное назначение, превратились в тормаз для дальнейшего движения вперед. В это время татары переживали ту же эпоху, что русские при Петре I, когда ломался старый традиционный быт и вводился новый. Это движение, начавшееся среди татарской буржуазии, постепенно начало проникать и в народные массы, ослабило в них боязнь всего русского и тем значительно улучшило отношения между двумя главными народностями края. Революция 1905 года укрепила это движение, но она не могла разрешить национальный вопрос. Только Октябрьская революция окончательно решила вопрос о национальном возрождении татарского народа, избавила его от миссионерских нажимов и от эксплуатации.

буржуазии и тем самым дала возможность вводить новую культуру по форме национальную, по содержанию социалистическую.

Просматривая современную казанско-татарскую культуру, сложившуюся под влиянием вышеизложенных исторических процессов, можно видеть все четыре основных культурных фактора, из которых сложилась культура народа: остатки культуры кочевых турок, влияние мусульманской средне-азиатской городской культуры, финское влияние и русское влияние. Какого бы элемента быта мы не коснулись анализом, эти основные влияния имеются в той или иной комбинации. Правда, иногда анализ очень труден—так крепко сложились эти влияния, но при детальном разборе они все же становятся ясными.

Казанско-татарская культура представляет собой сложный культурный конгломерат, как и культура всякого народа, жившего длительной и активной исторической жизнью. Однако, все составные части ее настолько слились между собой, что только при имеющемся сочетании получается полная культурная картина. Поэтому мы считаем казанско-татарскую культуру определенной, крепко сложившейся и идущей к интернациональной культуре. Настоящий краткий очерк истории развития казанско-татарской культуры, составленный на основании сравнительно немногочисленных данных в работах по истории татар, а главным образом на основании изучения быта, преданий и рассказов, как собранных автором среди народа, так и предоставленных в его распоряжение разными лицами, представляет необходимое введение к изучению современной культуры, без которого трудно разобраться в тех культурных влияниях, которые ее создали, и выявить основные элементы ее слагающие. Этот очерк, как первый опыт, конечно, бледен и многое в нем является не совсем доказанным, но постараемся дать еще ряд доказательств, подтверждающих основную мысль этого очерка, в самом процессе разбора и описания быта казанских татар.

Глава III.

ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА МЕСТА ОБИТАНИЯ ТАТАР, ИХ ДЕМОГРАФИЯ И ЭКОНОМИКА.

Физико-географический очерк ТССР. Почвы, климат, растительность. Разделение на естественно-географические районы. Население: число, плотность, возрастной состав, половой состав, прирост, грамотность. Населенные пункты. Расселение татар на территории и районы их поселения. Хозяйство: распределение угодий, обеспеченность земель. Разделение территории на хозяйственные районы. Землевладение и системы хозяйства. Состав культур и урожайность. Мертвый с-х. инвентарь. Скотоводство. Продукция хозяйства и доходы. Отхожие и личные промыслы. Бюджет крестьянской семьи. Разслоение татарского общества, экономика отдельных слоев и их культурные навыки.

Естественно-исторические условия, в которых развивалась культура и хозяйственная деятельность татарского народа и в которых он живет, в настоящее время следующие.

Поверхность ТССР, с границами которой приблизительно совпадает расселение основной массы казанских татар, представляет собой в общих чертах равнину, часть Великой Русской равнины. Большая часть ее не превышает 170,4 метра над уровнем моря, а значительные области вдоль речных систем не достигают даже и 80 метров. Только юго-восточной своей частью территория подходит к Уральским горам и сюда заходят отроги их под общим названием Общего Сырта, которые и создают в этом районе настоящие горы, возвышающиеся над общей поверхностью равнины и достигающие до 355 метров абсолютной высоты. Переходя к более детальному рассмотрению поверхности ТССР, можно всю ее грубо разделить на 3 района: Закамский, Волжско-Камско-Вятское междуречье и Западное Заволжье. Все эти три района в отношении рельефа являются как бы самостоятельными, хотя имеют много общих черт.

Юго-восточный Закамский район имеет наибольшую высоту на юго-востоке и постепенно понижается к северу

и северо-западу к долинам рек Волги и Камы. Имея в общих чертах описанный рельеф, вся эта местность представляется значительно всхолмленной, причем эти холмы, в своем большинстве являются результатом эрозионной деятельности рек, долины которых широко разработаны. Только в юго-восточном углу имеются настоящие горные ландшафты, возвышающиеся над общим уровнем местности, а что не дальше к северу и западу, то очертания холмов становятся все больше мягкими, переходя в долинах больших рек в почти совершенные равнины, высота которых колеблется от 30—60 метров.

Поверхность Волжско-Камско-Вятского междуречья имеет наибольшую высоту (до 200 метр.) с северо-восточной стороны, где вдоль реки Вятки тянется возвышенная гряда. По направлению к юго-западу местность постепенно понижается, пока наконец не переходит в Приволжскую и Прикамскую низменности. Рельеф поверхности этого района также всхолмленный, но здесь очертания резче, разработанность долин меньше и высота всех холмов находится на одном уровне. Хорошую характеристику этого района дает А. Нечаев ¹⁾ при описании Мамадышского кантона: „все водораздельные пространства, как главные так и второстепенные, очень близки друг к другу по высоте: все они являются довольно ровными, вполне постепенно сливающимися друг с другом поверхностями, так что площадь всего Мамадышского уезда представляет из себя типичную равнину; только равнина эта чрезвычайно сильно изрезана проточными водами. Количество рек, речек, ручьев и оврагов здесь очень значительно, причем каждая из речек, всякий овраг глубоко врезаются в толщу мергелей, глин и песчаников, слагающих территорию уезда, имеют широкие склоны к своим берегам и таким образом они сильно расчленяют поверхность страны, маскируя ее равнинный характер. Если наблюдатель едет по долине какой либо из многочисленных речек Мамадышского уезда, или пересекает незначительные водоразделы маленьких речек, то ему может показаться, что как бы „хребты горные“ проходят по тер-

¹⁾ Труды О-ва Естествоиспытателей при Каз. Ун-те, т. XXIII. Вып. 6, стр. 12.

ритории. Но стоит только попасть на один из более значительных водоразделов, лишенных лесного покрова, как вся иллюзия горных хребтов сама собой рушится: перед наблюдателем, на сколько может окинуть зрение, раскидывается широкая равнина“.

Третий крупный район простирается от берегов Волги к западу до границ ТССР. Этот район наиболее возвышенный и имеет в среднем до 172 метров абсолютной высоты. Правый берег Волги круто поднимается над уровнем воды, создавая Услонские горы, достигающие 217,3 метра, а затем местность понижается к западу и переходит (за границами района) в, так называемую, Московскую котловину. Рельеф этого района наиболее резкий. Речные долины и овраги глубоко врезаются в поверхность и создают более или менее резкие очертания. В южной части этого района имеется так же обособленная Приволжская гряда, еще более разнообразящая рельеф района.

Речная сеть ТССР весьма значительна. Не считая главнейших рек: Волги, Камы и Вятки, имеющих огромное значение для края, имеется значительное количество рек и речушек, ручьев и ключей, которые покрывают страну довольно густой, хотя и неравномерной, сетью. Так наибольшее количество речек и ключей имеется в Волжско-Камско-Вятском междуречье и отчасти в западном Заволжье, тогда как в западном Закамьи, хотя реки и крупнее, но сеть их реже. Самыми крупными из второстепенных рек являются: Свияга, Казанка, Ашит, Меша, Сюнь, Ик, Зай, Шешма, Большой и Малый Черемшаны и Бездна. Все эти реки, за исключением Черемшанов, впадают в крупные реки в пределах края. Влияние этих рек на почвенные грунты весьма различно. В своих верховьях, беря начало на возвышенных плато, благодаря глубоко врезающимся долинам, эти потоки производят значительный дренаж местности, понижая уровень грунтовых вод. В нижнем же течении, протекая по низменным территориям, в толще рыхлых и мягких пород, они отдают им значительную часть своих вод, увлажняя грунт, а в еще более пониженных местностях даже производят заболачивание, чем значительно смягчают сухость воздуха.

В геологическом отношении территория края построена сравнительно просто. Значительную часть поверхности

края слагают породы пермской формации. Вторыми, по покрываемой ими площади, являются послетретичные отложения, которые слагают долины всех наиболее крупных рек. Только в самом юго-западном углу (Буинский кантон) имеются выходы юрских и меловых отложений. Основными породами пермской формации, играющими роль в почвообразовательных процессах, являются известняки и доломиты, мергеля, разнообразных оттенков, красные мергелистые глины и песчаники разных цветов. Новейшие геологические образования распадаются на песчаные и лессовые, а по заливным местам имеются аллювиальные осадки из песчаных рыхлых наносов и разнообразных слоистых глин.

Почвенный покров ТССР отличается значительной пестротой и разнообразием. По данным Острякова ¹⁾ здесь встречаются следующие виды почв:

I. Черноземный тип.

- 1) Чернозем тучный.
- 2) Суглинистый средний.
- 3) Супесчаный.
- 4) Чернозем на известняке.
- 5) Чернозем на мергеле.

II. Дерново-подзолистый тип.

- 6) Почвы темно-серые лесостепн.
- 7) Лесные серые суглинки.
- 8) Дерновоподзолистые суглинки.
- 9) Дерновоподзолистые супеси.
- 10) Песчаные.

III. Аллювиальные.

IV. Солонцовые.

- 12) Солонцы мокрые.
- 13) Солонцы сухие.

Распределение этих почв по районам представляется по И. В. Тюрину ²⁾ в следующем виде. Тучный чернозем довольно значительно распространен в Бугульминском кантоне и небольшими пятнами заходит в Чистопольский и Мензелинский. Суглинистый чернозем занимает наибольшие пространства в Спасском и Буинском кантонах, затем в Чистопольском и Мензелинском, менее в Тетюшском и лишь небольшими пятнами в Арском и Мамадышском. Другие виды чернозема занимают очень незначительные пространства в различных частях края. Таким образом наилучшие черноземные почвы располагаются в

¹⁾ Проф. А. Н. Остряков—К вопросу о разделении на сельскохозяйствен. районы территории ТР. Журн. „Казанский Земледелец“ 1921 г. № 5—8 стр. 28.

²⁾ И. В. Тюрин—Почвы Татарской Республики „Географическое описание ТР“ Часть I. Казань. 1922.

Закамской и в западной Заволжской частях края. Серые лесные суглинки являются следующими за черноземом по площади распространения. Они сплошь покрывают площадь Мамадышского, Арского и Лаишевского кантонов, значительную часть Свияжского, Тетюшского, Чистопольского и Мензелинского и, в виде отдельных пятен, встречаются в Буинском и даже в Бугульминском. Эти почвы распространены приблизительно в тех границах, как был распространен лес, до начала здесь деятельности человека. Подзолистые почвы находятся в большинстве случаев под лесом и встречаются на севере Арского кантона и в окрестностях Казани. Песчаные почвы, также находящиеся преимущественно под хвойными лесами, встречаются в виде незначительных пятен почти во всех кантонах вдоль речных долин. Почвы других групп имеют незначительное распространение и очень малое значение в хозяйственной деятельности населения. По производительности все почвы края разбиваются на 3 группы: черноземов и черноземовидных лесостепных суглинков, более светлых лесостепных суглинистых и супесчаных почв и почв подзолистых и песчаных.

Климат ТССР, составляющей неразрывную часть Великой Русской равнины, сохраняет общие черты климата средней полосы Европейской части СССР и характеризуется Воейковым следующим образом: „Не особенно суровая, но продолжительная зима, причем температура севера и юга разнится сравнительно мало; поздняя весна с частыми возвратами холодов, умеренно теплое лето, благоприятное для земледелия, довольно частые и быстрые изменения температуры, особенно зимой и весной и наименьшие с июня или июля по октябрь... Равнинный характер местности, отдаление от гор и морей, затрудняет разграничение местностей, тем более, что у нас изменения температуры чрезвычайно медленны. Различие С. и Ю. и особенно СЗ. и ЮВ. у нас гораздо заметнее во влажности воздуха и характере осадков, чем в температуре, особенно зимы“. Температура территории ТССР располагается между изотермами года 2 и 4. Зимой через Казань проходит изотерма января—14, а через устье Камы июльская изотерма +20°. Нередки для края поздние весенние и ранние осенние заморозки, благодаря чему сокращается вегетативный

период растительности. Облачность довольно значительная—зимой до 0,8, летом до 0,5, причем наблюдается уменьшение ее с СЗ на ЮВ. Количество осадков колеблется около 400 мм. в год, также слегка уменьшаясь к ЮВ.

С точки зрения растительного покрова, ТССР находится в области лесостепи, переходя на севере в область хвойных лесов, а на юге в степи Самарской губ. Однако, благодаря многовековой деятельности человека, естественное распределение растительных формаций значительно нарушено. Все расширяющаяся площадь пашни завоевывает новые участки от леса и отчасти лугов, которых имеется значительное количество, особенно в долинах больших рек, колеблясь в различных кантонах от 9 до 20% общей площади. Леса в настоящее время более сохранились в ЮВ. части края, где лесистость достигает до 22%. Наибольшая лесная площадь в настоящее время приходится на лесостепные местности, тогда как, в прежде лесистых местностях, на севере, лесу сохранилось очень немного, так что средняя по ТССР дает лишь 17,6%. Это происходит несомненно от наибольшей плотности населения и наиболее слабых почв, требующих значительных пространств.

Рассмотрев в кратких чертах естественно-исторические условия края занятого татарами, прежде чем перейти к детальному рассмотрению их расселения и хозяйственной деятельности, остановимся несколько на распределении территории ТССР на районы по данным сельского хозяйства как главного занятия населения, безотносительно к его национальному составу. Известный статистик-экономист В. В. Перцев в своей статье „Экономические районы Татареспублики“¹⁾ на основании целого ряда факторов, сведенных им в нижеприводимой нами таблице, делит республику на 5 районов:

I район—Бугульминский и Мензелинский²⁾ кантоны Закамья.

II район—Чистопольский и Спасский кантоны Закамья.

III район—Лаишевский кантон Междуречья.

IV район—Арский и Мамадышский кантоны Междуречья.

¹⁾ Журн. „Казанский Земледелец“ 1921. № 9—12.

²⁾ Мензелинский кантон в старых границах Уфимской губ.

V район—Свияжский, Тетюшский и Буинский кантоны
Западного Заволжья.

РАЙОНЫ	% прироста населения 1897—1916 г.		Колич. жителей на 1 кв. версту	Колич. дес. удобн. земли на душу	% пашни	% леса	На 100 душ нас.			Колич. дес. пашни на 1 лошадь	% безлошадн. хоз.	% безкоровн. хоз.	% посева овса от площ. яр. поля	Преобладающие яровые культуры
	Всего скота	Лошадей					Крупн. рог. скота							
I	18	45	1,7	56	22	68	26	31	4,6	25	23	54	Овес, полба, греча.	
II	18	45	1,7	58	22	62	23	28	5,5	30	27	54	Овес, пшеница, полба.	
III	15	45	1,7	59	19	56	19	24	6,4	34	31	55	Овес, греча.	
IV	15	56	1,4	65	19	45	15	21	7,2	38	31	59	Овес, греча.	
V	15	76	1,1	77	9	44	15	21	7,2	44	38	68	Овес, пшеница, полба.	

Из приведенной таблицы видно, что плотность населения от I района к V увеличивается, а количество земли на душу падает, несмотря на больший % пашни и уменьшение лесной площади. Лошадность также падает, почему увеличивается нагрузка лошади и % безлошадных хозяйств. Принимая во внимание приблизительно одинаковую урожайность хлебов во всех районах, можно видеть, что население IV и V районов должно или восполнять недостатки доходности от сельского хозяйства другими способами добывания средств, или терпеть нужду. Таким образом разделение на с-х районы дает нам возможность судить об основной хозяйственной базе населения, которая несомненно имеет слишком большое значение и на бытовой уклад.

Количество татар, живущих на территории ТССР, по данным переписи 1926 года ¹⁾ исчисляется в 1.265.138 чел. (включая 1.752 д. башкир), причем на сельское население

¹⁾ Все данные по 1926 году взяты из цифр Тат. Стат. Упр., предоставленных любезно в наше распоряжение управляющим ТСУ В. М. Ермолаевым, которому, пользуясь случаем, приносим искреннюю благодарность.

падает 1.198.702 д., а на городское 66.432 д. Татары составляют 48,8⁰/₀ всего населения ТССР и 53,9⁰/₀ сельского населения ее, за исключением вновь выделенных районов, где татар 33⁰/₀¹⁾. В городах же татар живет сравнительно немного (большинство в Казани) и ⁰/₀ их среди городского населения ТССР равняется только 23,7.

Городское население в ТССР составляет 8⁰/₀ всего населения, а у татар число его падает до 2,64⁰/₀.

Второй по численности народностью края являются русские, составляющие 43,1⁰/₀ всего населения и 39,5⁰/₀ сельского. В городах количество русских доходит до 72,8⁰/₀. Численность остальных народностей края, вкрапленных среди татарского и русского населения, составляет всего лишь 8⁰/₀ и распределяется следующим образом: чуваш—4,9⁰/₀, мордвы—1,4⁰/₀, вотяков—0,9⁰/₀, мари—0,5⁰/₀ и прочих—0,4⁰/₀.

Количество татар в различных кантонах и районах ТССР далеко не равномерно и представляется в следующем виде ²⁾ (см табл. на стр. 46).

Таким образом наибольший ⁰/₀ татар имеется в кантонах: Мензелинском, Мамадышском и Арском и в районах: Агрызском и Нурлатском. Наименьшее число в кантонах Спасском, Чистопольском и в районах Казанском, Свияжском и Теньковском, расположенных близ Казани и Волги.

Средняя плотность населения ТССР равна по 1926 г.—38,65 человек на квадратный километр, а по кантонам и районам она распределяется следующим образом: б. Свияжский кантон (районы Кайбицкий—49,33, Свияжский—52,5, Нурлатский—59,02, Теньковский—30,56) Буинский кантон—47,39, Арский кантон—45,26, Казанский район

¹⁾ В 1926 г. часть ТССР была районирована. От Арск го кантона были взяты южные волости и превращены в Казанский район. От Елабужского кантона были взяты сев.-вост. волости и превращены в Агрызский район. Кантон Лаишевский был уничтожен и из него созданы районы: Рыбно-Слободский и Лаишевский, а сев. волости отошли к Арскому кантону. Кантон Свияжский был уничтожен и превращен в районы: Свияжский, Теньковский, Кайбицкий и Нурлатский. Кантоны Тетюшский и Буинский слиты в один—Буинский.

²⁾ Данные по 1920 г. взяты из статьи В. М. Ермолаева—Демографический очерк ТССР. Материалы по изуч. Татарстана. Вып. II Казань, 1925 г., а по 1926 г. предоставлены ТСУ.

КАНТОНЫ И РАЙОНЫ	% татар по данным		Примечания к данным 1926 года
	1920 г.	1926 г.	
КАНТОНЫ:			
Арский	64,1	71,4	Без южных волостей.
Бугульминский	58,6	59,3	
Буинский	56,8	55,0	Объединены в Буинский кантон.
Тетюшский	56,7		
Елабужский	48,5	43,5	Без Агрызского района.
Мамадышский	70,1	70,2	С сев. вол. б. Лаиш. кант.
Мензелинский	78,5	77,1	
Спасский	34,8	31,3	
Наб. Челнинский	61,7	54,6	
Чистопольский	33,5	30,5	
Свияжский	38,3	—	Уничтожены, превратившись в районы.
Лаишевский	47,8	—	
РАЙОНЫ:			
Агрызский	—	77,9	Б. Елабужск. кантон.
Казанский	—	1,3	Южн. часть Арск. кант.
Лаишевский	—	32,1	Б. Лаишевск. кант. без северных волостей.
Рыбно-Слободский	—	53,4	
Свияжский	—	1,2	Б. Свияжский кантон.
Теньковский	—	6,2	
Кайбицкий	—	48,8	
Нурлатский	—	69,6	

(без Казани)—46,20, б. Лаишевский кантон (районы Лаишевский — 35,96, Рыбно-Слободский — 35,00), Елабужский кантон — 37,98, Агрызский район — 41,05, Мамадышский кантон — 35,30, Чистопольский кантон — 33,14, Наб.-Челнинский кантон — 29,94, Бугульминский кантон — 29,38, и Мензелинский — 29,73.

Самыми густо населенными частями являются западные Заволжские кантоны и районы, а наименее населенными Закамские, что легко объясняется историей заселения края, так же как и меньшее количество татар в Зап. Закамьи.

Возрастной состав сельского населения ТССР, хотя к сожалению без национального разреза, выражается в следующих цифрах: ¹⁾

	до 12 лет	13—17	18—60	свыше 60	В с е г о
Мужчины	41,9	13,6	37,0	7,5	100 ⁰ / ₀
	до 12 лет	13—15	16—55	свыше 55	В с е г о
Женщины	34,8	7,9	51,1	6,2	100 ⁰ / ₀

Картина распределения по возрастам говорит, что ⁰/₀ рабочего возраста у мужчин много ниже, чем у женщин. Это возможно объясняется значительной гибелью мужского рабочего возраста в войнах 1914—1920 гг., в связи с чем увеличился ⁰/₀ и женщин вообще, как мы увидим далее.

Половой состав населения ТССР, с некоторыми данными по его динамике, можно видеть из таблицы, показывающей количество женщин на 100 мужчин у русских и татар за ряд лет ²⁾ (см. табл. на стр. 48).

Из приведенной таблицы видно, что количество женщин у татар меньше, чем у русских. Благодаря отсутствию данных, трудно говорить о причинах данного явления—есть ли здесь меньшая рождаемость девочек, или большая смертность женщин. Интересно отметить так же изменение соотношения полов в б. Казанской губ. за время с 1858 г. по 1907 по пятилетиям, хотя и без разделения по национальностям ³⁾ (см. вторую таб. на стр. 48).

¹⁾ Географический очерк ТССР, журнал „Труд и Хозяйство“ 1926. № 6—8, стр. 6. Казань.

²⁾ Данные 1858 г. 1897 и 1907 взяты автором (частично вычислены) из Крестьянского землевладения Каз. губ., изд. Каз. Губ. Земством в 1907—1909 г.г., а данные по 1924 г. из статьи Ермоласва—Демографический очерк ТССР. Стр. 120.

³⁾ Крестьянское землевладение Казанск. губ. Вып. 13. Сводка по губерн. стр. 16.

Кан- ТОНЫ	1858 г.			1897 г.			1907 г.			1924 г.
	тат.	рус.	вооб.	тат.	рус.	вооб.	тат.	рус.	вооб.	вооб.
Арский .	105,5	110,0	106,7	98,4	108,2	101,7	—	—	102,4	107,5
Бугульм.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	114,7
Елабуж. .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	103,3
Лаишев.	101,2	100,2	107,7	99,3	105,3	100,1	99,0	100,9	99,1	103,5
Мамад. . .	106,2	111,0	107,5	95,2	103,1	97,9	98,0	103,5	99,2	108,9
Мензел. .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	106,7
Свияжск.	98,8	110,9	110,4	95,2	106,0	104,6	96,6	101,4	101,8	135,1
Спасский	—	—	108,4	—	—	100,3	—	—	99,5	115,1
Тетюшск.	100,8	114,9	105,4	102,9	109,9	98,5	93,3	105,3	97,2	107,1
Челнин. .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	109,4
Чистоп. .	100,8	108,8	105,3	96,9	103,5	99,2	97,2	106,0	100,7	101,4
Буинский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	113,4
Средн..	—	—	107,7	—	—	100,1	97,5	103,2	99,1	109,7

на 100 м.		на 100 м.	
1858—	107,7 жен.	1888—	102,2 жен.
1863—	106,6 —	1897—	100,1 —
1868—	105,6 —	1907—	99,1 —
1873—	105,5 —	1924—	109,7 —
1878—	104,4 —	1926—	113,7 — ¹⁾
1883—	103,4 —		

Из приведенных данных мы видим, что относительное количество женщин вообще все время понижается с 107,7 в 1858 году до 99,1 в 1907 г. 1924 год дает новое значительное повышение числа женщин, которое еще возросло к 1926 году. Это повышение вероятно является следствием войны 1914—20 гг.

Сведения о приросте населения можно видеть из таблицы, характеризующей прирост населения по уездам

¹⁾ По данным 1926 г. отношение полов на 100 мужч. у русских 116,8 женщ., у татар 114,7.

б. Казанской губернии в ‰ к населению 1858 г. ¹⁾). Для территории ТССР имеются лишь суммарные, сведения начиная с 1917 г. ²⁾).

У е з д ы	1897	1907	1917—202,4‰ к 1858 г.
Казанский . . .	126,6	143,2	1920—196,5 ” ”
Лаишевский . .	134,2	148,2	1921—192,0 ” ”
Мамадышский .	138,0	148,2	1922—180,5 ” ”
Свияжский . . .	138,0	157,6	1923—179,7 ” ”
Спасский . . .	138,0	152,8	1924—181,1 ” ”
Тетюшский . .	145,6	162,4	1925—182,0 ” ”
Чистопольский.	149,4	162,4	
По губерн . . .	138,0	152,8	

На основании данных таблиц можно видеть, что за 58 лет (1858—1917) население удвоилось, затем голод и эпидемии быстро снижают ‰ до 179,7 в 1923 г. и, наконец, население снова постепенно начинает увеличиваться. Процент годового прироста в 1897—1907 г. равнялся 1,1, а в 1924—1925 г.г. равен 0,9, т. е. близко подходит к нормальному. Данных прироста по отдельным национальностям не имеется.

Цифры из которых слагается прирост населения для ТССР следующие: ³⁾

На 10 тыс. жит. приход.	Рождений	Смертей	Ест. прир.	Браков.
1911—1913 г.г.	457	304	+153	89
1920—1922 г.г.	257	470	-213	103

Естественный прирост населения ТССР за двадцатилетие 1898—1917 равняется 643.000 человек, да кроме того 57.000 человек влилось в край в качестве переселенцев, так что общий прирост населения составляет до 35.000 человек в год.

¹⁾ Географ. очерк ТССР. Стр. 9. (перевычислено).

²⁾ Крестьянск. землевлад. т. 13, стр. 21 (перевычислено).

³⁾ Географический очерк ТССР. Стр. 10.

Состав семей по национальностям, в среднем, также несколько разнится. Так у русских крестьянская семья состоит в среднем из 5 едоков, а у татар—4,8 едоков¹⁾.

Из всех приведенных данных можно вывести, что наиболее населенными татарами являются северные кантоны—колыбель современной татарской культуры, а затем восточные закамские, особенно Мензелинский, куда много переселилось татар, под влиянием тех притеснений, которым они подвергались на своих коренных местах поселения. Однако Мензелинский кантон принадлежит уже к башкирским землям и татары, поселившись среди башкир значительно смешались с ними, отатарив их, так что этот кантон в бытовом отношении не является чистым и представляет интерес как пограничная полоса между двумя народностями. Подобная смесь татар и башкир наблюдается и дальше на восток в Бирском и Уфимском кантонах Башкирской республики, но там количество башкир, все увеличивается и соответственно уменьшается количество татар. При рассмотрении этнографической карты, приложенной к работе С. И. Руденко—Башкиры, ч. II, мы видим, что татары в границах своего распространения на восток, живут череполосно с башкирами и эта смесь захватывает и Мензелинский кантон ТССР, но здесь башкиры настолько сильно отатарены, что мало чем отличаются от татар. В остальных кантонах татар меньше и особенно на древних местах формирования болгарской культуры, что объясняется теми историческими причинами, на которые мы указывали выше.

Грамотность населения ТССР выше 8 летнего возраста выражается следующими данными²⁾ (см. табл. на стр. 51).

По данным 1926 года грамотность татар равнялась 33,1%, русских—43,0% и прочих—30,2% для обоих полов. Анализируя состояние грамотности отдельных народностей по данным 1920 года, можно видеть, что татарское население имеет грамотность сравнительно очень небольшую и отстает в этом отношении не только от рус-

¹⁾ Шараф Г. П. и Ермолаев В. М.—Сравнительная характеристика экономики русского и татарского крестьянского хозяйства в ТР. Журн. «Труд и Хозяйство» 1925 г. № 11. Стр. 26. Казань.

²⁾ Шараф и Ермолаев.—Цит. раб., стр. 28—29.

ских, но, по мужской грамотности, стоит даже на последнем месте среди национальностей края, хотя к 1926 году эта грамотность значительно увеличилась. По женской грамотности татары стоят на втором месте, что говорит

Народн.	Мужчины		Женщины		Обоего пола		Увелич. грам. в % к 1897 г.		
	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.	Мужчин	Женщин	Обоего пола
Татары	21,1	26,9	19,7	17,3	20,4	21,1	127,7	87,5	103,4
Русские	30,7	54,6	8,3	26,7	18,3	38,3	177,8	321,6	209,3
Чуваши	16,5	36,9	1,3	10,7	8,9	22,4	223,6	823,1	251,7
Мордва	17,6	28,6	2,2	6,2	9,5	15,8	162,5	281,8	156,2
Вотяки	9,4	40,5	0,3	9,6	4,8	22,1	320,8	3200,0	460,4
Мари	11,4	35,9	0,2	5,9	5,8	18,4	314,9	2950,0	317,2
Средняя	23,0	38,3	13,2	20,3	17,9	28,2	—	—	—

о стремлении их обучить грамоте женщин. Количество грамотных женщин у различных народностей края в % грамотности мужчин видно из следующей таблицы:

Народность	1897	1920
Татары	93,8%	64,2%
Русские	27,0	48,9
Чуваши	7,8	29,0
Мордва	12,5	21,7
Вотяки	3,2	23,7
Мари	1,7	16,4

Таким образом по относительной женской грамотности татары стоят на первом месте, превышая даже русских, не говоря уже о нацмен. К 1920 году относительная грамотность женщин у татар значительно падает, с одной стороны, благодаря увеличению мужской грамотности, с другой, падению абсолютной грамотности среди женщин.

Приведя данные 1897 года, хотя они и не совсем точны, так как грамотными считались и те, кто умеет только читать ¹⁾, можно видеть что у татар за этот период грамотность увеличилась лишь с 21,1 до 26,4⁰/₀. В то время как у других национальностей края грамотность увеличилась в среднем на 200⁰/₀, у татар это увеличение едва достигает 3,4⁰/₀. Подобная картина явилась результатом того, что до революции русское правительство и земства не были заинтересованы грамотностью татар. Они были предоставлены самим себе и число правительственных школ на территории теперешней ТССР едва достигало до 50 на общее число татарских школ — около 1500. Женское образование у татар за рассматриваемый период даже понизилось на 12,5⁰/₀, тогда как у воляков, например, оно поднялось на 3200⁰/₀, как результат деятельности, преимущественно, миссионерской, церковно-приходской школы.

Таким образом, значительная, относительная грамотность татар, которую отмечают многие авторы начала XIX века, писавшие о татарах, в настоящее время перестала быть таковой и татар обогнали все народности края. Это получилось благодаря изолированности татар до революции, как иноверцев и, с одной стороны, нежелания русского правительства тратить средства на иноверцев, а с другой отрицательного отношения татар к правительственной школе из-за боязни руссификации, что появилось результатом уже описанных нами отношений между русским правительством и татарами. Интересно отметить, что татарское население проявило в деле обучения грамоте огромную активность. Тот процент грамотности, который есть у татар, добыт почти исключительно на средства населения, строившего и содержавшего, хотя и плохие, но все же школы, дававшие элементарную грамотность. У других народностей края школы почти целиком были правительственные, земские и церковные, и пока эти школы не строились, грамотность у них была

¹⁾ Особенно это относилось к женщинам, т. к. их учили только читать на особом наречии — „тюрки“, на котором писалась религиозная литература. Писать их совсем не учили, не считая это необходимым.

самая ничтожная. Стремление же татар к образованию видно из того, что в 1860 г. в Казанской губ. на 422.349 душ мусульман было 408 мактабов ¹⁾, а в 1914 было до 1300 ²⁾.

Количество населенных пунктов в ТССР с указанием национального состава их населения, а также густоту их поселений в различных кантонах можно видеть из следующей таблицы: ³⁾

Кантоны	Количество селений							Количество кв. км. на 1 сел.
	Всего	Татарск.	Татарско-русских	Татарско-нацмен.	Русских	Русско-нацмен	Нацмен	
Арский	655	333	8	3	271	17	33	10,5
Бугульминский . .	355	124	5	1	170	20	35	21,7
Буинский	161	65	1	8	37	2	48	5,1
Елабужский	216	78	14	—	103	5	16	16,9
Лаишевский	270	92	7	—	170	1	—	14,9
Мамадышский . . .	281	173	13	6	67	3	19	15,1
Мензелинский . . .	274	188	11	4	62	1	8	18,0
Свияжский	222	51	8	1	151	6	5	13,2
Спасский	197	44	8	1	115	9	20	21,5
Тетюшский	200	110	3	2	71	2	12	14,5
Челнинский	354	175	13	1	151	1	13	17,7
Чистопольский . . .	353	72	7	10	181	36	47	24,4
По ТССР	3548	1505	98	37	1549	103	256	16,2

Из приведенной таблицы видно, что число татарских и русских селений почти одинаково (1505—1549), а число сел с татарским населением вообще (не только чисто татарским) достигает до 46,5%. Количество русско-татарских поселений почти втрое больше, чем татарско-нацмен-

¹⁾ Губайдуллин. — Из прошлого татар. Сборн. Материалы по изучению Татарстана, вып. 2, Казань 1925, стр. 110.

²⁾ Шараф и Ермолаев. — Цитир. работа, стр. 28.

³⁾ Георг. очерк ТССР, стр. 112, „Труд и Хоз.“, 1926, № 6—7.

ских и почти равно количеству русско-нацменских. Количество квадратных килом. на 1 поселение падает с юго-востока на северо-запад, соответственно изменению плотности населения, и является наименьшим в Буинском кантоне, наиболее сильно заселенном.

Размеры поселений также варьируют в % у населения различных национальностей следующим образом: ¹⁾

Величина селений	Татар	Русских	Прочих
Менее 300 жит,	14,0	43,5	25,8
От 300 до 500 жит.	13,4	16,7	21,5
„ 501 — 750 „	19,0	13,9	17,9
„ 751 — 1000 „	16,8	8,7	16,4
„ 1001 — 1250 „	11,4	4,8	5,1
„ 1251 — 1500 „	9,4	4,4	4,3
„ 1501 — 2000 „	8,6	4,2	5,5
„ 2001 — 3000 „	6,5	2,7	3,1
„ 3001 — 4000 „	0,6	0,8	0,4
Свыше 4000 „	0,2	0,3	—
В с е г о	100,0	100,0	100,0

Мелких поселков до 500 жит. у татар только 27,4%, тогда как у русских число их достигает до 60,2%, а у нацмен 47,3%. Средних поселков от 500 до 1500 жит. у татар—55,6%, а у русских—31,8% и у нацмен—43,7%. Больших, свыше 1500 жит., у татар 15,0%, у русских—8,0% и у нацмен—9,0%.

Таким образом, преобладающими размерами поселений у татар являются средние, а у русских мелкие. У татар больше сел крупных (от 1500 до 3000 жит.), чем у русских, но меньше самых крупных (свыше 3000), что объясняется возможно наличием целого ряда, так называемых, пригородов (Билярск, Нов. и Ст. Шемшинск,

¹⁾ Таблица перевычислена на основании абсолютных цифр из Георг. Очерка ТССР, стр. 13.

Зайнск и др.), представляющих наиболее крупные поселения полугородского типа и населенные исключительно русскими. У татар самые крупные поселения, расположенные преимущественно в Арском и Мамадышском кантонах, также имеют полугородской характер (Атня, Алаты, Карадуван, Менгеры и т. д.).

В среднем по всей ТССР на 1 населенный пункт приходится жителей: у татар—929, у русских—583 и у нацмен—672 человека.

Относительно величины татарских поселений по отдельным частям ТССР, точнее по кантонам, вошедшим в нее из Казанской губернии, к 1907 представляется в следующем виде: ²⁾

Уезды	Количество поселков										
	До 300	300—500	501—750	751—1000	1001—1250	1251—1500	1501—2000	2001—3000	3001—4000	Более 4000	
Казанский . .	15,3	24,3	23,7	16,8	7,4	6,0	4,0	1,5	1,0	—	202
Свияжский . .	5,2	18,0	7,7	15,4	18,0	10,4	12,5	7,7	5,1	—	39
Спасский . .	2,4	—	7,1	21,4	16,6	19,1	19,1	11,9	—	2,4	42
Тетюшский . .	6,7	8,7	19,3	23,1	13,4	16,3	8,7	3,8	—	—	104
Чистопольск. .	8,0	4,7	4,7	11,1	12,7	8,0	22,2	20,6	8,0	—	63
Лаишевский . .	5,7	9,2	17,3	20,7	20,7	10,3	11,5	4,6	—	—	87
Мамадышский.	9,4	20,7	27,6	20,7	10,8	5,9	3,4	1,0	0,5	—	203

Из приведенной таблицы можно видеть, что в северных уездах преобладает тип поселений мелких и абсолютное большинство их не превышает 1000 душ. В правобережных—тип средний от 300 до 1500, тогда как в Закамских уездах ~~определенно~~ доминируют поселения крупные, от 750 до 3000 душ. Подобное распределение является результатом распределения населения по поселкам вообще, безотносительно к национальности и зависит,

²⁾ Таблица составлена на основании данных, приведенных в Крестьянском Землевладении Казанской губ. (поуездные данные).

преимущественно, от естественно-исторических факторов. В северных кантонах современной ТССР имеется сильно развитая речная сеть и селения располагаются вдоль по каждой речушке, подобно бусам на нитке, на расстоянии 2—3 км. одна от другой, а так как этих речушек много, то и деревни расположены густо, почему они не могут быть большими. В Закамских кантонах, расположенных уже в степной полосе, речная сеть реже, и хотя деревни также располагаются довольно часто по каждой из речушек, но, так как последние протекают на значительных расстояниях одна от другой, то и селения в общем располагаются реже и, стало быть, становятся больше. В одной из предыдущих таблиц мы видели количество квадратных килом. на одно селение в различных частях ТССР и как раз наибольшее число приходится на южные кантоны. Правда, из общих данных по всей ТССР мы видим, что у татар особенно мелких поселков все же меньше, чем у русских, но вышеуказанные, чисто природные условия, все же не теряют своего значения и говорить о пристрастии народа к поселениям того или другого типа едва ли возможно.

Переходя к вопросу о расселении татар на занимаемой ими территории, необходимо прежде всего отметить отсутствие татарских поселений около почти всех городов и особенно Казани. Ближайшие татарские селения находятся от Казани в 35—40 км., а все подгородные местности заняты русскими, хотя многие селения здесь носят татарские названия (Дербышки, Каймары, Кулаево, Чепчуги и т. п.). Такое русское окружение наблюдается почти, и около всех кантонных городов, за исключением Арска и Буинска, к которым непосредственно примыкают татарские села. Подобное явление, как нами уже отмечалось, объясняется политикой Московского правительства, которое, заботясь о закреплении за собой края, старалось вблизи всех центров и, конечно, особенно Казани, иметь более верное русское население. Кроме того во время той длительной борьбы, которая была после взятия Казани, конечно, большому разорению подвергались места близкие к городам. Татары принуждены были бросить их, земли эти были переданы из рук татарской знати в руки русской и были заселены в первую очередь русскими.

Второй характерной особенностью расселения татар является отдаленность их поселений от всех главных рек края. Вдоль по Волге татарские селения подходят в Лаишевском кантоне (Сараловская волость) и 1 селение Сюкеевской волости, Тетюшского кантона. К Каме татарские поселения подходят: в Кузькеевской вол., Мензелинского кантона и в Салаушской волости, Елабужского кантона. К Вятке подходит только одна Черкасовская волость, Елабужского кантона и то населенная старокряшениами. Только берега реки Белой в пределах ТССР заселены смешанным татаро-башкирским населением. Вообще же татарские селения отстоят от рек на 10—30 км. Подобное явление также можно объяснить стремлением оттеснить татар от рек—главных путей сообщения того времени,—а затем желанием передать русским владельцам лучшие земли и луга, расположенные вдоль рек. Мы видим, что правительство щедро раздает эти приречные земли монастырям (громадное количество лугов в руках монастырей сохранилось до революции) и татарское население, конечно, оставило эти земли, т. к. на „архиепископских татар“, конечно, нажим был значительнее и, поэтому, приречные земли были постепенно заселены русским населением.

Просматривая современную этнографическую карту ТССР, можно видеть, что татарское население сплошной массой, более или менее значительных размеров, заселяет северную часть Арского кантона, почти весь Мамадышский, кроме южной и юго-восточной части вдоль Камы и Белой, и северо-восточную часть Лаишевского. Этот район почти сплошь заселен татарами с редким вкраплением русских, мари и вотяков, которые (мари и вотяки) сплошной массой живут уже вне пределов ТССР. Этот район является главным, куда, как мы отмечали выше, татарское население продвинулось после разгромов конца XIV столетия и окончательно закрепилось там после русского завоевания. Этот район является центром татарской культуры и населен исключительно казанскими татарами без примеси мишарей, которые встречаются здесь лишь отдельными семьями. Возможно, что здесь есть отатаренные мари и вотяки, но ежели они и есть, то уже окончательно ассимилированные. Некоторые дан-

ные для этого дают татарские предания о том, что на месте их теперешних поселений ранее жили мари или вотяки, которых вытеснили татары, а возможно и ассимилировали в некоторой части. Так около некоторых татарских сел имеются древние киремети, на которые приезжают поклоняться мари и вотяки и которые пользуются большим уважением и среди татар. Далее, некоторые татарские селения носят финские названия, например Шишнерь и др.

Вторым центром сплошного татарского поселения являются кантоны: Набережно-Челнинский, Мензелинский, Бугульминский и сюда же можно причислить и Елабужский, северо-восточная часть которого как бы является естественным продолжением Мензелинского. В этом районе, кроме приречных частей, не татарское население вкраплено только отдельными пятнами. Этот район продолжается и за границы ТССР, в Башреспублику, где в Бирском, Белибейском и Уфимском кантонах среди башкир, живет большое число татар¹⁾. Русская колонизация проникла сюда сравнительно поздно, когда край был окончательно замирен, да и татарское население здесь не является коренным, а также переселившимся в эпохи нажима руссификации, когда татары массами бежали со своих мест и селились среди башкир.

Западное Закамье—Чистопольский и Спасский кантоны и южная часть Лаишевского кантона является районом, где татары не составляют большинства и разбросаны островами среди русского, чувашского и мордовского населения. Здесь нет ни одной волости сплошь заселенной татарами. Что касается самих татар, то в этом районе они так же не монолитны, и среди них имеется много мишарей, переселившихся в этот район из за Волги, как говорят мишарские предания, при чем в некоторых поселках даже называют имена переселившихся. Этот

¹⁾ Татары Мензелинского и Бугульминского кант. отличаются от казанских в бытовом отношении и относятся уже скорее к группе приуральских татар—выселенцев из Казанского же края, но смешавшихся с башкирами. В связи с своеобразными земельными отношениями, эти татары получили название тептярей, каковое и является их самоназванием в отличие от казанских, которых в Мензелинском кантоне очень мало.

район, как центр Болгарского Ханства, более всего пострадал от разгромов конца XIV столетия и к моменту падения Казани, повидимому был населен слабо, ибо он не был безопасным от различных набегов и во времена Казанского Ханства. Русские, построив Закамскую черту, обезопасили край, и сюда широкой волной хлынула преимущественно русская колонизация, вольная и невольная, как в места наиболее плодородные и привольные. Западное или Правобережное Заволжье также не сплошь заселено татарами. Свияжский и Тетюшский кантоны заселены казанскими татарами, но их поселения расположены преимущественно, в западной части кантонов по границе с Чув. ССР и только на севере Тетюшского кантона татарские села близко подходят к Волге. Буинский кантон населен преимущественно мишарями, которые разрезаны поселениями чуваш и русских. Кроме присутствия большого количества мишарей, в Правобережных кантонах возможно значительное количество отатаренных чуваш, правда, совершенно потерявших свою национальность. Вопрос об этих отатаренных чувашах, как мы отметили это выше, в настоящее время не ясен, так что ни отрицать, ни утверждать полностью подобного явления нет достаточного количества данных.

Все рассмотренные данные дают некоторое право разбить территорию, населенную татарами, на 4 района, имеющих свои характерные бытовые особенности, основанные на тех влияниях, с какими пришлось встречаться населению в процессе исторического развития.

- I район. Северная часть Арского, весь Мамадышский и сев.-вост. часть Лаишевского кантона — район сплошного поселения татар (Заказанье).
- II район. Восточное Закамье: Челнинский, Мензелинский, Бугульминский и зап. часть Елабужского кантона — самый восточный район поселения казанских татар и тептярей в ТССР, с примесью сильно отатаренных башкир.
- III район. Западное Закамье: Чистопольский и Спасский кантоны — район, где татары в меньшинстве среди русского и нацменовского населения и состоят как из казанских та-

тар, так и из, позднее переселившихся, мишарей. Сплошной территории татары здесь не занимают.

IV район. Западное или Правобережное Заволжье: Свияжский, Тетюшский и Буинский кантоны—район, где татары составляют большинство только в Буинском кантоне и живут разрезанные русскими и чувашскими поселениями. В южной части района большинство татар состоит из мишарей (Горная сторона) ¹⁾.

Наиболее крупным и самобытным является все же первый район, где население живет сплошной массой и куда, на основании указанных нами причин, перенесся главный культурный центр татарского народа и где собственно сложилась окончательно современная татарская культура. В этом районе живет меньше всего кряшен. Значительное большинство кряшен, бывших в этом районе, при первой возможности снова вернулось к исламу и соединилось с массой татар, особенно так наз. новокряшены, крещенные при Елизавете. Кряшены сохранились только в количестве нескольких сел в Арском, Мамадышском и Лаишевском кантонах.

Соседями татар, кроме русских, на севере и сев.-западе являются финские народности—мари и вотяки, которые повидимому передали татарской культуре не мало своих черт. С запада соседями являются преимущественно чуваша—турецкая народность, родственная татарам по языку, но достаточно далекая по культуре, ибо чувашская культура, особенно у так. наз. верьял подверглась слишком большой финнизации. С востока и юго-востока границы ТССР проведены искусственно и здесь начавшееся в границах ТССР, слияние татарского и башкирского населения продолжается далеко в Башкирию, пока не переходит в чистых башкир. С юга в небольших количествах имеются чуваша и мордва, которые вкраплены в татарские поселения в границах ТССР и продолжают такими же пятнами в Самарскую губ.

¹⁾ Термины „Заказанье“ и „Горная сторона“ или по татарски Qazan artı, Тау jaqı приняты среди татар и мы их будем употреблять дальше для обозначения этих районов.

Занимая вышеописанным образом территорию края, татарское население оказалось отрезанным от главных (водных) путей края и, конечно, поставлено в наименее выгодные условия по отношению ввоза и вывоза продуктов, не говоря уже о том, что лучшие земли по речным долинам оказались не в их руках. Единственными путями сообщения, прорезающими районы поселения татар, являются, сухопутные, преимущественно грунтовые дороги. Только в северной, от Казани, части имеется небольшое количество шоссейных дорог, да и то не сплошной линией. Из железных дорог наибольшее значение играет недавно построенная Казань—Свердловская дорога, которая проходит почти по границе Арского и Мамадышского кантонов—по середине главного поселения татар. Другие дороги имеют меньшее значение. Волго-Бугульминская захватывает только Бугульминский кантон, а север Свяжского кантона тяготеет к Московско-Казанской дороге, правда, проходящей большей частью уже в пределах ЧССР. Хуже всего обстоит дело с дорогами в Закамьи и южной части западного правобережного Заволжья (Горная сторона), где нет совершенно и шоссе. Лучше снабжено дорогами Волжско-Камско-Вятское междуречье (Заказанье), где проходит Сибирский и Зюринский, шоссированные почти целиком, тракты.

Основным занятием татарского сельского населения является сельское хозяйство и преимущественно полеводство. Поэтому, для выявления экономического положения татарского населения, необходимо подробно ознакомиться именно с сельским хозяйством, т. к. другие способы добывания средств, хотя и имеются, и играют в различных районах большую или меньшую роль, но нигде не доминируют и основная хозяйственная база все же остается за сельским хозяйством¹⁾. Поэтому с.-х. районы, указанные нами в начале настоящей главы имеют для татарского населения такое же значение, как и для других народностей края, а кроме того эти районы в зна-

¹⁾ Цифры в дальнейшем изложении взяты не самые последние, но это не играет роли, т. к. нам важно экономическое положение действующее длительно, настолько, чтоб это могло отразиться на бытовых навыках.

чительной мере совпадают с теми районами, на которые мы разбили татарское население по признаку истории заселения и бытовым особенностям.

Начиная рассмотрение сельско-хозяйственных условий в ТССР, прежде всего ознакомимся с тем, что представляет собой ТССР в смысле распределения ее площади по угодьям. ¹⁾

Наименование угодий	В десятинах	В ‰
Пашня	3.605.806,18	58,8
Сенокос	395.423,82	6,5
Лес	1.079.614,80	17,6
Выгон	241.272,41	3,9
Усадьба	219.050,86	3,6
Сады и огороды	83.907,61	1,4
Прочие и удобные земли .	6.970,57	0,1
<hr/>		
Всего удобн. земли . . .	5.632.056,25	91,9
„ неудобн.	469.290,73	7,7
Нераспред. по угод. . .	26.131,00	0,4
<hr/>		
В с е г о	6.127.478,00	100,0‰

Данное количество угодий распределяется по кантонам следующим образом: ²⁾ (см. табл. на стр. 63).

Из приведенной таблицы видно, что ‰ пашни увеличивается с востока на запад и достигает своего максимума в Буинском и Тетюшском кантонах. Лесистость, хотя и не стоит в прямой зависимости от ‰ пашни, но все же кантоны с большим процентом пашни имеют меньшую лесистость. По отношению к лугам в лучших условиях находятся кантоны, прилегающие к большим рекам, кроме правого берега Волги, где Тетюшский кантон имеет наименьшее количество лугов. Прилегающие же к рекам, в местах, где есть заливная пойма, кантоны имеют луч-

¹⁾ Ермолаев.—Сельское хозяйство в ТССР. Сборник Материалы по изучению Татарстана. Вып 2. Казань, 1925 г.

²⁾ Ермолаев.—Цит. работа, стр. 201 - 206.

шие луга и в количественном и в качественном отношениях. Садоводство развито преимущественно на правом берегу Волги, где оно составляет заметную доходную статью, а в остальных частях ТССР оно не выходит из

К а н т о н ы	На 100 десятин земли приходится			
	Пашни	Леса	Луга	Сады
Елабужский	51,1	13,3	8,6	0,52
Бугульминский	51,2	22,7	3,5	0,01
Мензелинский	51,4	9,2	12,0	0,06
Мамадышский	54,6	23,9	4,3	0,29
Челнинский	58,3	19,0	3,7	0,23
Арский	59,6	14,7	4,3	0,14
Чистопольский	62,3	21,2	8,3	0,07
Лайшевский	63,0	22,7	10,9	0,31
Спасский	64,5	19,5	8,2	0,32
Свияжский	64,8	17,8	9,1	9,26
Буинский	67,5	9,9	2,0	0,25
Тетюшский	67,9	4,3	3,0	7,03

стадии любительского садоводства, что видно из минимального $\frac{0}{100}$ земли, падающего на него при распределении на угодья.

К сожалению в нашем распоряжении нет подробных данных о распределении угодий среди различных национальностей, но из анализа этнографической карты можно составить некоторое представление об этом распределении. Так пашня распределена приблизительно равномерно среди различных народностей, сообразно той средней, которая падает на хозяйство в том или другом районе. В отношении лугов равномерности не наблюдается. Ввиду того, что луга расположены в главной своей массе на поймах больших рек, то они и принадлежат преимущественно населению, живущему у берегов, т. е. русскому, и татары обеспечены лугами гораздо слабее. Сады принадлежат почти исключительно русскому населению, ибо

татары садов не разводят, кроме редких плодовых сади-ков при усадьбах. Лес находится в большинстве в руках государства и крестьяне им обеспечены сравнительно слабо, безотносительно к национальности.

Из всего количества земли крестьянам в настоящее время принадлежит до 78,3⁰/₀, а остальные 21,7⁰/₀ падают на владения государства. Во владении государства остаются почти все леса, за исключением, так называемых, лесов местного значения, принадлежащих крестьянам и городам, затем некоторое количество пашни и лугов, но всего их не более 4,1⁰/₀ площади удобной земли. Обеспеченность населения края пахотной землей в 1907 г. по Казанской губ. выражалось в следующих абсолютных цифрах. ¹⁾

Уезды	Татары		Русские		Нацмен	
	На семью	На муж. душу	На семью	На муж. душу	На семью	На муж. душу
Казанский	7,7	2,7	8,8	3,2	11,4	4,0
Мамадышский	7,2	2,6	11,3	4,1	10,8	3,7
Лаишевский	7,3	2,7	6,5	2,2	—	—
Свияжский	5,7	1,8	8,2	2,9	6,6	2,0
Тетюшский	6,3	2,1	7,9	2,8	8,3	2,8
Спасский	7,6	2,9	6,2	2,2	8,0	2,9
Чистопольский	7,7	2,8	8,8	3,1	8,7	3,1
По губернии	7,2	2,5	7,9	2,8	8,8	3,1

Из приведенной таблицы видно, что обеспеченность землей татарского населения до революции по Казанской губ. была меньше русского и нацменовского. Только в Спасском и Лаишевском уездах надел татар значительно, чем у русских, но все же уступает нацмен. Революция и, последовавшая за ней, национализация земли татарам дала сравнительно небольшую прибавку. Из отобранной у помещиков земли татары получили только 26,1⁰/₀, рус-

¹⁾ Крестьянское Землевладение в Каз. губ. Сводный вып.

ские 65,3⁰/₀ и наимен 9,5⁰/₀ ¹⁾. Подобное явление произошло потому, что в районах поселения татар и наимен было очень немного частновладельческих земель, т. к. до 1861 года татары и наимен были на положении государственных крестьян. По этим причинам переход земли в руки трудящегося народа для татар мало внес изменений в их землевладение и по данным 1922 года на едока по кантонам ТССР приходится следующее количество пашни. ²⁾

К а н т о н ы	Татар	Русских
Арский	1,64	1,47
Свияжский	1,14	1,75
Лаишевский	1,54	2,11
Спасский	1,57	1,70
Тетюшский	1,18	1,58
Мамадышский	1,27	2,21
Чистопольский	1,56	1,56
Буинский	1,08	1,70
Бугульминский	2,28	2,61
Елабужский	1,70	2,01
Мензелинский	2,10	2,39
Челнинский	1,68	2,09
Средняя	1,63	1,87

Переводя эти данные на надел семьи, согласно указанным нами средним числам едоков на русскую и татарскую семью, получаем обеспеченность татарской семьи в 7,8 десятин, а русской 9,4 десятин. Сравнивая с данными предыдущей таблицы, можно видеть, что надел татар увеличился после революции на 0,6 дес. на семью в среднем.

Высчитав же среднюю только по кантонам, вошедшим из Казанской губернии, мы получаем надел

¹⁾ Шараф и Ермолаев—Цит. соч. стр. 31.

²⁾ Ермолаев—Сельское хоз. ТССР. Стр. 212.

татар в 1,4 д. на едока или 6,7 дес. на семью. Таким образом к 1922 году на площади кантонов, вошедших из Каз. губ., количество десятин на семью даже уменьшилось, благодаря естественному приросту населения. Приняв же в расчет этот прирост равный 18,4⁰/₀ по отношению к 1907 году, мы видим, что после революции на 1 семью по количеству населения 1907 года приходится 7,9 десятин, т. е. абсолютное увеличение земельной площади татарского населения после революции выразилось в 18,5⁰/₀.

Обеспеченность населения ТССР и в частности, татарского, в абсолютных количествах земли, приходящейся на семью и едока, не дает полной картины обеспеченности населения источником средств к существованию, ежели не принять во внимание качество почв и климатические особенности каждого из районов ТССР. Хотя урожайность хлебов условно для всей республики принимают одинаковой, но в различных районах преобладают различные культуры, особенно ярового клина, культуры далеко неравноценные по урожайности. Так мы видим из таблицы, приведенной нами на стр. 44, что яровой клин на крайнем северо-востоке и на северо-западе ТССР используется кроме овса под гречу, а в западных кантонах Закамья и на Горной стороне под пшеницу и полбу, которые далеко не равноценны грече.

По качеству почв, удобству их к обработке и благоприятности климата проф. Остряков¹⁾ делит ТССР на 5 районов:

I район — Сев. Зап. Закамье: Спас-ский и Чистополь-ский кант. и сев. часть Мензелинского и Челнинского кантонов. Район распространен по более низменным частям территории, прилегающим непосредственно к заливным долинам Волги и Камы и их притоков, а также к долинам Черемшанов. Он покрыт почвами высшей урожайности и имеет спокойный рельеф, удобный для земледелия. Грунты слабо дренированные эрозивной деятельностью текучих вод, грунтовые воды залегают неглубоко.

¹⁾ А. Н. Остряков — Цит. раб. стр. 32.

II район--Восточная сторона Буинского и южная часть Тетюшского кант. По свойствам и удобствам для земледелия, этот район сходен с предыдущим, с несколько более мягким климатом, но с несколько менее богатыми почвами.

III район--Бугульминский кантон и Мензелинского и Челнинского кантонов. Район, с почвами также высокой урожайности, но с рельефом несповышенными, сильно обрывистыми местами, с крутыми склонами и глубокими оврагами, с суровыми зимами, с холодными ветрами, сдувающими с полей снежный покров, с поздними весенними и ранними осенними понижениями температуры.

IV район — Лаишевский, Арский и Мамадышский кантоны. Район с преобладанием лесных и подзолистых почв, развившихся на пермских породах с незначительным участием в составе почвенного покрова почв темноцветных, черноземовидных. Как по урожайности почв, так и по удобствам для земледелия, этот район можно считать средним.

V район--Свияжский и прилегающие части Тетюшского кантона. Этот район сходен с IV, с несколько большим участием черноземовидных почв, но менее удобный для земледелия, благодаря возвышенному положению, менее спокойному рельефу и большему расчленению поверхности.

Введенное разделение ТССР на районы по степени их удобств к земледелию дает больше возможности говорить о степени обеспеченности населения. Так наиболее плодородные районы, несмотря на близкую к другим величину душевого надела, обеспечивают население более, чем районы со слабыми почвами или плохими климатическими условиями. I и III районы являются наиболее лучшими, ибо они имеют лучшие почвы и наибольшие наделы (1,78 и 1,69 дес. на едока). Поэтому в этих районах население занимается почти исключительно сельским хозяйством. II район является также сельскохозяйственным, но менее обеспеченным, благодаря малым наделам (1,13), IV и V

районы являются слабейшими по почвам и не большими по наделам (1,48 и 1,16), поэтому в них население не обеспечивается полностью доходами от сельского хозяйства и принуждено искать других источников доходов от различного рода промыслов.

Кроме естественного качества почв, в различных частях ТССР, имеет конечно некоторое значение и степень выпашанности почв, которая стоит в прямой связи с количеством времени эксплуатации. При почти абсолютном трехполье в ТССР (в настоящее время начался заметный переход на многополье) удобрение применяется мало и то на ближних полях и поэтому продолжительность эксплуатации получает актуальное значение. Наиболее старым земледельческим районом, повидимому является, западное Закамье—место создания Болгарской культуры. Однако здесь почвы лучше и кроме того этот район имел отдых почти 200 лет, когда, под влиянием исторических причин, он был значительно обезлюжен и его эксплуатация началась более интенсивно лишь с XVII столетия. Восточное Закамье заселено еще позднее и здесь почвы еще слабо выпашаны. Что же касается правобережного Заволжья и, особенно, Волжско-Камско-Вятского междуречья (Заказанья), то здесь интенсивное запахивание началось с XIII—XIV века и продолжается непрерывно до настоящего времени. Поэтому эти районы являются наиболее выпашаными, особенно Заказанье, где почвы и вообще слабее. Означенные причины еще прибавляют некоторые штрихи в вопрос обеспеченности населения средствами существования от сельского хозяйства.

Землепользование в ТССР без различия национальностей преимущественно общинное. Имеются все типы общин: простые, отдельные и сложные. Коллективное землепользование с каждым годом занимает более значительное место. В 1928 г. число колхозов доходит до 340 с 4200 крестьянских хозяйств, что составляет 0,7% всех дворов ТР. Вовлечение татарского населения в коллективы составляет 46,5%.

Система хозяйства трехпольная, но за последние годы довольно быстро идет на переход на многопольные севообороты и в 1928 г. площадь их составляет 10% общей посевной площади.

Распределение земель среди русского и татарского крестьянства в Казанской губ. в 1907 году выражалась следующими цифрами:

Н а р о д н о с т ь	Земли на муж. душу в ‰		
	до 2 д.	2—4	более 4
Русские	29,8	53,3	16,9
Татары	24,8	71,3	2,9

Таким образом большинство татарского населения имело надел от 2—4 дес. Менее 2 десятин имело до четверти населения, а свыше 4 десятин незначительное меньшинство. У русского населения все 3 группы по наделности представлены более равномерно. Количество безземельных в 1907 году в среднем выражалось в следующем: у татар—4‰, у русских—10‰, у нацмен—2‰. У татар безземельность по различным уездам, как видно из таблицы, колебалась от 1‰ до 7‰, причем большинство безземельных падает на Казанский, Лаишевский, Мамадышский, Спасский уу., а меньшинство на Тетюшский.

У е з д ы	‰ безземельных
Казанский	5
Лаишевский	5
Мамадышский	6
Спасский	7
Свияжский	2
Тетюшский	1
Чистопольский	3

После революции наделенность землей изменяется и особо резко падает ‰ безземельных. Не имея возможности привести данные обеспеченности земель в национальном разрезе, воспользуемся данными посева 1925 г. ¹⁾

¹⁾ Шараф и Ермолаев.—Цит. соч. стр. 32.

Десят. посева на хозяйство	У татар	У русских	У нацмен
Безпосевных	0,30	1,10	0,17
От 0 до 0,1 дес.	0,14	0,57	—
„ 0,1 до 1,0 „	4,27	4,87	4,43
„ 1,1 „ 2,0 „	15,62	13,44	11,07
„ 2,1 „ 3,0 „	22,26	18,98	19,65
„ 3,1 „ 4,0 „	20,37	17,68	19,36
„ 4,1 „ 6,0 „	24,06	24,95	28,62
„ 6,1 „ 8,0 „	8,83	12,01	11,70
„ 8,1 „ 10,0 „	3,07	4,40	3,75
„ 10,1 „ 16,0 „	1,16	1,97	1,25
Свыше 16,0 „	0,02	0,03	—
Всего	100,00	100,00	100,00
От 0 до 4 дес.	62,86	56,64	54,68
„ 4 „ 16 и более	37,14	43,36	45,32

Приведенная таблица показывает, что % беспосевных очень невелик и он выше у русских, чем у других национальностей края. Процент малопосевных — бедноты выше у татар, чем у русских. Обращаясь к средней группе сельского населения, мы видим, что у всех народностей края большинство имеет посевы не более 4 десятин, причем у татар эта группа значительно больше, чем у русских и, особенно, нацмен. Таким образом подавляющее большинство татарских хозяйств принадлежит к среднему типу. Дальше идет группа зажиточных и кулацких хозяйств с посевом более 8 десятин.

Переходя к рассмотрению культур, засеваемых населением края, надо отметить, что озимый клин по всей республике засевается почти исключительно рожью и только 1% засевается озимой пшеницей. Яровой клин более разнообразен и варьирует как у отдельных народностей, так и по отдельным районам ТССР. По засеву 1925 г. в яровом клину на 100 хозяйств приходилось десятин посева у татар—189,5, у русских—199,0 у нацмен—204,4.

Что касается распределения этого количества десятин по культурам в $\%$, то оно выражается следующей таблицей: ¹⁾

Наименование культур	З а с е в в $\%$		
	Татар	Русских	Нацмен
Овес	41,90	25,85	39,05
Пшеница	7,33	10,07	10,16
Ячмень	1,38	10,05	0,58
Греча	12,90	17,67	9,49
Просо	12,30	17,15	13,22
Горох	6,32	6,00	7,36
Полба	6,24	5,10	9,47
Чечевица	5,32	3,89	3,52
Картофель	3,90	8,15	4,02
Лен	1,45	3,82	0,70
Конопля	0,91	1,24	1,35
Подсолнух	0,02	0,50	1,04
Прочие культуры	0,03	0,50	0,04
Итого	100,00	100,00	100,00

Таблица дает определенное указание на то, что культуры овса доминируют в яровом клину вообще и у татар особенно. При этом надо заметить, что засе́вы овса к настоящему времени немного сократились, тогда как в 1922 году овес занимал 58 $\%$ ярового клина по всей ТССР. Размеры посевов овса в различных частях ТССР варьируют от 10 до 90 $\%$ ярового клина, причем овса больше в северных кантонах с менее сильными почвами, а в южных черноземных районах он вытесняется культурой пшеницы и проса. ¹⁾ Греча и просо занимают одинаковое место и заменяют друг друга в разных частях

¹⁾ Таблица составлена на основании абсолютных цифр засе́ва на 100 хозяйств, взятых у Шарафа и Ермолаева, стр. 33 и переведена в $\%$ автором.

ТССР. Греча больше всего засеивается в Бугульминском кантоне, незначительное место она занимает и в северных кантонах. Просо более всего распространено в западном Закамьи. Пшеница, греча и просо больше всего засеиваются русскими и у татар их меньше. Чечевица наоборот больше всего распространена у татар, причем в Закамьи она совершенно отсутствует.

Картофель в качестве полевой культуры сосредоточен преимущественно в волостях, близких к городам и особенно к Казани. У татар засевы картофеля незначительны и начали увеличиваться преимущественно после голода 1921 г., Культуры льна и конопли у татар сравнительно невелики, причем большинство засева приходится на крещеных татар, а не татар—мусульман, что объясняется сравнительно малым развитием ткачества у татар-мусульман и предпочтением фабричных тканей.

Огородничество в ТССР развито сравнительно слабо и более сильно оно развито у нацмен и русских и относительно слабее у татар. Так по данным 1925 г. на 100 хозяйств огородов приходилось у татар 9,73 дес., у русских—10,44, у нацмен—14,08¹⁾). К сожалению в нашем распоряжении нет дореволюционных данных в национальном разрезе, но, по данным наблюдений, огородничество у татар тогда было еще слабее и развитие его началось так же после голода 1921 г.

По составу культур огороды различных национальностей так же значительно разнятся. Так % различных культур в 1925 г. был следующий:²⁾ (см. табл. на стр. 73).

Таким образом главной огородной культурой является картофель и у татар его особенно много. Из других культур заметную роль у русских и нацмен играет конопля, которой у татар немного. Что касается огородных овощей, то здесь они значительно больше у русских, чем у нацмен и особенно татар. Подобная картина объясняется тем, что татарская кухня слабо использует продукты огородничества, особенно овощи, состоя преимущественно из мучных кушаний, а, ввиду отдаленности

¹⁾ Шараф и Ермолаев, стр. 33.

²⁾ Таблица вычислена автором на основании абсолютных цифр из работы Шарафа и Ермолаева, стр. 33.

от городов, татарские села не могут рассчитывать на сбыт овощей. Надо заметить, что значительное количе-

Наименование культур	З а с е в в ‰		
	Татар	Русских	Нацмен
Картофель	91,5	70,0	77,4
Лен	2,1	1,9	1,4
Конопля	3,1	12,5	14,2
Табак	0,1	0,3	0,4
Огор. овощи	2,1	14,4	6,4
Зерн. культуры	0,1	0,9	0,2
Итого	100,0	100,0	100,0

ство огородных овощей у русских как раз падает на пригородные, особенно, приказанские деревни, которые снабжают овощами города.

Садоводство в крае почти целиком сосредоточено по правому берегу Волги и находится в руках русских. Вне этого района садоводство имеет лишь любительский характер садилов при домах. У татар садоводство поставлено особенно слабо и на всей территории ТССР едва можно насчитать несколько десятков плодовых садов, имеющих хоть небольшое товарное значение и принадлежащих татарам. Вообще же у татар встречаются только отдельные фруктовые деревья в садилах при усадьбах. Причины отсутствия у татар плодового садоводства, при наличии, особенно в северных кантонах, небольших садилов при каждой усадьбе, до сих пор приходится считать окончательно невыясненным. Изыскания автора по этому вопросу не привели к сколько-нибудь определенным результатам. Крестьяне и даже местная интеллигенция объясняют отсутствие садов тем, что татары не умеют вести уход за ними, указывая на неправильную посадку фруктовых деревьев, уже имеющихся у них и т. д. Конечно подобное объяснение не решает вопроса, тем паче мы знаем, что во времена Казанского ханства, фруктовое садоводство было развито у татар, о чем говорят татар-

ские предания, присутствие одичавших плодовых деревьев у татарских городищ¹⁾ и указание на существование ханских садов в окрестностях Казани (в районе б. Архирейской дачи). Возможно, что более вероятным объяснением отсутствия у татар садоводства, было уже высказанное нами²⁾ предположение о том, что садоводство у татар исчезло в результате частых переселений, вызываемых миссионерской деятельностью, почему у татар не было уверенности в прочности поселения, а затем забылась и самая техника садоводства. Возможно на это влияла также общая культурная отсталость татарских масс крестьянства. Повторяем еще раз, что наши предложения, конечно, не решают вопроса и предстоит дальнейшее собирание фактов по нему.

Заканчивая вопрос о состоянии полеводства в ТССР остановимся несколько на мертвом с.-х. инвентаре, которым производится обработка земли населением. Здесь мы коснемся только количественной стороны, а описание орудий, поскольку они отличаются от обще-русских типов их, произведем в одной из дальнейших глав нашего исследования.

В нашем распоряжении, к сожалению, не имеется сведений о наличии инвентаря до революции, но по данным весеннего опроса 1925 года оно представляется в следующем виде.³⁾

Так на 100 хозяйств приходилось: (см. табл. стр. 75).

Процент хозяйств совершенно не имеющих пропашного инвентаря у татар равен 50,5⁰/с, у русских 42,6 /о, у нацмен 47,3⁰/о. Особенно слаба обеспеченность плугами у та-

¹⁾ Так при осмотре нами Кирменьчугского городища в Мамадышском кантоне в 1925 г. было обнаружено в некоторых местах значительное количество одичавшей вишни, которой в диком состоянии в этих районах не встречается. Население говорит, что эта вишня ранее приносила более крупные плоды и они считают ее остатком фруктовых садов в Кирменчуге.

²⁾ Воробьев—Казанские татары. Сборн. Матер. по изучен. Татарстана. Вып. II. Казань, 1925, стр. 163, примечание.

³⁾ Шараф и Ермолаев.—Характ. экономики русских и татарских крестьян стр. 36—37. По данным 1927 года, количество сох у татар упало до 24,0, плугов увеличилось до 38, железных борон до 63,3, а количество безинвентарных хозяйств уменьшилось до 43,5⁰/о.

Род орудий	Татар	Русских	Нацмен
Сох и косуль	28,1	18,9	30,8
Плугов и букеров	30,0	46,5	36,4
Борон деревянных	6,0	3,2	3,6
Борон железных и дерев. с жел. зуб.	49,8	63,0	61,4
Телег на жел. ходу	11,9	12,8	7,4
„ „ дер. „	50,4	54,5	56,7

тарского населения и составляет по отношению к русскому населению края 50⁰/₀, а к нацменовскому 80⁰/₀. При наличии такого количества инвентаря конечно, трудно обрабатывать землю своими силами и мы видим, что в том же 1925 г. обработка полей производилась следующим образом. Из 100 хозяйств обрабатывали землю:

Инвентарем	У татар	У русских	У нацмен
Только своим	48,0	55,8	50,1
„ наемным	46,3	37,5	40,8
„ супрягой	0,4	0,7	1,3
Смешан. способами	4,8	4,3	8,3

Из приведенных цифр видно, что ⁰/₀ обслуживания хозяйств чужим инвентарем очень велик, что, конечно, не может не отражаться на качестве обработки, если особенно принять во внимание, что из 100 хозяйств у татар 47,9, у русских 38,2, а у нацмен 38,8 хозяйств вели обработку и наемным скотом.

Количество усовершенствованного инвентаря (кроме плугов) по ТССР в 1927 г. выражалось в следующих цифрах на 10,000 хозяйств: ¹⁾

¹⁾ По данным статьи Ермолаева и Шарафа.—Сравн. характеристика татарского, русского и нацменовского крестьянского хозяйства ТР.—Труд и Хоз. 1927, № 11—12.

Орудий	У татар	У русских
Сеялок	10,0	45,0
Жнеек	43,0	102,0
Молотилок конных . .	44,0	148,0
Зерноочистилок . . .	360,0	709,0

Данная таблица еще раз подчеркивает убогость инвентаря населения ТССР, особенно татар, в качественном отношении.

Скотоводство у всех народностей края находится в самой тесной связи с полеводством, для которого оно дает рабочую силу и удобрение, хотя последнего в недостаточном количестве, ибо скота мало. Кроме того разведение скота дает мясо, молочные продукты, а также шерсть и кожу. Скотоводство Волжско-Камского края является также древнейшей отраслью занятий населения. Еще с Болгарской эпохи отмечается крупная торговля продуктами скотоводства и даже подати брались шкурами. Юфть у татар и до сего времени носит название „болгарской“.

При рассмотрении отдельных отраслей скотоводства, прежде всего остановимся на обеспечении населения рабочим скотом—лошадьми, от наличия которых зависит обработка земли и стало быть весь хозяйственный строй. Количество лошадей на 100 хозяйств по опросу 1925 г. представлялось в следующем виде: ¹⁾

Группа лошадей	У татар		У русских		У нацмен	
	Абсол. число	0/00	Абсол. число	0/00	Абсол. число	0/00
Рабочих лошадей, старше 4 л.	51,7	70,4	62,3	68,3	60,8	74,2
„ „ моложе „	4,5	6,4	4,4	4,8	5,9	6,3
От 1 года до рабоч. возр. .	10,1	13,7	11,5	12,7	16,4	17,3
Жеребят до 1 года	7,0	9,5	12,9	14,2	11,6	12,2
Всего	73,4	100,0	91,1	100,0	97,7	100,0

¹⁾ Шараф и Ермолаев. Абсолютные цифры взяты из означенного труда, а 0/0 вычислены автором.

Таким образом обеспеченность скотом в общем нигде не достигает до единицы на хозяйство, даже с жеребьятами. Из приведенной таблицы видно, что количество лошадей у татар все же меньше, чем у других народностей края. Так, ежели число лошадей у татар примем за 100^{0/0}, то у русских их будет 124^{0/0}, а у нацмен даже 129^{0/0}. Рассматривая возрастной состав лошадей, видно, что у татар относительно больше группа взрослых лошадей старше 4 лет, зато количество жеребят меньше. Возможно это объясняется большим количеством у татар лошадей, приведенных, чем выращенных на месте. Картина конского состава 1925 года, конечно, не является нормальной для края и, обращаясь к цифрам до голода, мы видим, что по Казанской губ. лошадей на 1 хозяйство приходилось 1,1 ¹⁾, т. е. больше целой. Безлошадность была и раньше, так в 1893 г. безлошадных было по Казанской г.—30,3^{0/0}, а в 1899 г.—24,9^{0/0} ²⁾. В 1927 число рабочих лошадей всех возрастов у татар увеличилось. Количество лошадей на 100 десятин различно в различных частях ТССР. Больше всего—22, приходится в Мензелинском и меньше всего—13,7, в Буинском и Свияжском, кантонах, в которых наблюдается большая распаханность земель ³⁾. В 1916 г. в среднем по губернии на 100 дес. пашни приходилось до 25,3 лошадей ⁴⁾.

Количество крупного рогатого скота, по данным обследования того же 1925 г., на 100 хозяйств выражалось в следующих цифрах: ⁵⁾ (см. табл. на стр. 78).

Количество рогатого скота также меньше всего у татар и, ежели это число принять за 100^{0/0}, то у русских будет 118^{0/0}, а у нацмен—110^{0/0}. Распределение скота в различных частях ТССР также различно. Больше всего скота приходится также на восточное Закамье—около 40 голов на 100 дес. посева и меньше на Горной стороне—около 30 голов. В 1917 г. на одно хозяйство приходилось в среднем до 1,6, т. е. немного больше, чем в 1925 г.

¹⁾ С.-Х. Обзор Каз. губ. за 1916 год, стр. 103, Казань, 1919.

²⁾ Ермолаев Сельское хоз. ТР., стр. 243.

³⁾ Там же стр. 236.

⁴⁾ С.-Х. Обзор. Каз. губ. за 1916 г., стр. 104.

⁵⁾ Шараф и Ермолаев—Цит. ст. стр. 34.

Группа скота	У татар		У русских		У нацмен	
	Абсол. число	‰	Абсол. число	‰	Абсол. число	‰
Взрослых быков и волов	0,63	0,4	0,55	0,3	0,50	0,3
Коров	73,70	52,8	81,50	53,4	75,30	48,6
Нетелей и бычков старше 1½ л.	9,00	6,5	9,90	5,0	13,70	8,8
Подтелк. и бычк. до 2½ л.	13,60	9,7	18,60	10,2	16,60	10,7
Телят до 1 года	42,60	30,6	44,40	31,1	48,70	31,6
Всего	139,53	100,0	164,95	100,0	154,80	100,0

Овцеводство в пределах ТССР развито довольно значительно и, по данным 1924 г., в руках крестьян было более миллиона голов овец, причем наибольшее количество их было в Арском кантоне—105.000, а наименьшее в Спасском—24.000 ¹⁾. Количество овец у различных национальностей на 100 хозяйств, по данным 1925 г., было следующим: у татар—290,5, у русских—417,7, и у нацмен 355,0. В 1917 году, в среднем по губернии, на 100 хозяйств приходилось—620 голов. Овцеводство во время голода пострадало значительно, чем крупный скот, и, хотя восстанавливается оно очень интенсивно, но еще далеко не достигло прежних размеров.

Козы,—коровы бедняка—являются любимым скотом татарской бедноты, и потому число их в 1925 г. у татар достигло до 61,2 голов на 100 хозяйств, тогда как у русских их было 13,2, а у нацмен 45,4. Количество коз в татарских деревнях равняется почти половине рогатого скота.

Распределение скота среди населения, по отдельным народностям характеризуется для 1925 г. следующей таблицей: ²⁾

¹⁾ Ермолаев—Сельское хозяйство ТР. стр. 255.

²⁾ Шараф и Ермолаев. Цит. соч. стр. 34.

Х о з я й с т в а	Количество скота в 0/00/0		
	У татар	У русских	У нацмен
Без всякого скота	12,59	12,27	10,67
„ лошадей	42,22	35,32	33,04
„ круп. рог. скота	26,65	20,81	23,67
„ овец	49,00	38,20	39,90
„ коз	73,50	93,10	78,70
„ рабоч. скота	49,50	41,40	41,60
Имеющие 1 гол. раб. скота	45,20	51,20	50,80
„ 2 „ „ „	4,60	6,50	6,50
„ 3 „ „ „	0,40	0,50	0,80
„ 4 „ „ „	0,10	0,10	0,05
Безкоровные	36,20	28,40	35,00
Имеющие 1 корову	54,80	62,20	55,70
„ 2 „ „	8,10	8,70	8,30
„ 3 „ „	0,60	0,70	0,60
„ 4 и более	0,10	0,10	0,20

Общая обеспеченность скотом таким образом невелика, что, конечно в значительной степени объясняется последствиями голода, после которого население не может еще оправиться. Меньшая обеспеченность татарских хозяйств объясняется еще и тем, что, благодаря односторонности хозяйства (полеводство), они оказались менее устойчивыми и, не только потеряли больше скота, но и не могут его так интенсивно восстанавливать, как другие народности края. За последнее время татарская республика развивает с. х., придавая ему животноводческий уклон, и таким образом в области животноводства здесь имеются огромные перспективы.

Птицеводство в Волжско-Камском крае в довоенное время играло весьма значительную роль в хозяйстве населения. Казанская губерния была по вывозу яиц на втором месте в России и из нее отправлялось по железным дорогам 12% всех яичных перевозок в России, или около 2 миллионов пудов яиц. Кроме того из Казанской губ. вывозилось ежегодно до 500 тысяч пудов живой и битой птицы. Главную роль в птицеводстве играло и играет куроводство. Так в 1919 году число кур на территории ТССР выражалось в 2.283.000 голов, а в 1920 г. количество птицы было следующее: ¹⁾

¹⁾ Ермолаев—Сельское хозяйство. ТР стр. 259.

Кур	1.909.698	Уток	31.263
Гусей	286.381	Индек	5.625

Голод катастрофически повлиял на птицеводство и в 1922 г. мы видим лишь 426.000 голов кур т. е. 22,3⁰/₀. После голода птицеводство снова начинает восстанавливаться. Мы не имеем цифровых данных о количестве птицы в ТССР в настоящее время и воспользуемся лишь данными 1925 г. о количестве птицы на 100 дворов и распределении ее среди главных национальностей. ¹⁾

	У татар	У русских	У нацмен
Кур	606,8	601,4	630,4
Гусей	23,1	6,5	27,3
Уток	5,7	1,8	2,3
Индекс	1,9	0,5	0,8

Таким образом количество птицы у татар было на 4⁰/₀ больше, чем у русских и на 4⁰/₀ меньше чем, у нацмен. До революции птицеводство так же преобладало у татар и нацмен над русскими.

Пчеловодство в ТССР довольно развито и является также древнейшим занятием местного населения. Пасек очень много, но размеры их не велики. Пасек, в настоящем понимании этого названия, больше в Закамьи, тогда как, например, в Арском кантоне пчел гораздо чаще водят на дворах, имея от 1 до 10 ульев, и пасек, поставленных вне поселений и с большим количеством ульев, очень много, преимущественно вблизи Казани и в русских руках. Вообще у татар, особенно северных кантонов, принято пчел водить в садиках перед домом, или самое большее на заднем дворе и пчелы пользуются взятком с лугов и гречушных полей. Нередко приходилось встречать ульи даже не в садиках, а просто на дворе. В Закамских кантонах, где более лиственных (липовых) лесов, пасек больше и они располагаются в этих лесах, являясь более крупными по числу ульев. К характеристике типов пчеловодства в различных частях ТССР,

¹⁾ Шараф и Ермолаев стр. 35.

приведем следующие данные: в 1922 г. в Арском кантоне было 1328 пасек с 12.647 семьями, т. е. на пасеку приходилось 10,3 семей, а в Челнинском и Мензелинском 496 пасек с 13.288 семьями пчел, или 26,8 семей на пасеку. Лучшими пчеловодами считаются нацмен и кряшены, затем татары и, наконец, русские. У татар пчел меньше, чем у русских и нацмен, но число хозяйств, имеющих пчел больше. По переписи 1920 г. пчел имели 3,8% всех татарских хозяйств и только 2,9% русских и нацменовских. Однако на каждого пчеловода татарина приходилось—4,8 ульев, а у русского и нацмен—11,5. Постановка пчеловодства у татар примитивнее. Так рамочных ульев на пчеловодство у татар приходилось—0,8, а у русских и нацмен—4,2. В настоящее время пчеловодство в крае интенсивно восстанавливается. ¹⁾

Сделаем краткий обзор сельского хозяйства ТССР, по возможности в национальном разрезе, остановимся несколько на вопросе затраты труда населения на сельское хозяйство и преимущественно полеводство, а также на стоимости валовой продукции, которая получается результатом этой деятельности. По данным статистического обследования, затрата труда в год в мужских рабочих днях рисуется в следующем виде: ²⁾

	Мужских рабочих дней	
	По полевод. на 1 д. пос.	По с.-х. на 1 д.хоз.пощ.
В татарском хозяйстве	6,9	7,1
» русском »	11,3	14,3
» нацменовском »	10,2	14,3

Таким образом приложение труда к обработке главного источника существования—пашни, у татар почти вдвое ниже, чем у других национальностей. Обработка ведется хуже и результаты, конечно, получаются более слабые, что мы можем видеть из следующей таблицы, рисующей

¹⁾ Цифровые данные взяты из работ Ермолаева—С.-Х.-во ТР и Шарафа и Ермолаева.

²⁾ Шараф и Ермолаева стр. 40.

доход крестьянских хозяйств различных национальностей от всех главных видов сельского-хозяйства в довоенных рублях. ¹⁾

		Полеводст.	Сенокос	Огородн.	Садовод.	Пчеловод.	Скотовод.	Выв. навоза	Птицевод.	Всего
В татар. хоз.	} абс.	122,31	17,40	2,83	0,99	0,35	50,38	1,44	2,80	198,50
В русск. хоз.		132,00	20,33	9,64	2,96	0,99	70,74	1,73	2,81	240,90
В татар. хоз.	} в	61,20	8,80	1,50	0,50	0,20	25,40	0,80	1,60	100
В русск. хоз.		54,70	8,80	4,00	1,20	0,20	29,30	0,70	1,10	100

Данная таблица показывает, что валовая продукция сельского хозяйства татарина меньше, чем у русского, хотя в общем продукция хозяйства обоих народов мала и хозяйство населения края очень слабо. Кроме того, хозяйство края вообще, и татарского в частности, отличается значительной односторонностью. Так у татар 61,2% всей продукции сельского хозяйства падает на полеводство, а на полеводство и скотоводство 86,6%. Другие отрасли сельского хозяйства развиты очень слабо и составляют незначительный % бюджета. Поэтому неустойчивые метеорологические условия, особенно в юго-восточной части края, ставят хозяйство под постоянную угрозу полного разорения. Случись засуха, хозяйство не получает урожая с поля, за отсутствием корма, теряет скот и приходит в полный упадок, от которого не так скоро может оправиться.

Интересно также отметить и тот расход, который производится землеробами края на те отрасли хозяйства, из которых составляется вышеуказанный доход. (Таб. стр. 83)

Расходы по полеводству состояются главным образом из расходов на приобретение семян и на удобрение—вывозку навоза. Интересны суммы, потраченные населением на вывозку навоза, т. е. на улучшение той пашни, которая

¹⁾ Шараф и Ермолаев стр. 41.

	Поле-вод.	Сенокос	Скотовод.	Проч. расх.	Всего
В татарском хозяйстве	20,75	0,26	53,82	5,96	89,79
В русском "	31,03	0,90	75,84	4,53	112,30
В нацменовском "	37,96	2,50	53,28	15,00	108,77

является его главной кормилицей. У татарина этот расход в 1925 г. равнялся—1,25 р., у русского—1,47 р. и у нацмен—1,73 р.

Слабая обеспеченность населения результатами сельскохозяйственного труда и значительное количество свободного времени, ставит вопрос о добывании средств к существованию неземледельческим трудом почти на всей территории ТССР. Количество свободного от сельского хозяйства времени у всех народностей края очень значительно и у татар выражается в 81% всего рабочего времени семьи, у русских до 75% и у нацмен до 62%.¹⁾

Это значительное свободное время, особенно зимой, населением используется или для мелких промыслов, проводимых дома, силами своей семьи, или на отхожих промыслах, как личных, так и с лошадью.

Мелкая промышленность в крае всегда была довольно значительно развита и занимала большое количество рабочих рук из среды крестьянского населения. Местное и дешевое сырье для большинства отраслей этой промышленности, несложный инвентарь и слабые требования квалификации, вызвали значительное количество работников, занимающихся тем или иным промыслом, заполняющим им свободное время. Промышленность эта возникла от наличия того или иного сырья, причем наблюдается специализация на той или иной отрасли целых деревень, а то даже и волостей. Так есть, например, в Мамадышском кантоне деревня, в которой весь кустарный промысел заключается в изготовлении кнутов

Продукты этой промышленности иногда имели очень далекие рынки сбыта и мелкая промышленность всегда пользовалась вниманием хозяйственных организаций края.

¹⁾ Шараф и Ермолаев—Цит. соч. стр. 40.

Ее изучали, упорядочивали сбыт, устраивали школы и даже музеи образцов. Особенно этим интересовалось Казанское Губернское Земство, которое издало в 1911 году солидное исследование—Мелкая промышленность Казанской губ. К сожалению это капитальное исследование при подведении итогов не имеет национального разреза и поэтому оно теряет ценность при выявлении промысла той или иной народности. Современное состояние мелкой промышленности по обследованию 1925 г. выявлено в статье Ермолаева и Рухляева. ¹⁾

Число лиц, занятых промыслом, на 1.000 душ населения в довоенное время и в 1925 г., а также число промысловых дворов на 1.000 выражается следующей таблицей: ²⁾

К а н т о н ы	Ч и с л о л и ц		Ч и с л о дворов
	Довоен.	1925 г.	
Арский	37,8	19,0	64,25
Бугульминский	13,3	6,3	33,88
Буинский	15,2	2,3	10,08
Елабужский	57,9	9,7	42,14
Лаишевский	30,3	8,6	40,95
Мамадышский	26,2	12,2	56,42
Мензелинский	9,6	4,8	23,12
Свияжский	17,1	8,2	35,16
Спасский	26,6	7,5	31,65
Тетюшский	19,5	6,6	28,20
Челнинский	—	7,3	33,90
Чистопольский	13,5	9,4	41,61
По ТССР.	22,7	9,4	39,29

¹⁾ Ермолаев и Рухляев—Мелкая (куст. рем.) промышленность ТР в 1925 г. № 3.

²⁾ Указанная статья—стр. 52.

Цифры 1925 года для Елабужского кантона не полны, благодаря непредставлению сведений из одной волости.

В настоящее время наибольшее количество кустарей имеется в Арском и Мамадышском кантонах, тогда как ранее наравне с ними были и кантоны Лаишевский и Спасский, ныне значительно уменьшившие число промысловиков. Наиболее слабое развитие кустарных промыслов раньше имели кантоны восточного Закамья, а также и Горной стороны, и таковыми они остаются и в настоящее время, соответственно уменьшив свои промыслы.

Распределение числа промысловых дворов по кантонам ТССР рисуется в следующем виде:

К а н т о н ы	В абсолютных цифрах				В процентах			
	татар	русск.	нац.	всего	татар	русск.	нац.	всего
Арский	2848	1555	121	4524	62,94	34,38	2,68	100
Бугульминский	1021	502	140	1664	61,36	30,17	8,47	100
Буинский	87	45	172	304	28,62	14,80	56,58	100
Елабужский	180	975	56	1211	14,68	80,52	4,62	100
Лаишевский	589	855	—	1444	40,79	59,21	—	100
Мамадышский	1607	364	115	2089	76,93	17,57	5,50	100
Мензелинский	609	165	11	785	77,58	21,02	1,40	100
Свияжский	192	895	10	1097	17,50	81,59	0,91	100
Тетюшский	457	448	73	978	46,73	45,81	7,46	100
Спасский	257	498	184	935	27,49	52,83	19,78	100
Челнинский	779	721	61	1561	49,80	46,19	3,91	100
Чистопольский	397	2014	311	2722	14,58	75,99	11,43	100
По ТССР.	9023	9036	1255	19314	46,72	46,78	6,50	100

Таким образом количество промысловых дворов русских и татар, как в абсолютных числах, так и в $\frac{\text{о}}{\text{о}}\%$, почти одинаково. Распределение же этих национальностей по кантонам в значительной степени зависит от

распределения русских и татар вообще. Обращаясь к данным числа лиц, занятых в промысле, можно видеть, что $\frac{0}{100}$ татар немного больше, чем по количеству хозяйств, и достигает до 49,17 $\frac{0}{100}$ против 45,12 $\frac{0}{100}$ русских. Из приведенных таблиц мы видим, что центром кустарных промыслов в настоящее время в ТССР являются Арский и Мамадышский кантоны и меньше всего их в Буинском и Мензелинском кантонах, как в абсолютных цифрах, так и в относительных на 1000 душ или дворов.

Далее познакомимся с распределением промысловых дворов по группам промыслов. Выделив лишь основные группы промыслов, можно видеть, что обработкой дерева занято до 28,91 $\frac{0}{100}$ промысловых дворов, обработкой волокна—14,62 $\frac{0}{100}$, обработкой кожи—12,23 $\frac{0}{100}$, обработкой минералов—3,02 $\frac{0}{100}$, обработкой металлов—14,74 $\frac{0}{100}$ и 26,48 $\frac{0}{100}$ падает на прочие промыслы, куда входит значительное число дворов, занятых обработкой молока, посредством сепараторов. Таким образом мы видим, что большинство промыслов связано с местным сырьем, т. е. с обработкой продуктов сельского хозяйства и только обработка металлов производится из привозного материала, но вырабатываются преимущественно предметы, нужные для сельского хозяйства.

Распределение отдельных видов промыслов по территории ТССР далеко неравномерно и зависит преимущественно от наличия сырья того или иного вида ¹⁾. (См. табл. на стр. 87).

Таким образом мы видим, что главным центром распространения почти всех промыслов является Арский кантон. Следом за ним идут Мамадышский и Чистопольский, хотя число промысловых дворов в них обоих немного больше, чем в Арском кантоне, в котором сосредоточено 22,82 $\frac{0}{100}$ всех промысловых дворов ТССР. Наименьшее количество промысловых дворов в Буинском и Мензелинском кантонах. Не рассматривая подробнее данных этой таблицы, обратимся к вопросу о разделении отдельных видов промыслов среди национальностей края. (См. табл. на стр. 88).

¹⁾ Ермолаев и Рухлядев—Цит. статья стр. 56. Из данной статьи взяты абсолютные цифры числа дворов, а $\frac{0}{100}$ вычислены на основании этих цифр автором.

Кантоны	Число промысловых дворов										Тоже в процентах						
	Обработка древесн.	Обработка волокна	Обработка кожи	Обработка минералов.	Обработка металлов.	Прочих	Всего	Обработка древесн. материал.	Обработка волокна	Обработка кожи	Обработка минера.	Обработка металлов	Прочих	Всего			
	Обработка древесн. материал.	Обработка волокна	Обработка кожи	Обработка минералов.	Обработка металлов.	Прочих	Всего	Обработка древесн. материал.	Обработка волокна	Обработка кожи	Обработка минера.	Обработка металлов	Прочих	Всего			
Арский	2155	492	680	108	495	561	4524	39,14	17,43	28,79	18,49	17,38	11,03	22,82			
Бугульминский	349	137	196	29	301	652	1664	6,25	4,88	8,30	4,96	10,57	12,75	8,51			
Буинский	42	42	14	—	96	110	304	0,75	1,48	0,59	—	3,37	2,16	1,57			
Елабужский	236	154	171	67	167	426	1211	4,05	5,45	7,23	11,46	5,87	8,34	6,27			
Лашевский	391	49	99	50	235	617	1444	7,05	1,73	4,15	8,56	8,25	12,07	7,48			
Мамядишский	567	557	75	23	299	538	2089	10,15	20,79	3,18	3,93	10,50	10,52	10,61			
Мензелинский	68	165	44	—	133	375	785	1,22	5,84	1,86	—	4,67	7,34	4,05			
Свияжский	162	118	145	134	172	366	1097	2,90	4,18	6,14	22,98	6,05	7,16	5,68			
Спасский	418	77	74	—	198	168	935	7,48	2,73	3,13	—	6,95	3,29	4,84			
Тетюшский	152	98	195	78	122	333	978	2,72	3,47	8,30	13,35	4,28	6,52	5,02			
Чемнинский	377	157	184	39	283	521	1561	6,75	5,56	7,79	6,68	9,96	10,12	9,08			
Чистопольский	644	747	485	56	346	414	2722	11,54	26,46	20,54	9,59	12,15	8,69	14,07			
Всего	5584	2823	2362	584	2847	5134	19314	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00			

Наименование групп по промыслу	Количество дворов			То же в процентах		
	татар	русск.	нацм.	татар	русск.	нацм.
Обработ. дерева	3088	2109	387	55,30	37,77	6,93
„ волокна	1052	1573	198	37,27	55,72	7,01
„ кожи	873	1367	123	36,92	57,87	5,21
„ минераллов	126	450	8	21,58	77,05	1,28
„ металлов	992	1592	263	34,84	55,92	9,24
Прочие промыслы	2893	1945	276	66,58	38,03	5,39
И т о г о .	9023	9036	1255	46,72	46,78	6,50

На основании приведенной таблицы можно видеть, что в руках татар находится главное количество дворов, занятых обработкой дерева, затем волокна и меньше всего татары занимаются обработкой минераллов. Точно также в татарских руках находится большинство промыслов, не входящих в перечисленные.

Дав общую цифровую картину кустарных промыслов в ТССР, остановимся несколько на характеристике этих промыслов, на отдельных видах их и на рынках.

Как мы уже видели, самое значительное место в промыслах занимает обработка дерева. Из промыслов этого типа значительное развитие имеет изготовление рогож и кулей, которым заняты главным образом татары и нацмен, затем лапотный и корзиночный промыслы. Значительное место занимает также экипажный промысел, создавший заслуженную славу экипажам казанского производства, но этот промысел находится почти целиком в русских руках, также, как и столярный. Довольно значительно в северных кантонах развит щепной промысел и им преимущественно занимаются татары и нацмен.

Из промыслов по обработке волокна особенно надо отметить веревочный промысел, находящийся почти целиком в татарских руках. Этот промысел развит в северных кантонах, а также в Закамьи. Сильно развитое прежде ткачество в настоящее время потеряло свое значение и ткани

на продажу изготавливаются только в Тетюшском кантоне и отчасти в Арском (салфетки и полотенца). Большое распространение имеет также валяльный промысел, особенно в северных кантонах, и в нем принимают участие преимущественно татары. Выделываются в больших количествах валенки, галоши, шляпы, войлоки и т. п. Некоторое значение играет также шерстобитный промысел, который проводится большей частью бродячими шерстобитами, но в небольших количествах встречаются и маленькие заводи. Однако этот промысел начинает падать, вытесняясь фабричным производством.

Из промыслов по обработке кожи отметим, с одной стороны выделку кож, которая распространена почти повсеместно, а затем изготовление изделий из кож. Главным из этих промыслов является сапожный, которым занято значительное количество лиц, как татар, так и русских. Особенный интерес представляет, так называемый, ичежный промысел, т. е. изготовление из сафьяна цветной азиатской обуви, которой Казань снабжает все восточные народы СССР. Ичежный промысел имеет центр в Казани и ведется татарскими и русскими крестьянами близ лежащих деревень. Мы сейчас не будем останавливаться на этом интересном промысле и описание его дадим в соответствующем месте. Кроме обувного, значительное место занимает шорный и рукавичный промыслы, которыми занимаются иногда целые волости.

Значительное место занимает и обработка металлов, в виде кузнечного и ювелирного промыслов. Кузнечный промысел развит почти по всей ТССР, но главным образом центром его является Арский кантон (с. Чебакса). Кузнечный промысел тесно связан с экипажным, а кроме того не мало изготавливается и сельскохозяйственных орудий. Кроме грубойковки в северных кантонах была раньше распространена и художественнаяковка: оград, решеток, кроватей и т. п. Кузнечное дело находится преимущественно в руках русских, и татар кузнецов мало. Даже деревенские кузнецы в татарских деревнях по преимуществу русские, особенно в Арском кантоне. Некоторое значение имеет слесарное мастерство и холодное кузнечество, в которых одинаково работают и русские и татарские крестьяне.

Интересно развитие в крае ювелирного промысла, центром которого является Рыбная слобода, Лаишевского кантона, где почти все население занимается исключительно ювелирным промыслом. Изготавливаются преимущественно украшения для восточных народностей, которые раньше в массе отправлялись в Туркестан и в Киргизские степи. Рыбнослободское производство находится исключительно в русских руках, но кроме того не мало ювелиров татар в деревнях Арского и Мамадышского кантонов, которые изготавливают украшения из монет, а также и сканные вещи, довольно хорошо подражая великолепным образцам туркестанской и персидской работы.

Из обработки минералов, некоторое место занимают ломка камня, добыча извести и алебаstra, а также кирпичный и гончарный промыслы, которые в значительной степени принадлежат русским, особенно гончарный, ибо татары гончарным производством совершенно не занимаются.

Кроме описанных промыслов, которые в большинстве производятся населением на месте, не отрывая его от хозяйства, существует ряд промыслов, которые уже в значительной степени носят характер отхожих. К таковым отнесем прежде всего портновский промысел, а затем плотничий. Портновский промысел распространен почти исключительно среди татар и преимущественно крещеных. Портные эти работают, переходя из селения в селение, и таким образом являются странствующими ремесленниками. Значительное количество этих портных уходит далеко на границы края, особенно в Башкирию и в Киргизские степи. Плотники также артелями и небольшими группами переходят из села в село, из города в город, применяя в нужных местах свое мастерство. Среди плотников также не мало татар.

Все указанные промыслы все же не могут доставить заработка всему населению и поэтому имеет значительное распространение сезонный отход населения на дальние заработки. Многие из крестьян уходят на заработки на заводы, часто далеко за пределы края: в Сибирь, на Урал, в Донбасс и т. д. Нередко целые деревни специализировались на одном виде заработка, например, некоторые татарские деревни Чистопольского и Тетюшского

кантонов являются сезонными горнорабочими, причем некоторое количество их остается там на долго, не порывая связи с родной деревней. Некоторое количество рук, особенно у татар, находит применение в качестве сезонных сельско-хозяйственных рабочих, уходя на работу в южные степи. Интересно отметить отправление на сезонные сельско-хозяйственные работы некоторых татар Арского кантона в Аргентину, куда они до войны ежегодно отправлялись осенью и возвращались весной. Это плавание в Аргентину совершалось ежегодно и довольно значительной партией крестьян татар.

Довольно большое место в занятиях крестьянства занимает извозный промысел, по перевозке грузов по грунтовыми дорогам, а также некоторое количество (не менее 1000 душ), преимущественно татар, на зиму находят заработок в Казани в качестве ломовушек „барабуз“, которые, за баснословно дешевую плату, возят граждан по городу.

Кроме указанных промыслов, которые требуют некоторой квалификации, масса крестьян, особенно татар, приходят в город и берутся за всякую черную работу. Чаще всего они, соединяясь по несколько человек, берутся за пилку и колку дров, а также за уборку снега. Количество этих неквалифицированных рабочих очень значительно и зимой они заполняют все города края, предлагая свой труд за безценок. К сожалению в нашем распоряжении нет цифровых данных о количестве этих рабочих.

Кроме отправления на сезонные заработки, чтоб использовать свободное от полевых работ время, имеется ряд лиц, находящихся, так сказать, в длительном отхожем промысле. Особенно этот вид промысла распространен среди татар. К нему относятся постоянные ломовые извозчики, дворники, служителя, прислуга и даже служащие различных предприятий. Эти лица занимают постоянные должности в городе, не порывая с хозяйством, и посылают на сельско-хозяйственные работы свою семью или, даже, как, например, извозчики, выезжают сами.

Незначительная, часть населения, имеет частную торговлю, причем этот вид занятий занимает более видное место у татар, чем у русских. В видах торговли надо

отличать прежде всего торговлю предметами городского производства, необходимыми деревне. Сюда относятся, как постоянная торговля в селах маленькими магазинами, так и торговля на базарах и ярмарках. Такие виды торговли занимают довольно значительное число лиц, но лиц, не имеющих больших капиталов. Большинство этих торговцев развозит свои товары по деревням, торгуя с воза на улице в дни, когда нет базаров. Вторым типом торговли является заготовка, преимущественно сырья и с-х. продуктов, в деревне и перепродажа их в город. Сюда относятся довольно значительные операции с сырыми кожами и яйцами, которые подобные торговцы скупают по деревням. Надо заметить, что яйца в значительной мере преобретаются меновой торговлей, и в деревнях яйца являются своеобразной денежной единицей. Подобный тип торговли требует более значительных средств и потому число сырьевщиков меньше, а обороты значительнее. До революции подобные сырьевщики из крестьян имели значительные обороты и капиталы, ведя дела иногда на значительных районах и имея многочисленную агентуру. Этот вид занятий с разворачиванием кооперации с каждым годом становится все меньше и меньше.

Последним видом приработка населения поставим наем на сельско-хозяйственную работу в более зажиточные хозяйства, наиболее бедного населения. Это батрачество частью оплачивается деньгами, частью предоставлением инвентаря для обработки.

Рассмотрев хозяйственную деятельность населения и все главные способы добывания им средств к существованию, остановимся несколько на бюджете крестьянского хозяйства у различных национальностей в средних цифрах по ТССР, ибо покантонных данных к сожалению не имеется.

При описании бюджета крестьянского населения края, согласно данным выборочного обследования 1924 года, ¹⁾ прежде всего остановимся на рассмотрении капиталов крестьянского хозяйства: постройки, скот и птица, мертвый инвентарь, и запас сельско-хозяйственных продуктов.

¹⁾ Все данные о бюджете взяты из статьи Шарафа и Ермолаева.

Сводя данные о капиталах хозяйства народностей края, получаем следующие цифры стоимости всех капиталов хозяйств по довоенным ценам:

Хозяйство татарина	416,69 р.
„ русского	505,33 р.
„ нацмен	475,15 р.

Таким образом максимальная сумма всех капиталов приходится на русское хозяйство, а капитал татарского хозяйства составляет только 82⁰/₀ русского. Интересно, что меньшая вообще мощность татарских хозяйств, по сравнению с русскими, оказывается и на годичном приращении хозяйственного капитала, путем приобретения инвентаря, увеличения скота и т. п. У русского этот прирост выражался за год в 16 р. 67 к., а у татарина всего лишь в 9 р. 07 коп. Таким образом мы видим, что и процесс улучшения, наиболее слабого, татарского хозяйства происходит медленнее, чем у русского крестьянина. Принимая же во внимание затраты труда на сельско-хозяйственные работы разными национальностями, на что указывалось раньше, а также наиболее слабую валовую доходность татарского сельского хозяйства, мы видим, что и общая доходность татарского хозяйства, за вычетом всех расходов по хозяйству, также меньше. В следующей таблице приведем цифры доходности хозяйства различных национальностей с указанием налогов, фонда потребления и сбережений (в довоенных рублях).

Национальность хозяйств	От с-х.	От леса	От торг. пром. предп.	От личн. пром. занят. и службы	Заработок в чужом хозяйстве
Татарск. хоз.	101,57	6,80	4,26	25,79	30,58
Русское „	139,06	7,42	7,28	18,80	24,63
Нацменов ск „	145,59	13,48	—	11,55	15,74

Национальность хозяйств	Прочие до- ходы и по- ступлен.	Весь услов- ный доход всего хозяйства	Налоги на- туральн. и денежн.	Фонд пот- реб. и сбе- реж.
Татарск. хоз.	7,12	176,13	13,06	163,07
Русское „	15,49	212,68	15,58	197,10
Нацменовск „	8,75	195,11	12,74	182,37

Анализируя эту таблицу, отметим, что кроме меньшей абсолютной цифры доходности татарского хозяйства, мы видим еще значительную односторонность татарского хозяйства, даже большую, чем у русского крестьянина. Доход от полеводства у татарина дает большую относительную доходность, чем у других национальностей. Только доходы от личных промыслов и службы, а также от заработка в чужих хозяйствах более значительны у татар, но это еще раз подчеркивает убогость татарского хозяйства, даже по сравнению с убогим же русским хозяйством края.

По данным статистического обследования 1883 г. татарские хозяйства и в прошлом также были слабее русских и нацменовских. Например, у Лаврского¹⁾ имеется подробное исследование хозяйства Егоркинской волости, Чистопольского уезда, Казанской губ. По этим данным на 1334 двора в 12 деревнях русских и чувашских, обедневших дворов было 282, а на 420 дворов в 2 татарских деревнях их было 200. При этом автор замечает: „здесь мы имеем дело не с каким либо случайным явлением, не здесь только, но и по всей губернии с небольшими вариациями замечается подобное же отношение между татарскими и русско-чувашскими деревнями; везде разница в отношении хозяйственной состоятельности между ними такая же резкая и значительная“.

Причины большей слабости татарского хозяйства даже по сравнению с убогим вообще хозяйством края, несомненно сводятся к тому ненормальному социально-политическому положению, в котором жили татарские трудящиеся массы под русским владычеством. Руссификатор-

¹⁾ Лаврский—Татарская беднота. Казань. 1884, стр. 10—11.

ские нажимы, экономическое разорение, постоянная борьба за сохранение своей культурной самостоятельности и сосредоточение на этом основного внимания, привели к общей боязни всего прогрессивного и к полной культурной и хозяйственной отсталости. Результатом этого явилось то, что прибыль от хозяйства у татар меньше, чем у других и, несмотря даже на то, что татары более, чем другие народности пополняют свой бюджет от личных промыслов, службы и заработка в чужом хозяйстве, их фонд сбережения и потребления все же меньше (см. табл. на стр. 95). Он составляет лишь 82,7% русского и 89,4% нацменовского.

Приходится также отметить, что у татар гораздо больше ужасающей бедноты, чем у других народностей края и эта группа значительно снижает среднюю бюджета. На основании данных Шарафа и Ермолаева, нельзя увидеть такой резкой разницы, между бедным и зажиточным населением различных народностей, но это конечно зависит от того, что революция в значительной степени нивелировала население, ослабив богатые и усилив бедняцкие хозяйства. По данным же более старым, хотя бы того же 1883 г., мы видим, что у татар, обследованных Лаврским деревень, состоятельных дворов (имеющих 2 и более лошадей) было 25,5%, а бедных 47,5%, причем среди них больше половины—26,5% к общему числу—безлошадных и безхозяйственных. У русских же и чуваш бедняков было 21%, безлошадных и безхозяйственных 10,8%. Таким образом у татар переход от зажиточности к бедности более резок и, ежели зажиточный крестьянин живет хорошо, то на каждое такое хозяйство имеется почти два бедняцких. Так у Лаврского описан ряд хозяйств, избы которых вместе с печью стоят 15 р.¹⁾, которые не имеют ничего кроме кое каких лохмотьев, сквозь дыры на которых видно тело, квашни, доски для стряпни и 2—3 чашек, которые засевают 480 кв. сажен (остальной надел

¹⁾ Цифры Лаврского для сравнения с довоенными необходимо корректировать, коэффициентом удорожания жизни с 1880 г. до первого десятилетия текущего столетия. Нам кажется, что приняв этот коэффициент равным 3, можно без больших погрешностей вести сравнение с данными Шарафа и Ермолаева, где все вычислено в довоенных рублях.

сдан за неимением возможности обработать его) и 10 пудовок картошки на огороде. Таких семей среди татар достаточно много. Да и для настоящего времени мы видим, что безлошадность у татар значительнее, чем у других народностей края. Отсюда выходит, что, хотя средняя доходности у татар и ниже, но зажиточные имеют больше дохода, т. к. бедняки почти ничего не имеют и поэтому средняя в 163 р. на хозяйство распределена у татар, менее равномерно, чем у других.

Подобное более резко классовое расслоение татарского сельского населения опять таки является результатом указанных нами причин. Мы видим, что у татар под влиянием политики правительства создаются в деревнях не только кулацкие элементы (сельско-хозяйств. буржуазия), но и торговая и промышленная буржуазия, которая находила для своего развития более благоприятные условия в деревне и поэтому перенесла туда свою деятельность, не изменяя своих бытовых навыков. Далее этому расслоению содействовала и двойственная политика правительства к татарам: притеснение их национальной культуры и обогащение татарской буржуазии вовлечением ее в восточную торговлю. Крестьянина середняка подобная политика чаще всего разоряла, а для богача она была выгодна и мы видим, что татарская буржуазия этого времени, заимствуя сравнительно немного у русских, вводит в свой быт колоссальное количество бытовых элементов своих же классов Туркестана. Богатство и низкий культурный уровень татарской буржуазии приводит еще к проявлению значительной кичливости внешними проявлениями богатства, которая частично проникла в быт и менее зажиточных слоев и привела как бы к национальной особенности татар больше обращать внимание на внешнюю обстановку, которую отмечают многие авторы.

Г л а в а IV.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРИЕМЫ И ИНВЕНТАРЬ, СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ.

Землепользование. Вспашка и сев, уборка, молотьба. Луга и заготовка сена. Огородничество. Садоводство. Лесное дело. Животноводство: лошади, коровы, козы и овцы. Разведение птиц. Пчеловодство. Охота и рыболовство. Средства передвижения: верховая езда, колесные экипажи, зимние экипажи.

В экономическом обзоре предыдущей главы мы разобрали хозяйство края с его количественной и отчасти качественной стороны, но исключительно под углом зрения его экономической структуры, как источника существования всего населения и в том числе татарина, а стало быть и всего его быта и культуры. Однако безпристрастные цифры не дают нам картины тех приемов, которые применяются в хозяйстве народа и составляют ту материальную основу, на которой базируются все достижения, уже поддающиеся точному учету, с цифрами в руках. Как раз описанию этих приемов и тех средств, которыми располагает народность для применения этих приемов, мы и посвящаем настоящую главу, сюда же вклинив способы и средства передвижения, поскольку у татар они мало характерны и не имеет смысла их выделять особо.

При рассмотрении технических приемов ведения хозяйства и его инвентаря у татар, мы сразу останавливаемся перед фактом малой их оригинальности и отсутствия чисто национальных черт. Татарин употребляет те же орудия, те же хозяйственные приемы, как и соседние с ним народности. Даже при рассмотрении материала в историческом аспекте, мы все же видим ту же картину общности хозяйственных приемов. Татарин, чу-

вашии, вотяк, мари, русский все ведут свое хозяйство одинаково, за немногочисленными деталями, и с одинаковыми же, приблизительно, результатами, зависящими больше от естественно-исторических и географических факторов, чем от национальных особенностей хозяйственного быта. Только в деталях проскальзывают чисто национальные вкусы и привычки, но не в основных хозяйственных приемах. Так, скажем, к чисто национальным чертам приходится отнести увлечение татарской кованной сбруей для поездок в праздники и т. п. мелкие факторы, как результаты древних кочевнических традиций. Причиной подобной нивеллировки, кроме практической пользы, надо поставить, конечно и длительное сожительство народностей в крае, которое, путем перекрестных заимствований, нивеллировало хозяйственный быт.

Каково происхождение тех или иных хозяйственных приемов и инвентаря, сказать в настоящее время в высшей степени затруднительно, но некоторые соображения по этому вопросу, по отношению к тем или другим группам занятий, мы выскажем при разборе их. Далее, ввиду малой типичности татарского инвентаря и приемов ведения хозяйства, совпадающих, по отношению почти всех его отраслей, с таковым же у всех народностей Среднего Поволжья и Приуралья, а пожалуй многое обще и для всей северной части Европы, подробных описаний мы не будем делать, останавливаясь подробно только на тех моментах, которые имеют что-либо характерное именно для данной народности. Рассматривание хозяйственной деятельности будем вести по степени важности того или другого занятия в быту народности, а не по принципу постепенного развития хозяйственных форм.

Как уже нами отмечалось, землевладение у татар преимущественно общинное, причем переделы производятся довольно часто, от чего возможно еще больше страдают их и без того неважные земли, ибо перед каждым переделом каждый почти хозяин прекращает даже то слабое унавоживание земли, которое производится. Унавоживанию вообще подвергаются большей частью только ближние земли, что нередко сразу заметно по состоянию хлебов, когда проезжаешь по татарским деревням. Подобное явление чаще всего объясняется тем, что навоза мало,

а кроме того, трудностью перевозки его на дальние поля. Формы участков отдельных деревень бывают самые разнообразные. Нередки черезполосицы и особенно сложные земельные отношения возникают при выделении из деревень новых поселков. В огромном большинстве земли татарских деревень бывают вытянуты перпендикулярно к той речке или ручью, на котором деревня располагается.

Такая форма земельных участков получается потому, что, предпочитая селиться на проточной воде, татары вдоль по речке ставят свои деревни очень густо, нередко на расстоянии не более километра. Поэтому участки земли у таких деревень невольно принимают вытянутую форму по обе стороны речки, а изредка даже по одной. Необходимо отметить некоторую разницу форм земельных участков (преимущественно дальноземелье) по районам. В Заказаны деревни, хотя и поставлены часто по течению рек, но ввиду того, что сеть этих рек и ручьев очень густа, деревни становятся более мелкими и поэтому их земли не страдают дальноземельем, именно из за малых размеров участков. В Закамы, благодаря редкой речной сети, поселки становятся в общем крупнее, а т. к. по реке они расположены также часто, то участки их более крупные и поэтому более длинные. Подобная картина расселения и землевладения более ясна там, где татары живут сплошной массой, т. к. при чересполосном поселении, картину путают русские поселки на водоразделах, ставящиеся и над колодцами и тем самым заставляющие татар селиться по рекам реже.

Обработка полей ведется татарами теми же способами, как и их соседями. Вспахивание полей под озимые ведется после окончания сева яровых и до сенокоса, под яровые тотчас же после уборки хлеба и реже, только под поздние хлеба, весной. Орудиями вспашки в настоящее время являются преимущественно плуг (сабáн—saban) и соха (сукá—suqa)¹⁾. Плуги употребляются однолемешные, сохи обычно русского образца. Плуги начали появляться в настоящем столетии или в самом

¹⁾ Академическая транскрипция татарских слов была нам любезно сделана Али-Рахимом.

конце прошлого, а доминировать стали только в последние годы. Раньше же главными орудиями вспашки были соха и древние орудия—сабан и косуля. В настоящее время сабан и косуля уже совершенно вышли из быта и даже найти их почти совершенно невозможно. Только в наиболее глухих местах у вотяков и мари это орудие можно видеть, ежели не на ходу, то во всяком случае в качестве предмета, лишь недавно вышедшего из быта и еще сохраняющегося. Сабан подробно описан Лепехиным¹⁾ для местностей по Черемшану, где он в то время являлся наиболее употребительным орудием вспашки. Сабан, требующий большого количества лошадей и более приспособленный к новым тяжелым почвам, по мере увеличения распашки, был, еще до появления плуга, вытеснен русской сохой, как орудием более легким и приспособленным для уже рыхлых почв.

Вспашка производится неглубокая, благодаря чему сорные травы значительно засоряют поля и в некоторых местах трудно бывает определить засеяно ли поле—настолько оно поросло травой, не уничтоженной мелкой вспашкой. Этому же способствует и плохая бороновка, которая, как и вспашка, много зависит от слабосильного скота. Бороны—тырма—trma (на горной стороне сибірки—sbrke) чаще всего деревянные с железными зубьями и еще реже железные целиком. Вообще инвентарь вспашки не отличается высокими качествами, причем надо отметить, что подобное явление не есть результат последних лет, ибо и раньше образцово поставленных хозяйств у татар было очень мало, т. к. татарские кулаки отличались от русских тем, что у них главным источником богатства была торговля, а не большая запашка земель. Татарские кулаки редко стремились, подобно русским, тем или иным способом увеличить количество земли, а также улучшить ее эксплуатацию. Масса же крестьянства, бедная средствами, конечно, не могла улучшить свой инвентарь да и количество его было очень не велико и не редким явлением было и раньше, что одно орудие обслуживало несколько хозяйств, на принципе супруги или просто найма.

¹⁾ Лепехин Ив.—Дневные записки ...

Посев производится почти исключительно в ручную. Сеялки очень редки, да и появились то они только в самое последнее время. Сеет обычно в большой семье старик, также вешая через плечо лукошко (тубал—*tubal*) и разбрасывая зерно горстью, как и русский крестьянин. Очистка семян перед посевом производится также, как и у русских, путем просевания зерен через большое решето, подвешенное у амбара или на специальной треноге, причем в отверстия решета могут проваливаться только сор, семена многих сорных трав, и неполновесные зерна хлеба, тогда как полновесные решетом задерживаются. Так очищают все зерновые хлеба. Однако, по нашим наблюдениям, очистка зерен производится тоже, в большинстве случаев, довольно небрежно, что, в соединении с плохой вспашкой, и создает такую сильную засоренность полей, которой татарские поля выделяются даже среди, вообще довольно небрежно обрабатываемых полей у крестьян Волжско-Камского края. Только в последние годы в связи с вопросом переустройства сельского хозяйства зерноочистка начинает сильно развиваться и появляются специальные машины.

Сев да и вообще сельско-хозяйственные работы ведутся одновременно с соседними русскими, причем приходилось замечать, что нередко, особенно в тех местах, где татары живут черезполосно с русскими, и в народном сельско-хозяйственном календаре наравне с татарскими датами существуют и русские—так счет по русским праздникам: Петрову дню, Покрову и т. д.

Никакого ухода за полями после посева не ведется, за исключением посевов проса, которые полют. (Картофеля у татар среди ярового клина почти не встречается, он относится к огородным культурам, также как и многочисленные корнеплоды).

Уборка хлеба ведется обычно ручным способом и машины применяются редко. Обычно хлеба жнут (те, которые срезают, а не дергают с корнем) серпами урак—*урақ* фабричного изготовления. Только очень плохие хлеба косят литовкой, с пристроенными к ней граблями. Жнут как мужчины, так и женщины. На жнитво обычно выезжают целой семьей, запрягая для этого у кого есть, тарантас, даже большой свадебный (см. ниже),

а ежели нет, то телегу. Ежели поле близко, то дома остается кто либо для приготовления и доставки пищи, а ежели далеко, то выезжают все и изготовление пищи ведется здесь же над костром в походном котле, причем обычная полевая пища—это каша (жидкая) с салом и катык (см. ниже), которого к жнитву изготовляют много.

Сжатый хлеб связывают в снопы (кольт—kelt), а снопы складывают в котля (чумл—suml) так, что обычно 11 снопов ставятся вертикально, а 12-й покрывает их сверху, ставясь вверх комелем, и охватывая верхушки всех своей раздвинутой вершиной и тем предохраняя нижние от сырости и птиц. После просушки перевозят их на гумно (ындыр—ndyr). Перевозка чаще всего производится на специальных сноповозках (кельтэ арбасы—kelté arbası) (см. ниже). На гумне часть хлеба сейчас же подвергается обмолачиванию, а большая часть укладывается в скирды (кибан—kivan). Хлебные скирды обычно ставятся на помостах высотой 50—60 сант. Помосты укрепляются на целой серии вбитых в землю кольев, на которые уложены жерди или плахи, причем эти помосты бывают квадратные и восьмиугольные, тогда как самые скирды делаются круглыми. В середине помоста возвышается кол, высотой с будущей скирд, который и служит, как бы основой скирда. Снопы (наружные) укладываются внутрь колосьями, причем стенки скирда имеют слегка расширяющуюся форму до высоты, с каковой скирд начинает перекрываться, за тем скирд сводится довольно пологим конусом на нет и сверху его перекрывают просто соломой, а изредка даже корьем. Диаметр скирдов у основания бывает от 3 до 4 метров и высотой также 3—4 до 5 метров. В таких скирдах хлеб хранится до момента обмолота и, при хороших урожаях, в зажиточных хозяйствах, иногда даже 2—3 года.

Подъем скирдов от земли объясняется желанием с одной стороны, предохранить хлеб от сырости, а с другой, от мышей. Для последней цели на кольца, поддерживающие скирд, сверху, где на них опираются жерди настила, накладываются или куски железа, или, чаще, куски корья, лубяной частью вниз, так чтобы мыши скользили по ним и не могли влезть. Такие скирды распространены по всей территории расселения татар. Только изредка

они устраиваются не круглыми, а овальными, да в южных, более обеспеченных землях, кантонах их делают крупнее.

Укладка подобных скирдов производится так, что один или два человека становятся на него, а несколько человек подают снопы, сначала руками, а затем, когда станет достаточно высоко, посредством трехрогих деревянных вил. Вилы (агач сәнәк—аҗас сәнәк) делаются обычно березовые, из целой березки, соответственным образом разветвленной. Такими же вилами мечутся и стога сена.

Молотьба производится преимущественно в ручную посредством цепов (чабагач—саваҗас), устроенных совершенно также, как и у русских, а кроме того производится лошадьми, которых гоняют по кругу тока, причем, или лошади производят молотьбу только своими ногами, или же они припрягаются к зубчатому цилиндрическому камню, который таскают за собой. При молотьбе в ручную несколько человек становятся в две шеренги друг против друга и бьют по разостланному хлебу в известном порядке, ударяя каждая пара по одному и тому же месту. После того, как хлеб будет достаточно обмолочен, солому снимают граблями, а хлеб теми же граблями, но вверх зубьями, сгребают в кучу. Колосья оставшиеся при молотьбе, сгребают также граблями или метлой (с брк—svrke) и они затем идут на корм скоту. Солому после молотьбы здесь же на гумне складывают в стога, продолговато-овальной или четырехугольной формы и разной длины, смотря по количеству, или же она сейчас же пускается в дело: на перекрытие крыш, корм скоту и т. п. Тока (ындыр-табагы—ndyr tabağy) обычно тщательно очищают от растительности, затем поливают и плотно устукивают палками, а когда высохнет, тщательно подметают метлой. Летние тока устраивают обычно под открытым небом, а зимние преимущественно под сараем для молотьбы (лапас—lapas), устраиваемом на гумне (см. рис. 1). Такие сараи устраиваются всеми хозяйствами, которые молотят хлеб зимой, т. к. некоторые, особенно бедные, стараются все смолотить сейчас же после уборки хлеба и зимней молотьбы не производят. Такие молотильные сараи преимущественно устраиваются целиком из жердей и соломы. Ставятся столбы, на которых крепятся стропила. Крыша покрывается соломой,

Рис. 1. Сарай для молотбы. Веяние на гумне. Чистопольск, кантон. (1926 г.)

Далее в том месте, где будут устроены стены, ставятся вертикальные жерди и прутья хвороста, опирающиеся верхними концами на балки крыши. К ним прикладываются снопы, которые снаружи также прижимаются жердями. В середине сарая оставляется широкий проход или с одной стороны, или с двух (для удобства веяния), который закрывается дверями, сделанными из хвороста и соломы. В таком сарае устраивается ток, который иногда, для твердости, поливается водой и замораживается. Кроме сараев для молотбы устраиваются иногда настоящие риги, с овинами внутри ее, но подобные риги, нам при исследованиях приходилось видеть 2—3 раза (рис. 2).

Сушка хлеба при зимней молотбе производится или в банях, или в особых овинах чумообразной формы (äу н—эуен) (рис. 2). Овины распространены далеко неравномерно, и кроме того, имеются только у более зажиточных хозяев, т. к. бедные молотят весь хлеб осенью или сушат его в банях. Овины распространены в Мамадышском кантоне Заказанья, а также за Камой. В других местах они редки. Овин представляет собой яму, перекрытую сводом камней (типа каменки курной бани) с топкой, устроенной в особой канавке. Над этой камен-

Рис. 2. Рига и в ней овин. Мамадышский кантон. (1926 г.).

кой поставлен как бы остов чума из жердей, связанных верхушками, посредством ивового кольца или обода от переднего колеса. Диаметр такого чума бывает до 2-х метров, а высота до 4-х. При сушке хлеб накладывается на стенки чума снаружи так, чтобы комели верхних снопов закрывали колосья нижних и так до верху, причем, чтобы снопы не падали, их крепят спирально обвитой, вокруг овина, веревкой. Подобный овин описан Лепехиным¹⁾ для местностей по р. Черемшану и близок к ови-ну, распространенному у северных соседей татар (вотяков и мари), описанному Поповым²⁾. Вероятно этот тип овина к татарам и пришел с севера, но здесь он упростился, ибо овин, описанный у Попова, имеет внутри полати и сверху перекрыт крышей, в виде широко развернутого конуса. Татарские овины (такие же овины у соседних чуваш) никогда не имеют никакой крыши и ставятся обычно в углу гумна, в стороне от молотиль-

¹⁾ Лепехин—Дневные записки... ч. 1 стр. 146—147.

²⁾ Попов Н. С.—Хозяйственное описание Пермской губ. СПб. 1804. часть II, стр. 35.

ного сарая и только изредка в углу риги. Овинов русского типа у татар встречать не приходилось. При сушке в банях, баню топят и затем в ней раскладывают снопы (обычно стоя или на особых вешалах) и держат там, пока не высохнут. Этот способ сушки хлеба в банях, при малом количестве хлеба, распространен очень широко и во многих местах шире, чем сушка в овинах. Молотьба посредством машин распространена очень слабо и чаще машины (конные молотилки) встречаются в Закамьи, где посева больше.

Очистка зерна производится преимущественно путем перебрасывания его лопатой по ветру (см. рис. 1), хотя последнее десятилетие начинает появляться сравнительно большое количество веялок.

Количество лугов у Казанских татар, как мы видели из предыдущей главы, очень незначительно и поэтому сенокосение не играет в хозяйстве особенно большой роли, являясь лишь подсобным. У татар луга располагаются чаще всего по долинам тех речушек, на которых стоят деревни и их очень мало. Так например, у д. Б. Болгояры, Тетюшского кантона, имеющей около 200 дворов, лугов имеется всего 22 дес. Это конечно крайний пример, но подобные факты обеспечения лугами встречаются и это вытекает из мест поселения татар вдали от больших рек. Отрезанные от пойменных лугов по берегам больших рек, татары в лучшем случае имеют их в количестве достаточном для прокормления своего скота, но во всяком случае у татар нет сенокосения, как одного из главных источников дохода хозяйства, как это есть в целом ряде русских деревень, расположенных по берегам Камы и снабжающих своим сеном города.

Те луга, которые имеют татары, как и все народности края, совершенно не улучшают и они являются естественными. Только кое где наблюдаются случаи очистки лугов от кустарника или кочек, но и это редко. Травосеяния ни полевого, ни лугового совершенно нет и сено добывается только с естественных лугов.

По обычаю, установившемуся у крестьянского населения края, луга и у татар делятся ежегодно перед самым началом сенокоса, для этого обычно, в заранее назначенный день, все домохозяева отправляются на луга, здесь

при осмотре выясняют их качества и делят на сорта. Затем каждый сорт лугов разверстывается на нужное количество паев и уже по жребию эти пай распределяются между хозяевами. Таким образом каждое хозяйство получает луга в разных местах, причем, при разнообразии лугов по качеству, бывают участки, дающие всего по нескольку копен. Где лугов особенно мало прибегают к аренде лугов у русских поселков, иногда довольно далеко от своего поселка.

Сенокос обычно начинается одновременно с русскими и чаще всего с Петрова дня (29 июня ст. ст.), причем и татары считают обычно также по Петрову дню. Косят обычно косой литовкой (чалгъ—саюрь) и сгребают сено граблями. Никаких более примитивных орудий для кошения у татар нет и о применении, например, горбуши, распространенной еще и сейчас у вотяков и башкир, у татар только кое где есть предания и то чаще у крышен, чем у мусульман. Скошенное сено, когда оно слегка подсохнет, складывают в копны, а по окончательном высыхании сметывают в стога (кибән—кivән), которые ставят здесь же на лугах, огораживая их пряслом из жердей, чтобы предохранить от потрав скота, выгоняющегося на траву. Метание стогов производится теми же деревянными вилами, что и при складывании скирдов хлеба. Перевозка сена на двор, кроме необходимого количества, производится уже зимой и опять таки по мере надобности. Перевозка ведется на обычных розвальнях. На дворе сено храниться на сеновале (пчанлік—рсэппек) над конюшней и хлевами под навесом.

Огородничество у татар, по сравнению с русскими и др. народами края, стоит определенно на очень далеком плане в хозяйстве. Огороды (jәшльчә бакчасы—jәшлсә-вақчасы), хотя в настоящее время и есть почти в каждом хозяйстве, но они малы и мало разнообразны по составу культур. Большую часть огорода татарин обычно занимает под картофель (бәрәңгі - wәгәңге) и коноплю (киндер—kinder), которые у русских являются преимущественно полевыми культурами. Огороды у татар начали занимать почти обязательное положение в хозяйстве только за последние годы, а раньше даже картофель сажал не всякий хозяин, а огородные овощи сажали только

зажиточные. Слабое развитие огородничества, может быть объяснено, по нашему мнению, несколькими причинами. Во-первых, состав татарской кухни таков, что овощи имеют в ней слишком малое применение, за исключением кухни более богатых групп, но и у них такой основной продукт огородной культуры, как капуста, имеет малое применение, гораздо меньше, чем овощи, считающиеся в русском быту второстепенными, как морковь, репа и т. п. Только картофель в настоящее время завоевывает все большее и большее место в кухне рядового крестьянина, успешно конкурируя с кусочками теста в качестве приправы к жидким блюдам. Второй причиной, являющейся в значительной степени следствием первой, является неумение татар хорошо выращивать овощи, особенно со стороны женщин. Татарки не умеют ухаживать за огородами и не любят этого дела. Здесь повидимому сказалось наследие от предков, скотоводов, которое сильно отразилось на составе питания татар (см. ниже) и отражено перешло и на огородничество. Салма, ипичу-мары, лапша, обычная еда татарина бедняка и средняка, не дают места применения овощам и поэтому татары их и не разводят.

Кроме картофеля татары на огородах разводят морковь (кишĕр—kişer), репу, (шалқан—şalqan) свеклу (чөгөн-дёр—сөгөндөр), редьку (тĕрма—trma), огурцы (кыяр—qiar), лук (суĕан—suoan), капусту (кәбістә—kävstә) и некоторые др. овощи. Однако все это садится преимущественно на огородах зажиточных татар и в небольших количествах, а в питании бедных татар еще безраздельно царствуют мучные приправы.

Техника ведения огородничества и инвентарь взяты у русских, но татарские огороды в массе оборудованы хуже, чем у русских, что вероятно объясняется опять таки меньшим интересом к ним. Так поливка огородов ведется менее тщательно, а полка чаще производится случайно, при заходе в огород, чем специально. Поэтому татарские огороды в большинстве случаев имеют довольно печальный вид и не дают, конечно, тех урожаев, какие должны. Окучивание картофеля производится преимущественно сохой, как и у русских, а полка его почти не производится.

Не большее место, чем огородничество, в татарском хозяйстве занимает и плодовое садоводство. Татары очень любят зелень, но почти, как правило, их садоводство не выходит из стадии разведения садов с чисто декоративными целями. Настоящие сады с плодовыми деревьями редки и их можно изредка наблюдать в более близких к Волге деревнях, на Горной стороне. Так, например, в деревне М. Кляри имеется большое количество садов, играющих серьезное экономическое значение. В большинстве же сады имеются только у лиц, выучившихся технике садоводства на длительных отхожих промыслах, или же не сады, а отдельные фруктовые деревья, в садиках у мулл и зажиточных крестьян. При взгляде на такие сады сразу чувствуется неумение вести это дело. Деревья садятся слишком густо и к моменту достижения ими зрелого возраста они начинают душить друг друга кронами и не дают развиваться полностью. Чаще татары разводят ягодные кусты: малины, смородины, крыжовника, но и это не выходит их рамок садиков при доме, в лучшем случае на огороде и, конечно, не имеет сколько нибудь серьезного экономического значения.

Просматривая в целом все земледельческие занятия татар, надо сказать, что хозяйственная мощь базируется только на полеводстве, тогда как все остальные отрасли имеют слишком небольшое значение, даже взятые все вместе. Методы ведения хозяйства и инвентарь почти совершенно идентичны с таковыми же у русского населения края, но названия большинства инвентаря настоящие татарские, которые, кстати сказать, приняты не только татарами, но и переданы ими своим старым соседям: мари¹⁾ и вотякам. Подобное явление можно, с известной долей вероятия, объяснить переоборудованием хозяйственного инвентаря и методов с появлением русских, принесших в край новые навыки и способы ведения хозяйства (трехполье), которые заменили господствующую в Волжско-Камском крае переложную систему, как следствие больших запасов земли. Земледелие в крае у предков татар является очень древним занятием. Инвентарь сельского хозяйства болгарской эпохи, судя по экземплярам,

¹⁾ Смирнов—Черемисы, стр. 24—25.

находимым при раскопках, определенно общий с другими турками, особенно Туркестана. Так сошники болгарские почти целиком совпадают по форме с таковыми же у современных народностей Туркестана, также как и весь плуг-сабан, который, исчезнув у татар, сохранился кое-где у вотяков и башкир. К сожалению мы не знаем орудий вспашки от еще более ранних до турецких времен, т. к. из тех времен (бронзовой эпохи) сохранились только серпы (Музей О-ва АИЭ), но возможно, что первобытная техника татарского земледелия имеет корни и в такой далекой эпохе.

Лесного дела, как такового, у казанских татар не существует и все ограничивается случайной работой по заготовке бревен на избы и дров в лесах тех местностей, где они имеются. Только немногие татары приобретают делянки в казенных лесах и заготавливают лес на продажу, опять таки чаще в виде готовых срубов, да в Северных кантонах, где довольно сильно развит деревообделочный промысел, некоторые хозяева сами заготавливают для себя материал. Однако в массе и для промысла татары приобретают материалы у мари, которые этим делом специально занимаются (древесина, лыко, мочало и т. д.). Техника лесного дела у татар идентична с соседями.

Животноводство у татар, также как и у их соседей русских и финнов, является как бы дополнительным к земледелию и скот, особенно крупный, разводится в количествах, необходимых для обслуживания хозяйства. Разведения скота, как главного источника благосостояния, у татар в настоящее время совершенно нет и даже предания об этом во многих местностях исчезли. Татары считают себя древним земледельческим народом. Только в татарской мифологии имеются отзвуки тех времен, когда скот не был так тесно связан с усадьбой, как у земледельца, и был самостоятельной отраслью хозяйства. У татар имеется специальный дух покровитель скота и его местопребывания хлева—абзар ияси—abzar iäse (хозяин хлева)¹⁾, в отличие от духа покровителя жилого дома ой ияси—өј jäse (хозяин дома). Подобный же специальный хозяин хлева, покровитель скота имеется и у других

¹⁾ Колбов—Мифология казанских татар. ИОАИЭ т. XXVI, вып. 5.

скотоводческих турецких народностей и он не объединяется с духом дома, в виде общего духа, покровителя всей усадьбы со всем в ней находящимся, как, например, домовой у русских. Только такие чисто побочные воспоминания сохранились у татар от эпохи кочевого быта, что несомненно дает еще одно из доказательств того, что казанские татары являются последним звеном той цепи оседлого населения края, которая началась с доисторических времен.

Из крупного скота татары разводят лошадей и коров и только в некоторых местах, как, например, на юге своего поселения, держат и верблюдов, но это не характерно и носит случайный характер. Основным животным, являющимся рабочим, служит лошадь. Количество лошадей у татар, как мы видели из предыдущей главы, невелико, но это зависит исключительно от слабости татарских хозяйств. Вообще же татары любят лошадей и умеют ухаживать за ними. Так на отхожих промыслах татары особенно охотно имеют дело с лошадьми, являясь извозчиками, кучерами, конюхами и они *en masse* умеют обращаться с лошадьми, пользоваться их расположением и преданностью. Хорошая лошадь — мечта каждого татарина-землероба и не только исключительно из за ее работоспособности. У татар-кулаков считается необходимым иметь выездных лошадей, которые не исполняют сельско-хозяйственных работ. Такие лошади содержатся в холе и являются гордостью хозяина. Не исчезнувшие еще скачки во время праздников Сабантуя и Джиина, так же показывают, что лошадь имеет у татарина не только хозяйственное значение.

В связи с этим у крестьян, которые по своему достатку могут подбирать лошадь должного достоинства, выбору лошади уделяется особо большое внимание, а воспитание лошадей ведется особенно тщательно. Обычно забота о воспитании жеребенка поручается тому или иному сыну хозяина, который и занимается этим, под неустанным наблюдением отца и таким образом вырабатывает необходимые навыки в уходе и обращении с лошадью.

Что касается пород лошадей, то в настоящее время у татар чаще распространена обычная крестьянская порода — малорослая и слабосильная, но это только потому,

что абсолютное большинство татар, благодаря страшной бедности, не имеет возможности выбора. Те же крестьяне, которые побогаче, стараются завести или более крупную лошадь улучшенной крестьянской породы, или киргизскую, которая, хотя и малоросла, но вынослива и быстра на бегу, на что также обращается не малое внимание. В качестве выездных лошадей татары приобретают рысаков, в деревнях чаще тяжелого типа, или лучших киргизских лошадей, незаменимых в качестве скакунов.

Количество лошадей у татар невелико. Большинство крестьян, имеющих лошадей, имеют одну—две и безлошадных больше, чем многолошадных. На этом сказались, конечно, бедность татарского крестьянства, но и у татарских кулаков даже в дореволюционное время редко можно было встретить большое количество рабочих лошадей, что конечно зависит от, уже отмеченного нами факта, отсутствия у них стремления увеличивать запашки, предпочитая иметь базу на торговых операциях. За то выездных лошадей у татар, как сельских, так и городских, всегда было больше, чем у соответственных кругов русских.

Уход за лошадьми у татар (за исключением самых бедных) более тщательный, чем, например, у русских. Конюшни у большинства таких хозяев устроены хорошо и содержатся достаточно чисто. Лошади также чистятся, а летом часто купаются или моются. Корм дается достаточно хороший и овес у татарской лошади не является уже таким лакомством, как у многих русских. Зимой татары стараются лошадь, кроме сухого, кормить и горячим кормом, в виде распаренных зерен или сваренной болтушки из муки с примесью ржаной мякины. При заболевании лошадь тщательно лечат и у татар имеется значительное число скотских врачей—коновалов. Татары охотно занимаются этим делом и не только среди татарских крестьян, причем, кстати сказать, нередко соединяют это занятие с другим—конокрадством. О способах лечения говорить не будем из-за отсутствия материалов, так как сборы в этой области очень сложны, ибо методы лечения составляют профессиональную тайну коновалов.

Летом татары обычно пасут своих лошадей в поле, соединяя всех лошадей деревни в один—два табуна

и ведя надзор за ними по наряду, причем чаще бывает так, что дается 1—2 взрослых и целая серия мальчишек, которые охотно берутся за это дело. Такие табуны пасутся в поле не только ночью, но и днем, в то время, когда нет работ. В табуне, ежели близко посева, лошади пасутся спутанными, причем у татар чаще употребляются железные путы на две передних ноги, запирающиеся особым замком.

Вторым крупным скотом, разводимым татарами, являются коровы. Коров татары разводят приблизительно столько же, сколько и соседние народности, но, при наличии возможности, разводят их больше, т. к. в татарском быту молочные продукты, при отсутствии овощей, играют гораздо большую роль, чем у русских. Молочные продукты у татар в массе потребляются на месте, что возможно также зависит и от отдаленности татарских поселений от городов и только масло является предметом вывоза. Породы коров, преимущественно распространенные в крае, малорослые и маломолочные, но нередко встречаются и хорошие породистые коровы, а кроме того татары стремятся улучшать породы коров приобретением, нередко дорогих, племенных быков. Серьезным препятствием в деле увеличения количества коров и улучшения их качества у татар, является недостаток кормов. Корнеплодов татарское хозяйство не знает, а сена накашивается мало, так что поневоле приходится водить мало-разборчивую в питании мелкую крестьянскую коровенку, которая легко довольствуется и соломой с кое какой пылкой.

Уход за коровами у татар—это женское дело, но надо отметить, что татары относятся к корове внимательнее русских, у которых корова содержится нередко всю зиму под навесом и питается остатками от лошади. Здесь для коров устраиваются бревенчатые же хлева, куда им дается специальный корм и теплое пойло, так что у татар корова в лучших условиях, чем у русских, особенно породистая корова в зажиточных хозяйствах. Воспитание телят ведется довольно тщательно, нередко также с поручением теленка заботам дочерей. Доеение коров татарки ведут чище, чем русские. Вымя коров обязательно обмывается теплой водой и вытирается чистой тряпкой,

а не ограничиваются при начале доения поплеыванием на пальцы, как это широко распространено у русских крестьянок.

К группе молочного же скота необходимо отнести и коз, которых татары разводят очень много и по татарской пословице „коза—корова бедняка“. Коз водят многие и не только бедные, т. к. считается, что козье молоко полезнее коровьего для детей. Породистых коз у татар мало, в большинстве случаев разводится мелкая коза с грубой и короткой шерстью. В качестве мясного животного—коза не играет роли, т. к. татары слегка брезгуют мясом козы и едят только маленьких козлят. Козы содержатся вместе с овцами и с ними же вместе пасутся летом в табуне.

Из мелкого скота, кроме коз, разводятся также овцы, которые дают татарину шерсть и овчину, а мясо овец является любимым мясом татар. Не имея другого мелкого скота, татары должны бы иметь овец больше, чем другие народности, но цифровые данные говорят, что и в этом виде животноводство татар в количественном отношении отстает от русских края. Однако это происходит, с одной стороны от ужасной бедности значительного числа татарского крестьянства, а с другой из за общего для всего животноводства татар препятствия—недостатка корма, из за малого количества лугов. Поэтому только более зажиточные имеют овец по несколько десятков, средние хозяйства имеют их до 10, а бедные и совсем не имеют, ограничивая свой скот нередко одной козой. Порода овец у татар обычная, т. наз. русская—мелкая и грубошерстная. Другие породы встречаются крайне редко. Для содержания овец летом устраиваются специальные загоны, а зимой бревенчатые хлева с полом и окнами, хотя это делается и не во всех хозяйствах. Ягнят зимой также, как и других молодых животных, чаще содержат в избе под нарами и за печью, или же в специальном отапливаемом помещении, в качестве какового нередко служит старая, уже не жилая изба. Летом овец обычно пасут в стаде вместе с коровами и только в больших селах, где скота много, их выделяют в особое стадо.

Разведением овец собственно и заканчивается разведение татарами четвероногих животных, причем в этом деле татарин также выступает как коренной земледелец, т. е. скот является второстепенной, обслуживающей до известной степени полеводство, частью, а не самодовлеющей, однако в деле ведения скотоводства надо отметить у татар большую любовь и от этого большую тщательность в уходе за скотом. Ежели татарин слабый земледелец, то скотовод он прекрасный и только малоземелье и общая бедность не дают возможности поставить это дело на широкую ногу. Мешает, конечно, этому и слишком малая хозяйственная культурность широких масс татарского крестьянства.

Кроме разведения скота, татары разводят также большое количество птицы, играющей в их хозяйстве даже некоторую самостоятельную роль. Из птиц разводятся: куры, гуси, утки и индейки. Больше всего разводится кур, которые дают хозяину яйца, мясо и перо. Кур разводятся особенно много, но по породам они преимущественно простые, т. н. „русские“ мелкие, хорошо летающие, но, в противоположность башкирским, которые упомянуты у С. И. Руденко ¹⁾, хорошо несущиеся, хотя и мелкими яйцами. Кормят кур подсевом, остающимся при молотье, а также и различными зерновыми хлебами. Летом куры обычно не имеют определенного места обитания, устраиваясь на балках под навесом. Только для яйцекладения им устраивают в различных местах, где куры охотно несутся, гнезда из старых корзин и ящиков, куда обязательно кладется яйцо, сделанное из мела, которое, как бы приманивает курицу нестись именно здесь. Зимой куры содержатся или в помещении для скота, или в теплушке для молоди, или (реже) в избе под нарами. Продукты куроводства частично потребляются самой семьей, но большее количество, особенно яйца и перо, идут на продажу и служат немаловажным источником дохода в некоторых хозяйствах. В каждой почти деревне имеется сборщик яиц, работающий или от себя, или в качестве агента. Он собирает яйца, частью покупая их, но, чаще, выменивая на различные предметы города, а иногда даже и

¹⁾ Руденко С. И.—Цит. раб. стр. 45.

на те сельские продукты, которых мало или нет у татар (лук). Перо обычно сдается тем же или другим скупщикам, которые ездят по деревням специально с этими целями.

Меньшее значение по количеству имеют гуси—любимая птица татар, которых они разводят более, чем другие народности края. Гусей имеет каждый более или менее зажиточный хозяин и иногда стадами в несколько десятков штук. Пасутся гуси на лугах, на речках и прудах, которые татары всегда устраивают или в деревне, или около. Если пруд или речка в деревне, то гуси ходят ночевать домой, а если нет, то они ночуют здесь же на берегу, проводя таким образом все лето. При выпуске гусей в общее стадо, каждый хозяин метит своих птиц тем или иным способом, чаще тряпочками на ногах, реже краской на пере. Охрана таких гусей очень примитивна. Только пока не убрали хлеб, обычно наряжают ребят следить, чтобы гуси не зашли в посевы, а после уборки и этого не производится.

Осенью, после наступления морозов, гусей колют вместе с другой птицей, причем щипать гусей собирается своеобразная помочь из девушек, которая так и называется „гусиная помочь“ (Каз *ömäsi—qaz өтәсе*). Эта помочь выливается в праздник—варят ту же птицу, прибавляют к этому различные сладкие угощения, а приход парней, которые любят являться на такие „помочи“, превращает работу в веселую вечеринку. Мясо гусей является любимым мясом татар, пух и перо идут на подушки и тюшеки. Однако и то и другое, кроме того, продается и на сторону в тех хозяйствах, где птицы водят много. На зиму оставляют только племенных птиц, которые и зимуют, чаще всего, с мелким скотом. Летом же, если гуси возвращаются ночевать домой, то они располагаются где попало на дворе, под навесом, под амбаром и т. д.

В меньшем количестве разводят уток и индеек и то только в наиболее зажиточных хозяйствах, так, что эти птицы не имеют того, сравнительно большого хозяйственного значения, как куры и гуси.

Последним видом животноводческого хозяйства у татар является пчеловодство, которым татары охотно занимаются, и особенно старики, ставящие его своим исключи-

тельным занятием. Ежели скотоводство и любовь к скоту есть у татарина наследство от его кочевых турецких предков, то пчеловодство определено является занятием, заимствованным татарами у финнов, исконных пчеловодов. Бортневого пчеловодства у татар в настоящее время нет совершенно, т. к. и лесов то, где можно было бы его вести, в местах поселений татар, не осталось. Раньше татары несомненно занимались и бортневым пчеловодством, т. к. в старинных указах не раз упоминаются по отношению к татарам и „бортевые ухожи и бобровые гоны“. В настоящее время существует только ульевое разведение пчел. Как мы уж видели в предыдущей главе, количество ульев на пасеку у татар меньше, чем у других народностей, а количество хозяйств, имеющих пчел, больше. Это получается потому, что многие хозяйства не имеют пасек в настоящем смысле слова, а лишь то или другое количество ульев в садике при доме или даже во дворе. Такое дворовое пчеловодство распространено не везде. Мы его наблюдали особенно часто в Арском и Мензелинском кантонах, где лесов для пасек почти нет. В других местах пчелы обычно разводятся в лесу на специальных пасеках, хотя иногда некоторые хозяева, имея в лесу пасеку, все же несколько ульев ставят у себя в саду, чтобы они были под руками и ими можно было заняться в любую свободную минуту, как любимым занятием. Подобный обычай, держать пчел при дворах, отмечает Руденко и для башкир¹⁾.

Размеры пчеловодных хозяйств варьируют от 1—2 ульев до сотни, но особенно больших пасек у татар наблюдать не приходилось. С технической стороны татарское пчеловодство ничем не отличается от соседей, особенно: мари, вотяков и башкир. Только у русских оно поставлено более совершенно. Ульи у большинства колодные. Только в последнее время начали усиленно прививаться рамочные ульи, хотя многие старики еще и сейчас сомневаются в их удобстве и выгодности, предпочитая вести дело по дедовским заветам. Подробного описания приемов пчеловодства давать не будем, ибо они общи с

¹⁾ Руденко—Цит. соч. стр. 55.

соседними народностями и их было бы желательно монографировать в специальной работе по всему Волжско-Камскому и Приуральскому краю.

Охота и рыболовство в качестве настоящих промыслов у татар не существуют. Это происходит потому, что в местах поселений татар мало лесов, где бы можно было вести промысловую охоту, а удаленность от рек не создает хороших условий и для рыболовства. Поэтому как то, так и другое имеют чисто случайный, болсе любительский, характер. Охота производится некоторыми любителями, причем предметом охоты являются зайцы, лисы, волки, а также различная, преимущественно водная, птица, оружием же—ружья различных образцов и ценности, смотря по состоятельности охотника. Никаких ловушек у татар уже не сохранилось, хотя, повидимому, они и были, как об этом свидетельствуют некоторые предания. Только изредка применяется обычный железный капкан, ставящийся на волков, лис и зайцев, но это чисто случайные факты. Тот же характер имеет и рыболовство, ведущееся на мелких речках и озерах, преимущественно посредством бредней. Неводного лова нет из за отсутствия мест для его применения. Рыба, добываемая такой ловлей, большей частью относится к малоценным сортам.

Средства передвижения у татар также мало оригинальны, да и мало разнообразны. Оседлый быт и земледельческое, исключительно, занятие, делает этот бытовой элемент мало интересным, нивелируя его со всеми народностями края. Благодаря отсутствию охотничьего промысла, у татар совершенно исчезли принадлежности для ходьбы зимой—лыжи, а также и способы переноски тяжелых на себе. Ежели татарин отправляется в дорогу пешком, то он все необходимое укладывает в котомку-мешок (капчык—qarsyq), которую и прикрепляет за плечами, посредством лямок из холстового полотенца. Котелок или чайник, привязанный к поясу, и первая попавшаяся палка в руке, вот весь дорожный инвентарь татарина пешехода. Верховая езда также потеряла свое практическое значение и превратилась в спорт, которым занимаются во время праздников Сабан-туя и Джиина. Однако верховая езда у татар все же сохранилась как наследие прошлого, тогда как у других народностей края ее совершенно нет,

нет и соответствующего инвентаря. Жажиточные же татары имеют седла, часто старинные казакского образца с высокой лукой, определенно не местного происхождения. Такие седла хранятся как фамильная ценность и употребляются очень редко. Верховой езды с практическими целями нет. Использование силы животных с практическими целями производится исключительно посредством упряжки того или иного типа. Сбруя у татар обычная для всех народностей края. Хомуты со шлеей, седелка и др. принадлежности совершенно идентичны русским. Только татары внимательнее относятся к сбруе и у татарина она почти всегда лучше и тщательнее подогнана к лошади, чем у соседних народностей. У богатых татар для выездов в гости или на катанье имеется сбруя очень хорошая, богато украшенная медными бляхами, раковинами ужовки (көрт башы—qort baş), с целым рядом подвесок, кистей и т. п. В праздники также довольно широко применяется украшение сбруи лентами, цветами и т. п. У бедняков, особенно в восточном Закамьи, нередко сбруя из мочалы. Дуги также обычного образца, только пристрастие к ярко расписанным дугам у татар, пожалуй больше, чем у соседей.

Знакомство с экипажами прежде всего начнем с телеги (арба—arba), на деревянном ходу, которая распространена шире всего и имеется у всякого татарина, имеющего лошадь. Эта телега близка по своему типу к распространенной в крае русской телеге, только передок и задок ее кузова делается выше, чем у русской, тогда как в середине она остается такой же неглубокой. Это достигается тем, что передок и задок кузова становятся выше, а жерди, составляющие боковые края кузова, изогнуты больше. Такие телеги в крае называются татарскими или черемисскими. Во всем остальном татарская телега одинакова с русской. Колеса того же типа, как ошинованные железом, так и без шин. Реже встречаются телеги на железном ходу того же типа, но тщательнее сделанные.

Следующим за телегой, по степени употребляемости, летним экипажем является тарантас (тырантас—trantas). Тарантас представляет собой более легкие дроги на железном ходу, на которых укреплен плетеный кузов с козлами. Тарантасы бывают самых различных типов и до-

стоинств, начиная от очень примитивной плетенки, едва имеющей форму кузова тарантаса, и кончая прекрасными, городского или дорожного типа, экипажами, обтянутыми кожей с крыльями и даже на рессорах—все зависит от зажиточности владельца. Обычно тарантасы при езде набиваются сеном, которое закрывается кошмой или ковром и застилается еще подушкой, но хорошие тарантасы имеют мягкое кожанное сиденье. Тарантасы в крае считаются роскошью, но они у татар имеют значительное распространение и татарин в гости, например, старается всегда ехать на тарантасе, хотя бы взял напрокат у соседа. Для длительных поездок татары торговцы употребляли крытые тарантасы, такие же, как и крытые сани, типа русских возков до жел.-дорожного времени. На горной стороне нам пришлось встретить еще особый тип тарантаса (кюймә—көјтә), который отличается необычными размерами, так что в нем могут усесться рядом человек 5, а кроме того он имеет плетеный же под одно с кузовом верх. Такие тарантасы встречаются и у чуваш данного района и служат, во-первых, для катанья невесты с подругами перед свадьбой, а затем по рассказам, в них же выезжают в поле на жнитво. Употребление такого тарантаса в свадебном ритуале может говорить о некоторых пережитках свадебного жилища, особенно, ежели принять во внимание наличие особого свадебного экипажа невесты (он-ава) у мордвы, который М. Е. Евсевьев ¹⁾ считает заимствованным у татар, а Фийельstrup и Бонч-Осмоловский, в своей работе о свадебных жилищах турецких народностей, приводят целый ряд специальных свадебных экипажей ²⁾.

Из других легких экипажей отметим еще дрожки, которые очень любят употреблять для ближних разъездов муллы и богатые крестьяне, езда без кучера. Это просто тарантасные дроги, застланные лубком и затянутые кошмой, покрытой какой либо материей или даже

¹⁾ М. Е. Евсевьев.—Мордва Татарской Республики—Материалы по изучению Татарстана. Вып. II. Казань, 1925.

²⁾ Фийельstrup Ф. А.—Свадебное жилище турецких народностей. Материалы по этнографии. Том III. Ленинград, 1926. Бонч-Осмоловский под тем же заглавием и там же.

кожей. Ездят на них, садясь верхом, опустив ноги, или поставив их на переднюю ось. Эти дрожки совершенно аналогичны таковым же у прежних русских помещиков.

Отметим также телеги торгашей-татар, развезающих по базарам. Они чаще бывают на железном ходу, причем дроги у них длиннее, а зад поднят еще выше, чем у обычной телеги, для удобства ее нагрузки. Такие телеги легки на ходу, не тряски, и отличаются большой емкостью. При торговле, обычно, в кузов вставляются в особые гнезда жерди, на которых натягивается над телегой навес из той парусины или брезента, которым обычно закрывается товар, сбоку пристраивается крюк для укрепления весов, товар раскладывается по дну телеги и походный магазин совершенно готов. Кроме базаров такие бродячие торговцы ездят и просто по деревням. Остановившись в середине деревни, обычно у мечети, они открывают свой магазин и ведут торговлю, частью на деньги, а частью на яйца и холсты.

Укажем также на специальную лесовозную телегу, представляющую дроги телеги без кузова и на сноповозку. Сноповозка (көлтә арбасы—keltä arvasъ) представляет собой длинные дроги, у которых основные жерди делаются так, что передние концы их загибаются кверху, приблизительно на метр, причем они делаются из целого куска, для чего берется кусок ствола и корня. Сзади в особые гнезда вставляются длинные, до 2-х метров, жерди, торчащие вертикально. Горизонтальная часть таких дрог застилается лубком. На них укладывают снопы, колосьями внутрь и, прижав их жердью, таким образом перевозят на гумно.

Наиболее распространенным зимним экипажем являются сани-розвальни русского типа с крыльями и без задка (чана-сана). Кроме того употребляются сани со спинкой или с креслом, как говорят татары (урачелі чана угәсәле сана), обшитые рогожей или материей. Подобные сани так же варьируют по своим качествам, как и тарантасы. Есть также специальные лесовозные сани без крыльев с одними лишь полозьями и напоминающие дроги. Все типы татарских саней обычные для края и ничего оригинального не представляют.

Упряжка обычно ведется в одну лошадь и всегда с дугой. Только в праздничные выезды впрягаются 2 или даже 3 лошади, но всегда с пристяжкой на отлет. Упряжка в дышло не употребляется совершенно. Иногда 2 лошади впрягаются и в телегу, когда кладь тяжела. Тогда к переднему брусу кузова, веревкой привязывается жердь, выступающая в сторону пристяжной лошади на 70—80 сантим. и к ней крепятся постромки пристяжной. При этом, надо заметить, специальная сбруя для пристяжных употребляется только в богатых выездах, а обычно к гужам простого хомута крепят веревочные постромки. Этим и заканчивается обзор способов и средств передвижения у татар, не представляющих ничего оригинального и специфически национального.

Рассмотрев хозяйственные приемы и инвентарь татар, можно еще раз сказать, что они во всех разновидностях являются общими с другими народностями края. Большинство инвентаря, так сказать, русского типа, и хотя почти целиком имеет свои татарские названия, но формы определенно заимствованы от русских. Подобное явление, еще раз подчеркнем, вероятно, зависит именно от указанного нами переоборудования татарского инвентаря с появлением русских, принесших в край более высокую, сельскохозяйственную культуру, что явилось результатом непрерывного занятия русских земледелием, тогда как в Волжско-Камском крае мирное течение жизни не раз прерывалось эпохами войн, раззорений и значительных сдвигов населения. Однако и прежние формы татарского инвентаря еще кое-где живут у соседей (финнов и башкир), что можно до известной степени доказать употреблением у них татарских названий.

Таким образом, в первых ли, или во вторичных формах, хозяйственные приемы и инвентарь народностей края были повидимому общи для всех, что указывает на огромную нивелировку, происшедшую благодаря длительному сожительству в одинаковых физико-географических и, отсюда, экономических условиях.

Г л а в а V.

П И Щ А.

Продукты питания: мясные, млочные, жиры, растительные. Приправы и пряности. Кушанья: жидкие блюда, жаркие и холодные, каши и плов. Печенья: изготовление теста и хлеба, печения без начинки, печения с начинкой. Лакомства. Напитки. Наркотики. Инвентарь изготовления кушаний. Инвентарь приема пищи. Время и виды приемов пищи. Ритуальные приемы пищи.

Питание народностей обычно является результатом той хозяйственной деятельности, которая дает источники существования. Однако, даже при одинаковых условиях добывания средств к существованию, у отдельных народностей в питании, как и в остальных элементах быта, имеется целый ряд специфических, так сказать, национальных особенностей.

Живя в стадии оседлого земледельца и приняв основные принципы питания оседлого земледельческого населения, татарин все же сохранил, правда в несколько измененном виде, древний пищевой режим кочевника-скотовода из продуктов скотоводства—молока и мяса. В этом отношении их питание резко выделяется из такового же у других более древне-оседлых народностей края. Указанные факторы, заимствование у оседлых соседей и сохранение древних навыков, составляют главные основы питания массы татарского крестьянства, тогда как зажиточные слои, особенно городов, на своем питании отразили еще влияния, с одной стороны кухни восточных народностей с их замысловатыми печениями и пряностями, с другой, кухни русского городского населения или целиком или в слегка измененном виде. В результате этих перекрестных культурных влияний кухня татар в итоге стала пожалуй, более разнообразной, чем кухня каких

либо других народностей, но это конечно, относится к жилищной части населения, тогда как кухня бедняка и крестьянина, хотя и оригинальна, но проста и, пожалуй, скудна блюдами. Скудность разнообразия кушаний можно сразу установить даже на основании кухонного инвентаря, который у бедных крестьян, ограничивается котлом для варки и доской для раскатывания теста, не имея никаких приспособлений для печений, кроме хлеба, выпекаемого просто на поду. Кухня богатых значительно усложняется, привлечением инвентаря для жарения, заимствованного из городской русской кухни.

Все продукты питания татар сводятся к следующим группам: мясо, молочные продукты, продукты птицеводства (яйца), жиры и продукты растениеводства. Громадное большинство продуктов питания доставляет свое же хозяйство и только пряности и фрукты являются покупными. Центр тяжести питания народности в настоящее время лежит определенно на продуктах растениеводства, но продукты скотоводства употребляются все же в большем числе, чем у соседних народностей, а кроме того в большинстве случаев в виде совершенно оригинальных кушаний, характерных именно для татар.

Несмотря на оригинальность питания татар, изученность этого вопроса в высшей степени слабая. По другим элементам культуры, ежели нет аналитических обзоров, то все же есть более или менее подробные описания, дающие материал для сравнения, по питанию же в старой литературе, даже у медиков, нет ни одного описания питания татар, сколько нибудь удовлетворительного, кроме Фукса, давшего обильное перечисление кушаний. Возможно подобное явление объясняется трудностью изучения питания и необходимостью обязательно стационарных наблюдений, каковые у татар не производились. Уже после революции напечатаны заметки Каюма Насыри и статья М. и К. Губайдуллиных¹⁾, дающие наиболее полный материал, написанный представителями данной народности. К сожалению К. Насыри описывает только интересные с его точки зрения кушания, остальные только перечисляет, отмечая, что они всем известны. Нет классификации кушаний и в статье Губайдуллиных.

¹⁾ Статья напечатана в „Вестнике Татароведения“ № 6. 1927 г.

В нашем распоряжении также не имеется исчерпывающих данных по питанию татар, ибо сборы приходилось вести путем расспросов, на которые женщины неохотно отвечают, и только отчасти путем наблюдений тех кушаний, которые приходилось встречать при исследованиях, чем конечно, при сложности татарской кухни совершенно, невозможно охватить всего ее разнообразия. Поэтому в настоящей главе мы обильно будем пользоваться данными вышепоименованных статей, дополняя их, где возможно, личными материалами, а главное, на основании имеющихся материалов, попытаемся дать, хотя бы некоторую классификацию пищевого режима татар. Мы задаемся целью наметить лишь основные группы, не приводя всех вариантов. Кроме того мы не беремся и за солидное исчерпывание сравнительно-этнографического материала, приводя его лишь там, где это было нам доступно.

Описание пищевых продуктов начнем с мяса, которое татары предпочитают другим видам питания и употребляют его больше, чем другие народности края, беря группы одинаковой зажиточности. Отсюда вытекает обвинение некоторыми авторами татар в излишней роскоши питания, хотя здесь по нашему мнению, больше играют древние навыки народа к мясному питанию.

Любимым видом мяса у татар необходимо считать баранину. Дальше идет говядина и наконец конина, но чаще от случая к случаю. Только у богатых, в качестве излюбленного мяса, фигурирует жеребятина и телятина. Козлятина употребляется только молодая, а к мясу старых животных татары чувствуют даже некоторое отвращение. Широко применяется, особенно богатыми татарами, употребление мяса птиц: кур, гусей, уток, индеек. Цыплята употребляются в пищу только богатыми. Из рыб наиболее любимой считается лещ, которого татары называют жертвенной рыбой (көрбан балык—qorvan vaesq). Богатые классы также охотно поедают стерлядь, осетра, белорыбицу, а бедняки и всякую другую рыбу, кроме определенно запретных: вообще надо сказать, что рыбный стол у татар мало употребителен и является скорее роскошью, кроме тех мест, где татары живут на берегах рек и имеют рыбу в больших количествах.

Совершенно не употребляются в пищу хищные животные и птицы, гады, а также свинина. Из рыб не едят налима, не употребляются также раки. Мясо некоторых животных употребляется не повсеместно, как например, мясо зайца.

Некоторые виды животных считаются как-бы священными, например, верблюд, лошадь, павлин, голубь, соловей, лебедь, причем от употребления их в пищу воздерживаются, за исключением лошади.

Убивание животных у татар ведется строго определенным способом и мясо животного, убитого не татаринном и другим способом, правоверными татарами не употребляется. Особенно тщательно это соблюдалось раньше, и, по словам Фукса ¹⁾, татары, обедая в гостиннице, приносили животных и резали их сами. Особенностью татарского способа убивания животных является обязательное перерезание горла в районе Адамова яблока (йөткөлөк—jotqblq) и выпускания черной запретной или горловой крови, которая обычно собирается в ямку, выкопанную в земле у горла животного. Кроме того, при перерезании горла, режущим обязательно произносится установленная молитва и животное должно иметь возможность двигать одной конечностью. Благодаря такому способу убивания животных, горло перерезается даже дичи, убитой на охоте, хотя бы она уже и была мертвой. Не режется только рыба, которая считается зарезанной богом.

Не все части убитого животного поедаются одинаково охотно. Наиболее излюбленными частями считаются: мясо у хребта и вообще у костей, язык, почки, печень, прямая кишка (карта—qarta), костный мозг и внутреннее сало. Неохотно поедаются легкие, головной мозг, ноги и головы птиц. Селезенка не употребляется. Голова, играющая такое важное место в качестве почетного куска у других турецких народностей, у татар относится к частям второстепенным и богатыми, совместно с внутренностями, отдается бедным.

Приготовление мяса ведется преимущественно путем варки его и в меньшем количестве путем жарения. Варится мясо до полной мягкости и недоваренное мясо,

¹⁾ Фукс—Цит. соч. стр. 6.

особенно со следами крови, вызывает у татар отвращение. Сырое мясо в пищу совершенно не употребляется.

Заготовление мяса впрок ведется крайне редко, т. к. татарин предпочитает мясо свежеебитого животного. Для сохранения применяется соление и вяление, а также копчение, которому подвергается преимущественно колбаса из конины (казылык—qazylyq).

Вторым продуктом животноводства, также широко употребляемым у татар является молоко. Молоко употребляется преимущественно коровье и козье (у бедняков). Основных типов молока кочевников—кобыльего и овечьего у татар совершенно нет, и, вероятно в связи с этим, из быта татар выпали и такие основные продукты из молока, как кумыс и керт (сыр). Кумыс татары совершенно не готовят и не умеют делать. Только в некоторых местах на границе с башкирами делаются попытки изготовления кумыса из коровьего молока, но он выходит мало вкусным. Сыр изготавливается также из коровьего молока, но особым способом и в небольших количествах, так что является скорее лакомством, чем основным продуктом питания. Настоящий твердый сыр татары в настоящее время не делают¹⁾ и в местах, близких к поселениям башкир, татары покупают его у последних, а в других районах его совершенно не употребляют.

Молоко в свежем виде татары употребляют сравнительно мало, почти исключительно с чаем и изредка в качестве приправы к жидким блюдам. Большая же часть молока используется в том или ином переработанном виде. Способы переработки молока сохранились в значительной степени близкими к таковым же у кочевых турок и только отчасти являются результатом оседлой жизни, почему они среди народностей края наиболее оригинальны.

Молочные продукты из квашенного молока, как: катык, ірімчїк, керт, сюзьма и т. д. изготавливаются преимущественно из цельного молока, но, ввиду того, что из молока изготавливается и масло, то последние продукты, особенно у крестьян середняков, изготавливаются и из снятого

¹⁾ Лепехин—Цит. соч. стр. 150, отмечает у татар по Черемшану способы изготовления твердого сыра.

молока. Изготовление квашеных продуктов из цельного молока является прямым продолжением древних методов кочевой эпохи, тогда как изготовление их же, но из снятого молока, приходится рассматривать, как результат оседлости, ибо сокращение скотоводства потребовало в замен сала другого жирового вещества—масла, почему на квашеные продукты остается уже обезжиренное молоко.

Все молочные продукты татар и их взаимный генезис можно до известной степени точно изобразить следующей схемой ¹⁾.

В быту рядового крестьянина татарина от молока обычно сразу отделяется жировая часть или посредством сепаратора (сепараторы в последние годы широко распространились у татар и являются для одного—двух крестьян в деревне даже предметом промысла), или путем отстоя в широкогорлых глиняных горшках, близких по форме, к обычным русским горшкам для изготовления пищи, только немного более высоких, которые ставятся в погреб. Сепараторный способ отделения сливок предпочитается, ибо татары больше любят масло из свежих сливок. Отстоявшиеся сливки—сметану считают продуктом худшим и в чистом виде совершенно не употребляют. Из отделенных тем или иным способом сливок делается масло

¹⁾ Принцип схемы нами заимствован у Губайдуллиных, но она значительно переработана и уточнена нами. Сплошными линиями обозначены современные пути изготовления продуктов, а пунктиром более древние.

(ак-май—ақ-май), путем сбивания в специальных высоких долбленых кубышечках (гөбө—гөве), того же типа, как и у русских, т. н. пахталки. После сбивания масло спрессовывается в шаровидные куски и в таком виде идет в употребление. Часть масла перетопляется и превращается в т. н. сары-май—сары май—желтое масло, но последний вид масла употребляется реже и топление применяется преимущественно летом, когда сливочное масло трудно хранить. Из сливок же, а изредка и из цельного молока изготавливаются топленые сливки (каймак--қаймақ). Для этого сливки или молоко затопляются в широкогорлом сосуде, затем дают ему в погребе отстояться и снимают образовавшийся наверху густой слой сливок, который и называется каймак и иногда бывает настолько густ, что почти не уступает по твердости маслу.

Каймак употребляется в качестве сливок к столу и изготавливают его наиболее зажиточные, или же к праздникам, тогда как на масло у всех крестьян перерабатывается почти все молоко, за исключением количества необходимого для чая, для приправы и на питание детей.

Из снятого молока изготавливаются уже квашеные продукты. Наиболее широким распространением пользуется катык—қатық, представляющий собой нечто вроде русского кислого молока. Для этого молоко кипятят, затем кладут в него на закваску небольшое количество катыка и, когда молоко свернется, его выдерживают в погребе несколько дней. Сообразно времени выдерживания, катык получается или более сладкий, или более кислый и даже слегка острый. Более сладкий катык употребляется самостоятельно, а острый преимущественно как приправа. От русского кислого молока катык отличается тем, что масса его очень густа и совершенно однородна. Нет крупитчатости и выделения сыворотки, как у русского кислого молока. Катык представляет собой, пожалуй, наиболее распространенный молочный продукт самого широкого пользования, ибо он изготавливается в каждой крестьянской семье, имеющей корову или козу. Катык с хлебом наиболее употребительный вид завтрака небогатого татарина—крестьянина, катык подают к обеду, кладя его в жидкие блюда или же поедая в виде самостоятельного блюда. Далее из катыка же изготавливается единственный освежающий напи-

ток татар—айрән—эҗрән, представляющий собой смесь каты́ка с большим или меньшим количеством воды (смотри по вкусу). Татарин, отправляясь в поле на работы, всегда берет с собой каты́к в специальной кадучечке-бурачке (а́бат чиләги—əvət ciləge)¹⁾ (рис. 3), который уже на месте разбавляется водой или в большой деревянной чашке (табак—таваq), или же кладется прямо в чашку для питья или в ковш. Каты́к и айрән являются наиболее широко применяемым молочным продуктом и для татарина заменяют исчезнувший уже кумыс.

Каты́к в том виде, как у татар, употребляется как будто только у башкир оседлых, а под наименованием айрән имеются молочные продукты различного типа у различных туземных народностей. Так у татар айрән есть просто растворенный каты́к, тогда как у башкир, имеющих так же каты́к, айрән или изготавливается в виде кумыса, только из коровьего молока, или же под этим наименованием выступает сыворотка, остающаяся при сбивании масла²⁾. Таким образом каты́к и айрән выступают как несвязанные между собой продукты. У ногайцев³⁾ айрән

Рис. 3. А́бат чиләги. Из коллекций Ц. Музея ТССР. (1923 г.).

¹⁾ А́бат чиләги—əvət ciləge (обеденное ведро) представляет собой сделанную из клепок небольшую кадучечку, высотой около 20 сант. и диаметром 25 сант., у которой две противоположенных клепки возвышаются над краем на 7—8 сант. и составляют уши. Сверху а́бат чиләги закрывается деревянной крышкой, которая закрепляется путем особого засовика, входящего в отверстия ушей и соединенного с ручкой на крышке, за которую его и носят, а́бат чиләги употребляется преимущественно для изготовления каты́ка и реже в нем носят в поле обед.

²⁾ Руденко—Цит. работа. стр. 79. Сыворотка употребляется и у татар на Востоке, но ее чаще кладут в тесто.

³⁾ Архипов А.—Замечание о кумысе и айране (ВГО. II, 1851, стр. 10).

готовится самостоятельно в кадушечке, куда в молоко кладется закваска, называемая катък. В заквашенную один раз массу все время подливают свежего молока, так что закваска не переводится. Ногайский „эйрен густ, как сметана“ пишет Архипов и жидкий айрэн у ногайцев редок. Из айрэна же изготавливается керт (сыр). Таким образом ногайский айрэн скорее соответствует татарскому катъку, чем айрэну. У киргиз-казаков ¹⁾ под наименованием айрэна выступает кислое коровье молоко, близкое к катъку татар, которое при употреблении растворяется в воде, а под именем катък выступает кушанье типа сөзьма ²⁾. Есть айрэн у минусинских турок ³⁾ ⁴⁾ и у балкар на Кавказе ⁵⁾. Таким образом айрэн повидимому один из древних продуктов кочевников, тогда как катък является уже с того момента, когда появляется коровье молоко.

Катък у татар изготавливается и из цельного молока, но преимущественно у зажиточных крестьян, а в массе же он изготавливается из снятого и сливки для вкуса прибавляются к нему лишь перед едой и то далеко не всегда. Среди городского населения катък употребляется также в большом количестве и, или изготавливается на месте, или в готовом виде привозится из деревень ⁶⁾. Айрэн в городах употребляется редко.

Из катъка же изготавливается особый вид творога сөзьма—сөзмэ, представляющий собой катък, из которого удалена сыворотка, путем подвешивания в мешке. Сөзьма также, или поедается самостоятельно, или кладется в суп, при еде.

Гораздо реже, чем катък и сөзьма, употребляется особый вид творога—İрімчĕк—ертсек, который изготавливается

¹⁾ Россия т. XVIII. Киргизский край. стр. 212.

²⁾ Левшин—Описание Киргиз-Казакских степей, т. III, СПб. 1832, стр. 42.

³⁾ Яковлев—Этнографическое обозрение инородческого населения долины южного Енисея. Минусинск. 1900. Стр. 44.

⁴⁾ Караулов I-й—Балкары на Кавказе. ИОАИЭ. Том XXIII. Вып. 2.

⁵⁾ Адрианов А. В.—Айран в жизни Минусинского инородца. Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина. Зап. ИРГО по отд. этногр. XXIV. 1909.

⁶⁾ Казань снабжается катъком в больших количествах из д. Ширдан.

следующим образом: молоко снятое (реже цельное), кипятят в котле, затем прибавляют закваски и кипятят до тех пор, пока оно не свернется. После этого массу процеживают, и если ее не выпаривают совершенно, получается творог желтоватого или слегка красноватого цвета в зависимости от того, как долго его кипятили после заквашивания. Изготавливается *İрімçик* и белый, как у русских *İрімçик* употребляется преимущественно в качестве начинки в печения и только изредка, послащенный медом, подается к чаю.

Татарский *керт*—сыр совершенно не имеет того значения, как *керт* кочевых народностей, где приготовление его является способом хранения молочных продуктов на неопределенно долгое время. Такой *керт*, как правило, татары не делают и чаще приобретают его у башкир. Татарский же *керт* представляет скорее лакомство, чем продукт питания. Готовят его, как и *İрімçик*, заквашивая в котле, но кипячение затем ведется до полного выпаривания сыворотки. Результатом получается красновато-коричневая масса, пористая и эластичная, распадающаяся на пористые губчатые кусочки различной величины, сладковато-кисловатого вкуса. *Керт* подается вместе с маслом к чаю. Из *керта* изготавливается особое лакомство *кертле-май*—*qortlı maj*, которое изготавливается так: варится мед с большим количеством *керта*, когда кушание готово, в него кладут орехи, цукаты, а когда оно почти остынет, его заливают еще топленным маслом. Получается почти красного цвета зернистая масса, плотности масла, которая формируется в виде шара или укладывается в коробку и подается к чаю, как сладкое. *Керт* изготавливается вообще очень мало и скольконибудь реального значения в питании, особенно широких масс населения, он не имеет.

Ознакомившись с молочными продуктами татар, остановимся несколько еще на жировых веществах, которые татары очень любят и их национальные блюда очень жирны. Жиров употребляется 3 типа: сало, масло и растительные жиры. Сало предпочитается баранье, затем коровье (особенно внутреннее). Реже употребляется конское сало, которое татары очень любят и считают его очень удобным для употребления зимой, что по данным

д-ра Сухарева, татары объясняют так: „лошадиное сало не мерзнет, стало быть теплее и его для теплоты нужно есть зимой, оно больше греет“¹⁾. Употребляется также гусиное сало, но только зажиточными классами и серьезного значения в питании татар не имеет.

Масло татары предпочитают сливочное (ак-май—ақ-май) (белое масло), которое не только кладут в кушанья, но и подают к чаю, поедая с хлебом. Топленое масло (сары-май—сары-май) (желтое масло) употребляется реже, только в кушаньях. Масла татары, по сравнению с соседними народностями употребляют гораздо больше.

Растительные жиры употребляются преимущественно бедными татарами, при чем надо сказать, что их татары вообще не любят, при первой возможности заменяя животными. Из растительных масел чаще употребляется конопляное масло, которое изготовляется самими татарами, и реже подсолнечное, которое в большинстве случаев в крае, заселенном татарами, бывает привозным и стало быть более дорогим.

В большом употреблении у татар также и яйца кур (йөмерка—jömörqa). Их употребляют, подавая к чаю сваренными вкрутую, а также очень широко и в качестве приправ в тесто, в жидкие блюда, в виде начинок для пирогов и в виде фарша. Яйца татары очень любят и зажиточные слои употребляют их больше, чем соответственные слои других народностей края.

Растительная пища в быту татарина, как оседлого земледельца, занимает очень значительное место. Если продукты животноводства являются в питании излюбленными, то главное место в количественном отношении все же занимают продукты земледелия. Бедняк татарин не имеет скота, а стало быть и продуктов его и питается почти исключительно растительной пищей. Средняк имеет скота мало, и продукты его в питании составляют приправы или лакомства, а основное питание составляют только в праздничное время. Только богатые татары употребляют животных продуктов много, но и в их быту растительные продукты занимают большое место, в виде многочисленных печений, которыми изобилует кухня богача татарина.

¹⁾ Сухарев—Цит. соч. стр. 45.

Наиболее употребительными продуктами сельского хозяйства у татар являются зерновые хлеба. Из них чаще употребляются рожь (кормит все крестьянское население, особенно в северной части В-К края), затем идет пшеница, ячмень, полба, греча, чечевица, горох, просо, рис. Наиболее редко употребляется овес.

Овощи употребляются меньше и собственно начали употребляться в заметных количествах только в последние десятилетия. Вообще овощи в татарской кухне применяются мало и главной приправой к кушаниям является мука. Из овощей наибольшим распространением пользуется картофель, который кладется и в жидкие блюда и служит отдельным кушанием, вообще все более и более входя в татарский обиход. Из других овощей употребляются: репа, огурцы, тыква, морковь, редька, капуста, лук, но все в незначительных количествах, чаще зажиточными классами, в виде начинок и приправ, а не в виде основных составных частей кушаний.

Любимыми же продуктами, особенно у зажиточных классов, являются фрукты и ягоды, из которых чаще употребляются: яблоки, лимоны, финики, гранаты, инжир (винные ягоды), малина, земляника, клубника, вишня, рябина, калина, ежевика, костеника, черемуха, а также орехи. Все эти фрукты в громадном большинстве являются покупными, даже и те, которые рождаются в местном крае, за исключением дикорастущих. Татарское садоводство как и огородничество не покрывают потребностей населения. Так, например, яблоки предприимчивые торговцы татары покупают в русских деревнях, а затем развозят по татарским, продавая, или, чаще, обменивая их на яйца. Много также употребляется и сушеных привозных фруктов, как урюк, изюм и т. д. В качестве лакомства же употребляются арбузы и дыни.

Зерновые хлеба употребляются в виде муки и крупы. Наиболее употребительные сорта муки: ржаная, пшеничная и гречневая, но в небольших количествах употребляется также мука ячменная и гороховая. Размалывание зерна в массе ведется на деревенских, преимущественно водяных, мельницах, имеющих обычное для деревенской России оборудование, без каких либо национальных особенностей. Мельницы есть в каждой деревне, но малень-

Рис. 4. Обдирка проса в ступе. Мензелинск. кант. (1929).

кие на 1—2 постава. Городское население пользуется мукой уже фабричного размола. О размалывании зерна на ручных мельницах и раздавливании их в каменных ступах, сохранились лишь смутные предания, но инвентаря нет, даже и в качестве пережитков. В годы разрухи начали было появляться ручные мельницы, заимствованные преимущественно у мари, но очень быстро исчезли и при первой возможности заменены механическим размоллом. Из круп употребляются: пшено, гречневая крупа, полбенная крупа, горох, чечевица, рис, причем, кроме последнего все виды круп производятся в каждом хозяйстве, а рис употребляется лишь зажиточными классами и большого значения в питании масс крестьянства не имеет. Для обдирки проса и полбы применяются или механические просорушки, или ручной способ обдирания в ступе. Ступа (килі—kile) употребляется деревянная, высотой около метра и диаметром до 30—40 сант., типа обычного и для русских, с суживающейся средней частью и тяжелым донцем, или вроде обрубка дерева (см. рис. 4). Для разбивания употребляется двухсторонний пест (кисап—kisap), опять таки обычного для края образца, длиной до 80 сант. Такие ступы есть в каждом хозяйстве и обдирка ведется по мере надобности. Механические обдирки с конным приводом, реже водяные, имеются по-

чти в каждой деревне, особенно южных кантонов, где как раз и засеваются просо и полба. Привод очень часто представляется в следующем виде. В яме устраивается громадное колесо (7—8 метров в диаметре), установленное слегка наклонно под углом 10—15°. Вся верхняя поверхность его, плотно зашитая досками, покрыта еще планками на расстоянии шага лошади. В одном месте устраивается неподвижная коновязь, в которой привязывается 1—2 лошади. Благодаря своей тяжести, лошадь вращает колесо и спускается вниз, но т. к. коновязь ей спускаться не дает, то лошадь все время принуждена как бы подниматься в гору, оставаясь по отношению к неподвижной коновязи на месте, но вращая колесо. От колеса системой шестерней сила передается уже в круподирный станок обычного для края устройства. Все части означенного привода деревянные и изготавливаются обычно самим хозяином просорушки. Такие просорушки обслуживают деревню и заготавливают крупу на продажу, но владелец обычно обрабатывает чужое зерно и сам торговых операций не ведет.

Крупы употребляются частью для варки каши, а также для начинки в печения, реже в качестве приправы к жидким блюдам.

Овощи потребляются, как в свежем, так и в консервированном виде. Дыни, арбузы, огурцы обычно солят. Капусту квасят обычным способом, но не рубят ее, а лишь разрезают вилки на 2—4 части. Яблоки мочат или, как татары называют, солят. Заготовление овощей производится в кадушках из клепок обычного типа, а способы заготовления заимствованы у соседей. Надо только отметить, что заготовки овощей впрок ведутся в небольших размерах и далеко не всеми, преимущественно зажиточными семьями. Картофель хранят в ямах, реже в погребах.

Фрукты подвергают или простому высушиванию, или же перерабатывают на пастилу (как—*qaq*). Пастила является одним из любимых лакомств широких татарских масс и ее изготавливают в громадных количествах и из различных ягод. Наиболее часто встречается пастила: вишневая, малиновая, яблочная, смородиновая, клубничная, земляничная, калинная, но на пастилу же идет иногда

и рябина, которая считается хорошим средством от угара. Татарская пастила изготавливается особым способом: в виде тонких (не толще 2—3 мм.) больших листов, которые так высушиваются, что напоминают скорее юфть, чем лакомство. В таком виде масса пастилы продается на базарах не только в городе, но и в деревнях.

Соль татары употребляют охотно и в значительных количествах. Повидимому появление соли в быту татар происходило вместе с проникновением в край ислама и через представителей тех же народностей, ибо с одной стороны у татар по отношению к соли существует ряд чисто религиозных примет, как, например, запрещение наступать на соль, с другой стороны, по словам Губайдуллиных¹⁾, есть поговорка, что кто не ест соли, тот днем увидит звезды, т. е. как будто отрицательное отношение к ней, такое же как и у кочевников-турок, употребляющих соль в минимальных количествах.

Из приправ-пряностей употребляются: хрен, перец, реже горчица, красный уксус, лавровый лист, гвоздика, бадьян, мята, имбирь, шафран, ваниль и др. Пряности употребляются часто и в больших количествах, особенно богатыми татарами, но хрен, уксус, перец в широком употреблении и у среднего крестьянства, как приправы, преимущественно к мясу. Так, когда подается мясо из супа на второе, то в отдельной чашке подается острая приправа из хрена,²⁾ уксуса, иногда горчицы и перца, куда и обмакивают куски мяса.

Из сахаристых веществ наиболее старинным и любимым является мед (бал—вал). Мед предпочитается из всех веществ этого рода и употребляется как самостоятельно, подаваясь к чаю, так и в качестве подслащивающего вещества к кушаньям. Употребляется мед и в обрядах. Так одним из ритуальных блюд на свадьбе и при рождении употребляется т. наз. бал-май—вал-мај (мед-масло), в виде масла, меда и хлеба. Вторым видом сахаристых веществ является фабричный сахар, который все больше и больше

¹⁾ Губайдуллины—Цит. статья стр. 22.

²⁾ Хрен сушат, растирают в порошок, затем мочат в сладкой воде и, прибавив уксуса, подают на стол.

вытесняет мед из кушаний, где последний не является незаменимым, но к чаю все же предпочитается мед, особенно в деревне.

К пищевым же продуктам можно отнести и некоторые дикие растения, в большинстве относящиеся скорее к группе лечебных веществ, которые указываются Губайдуллиными, но вопрос этот разработан слишком слабо и мы останавливаться на этой группе не будем.

Ознакомившись с пищевыми продуктами татар, перейдем к описанию самых кушаний. Все татарские кушанья можно грубо разбить на следующие группы: жидкие блюда, жаркие и холодные, каши, печенья, сладкие блюда и лакомства, ритуальные блюда, напитки и наркотики. Каждая из этих групп имеет свои внутренние подразделения, которые отметим при описании.

К группе жидких кушаний татар относятся различного типа супы, которые разделяются, с одной стороны по тому материалу, из которого варится бульон, а с другой по тем продуктам, которые в этот бульон кладутся. Бульон для супов, как правило, варится из мяса (бараньего, коровьего, куриного), но в практике у бедняков широко развито изготовление бульона просто из воды, сдобренной тем или другим видом жиров, а иногда и просто прибавлением во время еды катыка или молока. В бульон кладутся, чаще всего кусочки теста, того или иного названия, которые дают наименование и самим супам, затем различные крупы (горох, чечевица и полба), но в последнее время все чаще и чаще, кроме теста, кладется в большем или меньшем количестве, картофель, как правило, нарезанный крупными кусками или даже цельный. Тестяных кусочков употребляется несколько сортов: төкмач—тоқмас, лакша—лақша, умáч—умас, салма—salma, чумар—сумар и другие, причем все эти сорта отличаются преимущественно размером и формой кусочков, но не принципами изготовления. Все виды тестяных кусочков изготавливаются из пшеничной или ржаной муки. Тесто делается крутое, как для русской лапши, и затем режется после раскатывания в сочни, или отрывается и даже растирается руками. Так төкмач и лакша делаются из сочней, но лакша режется длинными полосками, а төкмач небольшими (до сантиметра в квадрате) квадратиками или ромба-

ми, при чем сочни раскатываются очень ¹⁾ тонко. Умач готовится путем натирания и растирания теста руками, так что получаются мелкие катышки круглой формы, а салма отрывается от куска, пальцами, смазанными маслом, и представляет собой кружки, диаметра до сантиметра из маслянистого, так сказать, раздавленного между пальцами, теста. Только чумар готовится из более мягкого теста и, разрываясь на маленькие кусочки немного больше русского ореха, запускается в бульон. Иногда его просто запускают как клецки. Таковы типы тестяных кусочков. Употребление того или другого вида этих кусочков варьирует по местности, времени и даже по классовому принципу. Так в Заказанском районе, например, в настоящее время почти не употребляется салма, тогда как в Закамье она является излюбленным блюдом. В зажиточных группах чаще употребляется токмач, а в более бедных лакша. Вообще же какой либо закономерности здесь подметить невозможно.

Из супов без тестяных кусочков необходимо отметить рисовый суп (öйрә—өjrә), который варится из баранины или из курицы с картофелем и рисом и подается обязательно с катыком или молоком. Такой суп употребляется летом зажиточными классами. Необходимо также отметить молочный суп с кусками мяса (ölöşlө аш—өлşle аш).

Исчерпать все разнообразие вариантов жидких блюд мы не считаем необходимым и отметим только, что наличие в супе кусочков теста все же наиболее устойчивый признак, так же как и прибавление во время еды катыка, богатыми при мясном супе, в виде роскоши, а бедными для сдобривания постного супа. На званых обедах (меджелис) у зажиточных татар города и деревни довольно часто употребляются пельмени, подающиеся обязательно с шурпой (бульоном).

Кроме жидких блюд как к обеду, так и к праздничному столу, подается ряд жарких и холодных блюд, как мясных, так и из растительных продуктов. Из мясных блюд, наиболее часто употребляемых, прежде всего необходимо отметить мясо, вынутое из супа и нарезанное

¹⁾ Во многих местах название токмач и лакша сливаются. Токмачем называется собственно лакша.

плоскими кусочками ¹⁾. Подается оно на блюде, с вареным картофелем и хреном в отдельной чашечке. Такое мясо подается всегда, когда суп варится мясной, ибо к супу у татар мясо не подается никогда, а всегда отдельно ²⁾. Далее у зажиточных употребляется вареное мясо птиц: гуся, утки, индейки, в городах обычно в холодном виде, а в деревнях в горячем. Смешиваясь с бараниной, это блюдо является свадебным. Мясо также режется плоскими кусочками, укладывается на блюдо, окружается по краям и отчасти сверху огурцами, нарезанными кружечками, и сверх всего обычно ставится чашечка с хреном. Реже употребляются те же птицы, но в жареном виде, также нарезанные кусочками, вместе с жареным картофелем. В цельном виде жареные птицы подаются к праздничному столу. В качестве второго же блюда подается и жареный лещ с картофелем и хреном.

У богатых татар в праздники или для угощения почетных гостей, употребляются еще фаршированные блюда. Фаршируются обычно курица и баранья ножка. Фаршированную курицу (тутырҗан тауык—*tutrojan tauyq*) изготовляют следующим образом. Курицу щиплют особенно тщательно, не разрывая кожи, затем кожу отделяют от мяса и в это пространство наливается смесь яиц со сливочным маслом, после чего отверстие зашивается. Тем же составом фаршируют и баранью ножку, наливая смесь между мускулами, которые предварительно отделяются друг от друга, и зашивая линии отреза ножки. Как то, так и другое затем варится в котле.

К этой же группе кушаний можно отнести т. н. ту-търма—*tutırma*, которая представляет собой кишку барана, длиною до 0,5 метра. Один конец этой кишки за-

¹⁾ Интересно отметить, что татары всякое мясо режут преимущественно плоскими кусочками, а не только баранину. Это возможно объясняется тем, что наиболее древним в употреблении мясом была баранина, которую так резать наиболее удобно. Резание же плоскими кусочками и мяса крупных животных является уже делом привычки.

²⁾ Часто мясо из супа (особенно в городе) подвергается перед подачей на стол тушению в котле с луком, картофелем, репой, иногда морковью с небольшим количеством бульона, которым мясо и заливается на блюде при подаче на стол (җылытқан ит—*iltqan it*).

вязывается, после чего кишка начиняется рубленой или мелко нарезанной печенью, в перемежку со слегка разваренным рисом или даже сырым пшеном, с солью, перцем и т. п. По наполнении завязывают другой конец и варят в котле. Подается в качестве второго блюда в праздники, чаще встречается в деревне в качестве лакомого кушания в большие праздники. В качестве праздничного же кушания употребляется так наз. куллама—qullama чаще из жирной жеребятины, нарезанной мелкими кусочками и сваренной с луком и перцем. Затем сюда кладут довольно крупно сделанную вареную уже салму и обливают все салом или маслом. Куллама в некоторых местах называется биш-бармак—biş barmaq, т. е. поедаемая посредством пяти пальцев и близка к таковому же кушанию, но из баранины, которое является любимым кушанием кочевых турок и служит лучшим угощением гостей. Повидимому это блюдо очень древнего происхождения, но у татар оно встречается сравнительно редко, чаще в Оренбургской губернии.

Из растительных блюд этого же порядка, т. е. употребляющихся в качестве второго блюда, необходимо отметить: вареный картофель, быламык,—vlatıyq, овсяной кисель и талкан. Картофель обычно варится вместе с кожурой в соленой воде, и подается с маслом. Это блюдо в последнее время начинает широко распространяться среди татарского крестьянства, как прямое заимствование у русских. Быламык представляет собой картофельное пюре, разбавленное молоком. Это кушание у татар претерпело изменение, именно благодаря появлению картофеля, т. к. оно встречается и у других турок (башкир¹⁾ и казаков²), но в виде бульона из под мяса, довольно густо заправленного мукой с сыром. Будәнә—vudənә это городское кушание и делается из риса, сваренных яиц и изюму. Все это разжижается молоком с сахаром и маслом, а затем запекается в жаровне. Кушание близкое к пуддингу, и вероятно является лишь его переделкой, а Губайдуллины³⁾ даже считают и самое название измененным словом пуддинг.

¹⁾ Руденко—Цит. соч. стр. 81.

²⁾ Левшин—Цит. соч. стр. 38.

³⁾ М. и К. Губайдуллины—Цит. статья стр. 45.

Талкан—talqan представляет собой муку, поджаренную в сале или масле и разбавленную водой, т. е. получается нечто вроде мучного пюре. Это кушание также широко распространено у кочевых турок, варьируя лишь в деталях. Талкан как и быламык шире распространен среди деревенских татар, чем среди городских и особенно среди мало зажиточных. Овсяной кисель является прямым заимствованием у русских, но в настоящее время является очень важной пищей, особенно бедных крестьян, а в виде молочного охотно употребляется и зажиточными классами.

Широким распространением среди татарского, особенно бедного, крестьянства пользуются различные сорта каш: гречневая, пшенная, полбенная, реже овсяная, а также горох. Они изготавливаются также, как и у русских и поедаются с топленным или растительным маслом. Некоторые сорта каш, как пшенная и полбенная, кроме обычной крутой каши, изготавливаются и в виде довольно жидкой кашицы—это преимущественно полевое кушание.

В качестве праздничного кушания, особенно во время званных обедов (меджелис), у богатых татар употребляется и национальное узбекское кушание—плов—(пёлау—polau). Плов изготавливается у татар нескольких сортов: бухарский или сартский, персидский и казанский. Наиболее широко распространен сартский плов, который изготавливается следующим образом. Изрезанную мелкими кусочками баранину жарят в котле с маслом или салом, а также с луком и перцем. Когда мясо сжарится, кладут нарезанную продольными кусочками морковь, которую смешивают с мясом и поджаривают. Далее сверху кладут слегка недоваренный рис, наливают немного воды и держат над легким огнем в закрытом котле час или пока рис не сварится окончательно. Тогда кладут изюм и на блюде подают к столу. Казанский плов, по словам Насырова¹⁾, готовится так. В горячем котле растапливают масло или сало, затем туда кладут мелко нарезанное вареное мясо, сверху морковь и лук и наконец рис. Затем не перемешивая, оставляют на легком огне в закрытом котле на 1—1,5 часа. Перед подаванием на стол кладут разваренный в кипятке

¹⁾ К. Насыров—Цит. соч. стр. 94.

изюм или урюк. Персидский плов представляет собой жареное мясо, к которому затем прибавляют вареный рис и фрукты. Плов определенно заимствованное из Средней Азии кушание и распространен среди городского населения, преимущественно богатого. В качестве частой пищи плов был употреблен у шакирдов старометодных среднеазиатского происхождения медресе, причём такой плов и носил название ученического плова (шăkîрт пѡлауы—şakert pölauy).

Все отмеченные нами, как жидкие, так и жаренные блюда можно по их происхождению разделить на группу древних, так сказать, национальных блюд и на группу определенно заимствованных. К группе национальных кушаний отнесем супы (шурпă-шулпа—şurpa-şulpa), которые представляют собой собственно бульон из под вареного мяса, приправленный мукой. Такие жидкие блюда имеются у многих кочевых турок и употребляются в той или иной комбинации с вареным мясом. Татары только усовершенствовали это блюдо, введя большее оформление в прибавляемые кусочки теста. Вареное мясо, основное кушание кочевых турок, у татар также получило приправы в виде картофеля и пряностей. Быламык и талкан является также древними кушаниями, лишь отчасти измененными внесением нового материала, картофеля.

К группе заимствованных кушаний можно отнести, например, суп с картофелем и рисом, будăнă, жаренных и фаршированных птиц, плов, каши и др. Установить точно источники заимствования для многих блюд в настоящее время не представляется возможным, кроме некоторых как, например, плов, происхождение которого совершенно хорошо определяется. То же можно пожалуй сказать и о каше, которая определенно взята татарами от русских, или финнов.

Ежели в группе уже рассмотренных блюд мы видели целый ряд кушаний древнего происхождения, которые татары унаследовали от кочевых предков, то в следующей группе печений их уже слишком мало, т. к. мука у кочевников сравнительно редкий продукт и настоящее печение, особенно из кислого теста, у них совершенно не известно. Трудно также установить источники заимствования многих печений, но они несомненно есть продукт оседлости.

Все печения из муки, к описанию которых мы сейчас переходим, можно довольно четко разделить на группу хлеба, группу печений без начинки, но из жидкого теста, или жарящихся, но не пекущихся, и группу печений с начинкой того или иного типа. Каждая из этих групп также при описании нами будет разбита на части. Группу печений, употребляющихся исключительно в качестве лакомств, мы отнесем к этой группе, хотя бы они и приготовлялись из муки, и рассмотрим позднее.

Тесто, употребляемое татарами, бывает кислое и пресное, причем первое абсолютно доминирует, как по количеству, так и по типу изготовляемых из него видов печений, тогда как пресное употребляется гораздо реже. Кислое тесто татары изготовляют также, как и русские. Тесто ставится в квашне (күясь чиләги—куэс силәге), в виде кадушечки, большей частью долбленной, на закваске или на хмелевых дрожжах. Замешивается тесто также, как и у русских, и когда поспеет, то его раскатывают на хлебной доске (куна тактасы—quna taqtasy), которая употребляется при всяких манипуляциях с мукой, как, например, изготовление тестяных шариков для супа, и является совершенно необходимой принадлежностью каждой кухни, ввиду отсутствия у татар столов (кроме городских татар).¹⁾ Мука приносится из амбара в долбленных корытах—начовках (см. рис. 4).

Необходимо отметить, что, в деле изготовления теста татарки проявляют гораздо большее умение, чем, например, русские женщины. Особенно это сравнение относится к крестьянкам. Каждая татарская крестьянка изготовляет такие печения, о каких русская женщина не имеет представления. При этом надо отметить, что лучше, конечно, готовят горожанки, а затем крестьянки Заказанья и это повидимому является также следствием длительного влияния на этот район городской культуры, т. к. несомненно вся сложная группа печений, к описанию которой мы перейдем, развилась в городе.

¹⁾ Доска для раскатывания теста (куна тактасы) представляет собой широкую доску, размером 75×100 сант. и толщиной в 4×6 сант., к которой снизу прикреплены 2 пластинки по концам, толщиной до 10 сант. с вырезом по середине, так что концы их представляют как бы 4 ножки, на которых доска стоит. У бедняков часто берется просто широкая доска.

Приготовленное тесто, особенно ржаное, используется преимущественно на печение хлеба, который раскатывается в виде караваев весом около 3 килогр. и печется на поду, отправляясь в печь посредством широкой лопаты с длинной ручкой. Хлеб употребляется в абсолютном большинстве ржаной и только в южных кантонах, где сеют пшеницу, бывает и пшеничный. Обычно же пшеничный хлеб, хотя бы и из муки крестьянского размола, все же является роскошью, доступной очень немногим. Никаких отличий татарский хлеб от русского не имеет и является основным продуктом питания всех крестьянских татарских масс ²⁾.

Следующую группу печений без начинки составляют печения, жарящиеся на сковороде, в масле или сале, причем по типу теста их можно разделить, на приготовляющиеся из жидкого теста (кымак—qımaq) и из крутого теста (таб'икмак, цука, каbartма), причем в обоих случаях тесто может быть и кислое и пресное. Кымак—qımaq представляют из себя собственно нечто среднее между русскими блинами и оладьями. От первых он отличается большей толщиной, а от вторых своей величиной, которая бывает не менее 10 сант. в диаметре. Изготавливается кымак чаще из кислого теста, но в случае, ежели нужно его быстро изготовить, например, для заезжего гостя, то его делают и пресным (төчө кымак—төсе qımaq). Особой разновидностью является т. н. калын-кымак—qalın-qımaq, жарящийся толщиной до 12 сант. и затем режущийся на куски. Кымак подается обычно к завтраку и поедается с растопленным маслом, которое подается в блюдечке и в него обмакивают куски кымак. Далее следуют, печения изготавливаемые уже из крутого теста. Из них наибольшим употреблением пользуется пышка (каbartма—qavartma). Каbartма представляют высокие пышки, диаметром 7—10 сант., изготавливаемые из кислого теста и жарящиеся в

²⁾ Интересно отметить, что в случае, ежели у семьи мало муки, то обычно перестают печь хлеб и употребляют эту муку для изготовления салмы. Про таких бедняков даже говорят: „он уже дошел до крайности—на одной салме сидит“. Факт отказа от хлеба в случае нужды и переход на употребление муки в жидкой пище, по нашему мнению, также является пережитком кочевых времен, с их употреблением муки только в виде приправы.

котле в масле или сале (реже на сковороде). В случае спешности изготовления готовят кабартма и пресные (тöчö кабартма—төсө қавартма), в которые для пышности, также, как и в пресный кымак иногда кладут соду. Кабартма изготавливаются, как из ржаной, так и пшеничной муки и служат кушаньем к завтраку, подаваясь в горячем виде. Кымак и кабартма это главные и наиболее часто встречающиеся в деревне печения к чаю вообще и особенно к завтраку. Реже готовятся лепешки—тăб'икмăк—тəviktăk из кислого же теста, жарящиеся на сковороде в масле и Чука сүца, также лепешки, но из теста круто замешенного, вроде сочня. Печется также на сковороде и затем, перед едой, густо смазывается маслом или салом. Два последние кушания изготавливаются чаще в зажиточной и городской кухне, чем в деревенской.

Переходное положение между рассмотренной группой и группой печений с начинкой занимают т. н. пăрăмăч рэгэтэс—типа близкого к русской ватрушке и в некоторых своих видах с ней совпадающего. Пăрăмăч имеется много различных видов, причем эти виды, отличаются, с одной стороны составом начинки, а с другой и некоторыми особенностями своего изготовления и habitus'a. Так наиболее простой тип пăрăмăч представляет собой пышку, лишь смазанную творогом (ірімчик пăрăмăчи—ermсек рэгэтэсе или посыпанную конопляным семенем (өрлік пăрăмăчи orlyq рэгэтэсе) причем начинки, или точнее смазки, берется немного и края пышки не загнуты. Далее идут формы уже близкие к ватрушке, когда начинки начинает класться довольно много и она удерживается загнутыми вверх краями теста. К этой группе можно отнести пăрăмăч с картофельным пюре (бăрăнгі пăрăмăчи—vəgənge рэгэтэсе и настоящую ватрушку с творогом. При дальнейшем развитии пăрăмăч края теста, загибаемые вверх, становятся выше, количество начинки увеличивается и пăрăмăч начинает переходить уж в следующую группу печений, в группу бэліш. Сюда отнесем пăрăмăч с мясом и луком с высокими стенками (кăрчүннĭк пăрăмăчи—kərcynnek рэгэтэсе) и т. н. московский (мăскăу пăрăмăчи—məskəu рэгэтэсе), который делается небольшого диаметра не более 5—7 сант., начинается также мясом с луком и перцем, но стенки его настолько высоки, что почти соединяются вместе,

оставляя лишь небольшое отверстие сверху и напоминает бәлш, но в миниатюре. Пәрәмәч очень много сортов, но мы перечислили только главные, имеющие характерные признаки. Они всегда изготавливаются из кислого теста и частью пекутся в печи, частью жарятся в масле. Пекутся обычно пәрәмәч с картофелем, творогом, а жарятся мясные, которые являются и более сочными. Размеры пәрәмәч бывают чаще всего 10—15 сант. в диаметре, но как мы уже упоминали, московский пәрәмәч меньше. Высота обычного пәрәмәч 2—3 сант., но московского достигает до 5—7 сант.. Пәрәмәч изготавливаются у всех классов татар, особенно в качестве праздничного угощения к чаю. Поедаются они, как горячими, так и холодными.

Своеобразным, не имеющим аналога в русской кухне, печением является бәлш—вәлеш, представляющий собой пирожок круглой или четырехугольной формы. Диаметр его, или сторона квадрата, около 10—15 сант. Нижняя корка (бәлш төбө—вәлеш төве) на краях дает загибы вверх и эти загибы, поднимаясь на 7—10 сант., постепенно суживаются, так что круглый бәлш, по словам Губайдуллиных ¹⁾ напоминает своей формой войлочную юрту, а четырехугольный имеет вид усеченной пирамиды, со слегка сферическими боковыми поверхностями. Вверху боковые стороны при суживании обычно не замыкаются, а здесь вставляется пластинка из теста, диам. в 2—3 сант., соединенная со стенками. В этой как бы крышке устраивается небольшое отверстие—төннөк—төпек, совпадающее с наименованием дымового отверстия у казакской юрты или окна в сенях татарского дома. Бәлш иногда называют төннөклө бәлш—төннөклө вәлеш с дымовым отверстием. Поедание бәлш ведется так, что крышка (верхняя часть его), которая обычно сильно зажаривается, снимается, съедается начинка, а затем дно (төп—төр). Верхняя крышка почти никогда не поедается. Тесто для изготовления бәлш берется кислое, ржаное или пшеничное. Начинка бывает разнообразная и по виду ее получает название и сам бәлш. Так—бәлш с начинкой из мяса, картофеля с луком, солью и перцем называется бәлш с супом (шулпалы)

¹⁾ М. и К. Губайдуллины—Цит. соч. стр. 42.

бәлiш—şulpaļ vәleş), с яблоками алма бәлiшi—alma vәleşe, с калиной бәлан бәлiшi—valan vәleşe и т. д. Начинки бывают очень разнообразны, но наибольшим распространением пользуется начинка из мяса, с картофелем, рисом или полбенной крупой. Мясо сырое режется мелкими кусочками, смешивается с сырым рисом или полбой, или с картофельным пюре и обязательно кладется лук и перец. Начинки кладется очень много, все заливается маслом или салом и печется или в вольной печи, как пироги, или жарится на сковороде в масле же.

Бәлiш является любимым видом печений с начинкой у татар. Даже бедные стараются хоть раз в год на праздник полакомиться бәлiш. Особенное распространение он имеет в татарской деревне и меньшее у горожан, где он затушевывается целым рядом других кушаний. Поедается бәлiш обычно горячим и нередко служит в качестве второго блюда при обедах, или одного из блюд во время меджелисов—званных обедов. Употребляется он и в качестве ритуального блюда. Так невесту на пирушке после бракосочетания угощают бәлiш, причем верхнюю крышку она не должна есть ни под каким видом, т. к. иначе ее не будет любить свекровь¹⁾.

Благодаря подобному распространению бәлiш и его участию в обрядах можно предположить, что он является кушанием весьма древним. Руденко²⁾ отмечает у башкир два вида кушаний с этим названием. Во первых очень редкое кушание из жареной баранины с перцем и чесноком, а затем пирог с начинкой из ягод. К сожалению эти данные не локализованы, но все же они дают некоторое основание предполагать, что бәлiш первого типа является более типичным и совпадает с основным типом татарского бәлiш именно шулпалы-бәлiш, лишь только, благодаря наличию земледелия и употреблению крутого теста, башкирский бәлiш из самостоятельного кушания превратился в начинку и получил, так сказать, законченную форму. Второй тип башкирского бәлiш совпадает с таковым же у татар, хотя о полной аналогии говорить не приходится, из за поверхностного описания этого вида бәлiш у Руденко.

¹⁾ М. и К. Губайдуллины.—Цит. соч. стр. 42.

²⁾ Руденко.—Цит. соч. стр. 81.

Некоторое переходное положение между бәлш с его высокой формой уже не с начинкой, а собственно скорее лишь с ограничением в некоторые формы кушания из мяса и т. д., и настоящими закрытыми пирогами, близкими к русским занимает так наз. пирог с уткой ўрдәк бөккәни—үрдәк вөккәне, в котором утка запекается целиком, но это не запекание утки в тесте, а настоящий пирог, ибо кроме утки сюда примешивается и рис. Губайдуллины¹⁾ склонны и это печение считать очень древним, т. к. оно является ритуальным, во первых во время похорон, где утка изображает покойника, а корки могилу, а во вторых на свадьбе, где неразрезанная утка является символом невинности невесты.

Прежде чем перейти к группе настоящих закрытых пирогов—бөккән—вөккәп, остановимся на одном печении, которое нельзя еще считать настоящим пирогом из за слабого развития начинки, но нельзя отнести и к группе пәрәмәч, так как он закрытый. Это так наз. кыстыбый—qстывь или күзикмәк—kuzikmәk, который делают из пресного теста, раскатывают в виде небольшой лепешки, жарят на сковороде в масле, а затем, намазав одну половину картофельным пюре, складывают лепешку пополам, закрывая начинку.

Настоящие пироги носят название бөккән—вөккәп и по способу приготовления почти ничем не отличаются от таковых же в русской городской кухне, принадлежностью каковой они преимущественно являются и у татар. Точнее, они больше распространены в деревне. Бөккән бывают с различными начинками, от наименования которых они и получают соответствующие названия, присоединяющиеся к основному наименованию. Делаются бөккән с внутренностями (легкими, кишками и др.), с рыбой (белорыбцей, осетриной и т. п.) вместе с рисом и пшеном, с морковью, тыквой и т. п. Тесто употребляется преимущественно кислое, но делают их и из пресного, при чем тесто часто бывает сдобным и даже слоеным. Размеры

¹⁾ Губайдуллины—Цит. соч. стр. 24. Данное кушание нам встретить не приходилось и по словам Али-Рахима оно очень редко—чаще в пирог с уткой утка кладется нарезанная кусками.

бөккән различные, смотря по нужде, форма преимущественно круглая, но не обязательно. Поедаются в праздники, как в горячем так и в холодном виде.

Тесно примыкают к бөккән—пирогам так наз. сумса—sumsa—пирожки. Они делаются из такого же теста и с подобной же начинкой. Размеры их всегда маленькие, форма или овально-вытянутая или полулунная. Пирожки подаются к чаю по праздникам, а у богатых и всегда. Пирожки жарятся на сковороде и даже в котле с большим количеством масла.

Следующей близкой к бөккән группой является специально сладкие пироги под названием паштит—paştit. Начинкой их бывает большей частью пастила (чаще малиновая), разваренная в кипятке. Форма круглая. Отметим два вида паштит—каклы паштит—qaqlı paştit—слоеный паштит из пресного теста с начинкой из пастилы (kak), покрытый слоеной же коркой, и каbartкан паштит—qavartqan paştit—пышный паштит из кислого теста, также с пастилой, но закрытый не сплошной коркой, а лишь полосками теста, из которых создается рисунок, в виде квадратов, ромбов и т. п. Пекутся оба вида паштит в вольной печи.

Особняком стоит группа пирогов, так наз. гөбәдиә—gөwәdiә, представляющих из себя пироги, начинка которых состоит из нескольких, обычно пяти, слоев, так что они получаются очень высокими. Гөбәдиә бывает двух сортов—высокая и низкая. Высокая (бийик гөбәдиә—wiek gөwәdiә) делается из кислого очень сдобного теста, круглой формы диаметром в 20—25 сант., смотря по желанию. Начинка состоит из пяти слоев, каждый толщиной около сантиметра: рис, вареное рубленое мясо, крутые рубленые яйца, еще рис и изюм. Все это обильно заливается маслом, покрывается коркой теста и печется. Низкая гөбәдиә—täbänäk гөбәдиә—täwәnäk gөwәdiә делается из пресного теста, сдобного и часто слоеного. Начинка из тех же пяти слоев, но, т. к. тесто пресное, то пирог выходит более низким. Кроме того в низкое гөбәдиә иногда, вместо слоя мяса кладется көрт с сахаром, или пастила. Гөбәдиә является праздничным блюдом богатых татар и обилие слоев его начинки считается признаком богатства хозяина.

Далее остановимся еще на одной группе печений, которые относятся уже к лакомствам и значения, как предметы питания, можно сказать, не имеют, хотя и изготовляются из теста. Сюда относятся печения из очень сдобного и сладкого теста, как катлама—*qatlama*, чальпак--сәлрәк *çauлы икмәк—çaulь ikmәk*, ләүәш—*läüәш*, көш-тілі—*qoş tle* (птичьи язычки) и җәрәбиә *çөгәвиә*. Эти печения или пекутся, или жарятся, в котле, причем форма их бывает различна и объединяются они скорее по принципу приложения (сласти). Так *läüәш* представляет нечто вроде как бы пирога из двух слоев теста с прослойкой пастилы, чальпак и *çauлы икмәк* делаются без начинки в форме кругов, катлама изготавливается в виде плюшек различной формы, көш—*тілі* нарезаются из тонкого сочня, в виде длинных ромбов-язычков. җәрәбиә—имеет вид пряников (песочников) различной формы. Все эти печения являются принадлежностью богатого праздничного стола и подаются к чаю. Шире они распространены у городских богачей, чем у сельских.

В деревнях кроме сладких лакомств, на которых мы остановимся ниже, довольно большим распространением пользуются печения не сладкие, но служащие также для подавания к чаю. Это баурсак—*baursaq* и *çuача—çuаса*. Оба они изготавливаются в виде шариков теста и жарятся в котле с большим количеством масла или сала. *çuача* делается из кислого теста величиной с грецкий орех и употребляется, по словам Губайдуллиных¹⁾, для угощения *сөннәтчи бабай—sәnnәtсе вавај*, т. е. специалиста по обрезанию, после совершения обряда. Баурсак делается из пресного теста, круто замешенного и сделанного в виде шариков величиной с лесной орех. Варится он в большом количестве масла и является одним из любимых печений к чаю в крестьянской среде, совершенно почти исчезнув в городах. Баурсак встречается не только у татар, но, например, киргиз-казаков²⁾ и некоторых других кочевых турок и вместе с бишбармаком вероятно является одним из древних кушаний, остатков от кочевых турецких предков.

¹⁾ М. К. Губайдуллины.—Цит. соч. стр. 38.

²⁾ Россия. т. XIX.

В праздники в быту татар широко развито, особенно у зажиточных классов, употребление большого количества лакомств. Особенно много их употребляется во время праздника Рамазан-Байрам, после месячного поста. Лакомств подается очень много, как по количеству, так и по числу видов. Все лакомства относятся или к группе, сделанных из муки, масла, сахару и меду с орехами и миндалем, в виде приправ, или же из фруктов. Наиболее распространена первая группа лакомств. Сюда относятся как-тöш—qaq-təş или чак-чак—сәк-сәк, пахлава—päh-läüä-rahläüä и käläüä--kələüä. По своему происхождению они определенно заимствованные, но, не имея в своем распоряжении надежных данных, мы не будем останавливаться на этих вопросах.

Как-тöш представляет собой собственно ритуальное лакомство. Его обычно приносит невестка при первом посещении дома своего мужа, а также его присылают из дома невесты в дом жениха после первого посещения женихом невесты. Однако, кроме того, как-тöш готовится и вообще в качестве праздничного лакомства во время Рамазан-байрама. Изготавливается он из пшеничной (крупчатки) муки, замешенной на яйцах с небольшим количеством молока. Тесто делается очень крутое и режется на мелкие кусочки не крупнее кедрового ореха. Далее эти кусочки варят в котле в сале или масле. После варки их вынимают, остужают, а затем, разогрев в котле мед, складывают их туда. Поварив некоторое время, массу вынимают, остужают и прессуют в форму низкой усеченной пирамиды с квадратным или продолговатым основанием, разных размеров. Вся эту пирамиду обсыпают сахарным цветным пшеном, облепляют конфетами, монпасье или шоколадом и даже украшают сахарными цветами. Таким образом все кушанье представляет собой кусочки сдобного теста, пространство между которыми сплошь залито вываренным и сгущенным медом. Уже на столе от как-тöша отрезаются кусочки для гостей, но весь сразу он не разрезается.

Пахлава делается из очень сдобного, на яйцах и масле, теста, которое круто замешивается и затем раскатывается тонкими сочнями. Затем отдельные сочни накладываются один на другой, промежутки между ними сма-

зывают маслом и обсыпают сахарным песком, а так же толченым миндалем и орехами. Слоев таких укладывается 12—13. После этого тесто пекут в печи, затем разрезают на небольшие ромбической формы кусочки, обливают их медом и снова ставят на несколько минут в печь. Получается слоеное печенье с медом. Подается на праздничный стол, а так же продается на базарах как народное лакомство.

Käläyü—käläyü чаще представляют собой тип халвы и бывает различных сортов, различающихся по своему составу и получающих различное наименование. Так бөхар käläyüäc—вохар käläyüäse делается из теста как у как-тöша, которое раскатывается в сочни и режется длинными кусочками вроде лапши, после чего кусочки варятся в масле или сале, а затем в меду. Сварив в меду, массу выливают на противень так, чтоб получилась лепешка толщиной в 2—3 сант. и когда остынет разрезают ее на ромбические или квадратные кусочки. Другие виды, как мәскәүски käläyüä—mәskәy käläyüse, талкыш käläyüä—talkыш, käläyü, töshlö käläyüä—tөshle käläyüä делаются только из масла, сахара и меду, причем получается или плотная масса вроде халвы, или же, при сильном сбивании, она получает вид крема или бисквита с орехами и миндалем. Käläyüä изготавливаются в больших количествах и как украшают праздничные столы, так и продаются на улице, получив ту или другую форму. Детальных описаний этих лакомств делать не будем, так как они слишком разнообразны и имеют целый ряд особенностей в зависимости от секретов изготавливающего. Ограничимся лишь основными данными.

Из фруктовых лакомств, кроме свежих и сушеных фруктов в больших количествах и у всех татар употребляется пастила как—qaq. Пастила изготавливается из самых разнообразных ягод и фруктов. Для этого их сильно варят в печи (ставят на сутки), затем протирают через решето. Далее берут чисто строганные дощечки, липовые, но не сосновые, смазывают их маслом и намазывают на них тонким слоем полученную массу. Сушат или на солнце, или в полуостывшей печи. Получаются очень тонкие, не толще 2-3 мм., листы пастилы, которые, как мы

уже отмечали, употребляются в качестве начинок, а, пересыпанные сахаром и разрезанные на куски, подаются к чаю.

Напитки, употребляемые татарами, можно разделить на две основных группы: напитки без алкоголя и напитки с тем или иным количеством его. К первой группе относятся: чай, айрән, куас, ширьбәт, ко второй: домашнее и заводское пиво, мед, кърчмә, вина, водка, молочная водка и самогон.

Наиболее широко распространенным напитком у татар всех классов является чай—сај, который, особенно у крестьян, пьют часто и много. Чай употребляется как байховый, так и кирпичный. Бедные кроме того нередко употребляют суррогаты чая, к каковым относятся: сушеная малина, смородинный лист, лист иван-чая и т. п. Чай заваривается очень густо и пьется сильно горячим с примесью молока или чистый с медом и сахаром в прикуску. Чай является у татар первым угощением гостей и, хотя Губайдуллины на стр. 29 цит. соч., и считают, что „любовь татарина к чаю несколько преувеличена“, но из всего последующего их описания вытекает, что татары чаю пьют много и часто, во всяком случае больше, чем соседние народности. Наши наблюдения также приводят к выводу о большом употреблении татарами чая, заменяющего у бедных все приемы пищи, а наличие его при приемах пищи у деревенских татар обязательно.

Менее чем чай, но также очень много, употребляется айрән, который пьется преимущественно в летнюю жару, особенно вне дома—на покосе, жнитве и т. п. Мы выше подробно остановились на айрәне и поэтому описывать его здесь не будем.

Квас—(куас—quas) является городским питьем и деревня его не знает. При этом надо отметить, что квас у татар употребляется преимущественно фруктовый: яблочный, смородинный, клюквенный, но не хлебный, как у русских. Только очень редко можно встретить в татарских деревнях хлебный квас и то в тех местах, где абсолютное большинство русских, так что его можно считать для татар случайным. Фруктовый квас употребляется также редко и лишь богатыми, не беря конечно уличное случайное распивание его.

Ширьбät—şirvät—прямое заимствование от городского востока—употребляется у татар в качестве ритуального напитка. Так, во время свадьбы, во время совершения обряда, невеста присылает от себя ширьбät гостям, и последние, выпив его, кладут на поднос деньги. Никакого практического значения в обыденной жизни ширьбät не имеет.

Спиртные напитки у татар по религиозным соображениям запрещены и татары на самом деле пьют их пожалуй меньше, чем, например, русские, но все же пьют, как горожане, так и крестьяне. Наиболее широким распространением у татар пользуется пиво (сйра—sra), у крестьян—домашнее, у горожан—заводское. Наблюдается, что не во всех местностях татары употребляют домашнее пиво, а преимущественно в тех, где они живут рядом или с финнами, или с чувашами, у которых пиво является, так сказать, национальным и даже культовым напитком, что отмечается всеми авторами, писавшими о чувашах и финнах края. Способы пивоварения заимствованы также у соседей.

Заимствованными же у соседей надо считать и напитки, сделанные из меда—мед—val и кйрчймä—krsemä. Первый с большим количеством меда, который подвергается спиртовому брожению, а второй нередко изготавливается из сахара и только для вкуса приправляется медом. При этом как в тот, так и в другой напиток хмелю не кладется и брожение происходит только благодаря содержанию напитков в продолжении некоторого количества времени в теплом месте. Только для ускорения процесса в мед или кйрчйму кладут закваску, из старого меда или кйрчймы. Мед и кйрчймä также распространены не повсеместно и больше встречаются на правом берегу Волги, по соседству с чувашами, а также в Елабужском кантоне, где близко живут вотяки. Мед и кйрчймä больше распространены у кряшен, а у татар-мусульман там, где много кряшен, или где соседями являются чувашаи.

Мед и кйрчймä также нередко прямо заимствуются и даже приобретаются у чуваш, которые их много изготавливают.

Вина употребляются только в городах и зажиточными классами. Водка (аракй—araq) употребляется и крестья-

нами. В тех местах, где нет, или меньше пива и меду, там широко распространена водка, однако татары ее пьют все же меньше, чем русские.

В последнее десятилетие, как и вообще в российской деревне, у татар свил прочное гнездо самогон (самагункькй или кумышкькй—samagun, kumyjškyk). Самогон изготавливается у татар каждой местности, также, как и у соседей. Надо заметить, что в местностях, близких к вотякам самогон-кумышка был у татар и до запрещения водки, в качестве заимствования у вотяков, которые всегда варили кумышку, имеющую у них культовое значение. Инвентарь самогонокурения очень примитивный, такой же как и у вотяков, причем чаще самогон курят не в помещении, как у русских (баня), а где либо в овраге, у ключа или под плотиной, используя воду пруда в качестве холодильника. Самогона татары в последнее десятилетие стали изготавливать много как и вообще татары пить стали больше, благодаря ослаблению религиозных запрещений. К настоящему времени, благодаря энергичной борьбе, самогон почти исчез.

Этим собственно заканчивается весь перечень хмельных напитков у татар, но необходимо еще упомянуть совершенно исчезнувший в настоящее время напиток из молока, отмеченный Лепехиным¹⁾ для татар по реке Черемшану. Этот напиток перегонялся в замазанном крышковой котле из пахталя от масла, затем смешивался с соком ягод—калины или вишни. Повидимому этот напиток, названия которого автор не приводит, является пережитком кочевнических напитков, изготавливаемых именно из молока, как у казаков, башкир, ногайцев и т. д. При этом надо отметить, что этот напиток является пожалуй и наиболее древним, ежели считать примесь финских влияний за более поздний фактор, ибо все остальные самодельные напитки, употребляемые широкими массами, являются национальными финскими.

Из наркотиков, кроме спиртных напитков, татары употребляют в сравнительно небольшом количестве табак или для курения, или (реже для нюхания и закладывания под язык. Вообще надо сказать, что курят татары

¹⁾ Лепехин Ив.—Дневные записки. Т. I. Стр. 150.

пожалуй меньше своих соседей и, например, в избе курить не разрешается, особенно у религиозных людей. Многие курят, скрывая это от близких. Так, отец скрывает от сыновей, а сыновья от отца и вообще употребление табака не считается хорошим делом. Курят различные табаки. Крестьяне преимущественно махорку. Сами сажают и разделяют табак татары редко, чаще покупают его у соседей или в лавке. Курят чаще в бумаге, реже в трубке (трубка—trupka или чілім—çlem) деревянной с коротким чубуком, формы близкой к чувашской. Нюхают табак немногие, чаще старики, бросившие курить, а держанием под языком табака раньше занималось только духовенство и шакирды, которым не разрешалось курить ни под каким видом. По данным Губайдуллиных (стр. 48) табак для закладывания под язык приготавливали, смешивая нюхательный табак с золой и пахучими веществами, чаще мятой. Этот обычай вероятно завезен из Бухары, т. к. кроме духовенства, никто им не занимается. В последнее десятилетие среди горожан курение табаку распространилось достаточно сильно. Курят даже некоторые женщины, чего в деревнях совершенно нет.

Кроме табака, по данным Губайдуллиных, у татар употребляются изредка, преимущественно духовными лицами, еще опиум, гашиш (кукнәр) и терьяк. Однако это бывает очень редко и во всяком случае не является сколько нибудь распространенным.

Заканчивая рассмотрение питания татарского населения, остановимся несколько на том инвентаре, который употребляется, как для изготовления кушаний, так и для приема пищи.

Мы в соответствующих местах упоминали некоторые принадлежности кухонного инвентаря. Так, нами упоминались äbät чиләгі—ведерко для катъика, горшки для хранения молока, доска для раскатывания теста (куна тактасы), скалка, квашня и некоторые другие предметы. Вообще надо заметить, что татарская кухня очень бедна инвентарем для изготовления кушаний. Это, конечно относится к кухне более бедной части населения, питание которой мало сложно. Здесь, например, для варки и жарения (пйшрү—pşegu и кйздыру—qzdyru) служит преимущественно котел (казан--qazan)—это универсальное приспособление

кухни кочевника. В нем варят жидкие блюда и жарят, например, кымак, кабартма, баурсак и т. п. Печенье же производится большей частью прямо на поду печи, так что печной инвентарь чаще всего состоит лишь из кочерги (кисәу аҗачы—kisäw aҗasъ) и лопаты (икмәк көрәгә—ikmæk køräge) для посадки хлеба, а инвентарь варки дополняется поварешкой (чүмічъ—сумес), да сковородой (таба—tava), для печения пәрәмәчей и бәлеш, со сковородником (табаҗач—таваҗас).

В кухне более зажиточных, питание которых усложняется введением целого ряда кушаний, усложняется и инвентарь, как изготовления кушаний, так и печения и варки их. Появляются ступы (килә—kile) для толчения пряностей, противни, жаровни и т. п. вещи для жарения и печения. Только горшки для варки появляются редко, уже в почти совершенно европеизированной кухне и то скорее появляется плита с кастрюлями, которая уничтожает универсальный котел, чем горшки для варки. Кухня богатых сложена так же, как и европейская, причем большинство ее инвентаря русских горожан.

Инвентарь для приема пищи также варьирует соответственно зажиточности, как и инвентарь изготовления. В бедной семье для приема пищи существует во-первых чашка для супу (табак—tavaq), большей частью деревянная, реже металлическая или фаянсовая. Чашка подается на стол и из нее хлебают все члены семьи деревянными ложками (кашък—qasъq), с хлебом, изрезанным ломтиками, или без него. Мясо, ежели оно есть, подается после супа в той же или другой чашке, нарезанное кусочками и едят его руками (кул блән—qul vlән), так как вилки в татарском быту нет, почти до полной европеизации стола. Кроме того на столе присутствуют нож, для хлеба (пчак рсаq) и солоница (төз саубыты—toz saubъtъ). У более зажиточных появляются индивидуальные глубокие тарелки или небольшие чашки для еды, причем суп подается или в большой же чашке или миске (миски—miski). Второе блюдо подается уже на большом блюде (табак—tavaq), но ежели его нельзя есть ложками, то опять таки оно поедается руками. Катък и молоко подаются в чашечках, нередко типа полоскательных чашек (җамааяк—җамааяq), на столе появляется перец (бөрөч—вогъс), появляются даже

мелкие тарелки (сай тәлинка—saj təlinkə). Посуда богатых групп совершенно европейского вида, причем вводятся прекрасные фарфоровые тарелки, миски и блюда больших размеров, особенно блюда для плова (плау табаҫы—rlau tavaq), вводятся также вилки и вообще индивидуальная подача всего прибора.

Рис. 5. Чайная посуда татарского образца. Из коллекций Центральн. Музея ТССР. (1923).

Для чаепития у татар употребляются в большинстве случаев специальные маленькие чашечки чйнак—спаҫак низкие с закругленным дном с блюдцами, которые изготовляются на заводах, специально для татар (см. рис. 5). Высоких чашек русского образца и стаканов в национальной татарской посуде нет. Чашечки эти очень удобны для лиц, любящих горячий чай, а татары всегда пьют его горячим и ежи, например, гость заговорился и не выпил поданной ему чашки, то считается необходимым чашку переменить, чтобы гость непил остывшего чая. Подаются к столу и чайные ложки (балкашк-валҫаҫы). Молоко подается большей частью в чашке типа полоскательной, точнее типа китайских чашек, распространенных среди кочевых народностей, куда положена ложка. Чай обычно наливает хозяин, и, спросив о согласии, сам же наливает в чашку и молока. Молочники появляются уже в более европеизированном кругу. Пища к чаю подается на тарелках, масло и кертлы—май в тарелках, или (реже) в фарфоровых масленках, сахар и мед в специальных по-

судах. Чай заваривается очень крепкий и его держат все время над самоваром. Камфорку, как правило татары не одевают и ставят чайник прямо на трубу, немного наискось, чтобы не глушить самовара. Поэтому у татар употребляются и чайники слегка измененной формы, более высокие с большим козырьком, выше крышки, приспособленные именно для такого стояния на самоваре. (см. рис. 5). Самовары бывают у всех и продажа самовара считается признаком величайшей бедности, т. к. у бедняков все приемы пищи производятся с чаем. У зажиточных, самоваров бывает по несколько и содержатся они в прекрасном порядке. Хороший и чистый самовар—гордость хозяина. У богатых татар в большом ходу посуда из китайского фарфора, который татары любят и охотно приобретают. Надо отметить, что по нашему мнению и специальная татарская чайная чашка вероятно выработалась из китайской, того же назначения, и нередко ею заменяется у богатых татар. Вообще стол богатых татар снабжен посудой очень обильно и посуда подается хорошего качества.

Место для еды у татар всегда застилается скатертью (аш'яул'ык—аш'яул'ык или скат'ыр—skäter). Это вероятно является следствием того, что татары чаще едят на нарах или на полу и принятие пищи за столом явление вторичное, результат заимствования (рис. 6 и 7). Поэтому нары или пол всегда сверх их покрытия застилаются скатертью. Кроме наиболее богатых, где употребляются белые скатерти, у татар распространены скатерти из пестряди (алача—alasa) различных оттенков клеток, большей частью красного с синим, красного с желтым или всех трех цветов вместе. Далее у татар, ввиду того, что в еде руки принимают непосредственное участие, имеются специальные предметы для мытья рук перед и после обеда, а также и для вытирания их во время обеда. Перед обедом татары всегда моют руки из ком'дана—qom'дан—специального высокого узкогорлого кувшина с носиком, летом на дворе, а зимой, в богатом быту, в особой комнатке (см. ниже), над особым тазом. После мытья руки вытираются полотенцем из различных сортов материи, начиная от грубого холста, до очень тонкого полотна. Эти полотенца всегда имеют, концы украшенные рисунком вытканым или в два

цвета (белый, красный) или многоцветным (см. ниже). Эти же полотенца (cölgö—sölge) иногда подаются и для вытирания рук во время еды, протягиваясь по коленам участников, но чаще всего для этого употребляются специальные салфетки—тастымал—tastymal—такие же полотенца с ткаными концами, но длиною не больше метра, тогда как полотенца делают до 3-х метров длины. Салфетки эти подаются индивидуально каждому участнику еды. После еды умывание рук совершается снова, причем полощется и рот. У богатых татар после обеда раньше подавалась в специальных комџанах персидского происхождения надушенная вода для умывания рук и полоскания рта, так что умывание происходило не двигаясь с места над специальными персидскими же тазиками. Однако такой способ применялся только у очень больших богачей да и то в самых торжественных случаях. Отметим также специальные покрывала на посуду (япма—jарma), когда она вымытая стоит на столе (татары в деревнях часто держат самовар и посуду постоянного пользования на столе, который для этого и ставится в комнате) или подана к чаю, но чаепитие еще не начато. Такие покрывала представляют собой четырехугольную, почти квадратную, салфетку, богато украшенную вышивкой и обшитую по краям кружевами. Конечно, как материал, так и орнаментация этих покрывал варьирует по зажиточности хозяев, но они всегда покрываются вышивкой, хотя бы были сделаны из коленкора, а не из тонкого полотна или шелка, как у богатых.

Принятие пищи татарами нормально ведется четыре раза в сутки: утром часов в 6—7, смотря по времени года и занятости, раньше или позже пьется чай с хлебом, и холодной снедью, в 11—12 второй чай табиџат чајі—täviџät säje—(чай поднимающий настроение), когда у богатых подается горячий завтрак: кымак, каbartма и т. п. В 2—4 часа обед и вечером опять чай или ужин. Таков пищевой режим среднего и даже, пожалуй, зажиточного крестьянина и горожанина в нормальное время. У бедняков число приемов пищи сокращается до 3 раз—2 чая и обед. Также сокращается количество приемов пищи во время страды, когда нет времени на это. Приход гостя в какое бы то ни было время, всегда вызывает чаепитие и жен-

Рис. 6. Чаепитие на нарах в избе середняка. Чистопольск. кантон. (1926).

щины, например, даже злоупотребляют этой возможностью попить лишний раз чаю—они ходят в гости как раз в неурочное для чая время.

Во время праздников порядок принятия пищи нарушается. Едят весь день, с многочисленными гостями, даже и у бедных, так что самовар и праздничная еда не сходят со стола. Это, конечно, в большие праздники, так как в обычную пятницу—день отдыха—лишь немного улучшается стол и то только у зажиточных. Едят в крестьянской семье обычно все вместе, только сноха (кил'н—kilen) как правило подает и поэтому не принимает участия в еде (рис. 6 и 7). В случае же появления посторонних, женщины никогда не едят вместе с мужчинами. Отдельно обедают так же и во время званых обедов, или одновременно, но в разных комнатах или последовательно—сначала мужчины, затем женщины. Званые обеды устраиваются во время семейных праздников: рождение, свадьба, поминки, а также во время праздника Курбан-байрам, когда каждый, зарезавший в этот день жертвенное животное, съедает его мясо на званном обеде. В городах богатые та-

Рис. 7. Обед на полу. Арск. кант. (1928). (Фот. П. М. Дульского).

тары обычно устраивают меджелисы хотя бы один раз во время поста—Рамазан, с обязательным приглашением духовенства. Старинные праздничные и званые обеды всегда происходили на полу, при чем вокруг скатерти уставленной явствами, постилались для гостей подстилки кӧрпӧ—кӧгрӧ (см. ниже), а для почетных гостей даже подушки. Наиболее почетные гости—духовенство садились на почетное место—тӱрь—тӱр, прямо против входа (см. ниже) высоко на подушках. Татары на полу и на нарах сидят по настоящему, поджав ноги как кочевники, редко, большею же частью поджимается лишь правая нога, а левая, согнутая в колене, ставится вертикально и поднятым коленом служит опорой левому локтю. Если гостей много, то их сажают в несколько кругов (табӳн—тавьп) в той же комнате, подбирая в каждый табӳн определенный состав гостей. Перед едой и после еды старший, или присутствующее духовное лицо, читает отрывок из корана, который все повторяют про себя и только тогда начинают или кончают еду. Распределением кушаний ведает или хозяин, или старший за сто-

лом. Еда идет обычно тихо. Переговариваются только ближайшие соседи. Это на званых обедах, а в семье это соблюдается мало. Особых почетных кусков и потчиваний у татар в настоящее время не сохранилось совершенно и о них есть только воспоминания. Усаживают гостей соблюдая до известной степени старшинство по отношению к сидящему на туре. В настоящее время многие обычаи постепенно изменяются и все приближается к обычному европейскому, но обычай в знак сытости рыгнуть несколько раз под ряд упорно сохраняется, кроме домов, ведущихся совершенно по европейски. Эта музыка, о которой упоминает еще Фукс, до сих пор частенько слышится после еды, особенно в деревнях, а старинный этикет считал это необходимым, при чем некоторые специалисты могли ее производить вне зависимости от полноты их желудка, по своему желанию. Этот обычай, по нашему мнению, является пережитком обычая многих первобытных племен кормить гостя до пределов насыщения так, что он засыпал опьяненный едой, с куском во рту. Обычаи при приеме пищи, приблизительно одинаковы как в городе, так и в деревне у групп одинаковой зажиточности, но, при современной ломке старого быта, они, конечно, прочнее держатся в деревнях.

Пользуясь данными Губайдуллиных, Каюма Насыри и своими наблюдениями, постараемся дать некоторую схему распределения описанных в настоящей главе кушаний по их употреблению группами различной зажиточности, а также комбинации их по различным приемам пищи, остановившись также на праздничных и ритуальных приемах пищи. Правда, эта схема далеко не охватит всего разнообразия комбинаций кушаний у различных групп и в различное время, также как наше описание кушаний далеко не охватило их всех, но она должна дать все же некоторую ясность этому вопросу и помочь в нем разобраться.

Утренний чай в будни сравнительно бедные крестьяне обычно пьют с хлебом, и ежили есть, с другой холодной снедью (самых бедных мы не берем, ибо не зная что будешь есть, трудно заводить какой бы то ни было порядок еды), а более зажиточные с хлебом, печениями и чем либо холодным, как мясо, пирог и т. п.

Завтрак—второй чай у середняков и богатых чаще всего сопровождается горячей едой из теста, т. к. к этому времени выпаливается печь и, пекая хлебы, женщины, обычно, готовят или кымак или кабартма. У более богатых к этому чаю подаются также пярәмачь, пироги и т. п.

Обед у бедных чаще всего состоит из какого либо супа—салма, текмач, лапша, умач и т. п. с приправой катыка или молока. На второе подается картофель, вареный в кожуре с маслом или овсяной кисель. У самых бедных ограничиваются одним супом. У более богатых также подается суп того или иного типа, но чаще мясной, а на второе или мясо из супа с картофелем, или, иногда, даже бәлш или жареная птица с различными приправами, вроде огурцов, хрену, уксуса и т. п. В виде сладкого подается компот или пастила. Обязательно же фигурирует за столом катык, которым приправляют суп, а также едят отдельно с хлебом или без него. Также обязательным почти всегда и у всех вместе с обедом является и чай.

Вечерний чай сопровождается едой вроде утреннего, но иногда к нему что либо варится и тогда он получает форму ужина, в виде сокращенного обеда. В ужин он превращается чаще у крестьян средней зажиточности, а у бедных и богатых остается только чаем.

Надо отметить, что пищевой режим татар различной зажиточности еще совершенно не изучен и точно говорить, что либо невозможно. Приведенные нами данные, конечно, весьма приблизительны и могут подвергаться большим колебаниям.

Праздничная пища в обычные праздники, несколько улучшается, напр., бедный старается сварить на обед мясной или молочный суп изготовить бәлш, и чем либо разнообразить второй и вечерний чай. Второй чай в пятницу является главным, т. к. пьется после праздничного намаза и часто на нем присутствуют гости. Вообще праздничный стол слегка улучшается у всех классов.

Совершенно другая картина получается во время больших и семейных праздников. Здесь каждый татарин, за исключением уже абсолютно нищих, старается развернуться, нередко сверх своих средств, так что потом праздничное угощение приходится долго выравнивать в бюд-

жете¹⁾. Однако это считается необходимым, ибо говорит о зажиточности хозяина и, так сказать о его кредитоспособности. Особенно резко это наблюдалось в быту купечества, где каждый старался устроить праздничный стол возможно богаче. Здесь то и изготовляется большинство тех кушаний, печений и лакомств, которое мы описывали в настоящей главе. Считается необходимым, чтобы стол, хотя бы в течении одного дня, а у богатых в течении трех дней, был все время сплошь уставлен яствами. При этом у крестьян больше обращается внимания на сытные блюда, вроде пәрәмәчь, бәлш, пирогов, жареного мяса и птицы (гусь), казылык и т. п., а у богатых на лакомства, сладкие печения и т. п. Специальных кушаний во время праздников Курбан и Рамазан байрам почти не имеется. Употребляется почти вся кухня татар, причем, опять таки подчеркнем, что в эти праздники, особенно в Рамазан, каждый татарин стремится развернуться. Еды у всех много, и еды хорошей, какой в течении года данная семья часто никогда не видит. Специфическими для праздников являются лакомства вроде: läüäшь, чәльпәк, цаулы-икмәк и др., которые получают специальное название — праздничной пищи (байрам аши—вәјгәт ашь).

Во время званых обедов, по какому бы случаю они не созывались, кроме бәлш является плов, который изготовляется почти всегда.

Переходя к обрядовой пище, мы будем отмечать особенности каждого обряда в отношении кушаний, останавливаясь только на этом, т. к. в остальном они обычно совпадают со всяким меджелисом. Так во время рождения ребенка, когда устраивается обед для родных, обязательно употребляется т. наз. älbä—әлвә—нечто вроде пюре из муки с медом или сахаром и маслом. Älbä поедается всеми присутствующими, а также им мажут ротик новорожденного или дают ему ее пососать через тряпочку. Иногда употребляется при рождении так же мед-масло—бал-май вообще широко распространенное кушание при семейных обрядах.

¹⁾ Повидимому с целью облегчить расходы хозяина на угощения, в деревнях при поездке в гости на несколько дней (кунак-чакыру—қунақ сағу) обычно берут с собой гуся и несколько калачей.

Вторым праздником новорожденного является наречение имени, когда устраивается обед с обязательными медом-маслом. Мед-масло поедается так: поедается отдельно мед, сливочное или (чаше) топленое масло и белый хлеб. Каждый присутствующий должен съесть кусок хлеба с маслом и медом.

Небольшим угощением отмечается и обрезание ребенка, когда угощают сөннәтчи-бабая, причем из специфических блюд здесь употребляется цуача.

Наибольшим празднованием сопровождается брак, когда пиров много и выступает как целый ряд ритуальных кушаний, так и обычные получают ритуальное значение. Здесь обязательным является также масло-мед затем гөбәдиә плов, как-төш, и др. кушанья, которые в качестве обязательных выступают в известные моменты обряда. Так на свадебном обеде в день бракосочетания кроме бал-май обязательно присутствует гөбәдиә, который присылается женихом, а также плов. В качестве ритуального напитка употребляется ширьбәт. Затем на пирушке в доме невесты, после бракосочетания, употребляется обязательно бәлш, покрывку которого невеста не должна есть. При первом посещении женихом невесты, последняя посылает его родственникам как-төш, который обязательно фигурирует также в момент переезда новобрачной в дом мужа. Угощение, конечно, варьирует и по качеству и по количеству, сообразно зажиточности, но во-первых необходимые ритуальные блюда всегда бывают, во-вторых свадьба, как правило, празднуется пышно, часто не по средствам. Для избежания этих расходов бедняки раньше делали свадьбу умыканием, а теперь просто ограничиваются регистрацией—кызыл туй—qzyl tuj.

Обряд похорон и поминовения опять вызывает на стол әлбә, с которой человек родился, а также здесь подается пирог с неразрезанной уткой, как символ покойника. Поминальный стол делается также очень обильным, чтобы присутствующие добром поминали покойника. Некоторые богатые старики прежде иногда даже сами лично вырабатывали меню и порядок кушаний, которые должны быть во время их поминовения, т. к. этому придавали большое значение.

Таковы в общем особенности обрядовой пищи, которые мы только отмечаем, не вдаваясь в осмысливание появления того или иного кушания из за отсутствия достаточных данных.

Просматривая питание татарского населения в общем, надо сказать, что оно, так же как и другие элементы их быта, представляется достаточно сложным, в результате многочисленных влияний. В основе пищевой режим у широких масс населения так же базируется на результатах земледельческого труда (использование зерновых продуктов) как и вообще у земледельческого населения. Однако сюда вклиниваются древние пережитки питания кочевых турок с их своеобразным использованием мяса и молочных продуктов. Питание зажиточных классов татар еще сложнее и сюда примешиваются влияния, как питания богатых классов Востока, так и русское городское влияние. Кроме того питание всех классов не находится в стационарном состоянии, а оно все время изменяется под влиянием различных, по преимуществу чисто экономических, причин. Так в почти исключительно мучное питание широких масс постепенно, все больше и больше вклиниваются овощи, некоторые из которых (картофель) уже завоевали прочное положение в кухне всех классов. За последние годы, с увеличением связей между народностями, многие бытовые черты и в частности питание изменяются в сторону сближения с соседями, как результат одинаковой экономической базы.

ИЗ БИБЛИОТЕКИ
ИСКАНДЕРЯ
БОГДАНОВА
КАЗАНЬ-МОСКВА

Глава VI.

ЖИЛИЩЕ И ПОСЕЛЕНИЯ ТАТАР.

Места поселений, планы поселений. Усадьбы: планы и виды. Сады. Кладбища. Жилой дом: история развития, план, размеры, постройка, крыша, окна, двери, крыльцо. Орнаментация и окраска. План жилых помещений. Отопление и освещение. Внутреннее убранство, чистота. Домашняя утварь: постели, сундуки, столы, стулья и др. мебель, шамалы, полотенца, намазлыки и т. п. Ворота и изгороди. Надворные постройки. Общественные здания. Жилище городских татар

Хозяйственное и культурное состояние того или иного народа в связи с теми внешними факторами, которые окружают народность, довольно ярко отражается и в жилище, в его постановке, плане, типе, материале и т. п. Татарское жилище, также как и все элементы их культуры, очень сложно по своему происхождению и на него ясно наложило отпечаток то богатое и разнообразное прошлое, которое пришлось пережить народу прежде, чем он сформировался в те формы, в каких мы его видим в настоящее время. Казанские татары представляют собой народ, у которого имеется древняя городская культура, так что и во всех элементах быта и в жилище имеются некоторые различия между городом и деревней, которые правда, благодаря уже указанным историческим причинам, нередко ступшеваются и между городом и деревней создается ряд переходов. Большинство татарского населения живет все же в селах и потому мы подробнее остановимся на описании сельского татарского жилища и лишь вкратце коснемся городского жилища, поскольку оно имеет некоторые отличия от построек обычного городского типа.

Сельское татарское население живет, можно сказать, исключительно в селениях того или иного типа и только с развитием колхозов начинается усиленное выделение поселков различной величины. Расположение татарских

селений в топографическом отношении и по отношению друг к другу, хотя в общих чертах и одинаково во всех местах поселения татар, но в деталях зависит от топографических особенностей районов и других физико-географических факторов. Прежде всего необходимо еще раз отметить, что татары не любят ставить своих сел на колодцах и всегда располагают их у текучей воды, иногда даже незначительного ключа. В таких же местах, где совершенно

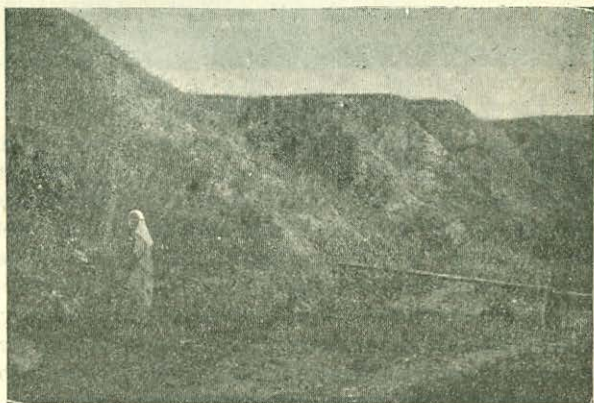

Рис. 8. Ключ у деревни. Мамадыш. кант. (1925 г.).

нет проточной воды, они все же устраивают пруды, в которых удерживают вешние воды. Подобная зависимость татарских селений от наличия проточной воды отмечается также и рядом авторов, описывавших быт татар. На это указывает Штейнфельд ¹⁾, а д-р Сухарев дает даже цифровые данные по этому вопросу ²⁾. Из 125 сел, знакомых Сухареву, 78 были расположены при речках, 45 при ключах и только 2 при болотах. Данные обоих авторов относятся к северному району, но и в южных на прудах расположено слишком незначительное число поселений. В связи с этим татарские поселения располагаются обычно

¹⁾ Штейнфельд Н. П.—Мадмыжские татары, их быт и современное положение. Календарь и Памятн. книжка Вятск. губ. на 1894 г. Вятка, 1893, стр. 293.

²⁾ Сухарев А. А.—Казанские татары (уезд Казанский). Опыт этнографического и медико-антропологического исследования. СПб., 1904, стр. 26.

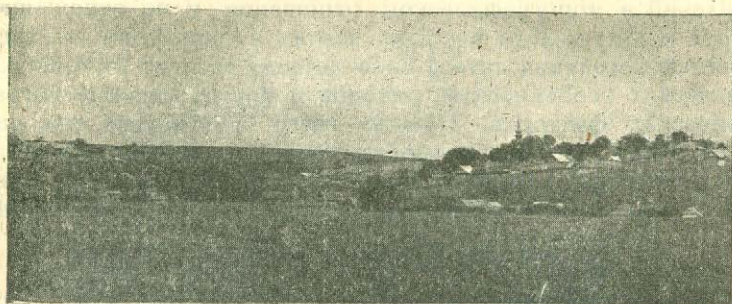

Рис. 9. Вид деревни Арского кантона. (1923).

очень тесно по речкам и ручьям, так что напоминают как бы бусины, нанизанные на нитку. В северных кантонах, где мелких речушек много, поселения татар расположены очень густой сетью, но отдельные поселения в большинстве случаев невелики. В южных кантонах, где речек меньше, татарские поселения также располагаются цепочкой по речкам, но эти цепочки не переплетаются друг с другом, а расположены на некотором расстоянии друг от друга и возможно поэтому самые площади, заселенные татарами, в таких местах часто принимают форму лент по речкам, а в промежутках между ними поселились другие народности.

Стараясь селиться как можно ближе к воде, татары ставят свои поселения большей частью в низинах. В местностях с резким рельефом, как Арский, Мамадышский и Свияжский кантоны, проезжая видишь вдаль только минареты мечетей, т. к. все поселения прячутся в долинах и только при узости их лепятся по косогору. В местностях с более спокойным рельефом, постановка поселений в низинах не так заметна, ибо долины рек очень широки. На возвышенных местах поселения ставятся только в тех случаях, ежели ручей или ключ, снабжающий поселок водой течет в глубоком и узком овраге, в котором нет возможности устроить поселение (рис. 9 и 10).

Само население в настоящее время совершенно не знает причин такого расположения поселений и при расспросах получаешь наивные объяснения—вроде желания спрятать поселения от взора русских властей. Однако при озна-

комлении с постановкой поселений других турецких народностей, находящихся на более низких стадиях культуры, можно видеть, что подобное расположение селений в долинах, близко к текучей воде, является для них характерным. Так по указаниям Вамбери ¹⁾, турецкие народности устраивали свои зимние поселения в долинах и углублениях для защиты от ветров и этот обычай постепенно распространился и на постоянные поселения, которые развились из зимовок. На устройство зимних жилищ в долинах у кочевых народностей указывают также Марко-Поло ²⁾, Рычков ³⁾, Радлов ⁴⁾ и др. авторы. Руденко ⁴⁾ при описании жилища башкир, отмечает, что большинство башкирских деревень расположено при реках и озерах и что колодцев у них почти не встречается. Кроме того поселения ставятся в долинах рек по близости к воде. Приведенные данные, до известной степени, дают нам возможность считать те же привычки причиной преимущественного расположения и татарских поселений в долинах у самой воды.

По размерам татарские поселения в массе относятся к типу средних, т. е. до 1000 жителей, и особенно мелких поселений (до 300 жителей) незначительно. Как видно из таблицы на стр. 54, количество мелких сел у татар равно 14%, тогда как у русских оно равно 43,5% и у нацмен—25,8%. Крупных сел, сел с населением свыше 2000, у татар больше, чем у других народностей края. Что касается порайонного распределения размеров поселений, то в северных кантонах абсолютное большинство приходится, на поселения до 1000 душ, тогда как в Закамских кантонах на крупные от 1000 до 3000 и более. В Заволжских кантонах распределение поселений ровнее и нет подобного доминирования. Самых мелких поселений (до 300 ж.) больше всего в Арском и Мамадышском кан., а также в кантонах восточного Закамья.

¹⁾ Vámbéry—Die primitive Cultur des Turko-Tatarischen Volkes. Leipzig. 1878, стр. 73 74.

²⁾ Марко-Поло—Путешествие в 1286 по Татарии... пер. Шемякина. М. 1863, стр. 178.

³⁾ Рычков—Топография Оренбургская. СПб. 1762, стр. 125.

⁴⁾ Radloff—Aus Sibirien. I. стр. 527.

⁵⁾ Руденко С. И.—Башкиры, ч. II. Ленингр. 1926, стр. 230.

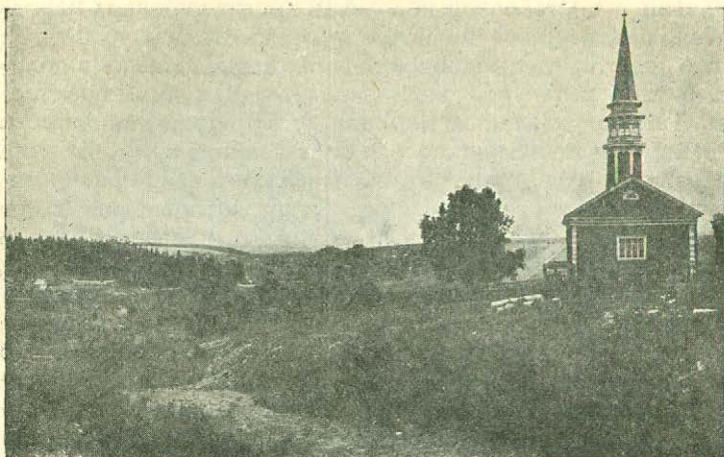

Рис. 10. Вид дер. Олуяз, Мамад. кант. Слева роща кладбища (1925 г.)

Подобное распределение селений по размерам, повидимому, является результатом влияния больше географических условий, чем национального состава населения. Обилие воды и мест удобных для поселения в северных кантонах вызывает вообще образование большого числа поселений, чем в значительной степени уничтожается дальнеземелье и т. п. В южных кантонах, где благодаря слабой речной сети, мест удобных, особенно для татарского поселения, т. е. с проточной водой, меньше, поселения ставятся реже и делаются относительно крупнее.

В Заказании и на Горной стороне, где густота сети населенных пунктов больше, чем в Закамьи, наблюдается естественное разделение территории на районы. Целые группы мелких поселков всегда экономически и отчасти культурно тяготеют к какому либо крупному поселению, которое является их центром, несмотря на то, что оно не всегда является административным центром. Некоторые из таких районных центров, как, например: Атня, Алаты, Карадуван, Менгеры, Балтасы, Сабы, представляют поселения более 4000 душ (в 1907 году они были меньше) и являются селениями почти городского типа, с значительной группой полукрестьянского, полуторгового населения. В Закамьи, где поселения крупнее, такого тяготения

ния наблюдается меньше, хотя вообще все поселения как бы районируются по тяготению к определенным базарам.

Эти крупные торговые татарские села резко выделяются из среды мелких и средних поселений, как по месту своего расположения, так и по плану, являясь менее типичными, т. к. их более коснулось нивелирующее влияние русской администрации. По местам расположения эти последние хотя и находятся всегда у проточной воды, но размеры их затушевывают характерное расположение в долине у самой воды, что резко заметно у мелких поселков.

В плане татарских поселений имеется также значительное количество особенностей чисто национальных, хотя, конечно, и здесь нельзя исключить влияния чисто географических факторов. Наиболее типичными для татар являются планы мелких и средних поселений в северных кантонах и, отчасти, на Горной стороне. Основной особенностью плана татарских поселков надо отметить их значительную тесноту. Усадьбы сжаты кучами, улицы, и, особенно, переулки узки, искривлены, делают резкие неожиданные повороты и нередко оканчиваются тупиками. Однако среди этой путаницы всегда можно выделить главную улицу, идущую вдоль селения и главный пере-

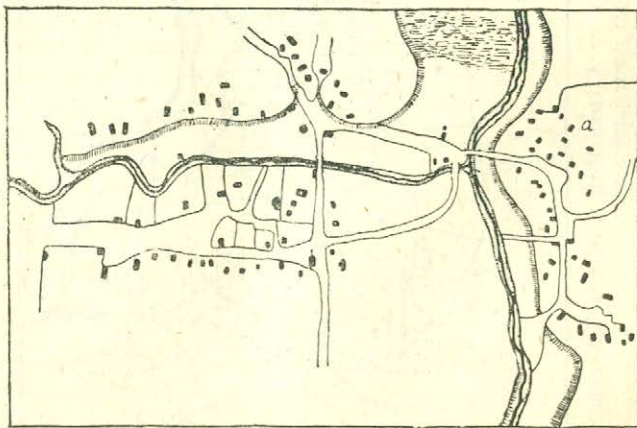

Рис. 11. План д. Клевляр, Б. Атнинск. вол., Арск. кант. Съемка 1879 г. Масштаб 125 саж. в дюйме. План В. В. Егерева. а) Кольцевое расселение.

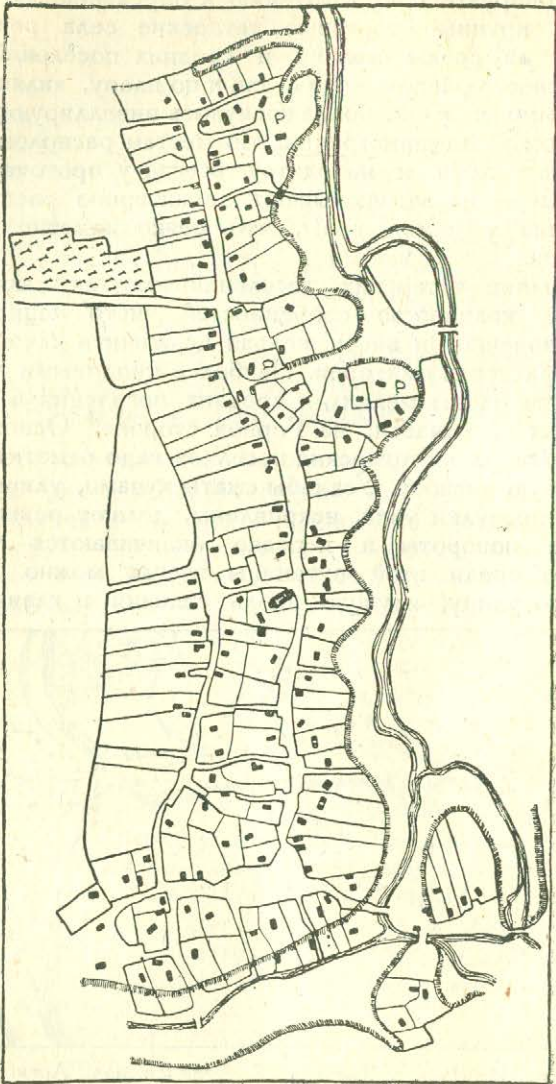

Рис. 12. План дер. Іашкыч, Мамсинск. вод. Арского кант. С'ежка 1879 г. Масшт. 125 саж. в дюйме. План В. В. Егерена. а) Кольцевое расселение.

улок. По ним проходят главные дороги поселка и, хотя они искривлены не менее других, но всегда имеют выход за околицу, тогда как по другим улицам и переулкам это не всегда возможно сделать, ибо нередко близ самой околицы улица неожиданно упирается в чьинибудь ворота (рис. 11—12).

Такую запутанность плана татарских поселений отмечают многие авторы, писавшие о татарах, как Сухарев ¹⁾, Сбоев ²⁾, Черемшанский ³⁾, Артемьев ⁴⁾, Кеппен ⁵⁾ и др., причем некоторые из них проводят аналогию между татарской деревней и табором кочевников (Артемьев).

При детальном изучении планов татарских поселков можно заметить, что они представляют собой как бы несколько куч усадеб, которые связаны между собой очень тесно, а с другими такими же кучами значительно слабее. Получаются как бы отдельные концы, на которые распадается поселок. Далее мы имеем указания, относящиеся к 1840-м годам ⁶⁾, где о татарских поселениях пишется следующее. „Селения татар всегда раскинуты во все стороны от одного центра. Улицы и переулки кривые, узкие и грязные, идут во все стороны со всевозможной антисимметрией и пересекаются во многих местах заборами и изгородями, которые составляют передовую часть селений. Часто двор татарина, со всем его хозяйством и не примыкает к улице: обстроен бывает со всех сторон такими же дворами других хозяев и чтоб к нему добраться, нужно пройти через несколько других дворов. Таким образом сплочены только в родстве между собой состоящие семьи, посторонние же отделяются одни от других переулками и улицами. Это происходит от того, что если,

¹⁾ Сухарев—Цит. соч. стр. 27.

²⁾ Сбоев—О быте крестьян в Казанской губ. Казань. 1856. (тоже в Каз. Губ. Вед. за 1844, 1854 и 1855 гг.) стр. 18.

³⁾ Черемшанский—Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859 стр. 162.

⁴⁾ Артемьев—Списки населенных мест по сведениям 1859. XIV. Казанск. губ.

⁵⁾ Кеппен—Хозяйственные заметки о Казанской и некоторых др. губерниях.

⁶⁾ Этнографическое описание Казанской губ. Жур. МВнДел, XXXIX. 1841. стр. 406—407.

например, в какомнибудь семействе кто женится, его не выселяют на край деревни, напротив, у родительского двора уделяют половину, которая тогда отгораживается и нововодворенный обстраивается там своим отдельным домом и хозяйством“. Данная выдержка прямо указывает на существование родственных усадеб, которые в начале XIX столетия еще существовали. В настоящее время подобное почкование родительской усадьбы уже почти

Рис. 13. Разделение отцовской усадьбы между сыновьями.
(Мамадышск. кант. 1925 г.).

исчезло. Молодого хозяина, также как и у русских, поселяют на краю деревни, но у бедноты в некоторых деревнях Мамадышского кантона встречается разделение отцовской усадьбы на 2 и более сыновних, что приводит к страшному, измельчанию усадеб и к скученности построек (см. рис. 13).

В подобном измельчании усадеб имеется и некоторый чисто классовый момент. Так татарские кулаки частенько не желают выделять своих детей на край деревни, стараясь держать их близко около себя. Для этого они покупают у бедняков соседние усадьбы или полностью, или половину, ввиду чего бедняку при выделении сына уже нельзя получить новую усадьбу, ибо она продана кулаку, и он принужден селить сына рядом с собой, деля и без

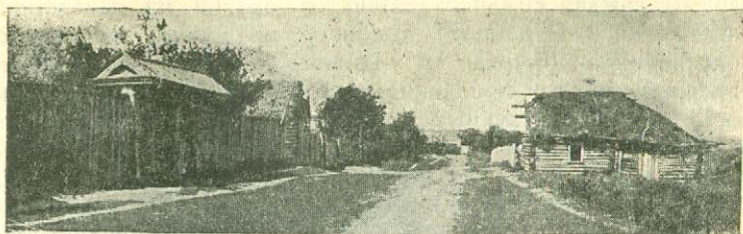

Рис. 14. Улица в Арском кантоне. Дома за заборами. (1925).

того небольшую усадьбу. Результатом этого происходит, с одной стороны собиранье в центре деревни гнезд богатого населения, а с другой появление мелких drobных бедняцких усадеб на ее периферии. Таким образом родовые факторы к настоящему времени получают определенно классовый характер.

В. В. Егерев в статье ¹⁾, посвященной самобытному расселению народностей Казанского края и в частности татар, на основании анализа огромного количества старых планов татарских деревень приходит к выводу, что основной ячейкой в тат. деревне является круг, замкнутый или нет, застроенный со всех сторон постройками и имеющий один подъезд, чаще в виде тупика. Таких кругов в деревнях бывает иногда по несколько, а т. к. они по видимому основывались членами одного рода, или даже семьи, что видно из просмотра фамилий, то этим и объясняется отмеченное нами наличие в поселениях как бы гнезд. Таким образом основой планировки татарских поселений является круговое распределение жилищ кочевников, как это по нашему мнению правильно отмечает В. В. Егерев. (См. рис. 11—12).

Как неправильность планов поселений, так и кучность построек, зависящая от близкого поселения родственников, существует и у родственных татарам турецких народностей. Так де-Бруин ²⁾, описывая быт Астраханских (юртовских) татар, о поселениях их замечает: „Они живут

¹⁾ В. В. Егерев—Самобытное расселение народностей Казанского края. Вестник О-ва Татароведения, № 8. Казань. 1928.

²⁾ Де-Бруин—Путешествие через Московию. Пер. Барсова. М. 1873 стр. 197.

кучами, каждая семья отдельно от другой на некотором расстоянии". Руденко¹⁾ подобное же кучное поселение родственников отмечает и у башкир. Сбоев²⁾ почти также описывает кучное поселение чуваш. Что касается тесноты поселений, то у кочевых турецких народностей ее не наблюдается. Существует групповое поселение родственников, но как эти группы, так и отдельные группы между собой, селятся довольно просторно. Теснота татарского поселения, вероятно, создалась благодаря почкованию отцовских усадеб без увеличения общей площади поселения. В этом отношении татарские поселения возможно сравнивать с городскими поселениями турецких народностей, которые как раз характеризуются запутанностью плана и значительной теснотой построек. Склонность к тесному поселению наблюдается и у городских татар. Так татарская слобода в Казани застроена довольно тесно: в каждом дворе настроена масса построек, гораздо теснее, чем на окраинах с русским населением.

Подробно разобрав планировку мелких селений татар северных кантонов, как наиболее типовых для татар, остановимся несколько и на других районах. В Закамских кантонах план татарских деревень не столь типичен. Усадьбы делаются больше, делается широкая главная улица (рис. 15) и вообще поселения больше раскинуты в ширь. Правда эта главная улица все же не пряма, как в русских деревнях, а нередко даже разветвляется, но, благодаря своей ширине, все же кажется ровнее. Переулки остаются такими же как и на севере, групповое поселение тоже, и главное отличие этих поселков от северных—их большая раскиданность. Причиной такого расширения вероятнее всего является боязнь пожаров, с которыми, при сухости климата южных кантонов, бороться очень трудно.

Далее здесь большинство поселков возникли много позже, чем северные поселения, были спланированы правильнее при поселении, а затем при частых пожарах все больше выравнивались русской администрацией.

¹⁾ Руденко—Цит. соч. стр. 231.

²⁾ Сбоев—Цит. соч. стр. 18—19.

Рис. 15. Улица в деревне Спасск. кант. (1926 г.).

На Горной стороне деревни по плану приближаются к северным, но замечается более частое расположение селений на косогорах, что объясняется резкостью рельефа и меньшей разработанностью долин, речек и ручьев, на которых деревни ставятся. Далее только в этом районе встречается планировка кварталов так, что усадьбы занимают всю ширину квартала, выходя на одну улицу фасадом, а на другую огородами¹⁾.

Большие села и на севере имеют более правильный план. По крайней мере они пересекаются несколькими широкими улицами и имеют площади, базар. Однако в промежутках между этими улицами, картина распределения улиц и переулков остается та же, что и в мелких поселках, так что получается как бы несколько мелких поселков, разделенных широкими улицами, проведенными руками русских техников.

Усадьбы татар довольно различны, как по своим размерам, так и по величине и устройству, сообразно с тем,

¹⁾ Подробно об этом типе усадеб см. нашу работу—Отчет о поездке в Свяжский и Тетюшский кантоны ТССР летом 1927 г. Вестник Татароведения. № 8. Казань, 1928.

в каком районе находится поселок, какова зажиточность владельца усадьбы и, отчасти, его основное занятие, хотя все же имеется ряд черт, которые зависят только от национальности и являются типичными только для татар (рис. 16, 17, 18 и 19).

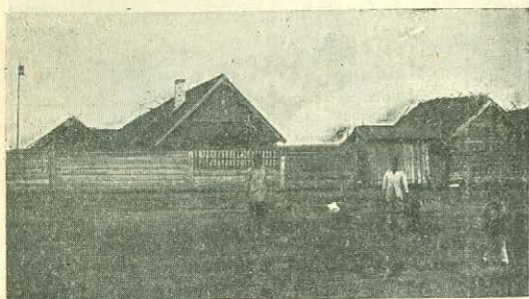

Рис. 16. Усадьба средняка Мамад. кант. (1925 г.).

Сообразно тому запутанному плану, который характеризует татарские деревни и усадьбы в них далеко не всегда правильны. Большинство имеет форму более или менее вытянутого четырехугольника, обращенного узкой стороной к улице. Однако прямоугольником усадьбы бывают редко, а благодаря изгибам улиц принимают форму ромба и трапеции. Встречаются усадьбы, выходящие на улицу и широкой стороной. Расположение усадеб между собой также не всегда правильно. Некоторые усадьбы неожиданно выходят из линии улицы или даже перегораживают ее и улица в этом месте делает неожиданный поворот в сторону. Изредка, в особенно запутанных местах поселка, встречаются усадьбы и многоугольные. Расположение усадеб более правильно в больших поселках, в поселениях Закамских кантонов и особенно запутанно в мелких поселках северных кантонов, где нередко даже топографические особенности местности придают усадьбам самое капризное расположение и форму.

Размер усадеб, как мы уже указывали для Арского кантона ¹⁾, приблизительно в 20—25 на 60—80 метров, однако это относится только к полным усадьбам, не разделенным между родственниками при разделах. Размер усадеб в различных местах поселения татар приблизительно одинаков и зависит скорее от зажиточности владельцев.

¹⁾ Воробьев—Цит. работа.

Рис. 17. Усадьба средняка Мамад. кант. (1925 г.).

чем от территориальных различий. Поселения Закамья как бы просторнее, но это зависит скорее от ширины улиц и редкого деления усадеб между родственниками, чем от размеров нормальной усадьбы. Только в восточном Закамьи (Мензелин. кантон) усадьбы определено больше и нередко имеют размеры 40×120 — 140 метров. У богатых крестьян усадьба иногда становится особенно обширной, включая 2 нормальных усадьбы, а у бедняков нормальная усадьба делится на несколько частей и, например, в Мамадышском кантоне приходилось встречать усадьбы размером в 10×12 метров. При этом такие маленькие усадьбы нередко не выходят на улицу, и к ним приходи-

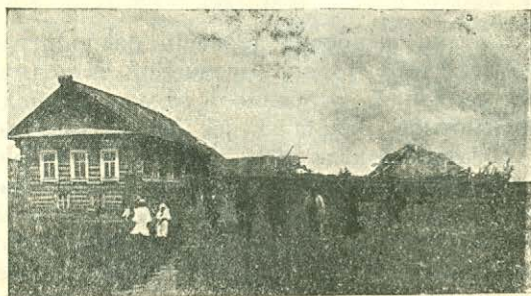

Рис. 18. Усадьба средняка Спасск. кант. (1926 г.)

дится проходить через чужой двор. Получается как бы гнездо усадеб, подобное отмеченным в Этнографическом описании Каз. губ. (см. цитату на странице 177). Подобные

гнезда усадеб встречаются чаще в середине поселков, где нет возможности при почковании усадеб увеличивать их площадь прирезкой свободной земли.

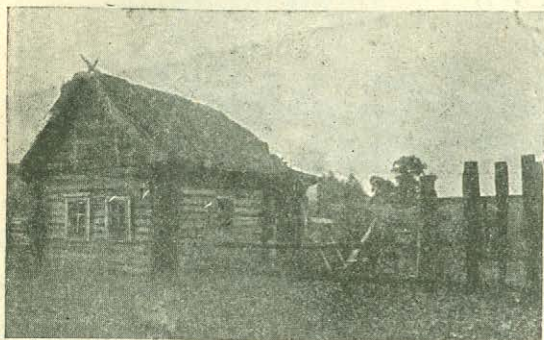

Рис. 19. Усадьба бедняка Чистоп. кант. (1926 г.).

Характерной особенностью плана татарской усадьбы, по нашим наблюдениям и указаниям почти всех писавших о татарах авторов, является постройка жилого дома внутри усадьбы, так что на

улицу выходят только заборы. Проезжая по улицам татарского поселка, нет возможности составить представления о его постройках, ибо видно только бесконечные заборы, из-за которых выглядывают кровли домов и верхние части окон. На улицу выходят лишь амбары или клетки, да у зажиточных татар бани глухой стеной. Штейнфельд следующими словами характеризует татарскую улицу в северной части расселения татар: „По восточному обычаю большинство домов зажиточных татар выдвигается фасадом не прямо на улицу, а ставится внутри двора, так что из за высокого забора с громадными крытыми воротами с улицы видна только крыша дома и верхняя часть окон.“ (рис. 14).

Однако такая картина татарских деревень распространена далеко не по всей территории, заселенной татарами. Только в северных кантонах, особенно в мелких и средних поселках, абсолютное большинство домов внутри усадьбы, причем богатые ставят дом глубоко во дворе, а бедные ставят его иногда и фасадом на улицу, не имея возможности строить дорогостоящего забора. Однако дом все же прячется со стороны улицы, по описанию того же Штейнфельда ¹⁾ следующим образом: „Некоторые

¹⁾ Штейнфельд—Цит. раб. стр. 293.

ухитряются сохранить и старинный обычай и в то же время обойтись без лишних расходов. Они ставят дома немного отступя от фасада улицы, а перед окнами сажают несколько деревьев, загородив их плетнем или даже жердями, так что перед домом получается нечто вроде палисадника, выведенного в общую линию улицы“ (рис 17). Подобный способ постройки, отступя вглубь двора хотя бы на 1 метр, практикуется даже самыми бедными татарами. Только в больших селах северного района встречается более значительное количество домов, поставленных непосредственно фасадом на улицу.

В других районах, особенно Закамья, постройка домов внутри усадьбы и даже с описанными садиками встречается гораздо реже и дома ставятся прямо на улицу окнами (рис. 18 и 19). Только кое где мы встречаем дом муллы или кулака, стоящий за забором, да довольно широко развито устройство перед домом палисадников, выходящих из линии улицы (рис. 15). Каковы причины этого явления, сказать конечно трудно, но вообще надо заметить, что Закамский район является мало типичным, ибо татары вторично начали селиться там сравнительно недавно и сплошных масс не составляют почти совершенно, а Горная сторона, хотя заселена и издревле, но подверглась сильному влиянию русских. Поэтому, несмотря на значительное количество домов, выходящих прямо на улицу, все же национальным типом плана татарской усадьбы является постройка дома внутри двора. Во-первых все старые авторы отмечают этот факт и не только для деревень, но даже и для татарской слободы Казани (Фукс¹), а во-вторых подобная постройка домов имеет целый ряд оснований в быту татарского населения, тогда как постройка на русский лад является фактом более новым, который в коренных местах поселения татар распространен мало и охватывает только окраины расселения народа.

Обращаясь к плану расположения других построек внутри татарской усадьбы, надо сказать, что каких либо национальных особенностей здесь, при самом тщательном изучении подметить не удалось. Как только дом ставится

¹) Фукс—Казанские татары.

фасадом на улицу, так почти исчезает и всякая типичность татарской усадьбы. Наиболее частыми особенностями зажиточной татарской усадьбы является постановка бани глухой стеной на улицу или вообще в передней части двора. Далее чаще надворные постройки не объединяются под одной крышей и почти никогда не соединяются с домом. Только для самых богатых усадеб, пожалуй, характерно устройство ряда флигелей, кроме главного дома.

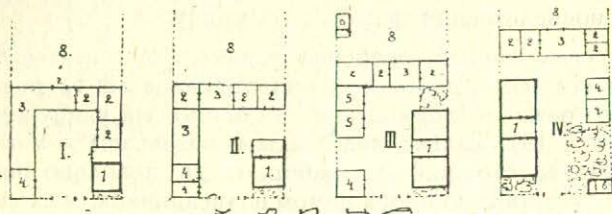

Рис. 20. Планы средняцких усадеб.

1. Жилой дом; 2. Помещ. для скота; 3. Навес; 4. Амбар-клеть; 5. Помещ. для хранения утвари, орудий и т. д.; 6. Баня; 7. Ворота на задний двор; 8. Задний двор.

В зависимости от зажиточности владельца, меняется и тип усадеб. Наиболее типичные усадьбы, конечно, бывают у средняков, так как там имеется большая возможность проявить национальные вкусы. Подобное явление приходится считать правильным и не только по отношению к жилищу, но и ко всем элементам быта. Поэтому типичной усадьбой будет усадьба средняка крестьянина, а в обе стороны от него идут вариации в смысле усложнения или упрощения плана.

Расположение построек в средняцких усадьбах Заказанья, т. е. на территории, где татарское население более самобытно, большей частью следующее. (рис. 20). Усадьбы размером около 25×60 метров. Дом ставится глухой стеной к соседней усадьбе, отступя вглубь на 2—4 метра, и давая место для садика. На противоположной стороне усадьбы на улицу выходит амбар или клеть. Дом и клеть чаще всего не соединяются с надворными постройками, которые ставятся поперек двора, загигаясь в обе

стороны, но не доходя ни до дома, ни до клетки. Изредка между надворными постройками и домом или клетью устраиваются навесы и чаще они располагаются со стороны клетки. Реже амбар ставится сзади дома, на некотором от него расстоянии, а надворные постройки располагаются поперек усадьбы и вдоль второй стороны, вплоть до улицы, причем последним к улице ставится навес. Надворные постройки устраиваются все под одной крышей, также и навесы. Бани располагаются на заднем дворе, куда ведут ворота, в середине надворных построек под навесом. (Проход на задний двор не под навесом встречается крайне редко). Задний двор в ближайшей части чаще всего представляет огород, а в задней гумно. Там ставят иногда ригу, а чаще просто сарай для молотьбы и хранения с. х. инвентаря. Здесь же в самом заднем углу ставят и овин (много овинов в Мамадышском кантоне). Погреба чаще всего бывают рядом с клетью под навесом или под специальной постройкой, но в Мамадышском кантоне есть обычай устраивать погреба в промежутках между строениями, реже под навесом и строить над ними нечто вроде чума из жердей и соломы (рис. 16, 17, 18).

При увеличении зажиточности хозяина, дом иногда ставится глубже во двор, не примыкая ни к одной стороне усадьбы, хозяйственные постройки в таком случае также увеличиваются. Появляется погреб, амбар и клеть, как самостоятельные постройки. Помещение для скота иногда усложняется внутренним двором, т. е. навесы и конюшни окружают еще меньший двор, где скот проводит время, не выходя ни на передний ни на задний двор. В Закамьи клетей почти нет, а амбары ставятся или на заднем дворе, или посреди широкой улицы. Дома средняков там реже прячутся за забором. Постройки все сливаются под одной крышей, но с домом сливаются все же редко, хотя и чаще, чем в Заказаньи. Вместо клетки кое-где устраиваются нескораемые кладовые, которые стоят против дома, выходя на улицу. Бани чаще ставятся не во дворе, а отдельно у речки, как у русских крестьян.

Усадьбы бедняков значительно проще, дома чаще выходят окнами прямо на улицу, хотя в Заказаньи

их ставят все же, углубляя в усадьбу хотя бы на метр и отгораживают от улицы изгородью из жердей, даже в том случае, если в этом пространстве не садится ни одного дерева. Прямо за домом чаще всего устраивается помещение для скота, а затем, — поперек усадьбы и вдоль противоположной дому стороны, идут навесы, которые заканчиваются сараем, или, реже, клетью, выходящими на улицу (рис. 17). Усадьба соответственно меньших размеров, иногда не более 10—12 метров. При особенно маленьких усадьбах постройки

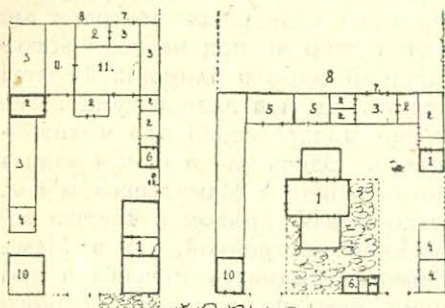

Рис. 21. Планы кулацких усадеб: левая с.-х. кулака, правая кулака-торговца. Анон- тация 1—8 соотв. рис. 20. 9 двухэтаж- ный склад для товаров; 10. кладовая— лавка; 11. внутренний двор для скота; 12. колодезь.

ки устраиваются толь- ко сзади дома и по- перек усадьбы, остав- ляя противоположную сторону свободной. У самых же бедных при- ходилось наблюдать только незначи- тель- ную пристройку сзади дома, которая явля- лась единственной на- дворной постройкой (рис. 19). Задний двор, ежели усадьба боль- шая, представляет пу- стырь, который иног- да используется для посадки картофеля, но часто и сов- сем не используется.

Усадьбы кулаков дают значительное увеличение самой площади усадьбы и усложнение плана, по сравнению с средняцкой усадьбой. Кулацкие усадьбы необходимо под- разделить на две группы: усадьба кулаков-крестьян и ку- лаков-торговцев, не порвавших с сельским хозяйством, но не ставящих его главным источником благосостояния.

Усадьбы кулаков с большим сельским хозяйством ¹⁾ (встречаются редко) отличаются обширностью и значи-

¹⁾ При рассмотрении быта приходится выделять 2 типа кулака: ведущего свое большое хозяйство и торговца. Имея нередко одинако- вую экономическую мощьность, в бытовом отношении, эти два типа заметно отличаются. Кулак с.-х-з-ин более консервативен в быту, чем торговец.

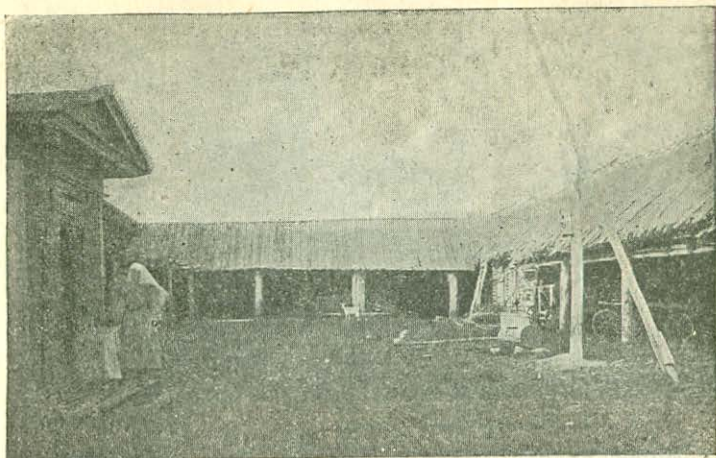

Рис. 22. Двор сель-хоз. кулака. Челнинск. кант. (1926 г.).

тельным количеством надворных построек, отвечающих размерам хозяйства. Прежде всего, так как большое хозяйство требует много рабочих рук своих или наемных, ставится или большой двухэтажный дом, или несколько одноэтажных, а иногда и то и другое вместе. Главный дом ставится посредине усадьбы, нередко в саду, идущему от забора со стороны улицы, или реже сбоку, выходя глухой стеной к соседу. Флигеря ставятся в разных местах, но чаще сзади дома и посреди усадьбы. Помещение для скота соответственно увеличивается, а также обязательно ставится теплое помещение для молодняка, которое начинает появляться еще у зажиточных средняков, а у богачей становится обязательным. Клетей и амбаров делается несколько, баня перекочевывает на передний двор перед домом, кроме Закамья, где бани из за пожарных соображений в усадьбе ставят редко. Помещения для скота почти всегда окружают второй внутренний двор, так что скот на передний двор не выходит. Все постройки группируются в несколько групп, а амбары всегда стоят отдельно. Иногда только клеть соединяется с одним из флигерей (рис. 21, 22).

Рис. 23 Двор кулака-торговца Арск. кант. (1923 г.).

Усадьба кулака-торговца (рис. 21, 23) также обширна, дом строится богаче, но нет такого большого количества построек для скота и с.-х. инвентаря. Взамен этого появляются значительные постройки для складов товаров и нередко хозяйственный двор отделяется почти совершенно и имеет даже отдельные ворота, выходящие в переулок, ежели усадьба угловая, а иногда для этого делается даже специальный тупичек. Ежели владелец имеет торговлю, то на чистом дворе ставится лавка, большей частью каменная, выходящая на улицу. Ежели лавки нет, то все же, часто, на дворе ставится каменная несгораемая кладовая, если она не соединена с домом. Чистые дворы содержатся очень тщательно и нередко вымощиваются камнем. Сад в таких усадьбах, также занимает значительное место и в нем строят беседку или открытую для чаепития, или застекленную для спанья летом. Наиболее крупные усадьбы кулаков с большими эффектными домами чаще встречаются в северных кантонах, тогда как в южных они и меньше и менее эффектны, трудно сказать потому ли, что кулаки южных районов предпочитают держать средства в капитале, чем в постройках, или здесь сказывается меньшая требовательность владельцев к внешнему комфорту.

Кроме указанных основных групп усадеб, необходимо отметить усадьбы лиц, имеющих сторонний доход как, например, мулл. Особенно характерны усадьбы не слишком богатых мулл. Они близки к усадьбам зажиточ-

ных, но не богатых крестьян, но их хозяйственные постройки значительно меньше, так как главный экономический базис находится не в сельском хозяйстве. Зато у них всегда лучше дом и значительное место занимает сад. Усадьбы особенно богатых мулл, ведущих торговлю, приближаются к усадьбам торговцев. Усадьбы учителей-старожилов близки к средняцким, но более благоустроены и большая площадь отводится под сад, в ущерб хозяйственным постройкам, ибо хозяйство не велико (рис. 20, IV).

Гумна в северных кантонах ставятся почти всегда на задних дворах у владельцев разной зажиточности, а в южных¹⁾ и на Горной стороне вне поселка, причем имеется переходный момент в этой переноске гумен. Сначала за деревню перекочевывают только клади немолоченного хлеба (Мамадышский кантон), а затем переносится и все гумно.

С улицы татарские усадьбы особенно тщательно огораживаются высоким забором с хорошо построенными воротами (рис. 14). Только у бедняков нет досчатого забора и вместо него имеется кое-какая изгородь из жердей. Задние же дворы почти всегда огораживаются очень слабо, а иногда между усадьбами вместо изгороди посажен ряд деревьев, отмечающих границу усадьбы. На переднем дворе нередко устраивается калитка к соседям.

Описанием вышеуказанных основных типов татарских усадеб мы лишь сделали попытку установления некоторой классификации, но конечно в эти схемы не укладываются все усадьбы. Во-первых существуют совершенно незаметные переходы между описанными типами, а с другой нередко усадьбы настолько оригинальны, что не укладываются ни в какой тип. Вообще, повторим еще раз, что татарские усадьбы слишком разнообразны, что приводит к выводу об отсутствии национального типа усадьбы у татар. Повидимому подобное явление происходит потому, что раньше у татар план усадьбы был слишком разбросанный и неопределенный, который при переходе на меньшую площадь, принял самые разнообразные формы в зависимости от часто случайных причин.

¹⁾ В восточном Закамьи, благодаря большим усадьбам, гумна устраиваются также на заднем дворе.

В литературе, особенно у старых авторов, как раз и имеется ряд данных, дающих представление о беспорядочности татарской усадьбы, а также некоторые данные по вопросу об эволюции ее в современную. Так Георги пишет ¹⁾: „Мужицкий двор состоит кроме избы из нескольких мелких особо построенных чуланов и хлебов, которые однако двора кругом не загораживают“. Черемшанский ²⁾ отмечает: „Избы у них строятся преимущественно во дворе в различном у каждого направлении безо всякой связи с другими надворными постройками. Во дворе разбросаны, амбары, сараи, конюшни для лошадей и особые хлева для рогатого и др. скота и у многих есть огороды и особо устроенные гумна, примыкающие ко двору или отдельно стоящие“. Автор Этнографического описания Казанск. губ. в 40-х годах XIX столетия так характеризовал татарскую усадьбу: „За заборами тянутся пространные дворы, застроенные различными клетями и клетушками; в самой глубине этих дворов накиданы потом без всякого порядка и без всякого приспособления к удобству хозяйства: избы, сараи, гумна и пр. ³⁾“. Шестаков, давая описание татарской усадьбы Глазовского уезда, пишет: ⁴⁾ „по деревням избы их построены без всяких планов и построения: без клетей и даже без ограды, с одним у дома амбаром и баней“.

Заканчивая описание татарской усадьбы, остановимся несколько на вопросе о садах и о зелени вообще в татарских деревнях, и их окрестностях. В литературе по этому поводу имеются различные указания, хотя большинство склоняется к тому, что как в татарских деревнях, так и в их окрестностях деревьев нет. Так Артемьев ⁵⁾ пишет: „Скопище серых кровель, из которых выглядывает деревенская каланча минарета, таков общий вид татарской деревни. Около деревни остаются большие обнаженные пространства и только где нибудь в стороне виднеется уединенная группа деревьев, иногда целая роща, под

¹⁾ Георги—Описание всех обитающих в Российском госуд. народов... СПб, 1799. Часть II. стр. 11.

²⁾ Черемшанский—Цит соч. стр. 159.

³⁾ Этнограф. описан. Каз. губ. стр. 406.

⁴⁾ Шестаков В.—Глазовский уезд. ВГО, 26, XXVI, 1859.

⁵⁾ Артемьев—Спис. нас. мест. Каз. губ.

сению которой покоятся усопшие“. Кеппен ¹⁾ замечает: „В этих деревнях не видно ни одного зеленого дерева... Впечатление, производимое деревней, вообще неприятное“. С другой стороны Штейнфельд, в приведенной нами выше цитате, указывает на наличие садов перед домами, даже у бедных татар.

Подобные разноречивые указания вполне понятны, потому что в различных районах поселения татар количество зелени сильно варьирует. Только окрестности татарских деревень всегда обнажены, за исключением рощи кладбища. Что касается зелени в самих деревнях, то, например, в Арском кантоне ее значительное количество. Вообще деревни Заказанья почти все утопают в зелени и издали представляют купу деревьев, из которой кое где выглядывают кровли и торчит минарет мечети. Здесь у каждого татарина, за исключением самых бедных, есть садик, а вдоль уличного забора, со стороны дворов, сажают крупные деревья, чаще всего вяза и березы, которые, вырастая, дают значительную тень на улице и последняя представляет собой как бы аллею. Кроме того в садиках при домах сажаются кусты сирени, акации и, особенно часто, рябина—(священное дерево ²⁾). У более зажиточных в садике разводят цветы, преимущественно герани, бальзамины и георгины. Что касается других районов—Горной стороны и Закамья, то для них указания цитированных авторов верны, хотя на Горной стороне и имеются деревни, где усадьбы тонут в фруктовых садах (д. М. Кляри, Тетюш. кант.). Где нет обычая дома ставить внутри двора, там и садов меньше и в Закамьи, например, есть деревни в полном смысле слова без кустика зелени. Разве только около дома муллы в садике имеется несколько кустов и разведено большое количество мальвы.

Рассмотрев типы поселений и усадьбы татар, приведем некоторые сравнительные данные, как с родственными народностями, так и с соседними, с которыми татарам приходится жить уже в продолжении многих веков.

¹⁾ Кеппен—Цит. Соч.

²⁾ Рябина и можжевельник по древним языческим воззрениям являются деревьями, предохраняющими от нечистой силы. Их древесина широко употребляется в качестве амулетов, а посадка, например, рябины во дворе предохраняет его от появления духов, вредных хозяйству.

Так двор ближайшей родственной народности—чуваш, значительно разнится от татарского. Дома чуваша в настоящее время посредине усадьбы не ставят никогда, надворные постройки тесно сливаются с домом и вообще двор как-то монолитнее, чем у татар. Кроме того у чуваш навесы для скота устраиваются гораздо более обширными так, что получается нечто вроде крытого двора, чего у татар нет. Далее у чуваш обычно устройство амбара из бревен в 2 этажа с балконом, столь характерного для финских народностей и северных великороссов. Таких амбаров у татар нет совершенно. Изредка они встречаются у крещенных татар, но у мусульман никогда, даже в смешанных с чувашами селениях. Марийский и вотский дворы совершенно уже далеки от татарского и по своей величине и по наличию двухэтажных служб. Таким образом повидимому в плане усадеб татар сказываются какие то более древние навыки, принесенные ими в край, а не заимствованные на месте. Как ни значительно на татар финское и русское влияния, но все же в плане усадеб татары ближе к своим более далеко живущим родственникам: кочевым и полукочевым туркам. Некоторая разбросанность построек в татарском дворе, как бы говорит за пережиток тех времен, когда татарские усадьбы были еще слабо отграничены от соседних, то что мы видим у башкир в периоде переходном к оседанию ¹⁾, то же что наблюдается в зимовках Акмолинских казаков. ²⁾

Жилой дом (ой—өј) татар представляет из себя в настоящее время совершенно развитый сруб, варьирующий лишь по тщательности постройки и размерам, но не по принципу строения. Происхождение и развитие современного татарского жилого дома восстановить совершенно не представляется возможным, ибо каких либо пережитков древнего жилого помещения, хотя бы с другим назначением, у татар не имеется. Дом всегда представляет хорошо развитый бревенчатый сруб. Дома сделанные из другого материала представляются результатом влияния города, ибо они являются городского образца кирпичными

¹⁾ Руденко—Цит. соч.

²⁾ Шнэ—Зимовки и др. постоянные сооружения кочевников Акмолинской области. Зап. Зап.-Сиб. Отдела ИРГО, т. XVII, вып. 1.

домами. Только изредка в южных кантонах встречаются бани на половину врытые в землю и представляющие как бы полуземлянку с накатом и плоской крышей. Далее Лаврский, ¹⁾ для д. Степное озеро, Чистопольского кант., отмечает нечто среднее между землянкой и шалашом, но не описывает подробно этого жилища и даже не указывает постоянным было оно для данного бедняка или только временным. Георги ²⁾ указывает для уфимских татар жилище с плоской крышей: „Жилища скудных людей состоят из одной только избы, которой дверь вышла на улицу и по причине плоской кровли представляет четвероугольник“. Встречаются плоско-перекрытые саманные дома и у мишарей Саратовской губ. ³⁾, но там это допускает климат, а в рассматриваемом нами районе подобные крыши едва ли могли когда либо существовать. Кроме того в Мамадышском кант. часто, а в Закамыи реже, встречается конический шалаш, ставящийся над погребом, но считать его за пережиток древнего татарского жилища невозможно, ибо такие шалашы часто встречаются у соседей финнов—мари и особенно вотяков, откуда они повидимому и заимствованы. Все эти, отмеченные нами, примитивные жилища, или точнее постройки, совершенно не дают права говорить, что либо о прежнем типе татарского жилища и об этом можно только строить гипотезы на основании сравнительных данных. Особенный в этом отношении интерес представляют башкиры, живущие в близких к татарам условиях и до настоящего времени сохранившие ряд типов жилища, от юрты и конического шалаша, до великолепного бревенчатого дома.

Древним жилищем татар была повидимому, переносная войлочная юрта, как это отмечают, правда не для наших татар, а для татар южно-русских степей и Азии, средневековые путешественники: Плано-Карпини, Марко-Поло, Рубрук и др. Так Плано-Карпини ⁴⁾ описывает татарское жилище следующим образом: „Ставки у них круглые на подобие шатров и сделаны искусственно из прутьев

¹⁾ Лаврский—Татарская беднота стр. 38.

²⁾ Георги—Цит. соч. Ч. II, стр. 11.

³⁾ По еще не опубликованным данным К. И. Воробьева, работающего по мишарям правого берега Волги.

⁴⁾ Плано Карпини—Цит. соч. стр. 81.

и палок. Вверху посредине сделано окно, в которое входит и свет и выходит дым, потому что они раскладывают огонь посредине. Стены и кровли покрываются войлоками, из которых также делаются и двери. Иные ставки большие, другие невелики, смотря по знатности и скудности человека. Иные скоро разбираются и опять складываются и навьючиваются на скотину, другие же разобрать нельзя, а ставят их на повозки". Подобного же типа юрта сохранилась у башкир наравне с довольно совершенным постоянным жилищем. Кроме того по указаниям проф. Г. С. Губайдуллина у богатых татар Казани до конца прошлого столетия существовал обычай выезжать за город на длительные пикники, причем в это время они жили в юртах казакского образца, которые только для этого и имелись. Приняв во внимание внутреннюю обстановку современного татарского жилища, часто совершенно без мебели и с расположением всей утвари по стенам (сундуки иногда ставятся друг на друга), можно признать войлочную юрту древним жилищем и турецких предков казанских татар.

Однако, кроме летнего жилища в условиях края несомненно всегда было и зимнее непереносное жилище, которое, постепенно и привело к современному жилищу татар, тогда как летняя юрта просто исчезла с исчезновением кочевого образа жизни. Мы совершенно не знаем зимовок татар, но постоянное жилище в крае, повидимому, имеет очень древнее происхождение. Так еще в конце бронзовой эпохи мы видим в крае ряд городищ, за валами которых несомненно были более или менее прочные жилища. Далее, городская культура рано появляется в крае и у древних болгар имелся уже ряд городов с несомненно постоянными строениями. К сожалению мы совершенно не знаем типа построек болгарских городов, т. к. на развалинах древних городов болгар есть остатки уже каменных построек, датировать которые нет возможности, ибо многие из них существовали и в позднейшую татарскую эпоху болгар. Кроме того городские постройки для нас мало показательны, ибо нас интересует жилище древнего не городского населения. Кроме построек внутри укреплений, у городов края, вероятно, были поселения и вне стен, как это мы знаем для древних го-

родов Каракорума и Сарая, на основании описаний средневековых путешественников. Вокруг городов селились люди так или иначе связанные с городом, но не относящиеся к коренным горожанам. Вокруг городища Джукетау (Жукотин), вне его укреплений, имеется значительная площадь неудобная для пашни, так как она сплошь изрыта ямками круглой, в настоящее время, формы, диаметром от 2 до 6 метров и глубиною до метра. Эти ямы разбросаны в беспорядке вокруг укреплений. Современное население зовет эти ямки „батарейками“, благодаря их сходству с подобными современными укреплениями. Назначение этих ям совершенно неизвестно, но возможно, что это остатки землянок, ибо, по уверениям жителей при раскапывании их в целях кладоискательства, находили угли. Возможно, что это и есть остатки землянок, которые ставило население, проводящее зиму около города, и полушалаш—полуземлянка Лаврского является как раз пережитком этих древних землянок.

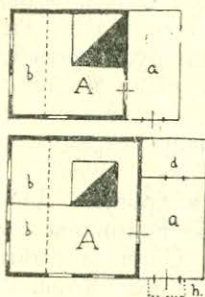

Рис. 24 Планы четырехстенников. (анотацию см. рис. 27).

Знакомясь с развитием жилища у башкир, мы видим, что примитивным типом постоянного жилища у них является плохо построенный сруб (бурама) с плоской крышей, из которого постепенно развивается уже настоящая бревенчатая изба. Землянок Руденко не отмечает. Повидимому, ежели они и были, то скоро исчезли, ибо не соответствовали сырому климату.

Таким образом установить в настоящее время тип древнего татарского переносного жилища не представляется возможным, но повидимому оба фактора и землянка и шалаш принимали в нем участие, ибо землянка являлась жилищем, более древних для края финских народностей.

Основным типом современного татарского жилого дома является четырехстенная изба, к которой пристроены легкие сени (рис. 24). Далее громадным же распространением

пользуется, так сказать, „шестистенная“ изба, (рис. 25) или точнее два четырехстенника, поставленных один против другого и соединенных легкими сенями. Настоящий шестистенник с сенями из бревен же встречается реже предыдущего типа и чаще имеется только бревенчатая глухая стена сений, а передняя делается из досок. Сени никогда не отепляются. Такие как бы шестистенники являются самым распространенным жилищем средняков Заказанья, представляя жилище с чистой половиной и называются *кеш юрт—қеғ юрт*. Иногда шестистенник ставится не в один прием, а одновременно. Прежде ставится черная

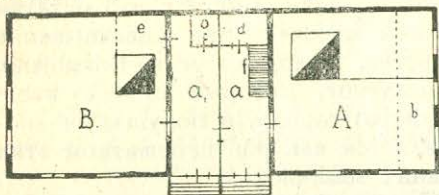

Рис. 25. План „шестистенника“ (анотац. см. 27).

половина, а затем уже чистая. Поэтому в некоторых случаях обе половины имеют разную высоту и над землей по количеству венцов сруба. Среди бедного населения

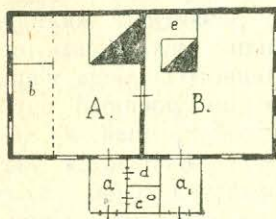

Рис. 26. План пятистенника, (анотац. см. 27).

доминирует четырехстенник. Пятистенник встречается реже (чаще в Западн. Закамьи), причем татарский пятистенник отличается тем, что входы у него в обе половины гораздо чаще устраиваются отдельные, а не как у русских из одной половины в другую. Дверь, соединяющая обе половины, имеется не всегда. Сени и у пятистенника обязательны (рис. 26). Пятистенники являются прямым заимствованием от русских, нередко путем приобретения из готового сруба и приспособления его (рис. 26).

У татарских кулаков, преимущественно Заказанья, устраиваются дома с планом крестообразной формы (рис. 27). Подобный дом состоит как бы из двух срубов, причем больший сруб перерезается меньшим, выступая с обеих сторон его. Таким образом дом представляет как бы шестистенник, но с выступающими в обе стороны сенями. Такие дома обычно делаются двухэтажными и нижний этаж у них наполовину занимает нежилым помещением-кладовой, ко-

торая делается часто каменной. Дома с крестообразным планом встречаются почти исключительно в Арском кантоне и подробно описаны в нашей статье о жилище этого кантона. В других частях ТССР таких домов немного и богатые татары чаще ставят двухэтажные дома городского типа, деревянные, а в Закамьи и кирпичные (рис. 28, 29).

Кроме домов с описанным планом, в северной части Спасского кантона в месте смешанного татарско - мишарского поселения, наблюдаются двухэтажные дома, но совершенно своеобразного типа (рис. 30). Это простой четырехстенник, поставленный от земли нередко не выше обычного четырехстенника, но пространство под полом, которое у татар обычно или совсем не используется, или используется в качестве курятника или омшаника, здесь слегка углубляется в землю и составляет полуподвальный этаж, где находится черная половина. При этом, чтобы увеличить высоту этого помещения, пол верхнего этажа настилается почти на уровне окон и иногда бывает, что оба этажа настолько низки, что человек высокого роста не может стоять в них. Сени у таких домов легкие и часто очень примитивные. Хо́да вниз, большей частью, два из сеней или прямо со двора и из верхнего этажа, посредством очень крутой лестницы. Причиной постановки таких домов владельцы считают экономию — для такого до-

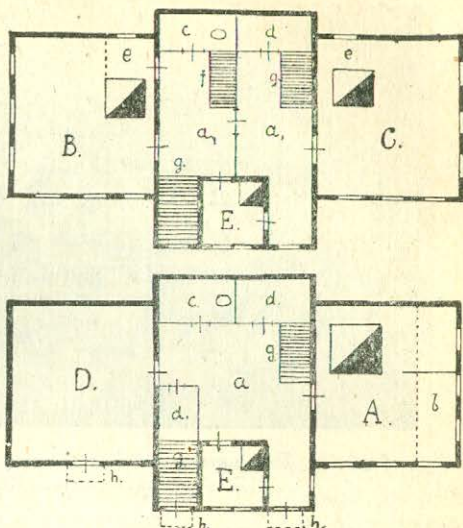

Рис. 27. План двухэтажного дома с крестообразным планом. А—черная изба; В—чистая изба; С—жилая чистая половина; Д—кладовая; Е—комната для старух; а—хозяйств. сени; а₁—чистые сени; в.—нары; с—уборная; d—чулан; е—комната для омовений; f—лестница на чердак; g—лестница наверх; h—навес над входом.

Рис. 28. Двухэтажный дом с крестообразным планом.
Арский кантон. (1923).

ма нужна только одна крыша, и в то же время имеются как черная, так и белая половины. Перечисленными типами исчерпываются все основные группы домов. Встречаются иногда дома с более своеобразным планом, но они почти всегда являются индивидуальной вариацией того или иного из указанных нами типов.

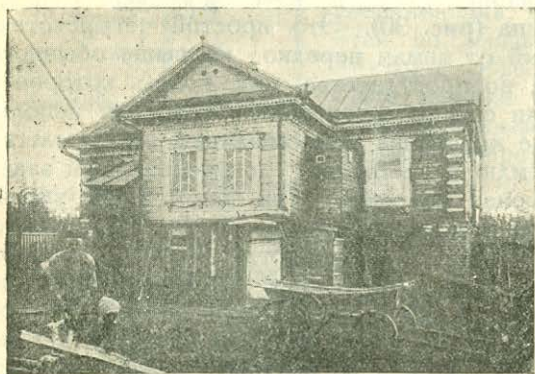

Рис. 29. Двухэтажный дом. Сени из досок.
Спасский кант. (1926).

Размеры татарских домов довольно разнообразны, но их можно свести также к нескольким группам. Размеры средняцких четырехстенников чаще $4-5 \times 5-6$ метров и реже имеют максимальную ширину в 6 метров,

шире каковой не строят домов, даже и с крестообразным планом. У бедняков размеры срубов спускаются до 2,5×3 метра, каковые дома встречаются во всех кантонах, где жилища в массе примитивнее и население беднее (рис. 31—32). Так Лаврский¹⁾ для дер. Кривое озеро, Чистоп. кант. указывает избу размером от входной двери до передней стены 2,8 метра, шириною 3,2 метра и высотой 1,7 метра. Приблизительно такие же дома встречены нами в Мамадышском, Челнинском и Мензелинском кантонах. Вообще в южных кантонах жилища бедняков более примитивны, чем в северных, что, несомненно, объясняется дороговизной леса в более безлесном западном Закамьи, хотя описанная Лаврским избушка стоит 8 руб., вместе с печью 15 руб.²⁾ В шестистенной избе оба сруба обычно делаются квадратными и длина нормального шестистенника около 15—16 метров. Длина домов с крестообразным планом различна, ибо ширина средней части очень сильно варьирует, начиная от ширины нормальных сеней—в 3—4 метра, до 7—8 метров. Дома с полуподвальным этажом имеют размеры обычного четырехстенника.

Рис. 30. „Двухэтажный“ дом.
Спасского кант. (1926 г.).

Высота одноэтажных домов от земли до фриза варьирует от 2 до 4 метров, а двухэтажных—5—6 и даже 7 метров. Высота двухэтажных домов с полуподвальным помещением нередко бывает не выше 3,5 метров и достигает до 4,5 метров, когда нижний этаж становится совершенно развитым.

¹⁾ Лаврский—Цит. соч. стр. 24.

²⁾ Цены проставлены по времени исследования и их надо увеличить втрое, чтоб перевести на довоенные.

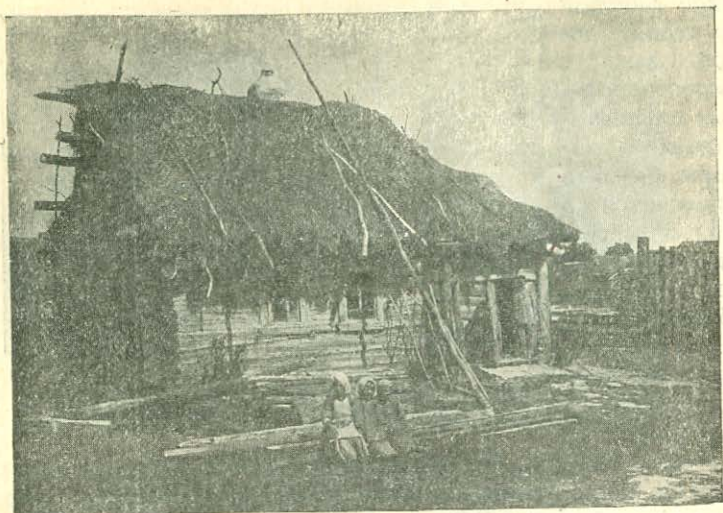

Рис. 31. Изба бедняка Мамад. кант.
Поставлена задом к улице (1925 г.).

Переходя к способам постройки татарских домов, несколько остановимся на их постановке в усадьбе и ориентировании по странам горизонта. Постановка домов довольно разнообразна, сообразно плану усадьбы, однако, совершенно не ставят дома входной дверью на юг. В случае, если по плану усадьбы дом удобнее поставить задом на юг, то его ставят или поперек усадьбы, или даже поворачивают под углом $10-15^{\circ}$, так что дом выходит на улицу одним углом и садик перед ним получается не прямоугольный. Руденко указывает, что башкиры также воздерживаются от постановки домов входом на юг. В случае, ежели площадь дает возможность какой угодно ориентировке дома, то татарин охотнее ставит его выходом на восток. Здесь повидимому сказываются древние навыки, засвидетельствованные еще в Орхонских памятниках VIII века. Татары утратили уже самое воспоминание об обязательной постановке жилища входом на восток, но традиция все же осталась.

Как уже было сказано, дом чаще всего стоит вдоль усадьбы, выходя глухой стеной к соседней усадьбе или

ставится посреди усадьбы, но опять таки вдоль ее. Однако дома ставятся и поперек усадьбы. При последней постановке дома, он иногда выходит на улицу глухой стеной без окон, но иногда глухая стена обращается и в сторону двора. Окна тогда выходят на улицу, но вход всегда делается только со двора (даже у горожан парадные крыльца на улицу не устраиваются). Подобную постановку дома поперек усадьбы население наивно считает желанием показаться богаче, чем владелец на самом деле есть.

Постановка татарских домов непосредственно на землю очень редка. Только самые бедные дома делаются без фундамента и столбов и полы кладутся прямо на землю. Изредка же дома ставятся так, что сруб ведется прямо с земли, но балки пола вставлены на некотором расстоянии от нее. Однако, абсолютное большинство домов ставится на столбах и довольно высоко над землей, ибо повидимому татары не переносят жилищ, пол которых близко расположен к земле. Так Сухарев ¹⁾ отмечает подъем дома около 30 сант., а Змеев ²⁾ для Бугульминского кант. считает этот подъем еще выше. Он пишет: „Но главная здесь особенность магометанских жилищ, это стремление кверху, то есть пол на аршин, на два, иногда на три от земли... что называлось в старину на подклети, то есть вместо фундамента неотесанная клетка. Эти подклети необитаемы. Остатки ли это древних скотников под домом для теплоты, или инстинктивное удаление от сырости—во всяком случае подобные постройки имеют свои хорошие и свои дурные стороны здешнему климату не пригожие“. Такой большой подъем домов и до сего времени встречается в восточном Закамьи (Мензел. к.), тогда как в других местах подъем выше 0,5 метров встречать не приходилось. Дома чаще всего ставятся на столбах или деревянных или каменных и пространство между низом сруба и землей забирается заваленкой. Реже делается фундамент из камня—доломитовых плит, и еще реже из кирпича. В Заказаньи домов на клетках, где сруб начинается прямо с земли почти не встречается. Если

¹⁾ Сухарев—Цит. соч. стр. 29.

²⁾ Змеев—Медико-топограф и статист. очерк народонаселения Бугульминского уезда. М. 1883, стр. 43.

Фундамент каменный, то подполье используется в качестве подвала или омшаника, но и это редко, и в большинстве случаев оно совершенно необитаемо. В качестве подполья используется подъизбье и в Мензел. кантоне, причем вход в него устраивается из избы (чаще) или сеней, путем вынимания 2—3 досок пола.

Строительным материалом для стен служит почти исключительно дерево: в Заказаньи сосновое и еловое, а в Закамьи и на Горной стороне липовое и в худших случаях осиновое. Постройка домов из чернолесья объясняется отсутствием хвойных лесов в Закамьи и на правом берегу Волги. Здесь сосновые дома встречаются лишь по близости к рекам, где имеется возможность приобретать сплавной лес, вдали же от рек дома почти исключительно из чернолесья. Рубка сруба ведется преимущественно из цельного бревна, реже полубруса. Толщина бревен варьирует значительно. В большинстве случаев употребляются бревна толщиной от 15—до 22 сант., смотря по размерам дома. Бревна лиственные тонкие и вообще на юге жилища строятся из более тонкого леса.¹⁾ Рубка углов ведется „в чашку“, причем рубка в накладку (вырез в верхнем бревне) и в подкладку (вырез в нижнем бревне)—встречается одинаково часто и какой либо закономерности здесь установить не удалось. Это, вероятно, зависит от привычки тех плотников, которые ставят дом. Количество венцов сруба варьирует в зависимости от толщины леса и высоты дома.

Постройка ведется как русскими, так и татарскими плотниками. По нашим наблюдениям и расспросам удалось установить, что татары предпочитают поручать постройку сруба русским плотникам, а внутреннюю и наружную отделку дома татарам. Это мотивируется тем, что русские плотники строят срубы прочнее. Многие домовладельцы указывали, что дома, построенные татарскими плотниками, менее прочны, ибо татары очень топятся и не так тщательно ведут кладку сруба. Отделку

¹⁾ Только один раз в д. Крещ. Шуран, Мензел. кант. встречены 2 дома, стены которых при нормальной высоте состоят всего из 6 венцов, так что толщина бревен достигает до 60 сант. Эти дома построены более 100 лет назад, из сосны с берегов р. Белой.

же поручают татарам потому, что русские всегда вносят много чисто русских черт и не умеют работать на татарский вкус.

Последнее время постройки чаще поручаются русским плотникам и в татарских деревнях появляется не мало домов, ничем не отличающихся от русских по внешней отделке: с трафаретной резьбой и т. п.

Пол в избах всегда деревянный, даже в самых бедных домах и, почти, всегда расположен высоко от земли, соответственно высоте постановки сруба. Полы в большинстве домов двойные. По наблюдениям д-ра Сухарева в Арском кантоне, двойных полов—75% и одинарных—25%. Одинарные полы делаются, преимущественно, в домах где пол лежит на земле. Кроме того, почти всегда, полы делаются одинарные в двухэтажных четырехстенниках, причем доски пола не пригоняются плотно и образуются большие щели. По объяснению владельцев эти щели оставляются сознательно, чтобы снизу проходило тепло, ибо отопление таких домов имеет некоторые особенности (см. ниже).

Потолки устраиваются также в большинстве домов двойные. Слой земли на них до 15 сант. Одинарные потолки—редки и тогда слой земли достигает до 25 сант. Обшивка домов употребляется только у очень богатых. У большинства же дома не обшиваются, или обшиваются только углы. Как уже было сказано, у домов, поставленных на столбах, делаются заваленки, а кроме того, бедные дома на зиму обкладываются навозом до высоты половины окон. В восточном Закамьи широко применяется обмазка стен снаружи глиной, причем или промазываются только пазы, или же все стены сплошь.

Крыши в татарских домах исключительно двухскатные и перекрытые на четыре ската—встречается крайне редко, чаще при покупке дома у русских и переносе его без переделки. Материалом для крыш, в большинстве случаев, является солома, реже встречается дерево—тес и драница и еще реже корье. Железо употребляется только в богатых домах. В северных кантонах чаще встречаются крыши тесовые и из драниц, ибо дерево дешево, а в южных дома почти сплошь покрыты соломой. Железных крыш, приблизительно одинаковый % во всех кантонах

свернутыми вдвое поперек. Такое покрытие прижимается тремя или четырьмя продольными жердями. Поперечных жердей почти никогда не кладется.

Тесовые крыши кроются преимущественно на гвоздях. Драневые, которые в настоящее время встречаются сравнительно редко, кроются также и покрытие без гвоздей с охлупнем совершенно не встречается.

Рис. 32. Изба бедняка Мамад. кант. Фронтон забран корьем. (1925 г.).

ми горизонтальными бревнышками, плохо пригнанными, которые являются продолжением сруба. Более бедные дома имеют фронтоны крыши, забранные корьем, которое поддерживается горизонтальными или вертикальными жердями (рис. 32).

Большинство середняцких домов имеет 3 окна с переднего фасада (и с заднего, ежели дом шестистенный) и 2-3 (чаще 2) с бокового. У бедняцких домов число окон в передней стене чаще 2, реже 1, а с боковой стороны 2 или чаще 1. У богатых домов на переднем фасаде бывает то же число окон, т. е. 3 и очень редко 4. В боковом фасаде в большинстве случаев 3 окна. В глухой стене окон почти никогда не устраивается и только очень редко в богатых домах в гостевой половине устраивается 1 окно, освещающее комнату для омовений. В Мензелинском кантоне и в средняцких домах устраиваются окна (1—2) в глухой стене.

Передний и задний фронтоны крыши в домах, крытых тесом, забираются очень тщательно досками, устраивается слив и фронтоны нередко богато украшаются (см. ниже). У домов с соломенной крышей очень часто фронтоны забираются нетолстыми

Размеры окон в домах различной зажиточности варьируют очень сильно. Высота от 65 до 120 сант., ширина от 40 до 80 сант. Косяки в окнах обязательно вставляются, даже у самых бедных, чего в середине прошлого столетия в бедняцких домах не было. Рамы в большинстве створчатые и глухих рам меньше, чем у других народностей. Очень часто открывается лишь половина, имеющихся в доме, рам. Рамы всегда застекляются и пузырей в настоящее время не встречается. В самых бедных домах застекление ведется из клинышков стекла, нередко с заткнутыми тряпками отверстиями. На зиму у бедняков часть рам затыкается просто тряпками. Число стекол в рамах в большинстве случаев шесть. Очень редко, в самых бедняцких домах, их 4. У более зажиточных часты 5-ти стекольные рамы, т. е. с одним верхним стеклом. В некоторых районах, например в Мамадышском кантоне, в большом числе встречаются рамы 7-ми стекольные, т. е. верхняя часть окна делится на 3 стекла, широкое посредине и 2 узких по бокам ¹⁾). Изредка и в створках делаются 3 стекла, также как и вверху. В особенно богатых домах рамы делаются или 3-х стекольными, или в створку вставляются два неравных стекла: большое и маленькое сверху или снизу. Стекла в большинстве случаев вставляются на замазке. Более бедные дома не имеют вторых рам, но все же у татар вторые рамы чаще, чем у других народностей края. Также и окраска рам, косяков и подоконников очень распространена и только в самых бедных домах рамы не окрашены.

Входная дверь в избы так же варьирует как по размерам, так и по типу, сообразно с состоятельностью владельца. Чаще всего встречаются двери, сделанные из толстой пластины, размером около 80×150 сант. В богатых домах встречаются двери филенчатые в несколько слоев, с прокладкой из кошмы. Размеры таких дверей также больше. В самых бедных домах бывают двери размером 70×130 сант., так что, входя приходится сильно нагибаться. Двери, как правило, открываются в сени

¹⁾ Верхнее стекло раньше делили на 3 части из за нежелания, чтоб переплет получил форму креста. При миссионерских нажимах и фанатизме татар того времени подобное явление вполне понятно.

и только на Горной стороне часто открывание дверей внутрь избы. Однако Сухарев для восточной части Арского кантона ¹⁾ также отмечает двери, отворяющиеся внутрь избы. По нашим наблюдениям подобный способ открывания дверей, все же очень редок и является скорее местной особенностью, чем национальной, как это указывает цитированный автор. На зиму двери обшиваются чаще всего соломой, но в более зажиточных кошмой с холстом, а изредка встречаются двери, обитые кошмой, крытой телячьей шкурой, шерстью вверх. Внутренние двери между комнатами устраиваются редко, чаще, заменяясь занавесками, и только в очень богатых домах, имеются филенчатые двери, обычного городского типа.

Благодаря тому, что татарские дома ставятся довольно высоко над землей, в сени ведет наружное крыльцо, ибо сени находятся с избой на одной высоте. Только очень редко в северных кантонах можно встретить сени, пол которых расположен прямо на земле, и из них уже идут лестницы в две-три ступени в обе половины. Такое устройство сеней напоминает марийский дом, где сени всегда ниже пола избы. Возможно они и заимствованы у марийцев, ибо район, где они встречаются, близко подходит к марийским поселениям и здесь не исключается возможность и прямой принадлежности владельцев подобных домов к отатаренным мари.

Самым простым типом наружного крыльца, является ряд бревен, положенных в клетку и создающих уступы, на которых уже кладутся доски. Дальнейшее развитие этого типа крыльца представляет уже тщательно срубленная клетка на том же принципе. Такие типы крылец чаще встречаются в южных кантонах и более распространены у кряшен. Большой же частью в татарских домах встречается лестница, сделанная обычным способом со ступенями, вдолбленными в два бруса. Над крыльцом довольно часто появляется крыша, сначала в виде легкого навеса, спускающегося от крыши и опирающегося или на кронштейны, или на столбики. Дальнейшее усложнение появляется тогда, когда сбоку, от земли до навеса, крыльцо зашивается досками и получается полузакрытое крыльцо,

¹⁾ Сухарев—Цит. соч. стр. 28.

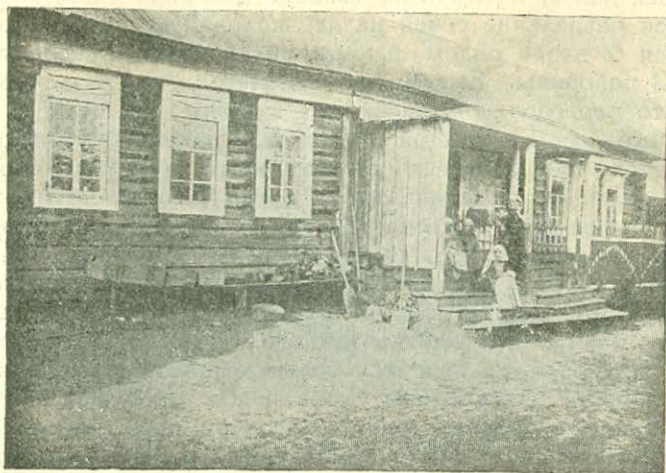

Рис. 33. Двойное крыльцо „шестистенника“. Арский кант. (1923 г.).

забранное лишь с боков (рис. 33). Боковые стороны подобного крыльца—навеса, ввиду того, что они далеко отходят от стены дома, вырезаются красивым полукругом, причем иногда у края навеса все же остаются столбики. Иногда же этого нет и боковые стороны, как бы превращаются в большие кронштейны. Такие крыльца чаще встречаются в южных (Челнинский) кантонах и в северных их нет. Интересно отметить, что крылец с ходом с боку, как у русских, никогда не бывает. Только Черемшанский ¹⁾ отмечает наличие крылец, открытых сбоку, для татар Оренбургской губернии. При наших исследованиях подобный тип крылец не встречался—вход всегда против двери. Дальнейшим развитием крыльца является его полная зашивка с двухраспашными дверями против входа, так что лестница прячется. Такие крыльца крышу имеют уже двухскатную и красиво орнаментируются. Подобный тип крылец широко распространен у богатых домов, особенно северных кантонов и подробно описан нами для Арского кантона. В связи с тем, что, как мы

¹⁾ Черемшанский—Цит. соч. стр. 169.

тогда как в южных частях ТССР увеличение украшений наличника быстро переходит в резьбу и получается русский кружевной наличник. Ставни в татарских домах, поставленных внутри дворов, почти всегда отсутствуют, и поэтому в северных кантонах, где подобная постройка домов очень распространена, ставни не часты. Наоборот в южных кантонах они встречаются чаще. Ставни только у бедняцких домов одностворчатые и простые, а начиная с слабого середняка делаются двухстворчатыми и филеичатыми.

Далее орнаментальной же деталью является обшивка домов. Большинство домов не обшивается совершенно или зашиваются только углы. Полная зашивка стен бывает только у очень богатых домов и то только в Арском кантоне. Зашивка углов производится чаще всего вертикальными досками, которые посредством накладных пилястр разделяются на несколько неравных четырехугольников и украшаются ромбами и очень редко резьбой. Реже, у особо богатых домов встречается зашивка углов горизонтальными планками, так что получается рустовка. Иногда эти планки кладутся горизонтально, а иногда наклонно, так что дают впечатление витых или зубчатых колонн. Полная обшивка домов ведется также двумя рядами досок, горизонтально поставленными, при чем внутренние доски выступают из под нижних, более узкими, так что получается ряд чередующихся широких и узких полос. Реже встречается обшивка горизонтальными же досками, но в один ряд.

Из других орнаментальных особенностей татарских домов отметим украшение переднего, а иногда и заднего фронтонов крыши дома и изредка даже амбара, выходящего на улицу. Подобное украшение встречается исключительно в Арском кантоне и подробно описано в нашей работе о жилище этого кантона. Здесь дадим только краткое описание.

На фронтонах татарских домов, крытых тесом, почти всегда имеется слуховое окно и это то окно и является центром украшения фронтона. Сначала это окно увеличивается до размера обычного окна дома и на нем появляется богатый наличник. Этот наличник в своем разви-

тии постепенно переходит в сияние, сделанное из пластинок различной длины и окно в таком сиянии уже само начинает являться деталью в общем украшении фронтона (рис. 35).

Далее внутренняя часть сияния превращается в нишу, глубиной 10—20 сант., а сияние само переходит в украшение ниши. В дальнейшем развитии ниша превращается в балкончик, вдавленный внутрь фронтона на 20—25 сантиметров, с красивой решеткой, колонками и с сиянием

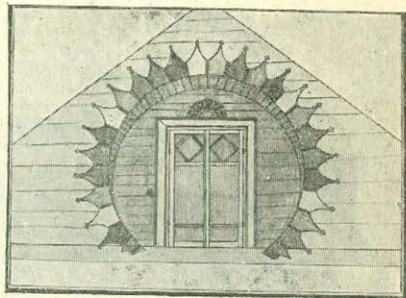

Рис. 35. Сияние на фронто́не.
Арский кант. (1924 г.).

только над полукруглой средней частью балкончика. Сияние становится второстепенным и иногда даже выпадает и главная часть украшения базируется на балкончике. Окно в хорошем наличнике остается внутри балкончика, причем оно часто становится больше нормального окна дома (рис. 36).

Подобные украшения фронтона являются почти обязательной частью украшения богатых домов, но встречаются часто и в средняцких домах. Распространение украшения фронтона, именно в Арском кантоне, возможно объясняется тем, что здесь больше всего домов, поставленных за забором, из-за которого и видны только фронтоны, да верхняя часть окон, которые как раз и орнаментируются наиболее тщательно. В южных кантонах украшения татарских домов вообще встречаются реже и чаще в богатых домах встречается характерная окраска, чем какие либо орнаментальные детали. Кроме переднего фронтона украшается также и задний, а в домах с крестообразным планом и боковой фронто́н. Украшаются тщательно также крыльцо и вообще вся сторона дома, куда выходит вход и эта сторона у дома является главным фасадом. В Спаском кантоне нами встречен богатый дом, у которого на крыше со стороны глухой стены, выходящей в сад, устроен маленький мезонин, настолько маленький, что он не

Рис. 36. Богатый дом с нишей на фронтоне, стильными наличниками и навесами над входами. Арский кант. (1923 г.).

пригоден для жилья и впереди окна этого мезонина устроен балкончик, слегка выступающий из линии стены дома. Подобный балкончик является единственным, встреченным нами, вне Арского кантона. Трудно сказать о причинах появления большого количества орнаментальных деталей именно в Арском кантоне. Есть ли это результат большей зажиточности населения, или это дело вкуса, сказать трудно, хотя татары любого района считают украшения и особенно окраску домов Арского кантона идеалом, к которому необходимо стремиться.

Окраска домов у татар богачей встречается гораздо чаще, чем у других народностей края, при этом раскраска своеобразная, исключительно татарам свойственная. Татары всегда окрашивают свои дома полихромно и однотонная раскраска встречается сравнительно редко. Центральным местом, где применяется более частая окраска домов, являются опять таки северные кантоны и преимущественно Арский, который является и родиной того оригинального татарского зодчества, в котором сказываются национальные вкусы народа. В других кантонах окраска домов встре-

чается гораздо реже и она напоминает таковую же у русских или пожалуй, у городских домов, т. е. однотонна и большей частью тускла.

Любимая же татарская раскраска полихромна. Цвета: желтый, синий, голубой, зеленый, белый, красный берутся в самых неожиданных для европейского глаза сочетаниях, создающих, так называемый, „татарский вкус“, который на первый взгляд кажется случайной комбинацией ярких тонов, но при детальном изучении выясняется, что он также подчинен определенным законам. Сочетание белого с зеленым, белого с голубым, белого с желтым, синего с красным и желтым являются наиболее частыми. Любимыми цветами татар являются голубой и зеленый. Красный цвет самостоятельно выступает редко и является подчиненным. Им окрашиваются боковые грани или узкие полоски в местах, где необходимо оттенить другие тона. Для окраски больших площадей часто берутся различные оттенки коричневого цвета. Кроме того в татарской окраске все цвета берутся чистыми без полутонов, отчего раскраска становится сочной и яркой, хотя наличие большого количества зеленого и голубого цвета не делает ее резкой. В этой полихромной окраске чувствуется влияния городской культуры Туркестана с ее неподражаемой раскраской зданий, отражение которой было и в древних татарских городах края. Имеется ряд определенных данных, что Булгар и другие города этого времени, да и самая Казань имели ряд зданий, облицованных разноцветными образцами восточного происхождения. Повидимому пережитком этих полихромных зданий и являются полихромно раскрашенные дома и именно в северных кантонах, куда удалилось после взятия Казани не мало горожан, да и ранее в этом районе были образцы великолепного зодчества в домах татарской аристократии, как это отмечает Курбский ¹⁾.

Переходя к детальному описанию окраски татарских домов, оговоримся, что сначала дадим данные о раскраске домов в северных кантонах и затем укажем на раскраску домов в других районах, где она менее оригинальна и более редка. Окраска почти всегда ведется масля-

¹⁾ Сказание кн. Курбского. Изд. Устрялова. 3-е изд. 1868 г.

ными красками и применение клеевых красок редко. Степень окраски варьирует соответственно зажиточности владельца от раскраски наличников и ставень, до полной окраски всего дома.

У наличников основной тон окраски чаще всего берется белый, а все накладные украшения окрашиваются в зеленый или золотисто-желтый, реже в синий цвет, причем боковые грани окрашиваются в красный. При этом нередко отдельные части орнамента окрашиваются в разные цвета. Рамы также окрашиваются нередко в два тона. Основная часть в голубой или сиреневый, а переплеты в белый. Ставни окрашиваются также полихромно. Если они филенчатые, то рамы окрашиваются в один тон, а филенки в другой, чаще всего белый с зеленым. Простые ставни также не всегда однотонны. Нередко край ставни окрашивается в один цвет, середина в другой, а в самой середине рисуется круг или ромб третьего цвета. Окраска наличников вообще широко распространена среди татар. Не окрашивают наличники и ставни только самые бедные. Описанная полихромная раскраска больше всего встречается в северных кантонах, уступая в других частях ТССР место окраске однотонной. Любимым цветом все же остается зеленый, но нередко и другие тусклые тона, вроде грязно-желтого, светло-коричневого, бордо и т. п., что делает неотличимыми подобные татарские наличники и ставни от таковых же у других народностей края.

Следующим местом, которое тщательно окрашивается, является фронтон крыши и его украшения. Окраска фронтона с слуховым окном в богатом наличнике обычно синего или зеленого цвета. Наличник же, особенно с сиянием, раскрашивается в полную чередующуюся гамму белого, зеленого, синего и красного тонов. При наличии ниши, поле фронтона окрашивается в зеленый или голубой цвет, глубина ниши чаще в синий, боковые стенки в красный, рама и наличник окна в белый, колонки в белый цвет с красными и зелеными концами и несколькими разноцветными поясками. Решетка раскрашивается в два цвета, белый и зеленый, а наружная обкладка ниши и сияние в белый. Окрашивание орнаментированных фронтонов производится всегда. Очень редко окрашивается

в какой либо, чаще в зеленый цвет, и неукрашенный фронтон.

При раскраске фронтона почти всегда окрашивается и фриз дома, горизонтальными полосками белого, голубого, зеленого и красного цвета.

Окраска зашитых углов дома ведется по разному, соответственно способу зашивки. Ежели зашивка вертикальная с накладным орнаментом, то окрашиваются или только эти накладные части, или же поле окрашивается в один, чаще, белый цвет, а украшения в зеленый или наоборот. Ежели углы зашиты поперечной и косой рустовкой, то отдельные планки ее окрашиваются, чередуясь, чаще в белый с зеленым, но иногда сюда примешиваются желтый, красный и даже синий. Стены домов чаще окрашиваются однотонно в песочный или желтый тона, а ежели они зашиты рустовкой, то полосы окрашиваются в белый с зеленым или с голубым, причем зеленый или голубой цвета являются главными.

Крыльца окрашиваются по типу ниши фронтона или в тон всему дому и только двери всегда однотонны и чаще всего довольно тусклы.

Раскрашенный таким образом дом, имеет совершенно оригинальный вид и при осмотре его как то невольно теряется его обычная конструкция. Выступают оригинальные черты окраски, так что дом принимает ярко национальный характер. Подобные дома в деревнях северных кантонов придают им особый восточный колорит, говорят о каких то не местных, а более южных влияниях и среди тусклых домов других народностей, они резко выделяются своей оригинальностью. В других кантонах, где подобных полихромно раскрашенных домов нет и даже богатые дома окрашиваются на городской образец, деревни не имеют такого облика. В других кантонах окраска вообще применяется крайне редко и середняцкие дома никогда не раскрашиваются.

Ежели во внешности татарских домов сравнительно мало оригинального, и то, что оригинально, не имеет распространения на всю территорию, заселенную татарами, то внутреннее устройство домов имеет строго национальный характер.

При рассмотрении внутреннего устройства татарского жилища, прежде всего остановимся на развитии, так называемой, черной избы (кара ой—qara ой), которая является основной частью жилища, а затем познакомимся с развитием чистой половины (ак-ой или кунак-бўльмаї), которая в особенно богатых домах получает доминирующее положение, превратившись в ряд комнат. Некоторый интерес представляют и сени, которые так же проходят значительные этапы развития от легкой пристройки к дому, до сложных сеней богатых домов.

Самой типичной является изба средняка, не имеющего еще чистой половины, т. е. когда дом представляет собой четырехстенник. План такой избы следующий. Направо или налево от входа, смотря по тому, где находится глухая стена дома, устраивается хлебопекарная печь, настолько далеко от стен, чтобы за ней был проход достаточной ширины. Обычно ширина этого прохода колеблется около 70—80 сант. Печь чаще всего имеет размеры 1,5×2 метра. От переднего края печи к передней стене устраивается перегородка, не доходящая до потолка на 15—20 сант., построенная из вертикально поставленных тесин. Эта перегородка разделяет избу на две самостоятельные комнаты, что особенно хорошо достигается, т. к. сторона печи, выходящая в большую половину избы, облицовывается на подобие голландки (см. ниже), так что изоляция получается полная. Перегородка эта делается глухой, так вход в меньшую половину, которая является женской и в то же время кухней, находится за печью. Таков план огромного большинства татарских изб. Только изредка печь ставится слишком близко к стене, так что за ней не остается прохода и его устраивают в перегородке перед печью, как в русской избе. Этот проход очень редко закрывается дверью, а чаще здесь вешается занавеска. В большей из получившихся комнат на матице почти всегда вешается занавес (чаршау) при опускании которого, передняя половина большей комнаты совершенно изолируется и в меньшую комнату можно войти, не будучи видимым с нар. В передней части обеих половин устроены нары (сәкі—sәke), шириною в 130—160 сант. и высотой от пола в 50—60 сант. Таков план типичной жилой избы до появления чистой половины (рис. 24).

Изба бедняка значительно упрощается (рис. 24). Здесь печь становится в самый угол к глухой стене, ибо размеры избы не позволяют ее ставить не касаясь стен, да и сама печь немного изменяется по сравнению с предыдущей. Вдоль передней стены идут нары такой же высоты и ширины (изредка они становятся уже, но не уже 110 сант.). Иногда эти нары перегорожены по линии печи легкой перегородкой, так что получается как бы вторая половина избы или же здесь вешается занавеска, опускающаяся при появлении посторонних. Вообще эта перегородка или занавеска служит исключительно для прятания женщин. В самых бедных избах и эта перегородка или занавеска отсутствуют и в избе кроме нар и печи ничего нет. По описанию Лаврского ¹⁾ пространство избы, измерения которой мы уже приводили, таково: „Печь и нары оставляли столько свободного пространства, чтобы сделать буквально два шага от входа до нар и два шага перед печью во время стряпни.“ На таком пространстве, конечно, нет возможности вводить какую либо сложную планировку.

При появлении чистой половины в середнячком доме, черная изба по плану не изменяется—упрощается только ее убранство. План остается тем же, ибо она все же остается главной избой. План черной избы упрощается и в кулацких домах, где она превращается в кухню и жилье для наемных рабочих (рис. 37). В южных кантонах (Закамье), возможно под влиянием русских, черная изба, при наличии чистой половины, теряет свой специфический план и превращается в русскую избу, только с нарами, вместо палатей. Даже печь, оставаясь в основе специфически татарской, принимает внешние формы, близкие к печи русской избы и такая изба напоминает черную избу богатого дома в северных кантонах. Такой же план имеет черная изба и в пятистеннике, которые довольно часты в Челнинском и Чистопольском кантонах (рис. 26). Только печь здесь, прилегая вплотную к задней стене, довольно далеко стоит от стены, отделяющей ее от соседней чистой половины, так что получается проход, со стороны, куда печь выходит котлом. Нет никаких перегородок и в полупод-

¹⁾ Лаврский—Цит. соч. стр. 25.

вальных черных избах Спасского кантона. Хотя печь здесь, становится и далеко от стен, но за ней помещается лестница на верх, на которую надо входить из за печи. Нары иногда еще перегородиваются, но полной перегородки не встречается.

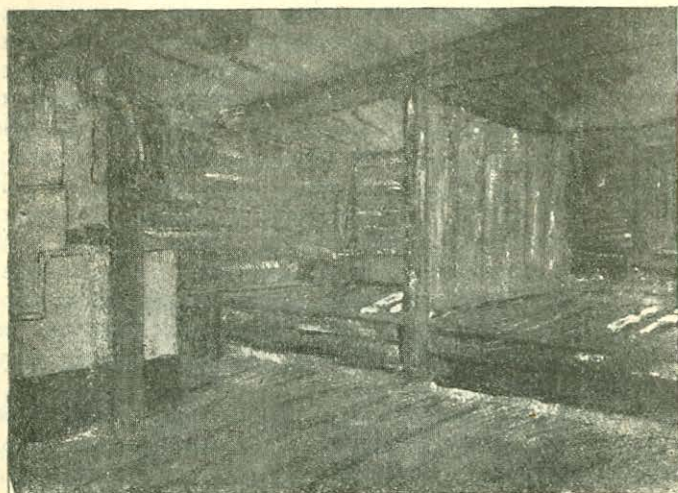

Рис. 37. Черная изба кулака. Арский кант. (1923 г.).

Чистая изба (ак-ой—ақ-өй), которая появляется при увеличении зажиточности хозяина и постройке им шести или пятистенника, имеет большее количество вариантов внутреннего плана, чем черная изба.

Наиболее простым типом ее является изба, ничем кроме убранства не отличающаяся от черной. Та же перегородка, та же хлебопекарная печь, тот же ход за печью, те же нары (рис. 38). Такие чистые избы чаще встречаются в южных кантонах и поэтому многие авторы, отмечая наличие двух половин в татарском жилище, указывают на разделение обеих половин на две части, мужскую и женскую. (Сбоев. стр. 18). Меньшая половина в такой чистой избе здесь именно является чисто женской. Приготовление пищи в ней не производится и кроме того в нее нередко

ведет особая дверь из сеней, чего в черных избах почти никогда не бывает. Встречается этот тип чистой избы и в шестистенных двухэтажных домах, где он является чистой жилой половиной, а также в пятистенниках, являясь получистой, полужилой избой, ибо, собственно, жилая изба представляет собой кухню.

В северных кантонах, где у середняков доминирует шестистенник, чистая изба имеет другой план и представляется именно чистой-почти не жилой, служащей преимущественно только для приемов гостей, где живет только глава семьи (рис. 24). В такой избе хлебо-

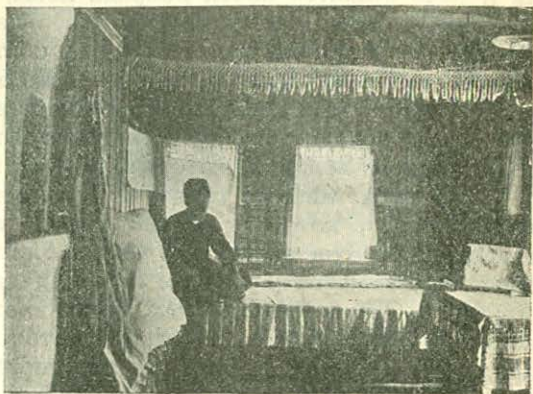

Рис. 38. Чистая половина зажиточного дома.
Чистопольский кант. (1926 г.).

пекарной печи почти никогда ни ставится, а отопление ведется „голландской“ печью, особого устройства с котлом для нагревания воды. Печь ставится по направлению к глухой стене дома по линии входной двери, так что она отделяется от задней стены на 30—70 сантим., а от глухой на метр и более, смотря по ширине дома. Пространство между печью и задней стеной, ежели оно узко, то или забирается перегородкой, или здесь устраивается вешалка для верхнего платья, ежели широко, то проход. Между печью и глухой стеной или устраивается сплошная перегородка (когда проход за печью), или дверь, чаще занавешиваемая просто занавеской. Таким образом получается небольшая изолированная комнатка, служащая специально для омовений (рис. 27 е). Часто в нее ведет особая дверь из сеней и, изредка, эта дверь является единственной дверью в чистой половине. По матице от печи до боковой стены протягивается занавеска, опуска-

ющаяся при посторонних, или устраивается легкая, не достигающая до потолка, перегородка с дверью или занавеской, так что получается как бы третья комната. (Эта перегородка встречается чаще в домах мулл).

Кроме этого, чаще всего встречающегося плана чистой избы, бывают чистые избы, где нет комнаты для омовения и печь ставится почти посреди избы, ближе к задней и глухой стенам. Нар в чистых половинах обоего типа никогда не устраивается и они или обставляются европейской мебелью, или не имеют никакой мебели и просто устилается кошмой или коврами. Изредка в углу между глухой и передней стеной устраиваются небольшие нары, вроде русского конника, которые служат вместо кровати.

Кроме этих главных типов чистой избы имеется еще ряд вариантов, которые трудно учесть, ибо они зависят от каприза вкусов владельца, но при ближайшем ознакомлении, оказываются вариантом того или другого из основных типов. Так в пятистенных домах иногда встречается чистая половина, печь в которой устроена или у стены или даже в стене, с нарами, но без перегородки. Вообще в чистой избе вариантов гораздо больше, чем в черной.

В двухэтажных домах Чистопольского кантона, верхний этаж, являющийся чистой половиной, имеет перегородку по линии печи, как в черной избе, с ходом за печкой, но, во-первых, меньшая комнатка почти теряет свое значение, так как из нее идет лестница вниз, а во вторых, ввиду того, что в таких домах полы подняты, почти на высоту окон, нар также не устраивается. Эти чистые половины собственно нельзя и признавать за таковые, ибо нижний этаж, благодаря своей примитивности, является почти только кухней и верхний этаж представляет собой собственно жилую половину, из которой уведена кухня.

Таково устройство жилищ татарских крестьян от бедняка до зажиточного. Дома деревенских кулаков имеют своеобразное устройство, более сложный план и потому мы прежде чем перейти к рассмотрению их, закончим описание рассмотренных домов, ознакомившись с устройством в них сеней—довольно важной части татарского жилища.

У самых бедняцких домов сеней в собственном смысле этого слова нет. Только к избе со стороны входа прила-

живается навес, забранный с боков кое как жердями, хворостом и соломой. Передней стены у таких сеней часто не бывает совершенно, а ежели она и есть, то никогда не бывает двери. В домах средняков начинают устраиваться досчатые сени, которые покрываются общей с домом крышей. Такие сени забираются со всех сторон и имеют входную дверь. В таких сенях устраивается досчатый пол, но потолок еще очень редко. Изредка здесь устраивается чулан, а на противоположной от входа в избу стене располагаются полки и ларь для муки и зерна. Вход на подволоку, которая является местом склада домашней утвари, устраивается просто посредством передвижной лестницы. В более зажиточных домах, еще не имеющих шестистенника, сени устраиваются более тщательно с потолком, а также в глубине их иногда устраивается небольшая теплая комнатка, в которой живут или девушки, или хозяин с хозяйкой. Такая пристройка является как бы переходом к пятистеннику, где сени выходят в сторону дома и разделяются надвое сообразно двум входам в обе половины пятистенника.

Своего наибольшего специфического развития сени достигают в шестистенных домах. Такие сени большей частью устраиваются с двойными стенками, а задняя иногда делается из бревен — хотя и не прямым продолжением глухой стены дома, а вставленных между срубами обоих половин. В северных кантонах сени большей частью перегородиваются вдоль перегородкою с дверью так, что получаются двое сеней, соответственно двум входам. Одни сени являются хозяйственными, а другие чистыми. В них ставят сундуки и кладут запасные подушки и тюшеки, которых в таких домах бывает много. В них же летом женщины устраивают чаепития. В глубине сеней, у глухой стены, в хозяйственных сенях устраивается чулан, а в чистых очень часто уборная. Ежели дом стоит посредине усадьбы, то из чистых сеней иногда устраивают выход в глухой стене в сад. В южных кантонах такое разделение сеней встречается редко. Чаще сени делятся перегородкой поперек, так что ближайшая к входу часть является хозяйственными сенями, а дальняя чистыми. В чистые сени очень часто устраивается отдельный вход со двора (если дом стоит внутри усадьбы). Вход в чистую половину

всегда почти устраивается из чистых сеней, а из хозяйственных в комнату для омовений, где она имеется. Приходилось встречать также такие шестистенники, в которых в глубине сеней, устраивалась теплая комната, соединенная дверями с обоими половинами и тогда сенями собственно являлась лишь передняя часть их. В такой комнате устраивается кухня и тогда обе половины дома являются как бы чистыми. В таких случаях к дому пристраивается обширное крыльцо, в значительной мере заменяющее сени.

У авторов, писавших о татарском жилище, отмечается примитивное устройство сеней даже в домах имеющих две половины. Так Сбоев ¹⁾ пишет: „сени большей частью непокрытые и предназначаются для домашнего богомолья“. Сени не закрытые с передней стороны, отмечает также Черемшанский ²⁾. Относительно некрытых сеней можно сказать, что таковых в настоящее время совершенно нет, да, по нашим наблюдениям, сени вообще в процессе своего развития начинаются с навеса над входом в дом, и лишь позднее получают стены. Открытые сени изредка встречаются только у самых примитивных бань. Сеней у домов с двумя половинами, у которых не было бы передней стенки, так же отмечать не приходилось, хотя возможно, что они существовали в то время, когда вел исследование Черемшанский. Предназначение сеней для богомолья тоже по нашему мнению в настоящее время не существует, ибо о нем мы узнали только из литературы и нигде не находили подтверждений этому при исследованиях.

Остановимся еще несколько на устройстве татарских уборных, т. к. они имеют ряд специфических особенностей. Во-первых присутствие уборных очень часто. Только в самых бедных домах нет специальной уборной. Это возможно вызвано чисто религиозными требованиями омовений. Во-вторых у татар в деревнях нередко уборные в сенях, а не на дворе. На дворе уборные устраиваются или в виде будки, или просто в виде забором обнесенного места. Характерной особенностью устройства татарских

¹⁾ Сбоев.—Цит. соч. стр. 18.

²⁾ Черемшанский—стр. 169.

уборных является отсутствие в них стульчака. Отверстие вырезается всегда на полу и не овальной формы, а в виде длинного эллипсиса или длинного же четырехугольника. В уборных всегда висят тряпки для омовения и мешечек, куда женщины складывают очески волос. Перед уборной в зажиточных домах всегда стоят туфли, чтоб не входить туда в обычной домашней обуви. Уборные, особенно в сених, содержатся очень чисто ¹⁾).

Планы кулацких, большей частью двухэтажных, домов отличаются значительной сложностью и запутанностью. Основной их особенностью является наличие специально гостевой комнаты или половины, в которую вход устраивается так, чтобы не входить в другие комнаты, а также ряда комнат, разных размеров, в которых собственно и размещается семья хозяина. План их очень разнообразен, смотря по вкусам владельца и наиболее однообразными являются дома с крестообразным планом, с которых мы и начнем рассмотрение, ибо дома богатых татар, построенные на городской манер совершенно не поддаются классификации (рис. 28 и 29).

Двухэтажные дома с крестообразным планом (рис. 27) имеют два входа. Один из них ведет прямо к лестнице на верх, а другой в сени нижнего этажа. Эти сени (нижние) освещаются окном в боковой стороне выступа средней части, со стороны, на которой устроен вход в нижние сени. Иногда устраивается и второй вход в эти сени с другой стороны выступа под лестницей на верх. Средняя часть обычно превращается в теплую комнатку большей или меньшей ширины, смотря по ширине средней части дома и освещается окнами, находящимися между входами. Одна половина нижнего этажа превращается обычно в кладовую. В ней не делается окон, а имеются только двери из сеней и непосредственно со двора в боковой стене. Такие кладовые иногда делаются каменными и служат для складывания одежды, утвари, а у торговцев и товаров. Вторая половина нижнего этажа представляет собой черную половицу очень упрощенного вида. Иногда к стене этой черной

¹⁾ Тат. уборные имеют много общего с средне-азиатскими, откуда вероятно они и заимствованы.

половины пристраивается особая пристройка, соединенная с нею дверью. Эта пристройка специально предназначена для ставления самоваров. В сенях, близ задней стены, устраивается лестница в сени верхнего этажа. Наверху так же имеются две половины, из которых одна, к которой ведет лестница прямо со двора, представляет собой комнату исключительно для приема гостей, а вторая является жилой половиной. В сенях, здесь также как и внизу, в передней части устраиваются одна или две комнатки, а самые сени перегораживаются надвое перегородкой с дверью. У глухой стены устраиваются чуланы и уборная. Сени, как правило, никогда не отапливаются и комнатки в них имеют каждая собственное отопление.

Дома, построенные на городской манер, имеют очень разнообразную планировку, но всегда в них есть гостевая комната, к которой ведет вход так, чтоб не проходить через жилые комнаты. Кроме того в них всегда имеется ряд комнат различных размеров, предназначенных для жилья. Черная половина, или точнее кухня занимает часть нижнего этажа, а остальное всегда занято бесчисленными чуланами и кладовыми.

Кроме упомянутых помещений в татарских домах очень часто устраиваются комнатки на чердаке. В эти комнатки ведет лестница, которая устраивается в хозяйственных сенях. Число этих комнаток различно, от 2 до 3-х, соответственно 3-м фронтонам крестообразного дома. Комнатки эти не велики, в среднем площадью 4—6 кв. метра и высотой в 160—180 сант. Освещаются они окном на фронтоне и их белые занавесочки всегда выглядывают из за решетки ниши фронтона. Комнатки эти бывают и отепленными и летними. Эти комнатки особенно часты в Арском кантоне, где имеются украшения фронтона и здесь они появляются вместе с фронтонным окном, начиная с зажиточного средняка. В местностях, где нет фронтовых окон подобные комнатки очень редки.

Познакомившись с планом татарских домов различных классов, можно сказать, что план их в общем сложнее планов домов других народностей края, у лиц соответственной зажиточности. Такая сложность плана, вероятнее всего, явилась результатом особого семейного уклада, с обычаем

прятания женщин. С падением затворничества женщин и план домов становится менее сложным, начиная с уничтожения занавески для прятания хозяйки в доме бедняка и кончая исчезновением маленьких комнат с многочисленными дверями в богатых домах. В настоящее время наиболее запутанный план можно наблюдать в домах очень консервативных лиц, как мулл, торговцев и т. п.

Отопление татарских домов ведется исключительно по белому. Отопления по черному нет совершенно и повидимому оно исчезло очень давно, ибо даже старые авторы, писавшие о татарах в первой половине XIX столетия, указывают, что печи у них с трубой. Только Змеев¹⁾, для Бугульминского кантона указывает на наличие изб, топящихся по черному. Отмечает он также большое количество железных печей и своеобразный переход от топки по черному к печам с трубой. Он пишет: „Не знаю какой народности принадлежит первенство во введении печей без труб, без боровов, сравнительно невысоких с приставной железной трубой на время лишь топки для вывода дыма в отверстие в потолке“. Это указание является единственным на способ отопления, чем нибудь отличный от широко распространенного в настоящее время. Современное татарское жилище отопляется двумя типами печей: хлебопекарной и близкой к т. н. „голландской“, но оба типа печей, особенно первый, имеют специфическое татарское устройство, настолько яркое, что Харузин²⁾ считает эту печь, наравне с нарами, наиболее типичными вещами в татарском жилище.

Делаются печи у татар преимущественно из кирпича, реже низ печи делается глинобитный, а своды и верх из кирпича. Кирпич для печей употребляется преимущественно самодельный. Почти в каждой деревне есть один или несколько лиц, которые делают кирпичи очень слабого обжига, т. к. обжигают их очень примитивно, а большей частью сырцовые. Эти кирпичи размером немного

¹⁾ Змеев—Цит. соч. стр. 43.

²⁾ Харузин Н. Н.—История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. Гл. II, стр. 42. Этнограф. Обзорен. 1896. № 2—3.

мельче заводского кирпича. Из этих кирпичей и делаются печи в тех местах, где далеко от города и нет вблизи кирпичных заводов. Строят печи печники татары же, часто те же лица, которые изготовляют и кирпичи. Нередко так и нанимают печника, чтобы он изготовил кирпичи и сложил печь, причем это изготовление производится часто на огороде хозяина или в овраге за деревней. В местах, где татары живут среди русских, нередко татарские печи кладут русские печники.

Главным типом печи, которой отопляются татарские дома, является именно хлебопекарная печь (мичь—mic),

(рис. 39), т. к. голландская печь встречается реже, только там, где есть чистая и гостевая половина. Основанием для печи всегда является деревянная клетка (мичь казнасы—mic qaznasъ) из четырехугольных брусьев в два венца, срубленных в „лапу“. Эта клетка делается грубее или тщательнее, смотря по зажиточности хозяина. На эту клетку уже и ставится самая печь.

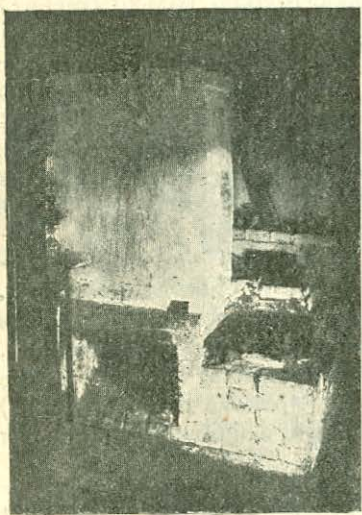

Рис. 39. Печь с котлом в средняцкой избе. Снята со стороны устья. Мамад. кант. (1925 г.)

Наиболее простым типом печи является печь в избе бедняка. Она ближе всего по внешнему виду походит на простую крестьянскую русскую печь с громадной лежанкой (мичь башы—mic ваъъ), где хозяева зимой проводят время из-за холода в избе. Одной из особенностей ее является очень низко поставленное отверстие шестка, не выше 60—70 сант., и это возможно вызвано тем, что татарки работают больше присев на корточки. Сама печь делается также невысокой, приспособленной почти исключительно для хлебопечения, и отверстие в ее чело (цуллык—jullъq) делается также низким. Труба (мөрца

могца) над шестком в таких печах делается очень тонкой, по сравнению с площадью печи, которая занимает в большинстве случаев площадь в $2 \times 1,5$ — $1,7$ метров. Высота лежанки над полом приблизительно около 130—140 сант. С боку такой печи устраивается выступ высотой в метр (казан каты—qazan qaty), куда вмазывается чугунный котел (казан—qazan) вместимостью от одного до трех ведер. Этот котел служит главной посудой для варки пищи. Сверху он закрывается деревянным кружком. Топка (учак-усаq) котла ведется с шестка. Дым уходит в общую с печью трубу. Благодаря этому выступу очага, печь становится ассиметричной и как бы приплюснутой. Шесток у таких печей небольшой. Иногда, чаще у крышен, встречается отверстие шестка (мичь алды—mic aldy) открытое с двух сторон, для чего стенка, противоположная топке котла, вынимается и остается только как бы кронштейн, поддерживающий трубу. Это устраивается для увеличения площади шестка, а также для лучшего освещения отверстия топки котла. Такова самая простая конструкция татарской хлебопекарной печи ¹⁾.

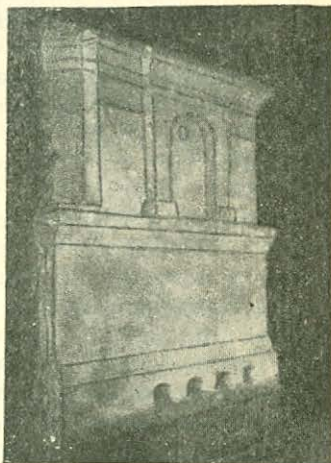

Рис. 40. Хлебопекарная печь, облицованная под голландку, со стороны большей части избы, Арский кант. (1924).

Печь в середняцких домах претерпевает значительное усложнение (рис. 40). Оставаясь такой же со стороны топки, печь со стороны противоположной котлу, которая выходит в сторону большей половины избы (перегородка здесь уже обязательно имеется), имеет надстройку до потолка, которая соединяется с трубой и в которой распола-

¹⁾ Рисунок подобной печи приведен у Лепехина—(часть 1, таблица 5) только там угол трубы поддерживается не кронштейном из кирпича, а просто столбиком, подпирающим край трубы. Далее ше-

гаются жаровики. Таким образом печь, оставаясь со стороны меньшей половины обычной печью для приготовления пищи, со стороны большей половины напоминает по облицовке голландку. С этой стороны печь получает украшения в виде карнизов (мөрҗа сыйры—мөрҗа сыръ) и выпуклых украшений на ее поверхности, где иногда даже устраивается нечто вроде каминой ниши, в которой помещается медный отдушник. На высоте собственно хлебопекарной печи устраивается выступ (мөрҗа бујы—мөрҗа вијь) в виде лежанки, который, ежели он узок, то не используется, а ежели широк, то на него ставится самовар и чайная посуда. В месте соединения этой надстройки с трубой на углу печи устраивается ниша, куда обычно ставится лампа, которая таким образом освещает обе половины избы (см. рис. 39—40). Внизу под выступом печи нередко устраиваются печурки. Благодаря этому надстрою, лежанка на печи почти совершенно исчезает и превращается только в полку, куда складывают посуду. Для удобства выведения дымохода котла нередко к трубе со стороны котла пристраивается как бы контрофорс, который спускается ступеньками и в котором помещается дымоход котла. В богатых домах на черной половине иногда устраиваются печи с котлами с обеих сторон, благодаря чему печь становится еще шире. Таково устройство татарской печи, повторяющееся во всех местах обитания татар, с некоторыми, чисто индивидуальными вариациями, которые касаются деталей, не меняя основной конструкции.

Татарская конструкция печи распространена в крае не только у татар, но и у соседних народностей, чуваш, вотяков, мари (реже), кроме русских и мордвы. Таким образом татарская печь представляет собой хлебопекарную печь, образца, близкого к русской хлебопекарной печи,

сток продолжается влево от топки, т. к. (котел бывает всегда вправо) посредством широкой доски, идущей до угла и затем по левой стороне печи до конца ее, в виде широкой лавки. Эта лавка-полка поддерживается кронштейнами, но иногда сруб в основании печи делается шире и лавка, собственно, лежит на срубе. Такая печь в настоящее время встречается только у кришен Закамья, а раньше возможно была и у татар. Эта печь более примитивна и труба у ней как будто не вяжется со всей массой печи. Возможно она и является дальнейшим усовершенствованием отъемных труб у печей, отмеченных Эмеевым в приведенной цитате.

комбинированной с очагом. Необходимость обоих типов печи, т. е. очага с котлом и хлебопекарной печи, весьма понятна, ибо татарская кухня, так же как и других, на более низкой культурной ступени стоящих, турецких народностей, приспособлена к котлу и большинство кушаний для своего приготовления требуют, как мы видели, именно котла, а с другой стороны хлебопечение требует другого типа печи. Подобные два типа печей мы встречаем у различных турецких народностей в различных комбинациях. Так у башкир, в их наиболее примитивном жилище, очаг, над которым подвешивается котел, устраивается в жилище, а хлебопекарная печь (мис)—вне его¹⁾. У акмолинских киргиз в зимовках имеются две печи, очаг и хлебопекарная, которые строятся рядом, причем их дымоходы у самого потолка соединяются в одну трубу²⁾. Далее идет комбинация очага с хлебопекарной печью, так, что очаг получает форму камина, сзади которого пристраивается хлебная печь, как это наблюдается в жилище башкир³⁾ и крымских татар⁴⁾. У татар это соединение очага с хлебопекарной печью, повидимому, является дальнейшим усовершенствованием того же типа печей.

Говорить о происхождении этой комбинированной печи в настоящее время совершенно невозможно, ибо нет данных, т. к. население никакой другой печи не знает и никаких пережитков примитива этой печи не сохранилось. Харузин⁵⁾ считает казанско-татарскую печь наиболее характерным национальным признаком татарского жилища и, после длительных рассуждений, приходит к выводу, что прототипом этой печи является камин в башкирском жилище и кроме того говорит: „что тип печи с вмазанным в нее котлом зародился именно в области, где мы встречаем простейший, как мы предполагаем, вид ее и оттуда уже перешла к другим народностям, например, к кирги-

¹⁾ Износков—Кара-Якуповская волость. ИОАИЭ XI вып. 2, стр. 184.

²⁾ Шнэ В.—Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области. Зап. Зап. Сиб. отд. РГО XVII вып. I стр. 9.

³⁾ Руденко—Цит. соч. стр. 216.

⁴⁾ Куфтин Б. А.—Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. Мемуары. Этнограф. Отд. ОЛЕАЭ, вып. I, М. 1925, рис. Табл. XIII.

⁵⁾ Харузин—История жилища турецк. народностей, стр. 42—43.

зам". Мы со своей стороны в данном вопросе воздержимся от каких либо выводов, ибо многочисленные культурные влияния в крае, настолько усложнили этот вопрос, что какиенибудь определенные взгляды, можно, может быть, будет высказать, только после детального изучения печи всех народностей края, а также всех вариаций татарской печи у татар и их соседей, вроде, например, печи, отмеченной Лепехиным (см. прим. на предыд. странице).

Вторым типом печей, распространенных в татарском жилище и отопляющих чистые половыны, является или обычная голландка, как в русских домах, или та же голландка, но с некоторыми, чисто татарскими особенностями. Эти особенности заключаются в том, что со стороны топки устраивается одна или две ниши, в одной из которых замазывается небольшой, до 50 сант. в диаметре, котел, а другая служит для того, чтобы в нее ставить кумганы с водой. Вторая ниша встречается реже, а первая с котлом в этом типе печи обязательна. Котел обязательно закрывается деревянным кружком, а нередко и ниша закрывается двухстворчатыми железными дверцами подобно "духовым" печам в плитах.

На лицевой стороне подобных печей очень часто устраивается выступ, иногда шириною в 30—40 сант., куда ставят самовары. Выше этого выступа, так же, как и у хлебопекарных печей, устраиваются выпуклые украшения, а иногда ниши, так что верхняя часть принимает форму, напоминающую подобную же часть у каминов, откуда возможно и взят принцип орнаментировки печей. Печи с нишами и котлом имеют широкое распространение в северных кантонах у богатых крестьян, а так же в Казани, так что возможно они городского происхождения.

В описанных нами двухэтажных домах Спасского кантона устраиваются печи особого устройства, как бы калориферные. Внизу устраивается обычная хлебопекарная печь, а вверху печь, по внешнему виду напоминающая только что описанные печи и даже с выступом—лежанкой, но без топки. Вместо этого в ней устроены жаровики нижней печи, так что она является как бы калорифером. При усиленной топке нижней печи, такая печь, по уверениям хозяев, хорошо нагревает помещение. Причиной такого устройства печей, по заявлениям владельцев, является

топка соломой, которая вносит в помещение массу сору. Чтобы избежать этого сору в чистой половине и устраиваются подобные печи, согревающие оба этажа.

Трубы в домах, крытых тесом или железом, кирпичные и ничем не отличающиеся от городских труб. При наличии соломенной крыши, кирпичная труба строится высоко до метра и сверху в нее вставляется или кусок железной трубы или специальная гончарная труба. Такие же трубы устраиваются и другими народностями края, только татарские трубы выше всех и обязательно выбелены в белый цвет. Особенно резко бросаются эти высокие трубы на небольших домиках бедняков и слабых средняков.

Материалом для отопления во всех местах, где есть лес, служат дрова, а где их нет, топят соломой и кизяком (вост. Закамье).

Освещение татарских домов в настоящее время производится исключительно керосиновыми лампами и никаких других способов освещения не употребляется. Изредка можно встретить, преимущественно на подволоке, валяющийся светец обычного, как у русских, типа, но по видимому, употребление лучины для освещения было очень давно оставлено, так что никто его не помнит. Лампы употребляются висячие и настольные. Висячие лампы, обычного базарного типа, употребляются преимущественно в зажиточных домах, где такие лампы вешаются посреди комнаты. В средняцких и даже бедняцких домах самым употребительным типом ламп является лампа на высокой ножке, целиком сделанная из молочного стекла голубого или зеленого цвета. Эти лампы чаще всего помещаются в вышеупомянутой нише, в месте соединения трубы печи с боковой облицовкой, и освещают одновременно обе половины избы. Другие типы ламп употребляются очень редко и железных ламп встретить почти не приходилось. Для выхода ночью к скотине употребляются чаще всего деревянные фонари, в которые вставляются коптилки. Реже применяется железный фонарь со свечей, употребление которых у татар очень редко.

Внутреннее убранство татарского жилища варьирует также соответственно состоятельности владельца дома и местности, где находится жилище. Здесь, так же, как и в плане, приходится в основе выделять убранство един-

ственной избы средняка татарина, а затем чистой или чистых половин, убранство которых более разнообразно.

Основной, а нередко и единственной частью обстановки черной избы являются уже вышеописанные нары, которые фигурируют в жилище татар вплоть до чистой половины богатого дома. Размеры их нами были указаны выше. Доски нар всегда настилаются поперек и самый край обшивается закругленным и хорошо обструганным бревном¹⁾. Доски нар не прибиваются и всегда имеется возможность их вынуть. Передняя часть нар в большинстве случаев забирается продольными досками. Иногда здесь устраивается дверка, но чаще ее не бывает и в пространство под нарами попадают, поднимая доски нар. У бедных татар зимой под нарами содержат мелкий скот (молодняк), а чаще зимой это пространство используется в качестве места для хранения скоропортящихся продуктов, ибо в этом замкнутом пространстве температура бывает достаточно низкой. Нары являются местом, где проходит главная деятельность хозяев. На нарах работают, едят, принимают гостей и т. п. Нары почти всегда покрываются, за исключением самых бедняков. Чаще всего для покрывания нар служат из тряпок тканые ватолы (палас—palas) и войлок. Реже встречаются ковры, большей частью средне-азиатского происхождения. Сверх этого стелятся т. н. көрпә—көгрә—слабо простеганные постилки, шириною в 50 — 70 сант. и длиною от 50 сант. до метра и более. Эти көрпә стелятся на нарах вдоль стен для сидения, а так же подстилаются индивидуально каждому, садищемуся на нары, как бы заменяя подушку кочевых турок. Көрпә встречаются в каждом доме в северных кантонах и сравнительно реже в других частях ТССР, где они есть только у наиболее зажиточных, а для почетных гостей они заменяются подушкой. На нарах же, обычно укладывается постель, причем это место иногда отгораживается занавесью (чаршау). Обязательной принадлежностью каждой избы является также сундук или

¹⁾ Кроме нар, накрепко приделанных к стенкам, в Закамьи часты нары, сделанные отдельно на ножках. Делается крепкая рама, на которую уже настилаются доски. Нары этого типа можно отодвигать. Подобного же типа изредка встречаются маленькие, нары ставящиеся в углу чистой избы и заменяющие кровать.

несколько, которые являются иногда скорее предметом обстановки, чем местом для хранения имущества, ибо количество их не всегда соответствует наличию одежд владельца. Сундуки ставятся или около печи, или в простенке между окнами в боковой стене дома. Они обычно также покрываются ковриками или корпá, обшитыми оборками с трех сторон.

Почти в каждой черной избе средняка (и здесь этот тип избы наиболее характерен) имеется стол обычного крестьянского типа, ставящийся или у печи, или, чаще, в простенке между окнами боковой стены. Однако, этот стол не служит для приема пищи, что совершается на нарах, а для того, чтоб на нем ставить самовар и посуду на подносе, закрывая ее специальным покрывалом (япма—*jarma*). Встречаются здесь также и стулья близкие к русским крестьянским по типу, но все же измененные, точнее упрощенные, сообразно требованиям к ним предъявляемым. Сидение у татарских стульев уже и спинка совершенно прямая, так что сидеть на них откинувшись невозможно. Но ввиду того, что на них сидят обычно перед нарами, когда много народа, нагнувшись, они вполне приспособлены для своего назначения. У задней стены у двери довольно часто располагается шкаф или закрытый, со стеклянным верхом, или открытый, в виде полка. Кроме того в кухонной половине на стене почти всегда устраиваются полки, прикрепленные к стене.

На окнах почти везде (т. е. начиная почти с бедняка), появляются занавески (*пáрдá—párdá*). Эти занавески закрывают или все окно, или, чаще, половину его. Раннее появление занавесок возможно объясняется тем, что ставни на окнах встречаются редко (Арский кантон) или, ежели они и есть, то не всегда закрываются.

Занавески не отодвигаются в сторону, как у русских, а чаще или складываясь складками, кладутся на шнурке, на котором они подвешены (рис. 36), или, ежели они закрывают все окно, отодвигаются в сторону не сминаясь и днем служат для украшения простенков. Подобный способ отодвигания занавесок приходилось чаще встречать в Мамадышском кантоне, вместе с шторами, закрывающими все окно.

Над окнами от потолка спускается занавеска - подзор, шириною в 50—70 сант., которая закрывает все пространство передней стены над окнами, а иногда выходит и на боковую стену. Эта занавеска (кашаџа—қазақ) встречается в Арском кантоне всегда с момента появления занавесок, а в других частях ТССР реже, только у более зажиточных в чистой избе, а в черной почти всегда отсутствует. Такая же кашаџа вешается над занавесью на матице, служа как бы ее украшением, а т. к. в обычное время днем занавеска на матице всегда сдвигается в сторону и даже закидывается или на веревочку, или на печь, то и эта кашаџа является как бы украшением матицы. Такая кашаџа встречается также в Арском кантоне, а в других даже реже надоконной. Ежели на нарах есть занавес у постели, то здесь также вешается кашаџа, нередко продолжение надоконной. На перегородке часто вешается расшитый намазлык, перебрасываясь через перегородку, а на стенах полотенца с цветными ткаными концами, но в черной избе они редки. В северных кантонах иногда на стены вешаются т. н. шамаилы, т. е. религиозные надписи, исполненные красивой вязью на стекле или бумаге. Такие шамаилы в черной избе вешаются чаще над входом и реже в других местах. На стенах, над нарами нередко вешается небольшое зеркальце и изредка часы. На окнах везде и всегда цветы, каковых нет только в самых бедных избах. Цветы садятся во всевозможную посуду, чаще всего в горшки, употребляемые русскими для варева, а татарами для хранения молока, которые снаружи часто белятся известкой. Любимыми цветами черной избы являются бальзамины, базилики и герани, уход за которыми очень тщательный.

Такова обстановка черной или жилой избы средняка, не имеющего чистой избы. У бедняков она упрощается, сводясь до того, что кроме нар, сундука и бальзамина в банке из под консервов или в черепке, нет ничего. С появлением чистой избы, черная также упрощается, но немного. Большее упрощение получает убранство черной избы богачей, где оно близко к самому бедняцкому (рис. 37).

Ежели обстановка черной избы, описанная нами, почти везде одинакова, то убранство чистых изб сильно варьирует, смотря по территории, богатству владельца, его

прогрессивности и консерватизма, и т. д., так что при описании мы коснемся только основных типов, которые при просмотре значительного числа жилищ все же намечаются.

Наиболее близкой по убранству к черной избе является чистая изба средняка, разделенная также на две половины и имеющая нарты (рис. 38). Таких чистых изб больше в южных кантонах, тогда как в северных чаще чистые половины бывают без нар.

В таких избах те же нарты, только всегда убранные или разноцветными половиками, или ковром. Также у печи стоят сундуки, на которых обычно горкой складывается постель. Так же есть стол, на котором красуется один или два самовара, и стулья описанного нами типа. Однако, пол в таких избах почти всегда застлан половиками, реде ковром, на перегородке вешается несколько богато расшитых намазлыков, на которых никто не молится. Чаще и богаче кашаџа, а стены иногда сплошь увешиваются полотенцами с цветными концами. Интересно отметить, что притаким завешивании стен полотенцами, углы комнаты нередко стушевываются, повешенными в углу полотенцами, и комната получает вид жилища без углов с мягкими стенами. Подобное же завешивание стен со смягчением углов отмечает Бонч-Осмоловский для крымско-татарского жилища во время свадьбы и считает это как бы перешитком убранства передвижного жилища¹⁾. Отметим также, что такое же убранство с завешиванием стен встречается и у татар, когда готовят для новобрачных чистую клеть (см. ниже). На стенах появляется зеркало больших размеров, часы и шамалы. Меньшая половина избы здесь является уже не кухней, а чисто женской половиной и убирается так же, как и большая.

Вторым типом чистой избы, встречающимся чаще в северных кантонах, является изба без мебели совершенно. В такой избе пол сплошь устлан ковром или войлоком, а иногда войлоком сплошь, а коврами только некоторые части. По середине избы, ближе к передней стене, настланы корпйа, отделяющие место, где принимают пищу,

¹⁾ Бонч-Осмоловский.—Свадебное жилище турецких народностей. Матер. по этнографии, Т. III. Вып. I. Изд. Этногр. Отд. Русского Музея.

которое при еде застилается скатертью (аш'яульк— аш'яульк). Ряд сундуков ставится вдоль задней и глухой стены, причем иногда приходилось наблюдать постановку сундуков один на другой, как в казакской юрте. Сундуки накрываются коврами и на них укладываются подушки, ястыки, тüşаки и т. п. принадлежности постели. На стенах развешивается хорошая одежда. Изредка в таких чистых половинах в углу, между передней и глухой стеной, устраиваются небольшие нары или ставится двухспальная кровать, на которой располагается значительное количество подушек. Стены также завешиваются полотенцами, шамаилами, а на глухой стене, на шесте, прикрепленном у потолка, вешается несколько красиво расшитых намазлыков. Такие чистые половины чаще встречаются у очень консервативных лиц, например, мулл.

Следующим типом чистой избы является чистая изба более богатая, обставленная европейской мебелью в большей или меньшей степени, смотря по вкусам хозяина. Появляются стулья (чаще венские), большой стол, европейско-мещанского типа этажерки для посуды, несколько трюмо, дорогие часы и т. п. вещи европейского обихода. Однако, в то же время сохраняется почти всегда постель с многочисленными подушками и ряд сундуков, покрытых коврами. В таких домах появляется выделение „красного угла“, в русском понимании этого слова, т. е. стол и стулья группируются у этого угла, шамаилы вешаются также ближе к нему и вообще появляется выделение этого угла. В самом углу часто ставится этажерка с книгами. На стенах также развешиваются полотенца и шамаилы, полы застилаются коврами или половиками, на окнах и на особых подставках располагается масса цветов. Иногда здесь же ставится клетка с египетскими голубями. Нередки здесь и большие зеркала-трюмо.

В богатых домах, где чистых половин имеется несколько и выделяется специальная гостевая половина, эта половина обставляется более строго по европейски. В ней не ставится ни кровати, ни сундуков. Иногда, здесь появляются диваны, чаще жесткие, покрытые подстеганными кóрпá. Только цветы остаются обязательным украшением окон такой комнаты да намазлыки и шамаилы придают ей специфически-татарский вид.

В сенных и чердачных комнатах богатых домов ставится всегда кровать и, если допускает место, то и сундук. Стены чаще не украшаются ни чем, кроме небольшого зеркала. На окнах занавески и обязательные цветы.

В сенях, прилегающих к чистой половине, обычно ставятся сундуки на них кладут подушки или же они бывают совершенно пусты. В средняцких домах в таких сенях летом женщины устраивают чаепития, прямо на полу.

Такова в общем обстановка татарских крестьянских домов, различной зажиточности, причем опять оговоримся, что наметили только основные типы, ибо дать описание всех вариаций, зависящих от вкусов владельцев, совершенно не представляется возможным, хотя, давая наши типы, мы выбирали их так, что почти каждый дом по обстановке является вариацией того или другого из описанных нами типов.

Далее остановимся несколько на чистоте татарского жилища. Мы совершенно не можем согласиться с заключением некоторых авторов, что татары живут неряшливо и что чистота у них лишь показная. Так Сбоев¹⁾ даже замечает, что только те авторы могут хвалить татарскую чистоплотность, которые знают татар лишь поверхностно. То же подтверждает и Знаменский²⁾. Однако, трудно в незнании татарского быта обвинять, например, Фукса³⁾, а он как раз очень хорошо отзывался о чистоте татарского жилища. Сравнительно большую чистоплотность у татар отмечает и д-р Сухарев⁴⁾. Мы, на основании наших довольно многочисленных наблюдений над татарской деревней, определенно заявляем, что татары в массе живут гораздо чище всех народностей края. Правда, чистота больше в северных, наиболее культурных, кантонах, но и в самых глухих местах татары все же живут чище русских, не говоря о других соседях. Также не приходится говорить о поддержании чистоты только на показ. Нам приходилось при исследованиях осматривать двор за двором в целой деревне, ходить в дома, где

1) Сбоев.—Цит. соч., стр. 18.

2) Знаменский.—Казанские татары. Казань, 1910, стр. 6.

3) Фукс.—Цит. соч., стр. 27.

4) Сухарев.—Цит. соч., стр. 30.

не только нас не ждали, но едва не прогоняли, бывать в рабочее время, когда особенно за чистотой следить некогда, и все же у татар изба очень чиста. Печь в избе всегда выбелена очень тщательно, полы чисты. Татарки моют полы очень внимательно, становясь на корточки, причем, ежели пол некрашенный, то его обязательно скребут ножом. Далее татары никогда не входят в избу в той обуви, в которой они вне дома. Даже лапти и то обычно снимаются в сенях и входят в дом в чулках. В кожаной обуви входят только тогда, когда поверх ее носят галоши. На крыльце каждого татарского дома можно видеть ряд обуви, которая употребляется для выхода из дома на короткое время. Цветы, например, у татар содержатся очень тщательно—почти никогда не увидишь запыленных листьев. Посуда также содержится в чистоте, самовары блестят и это не в богатой семье.

Правда, клопов и тараканов у татар не меньше, чем у русских, при чем тараканов татары не убивают, считая, что они приносят счастье, а с клопами трудно бороться при наличии досчатой перегородки, нар и большого количества постельных принадлежностей. При этом надо отметить, что клопы бывают реже, чем тараканы, которых не бывает только в особенно богатых домах. Необходимо также отметить, что у татар нередко пол скоблят тем же ножом, которым потом режут хлеб, белье кипятят в том же котле, в котором готовят пищу, что несомненно вносит значительную долю антисанитарии, как и умывание лица и ног из одного кумгана. Однако, болезни, как болезнь глаз и парша встречаются чаще у бедноты, где, конечно, нет возможности соблюдать гигиенические требования, но все же, говоря о народе, в массе, необходимо подчеркнуть его значительную чистоплотность, особенно по отношению к жилищу.

Заканчивая описание внутреннего убранства татарского дома, остановимся несколько на домашней утвари, которой при описании дома, мы коснулись лишь вскользь.

Прежде всего остановимся на постельных принадлежностях, которые создают в значительной степени специфичность татарского жилища, придавая ему восточный колорит. Принадлежностей постели в татарских домах всегда много, особенно подушек (міндәр—mndär), тўша-

ков—*tuşək* и ястыков—*jastq*. Подушки в татарском быту являются не только принадлежностью постели, но в значительной степени и мебелью. Так, например, когда во время праздничных меджелисов (обедов) присутствует какое-либо почтенное лицо, то ему обязательно устраивают сидение из подушек, которое покрывается *körpä* да и сами *körpä* являются как бы упрощенной подушкой. В этом, повидимому, сказывается кочевническое прошлое татар, ибо в быту кочевников подушка играет огромное значение. *Tuşäk*—это тоже подушка, но размером почти вдвое больше обычной подушки, и имеет форму вытянутого четырехугольника. *Jastq* это собственно перина, но небольшого размера (длина 100—120 сант.), назначение которой именно перины, тогда как *tuşäk* является подушкой. Как *tuşäki*, так и *jastqi* и подушки делают из пера и пуха, преимущественно из пуха гусей, которых татары водят в значительных количествах. Одеяла (*юрџан jurojan*) у татар чаще всего стеганные, ничем не отличающиеся от таковых же у русских. Стегаются они на вате и на верблюжьей шерсти. Покрываются одеяла различными материями, начиная с ситца и до дорогого шелка, смотря по состоянию. Цвета большей частью светлые, чаще голубой, а также у богатых татар распространены одеяла, крытые бухарской полушелковой материей—эдрес, с ярким тонированным рисунком. Делаются одеяла и из ситцев с ярким рисунком. Довольно часты одеяла из клиншков различных материй (*көрама юрџан—qorama jurojan*). Татарская постель, ежели она стелется на полу или на нарах, устраивается следующим образом: сначала стелется кошма, ковер, или просто чистый половик, затем на него кладется *jastq*. С одного конца *jastqi* поперек укладывается *tuşäk*. Все это покрывается простыней и сверху уже кладутся подушки. Таким образом постель получается короткая и ноги спящего всегда находятся на ковре. Наволочки на подушках (*миндәр тыйшы—mindär tışy*) бывают всевозможные, смотря по состоянию и вкусу. Чаще всего у бедных и средних крестьян употребляются наволочки из цветного ситца, а у богатых из белого полотна и других, достаточно ценных, материй. Нередко в наволоках встречаются кружева европейского происхождения. Особенно же парадные наволоки у богачей крестьян и горо-

жан делаются из эдресы и даже шелковых тканей, расшитых золотом. Такие богатые наволоки состоят обычно из двух частей, собственно наволоки и особого короткого куска с углами, который надевается на подушку со стороны отверстия в наволоке. Наволоки этого образца обычно завязываются лентами и клин выглядывает среди завязок. Довольно рано также в татарском быту появляются простыни (цэймә—сэјтә)—начиная с зажиточного средняка. Здесь простыни делаются из домашнего холста более или менее тонкого. В быту богатых татар появляется два типа простыней—простыни для спанья и декоративные. Простыни для спанья остаются теми же, лишь материал становится дороже, а декоративные имеют с одного конца расшитый подзор. Эти простыни делаются нередко цветными, а подзор делается из какой-либо дорогой материи и украшается богатой вышивкой. Такие простыни употребляются только в богатых домах, где имеются кровати и они стелятся только днем, причем подзор спускается до полу, выставляясь из под одеяла или ковра, которым покрыта постель. На день постели убираются. У средняков крестьян обычно постель убирается так, что ястыки и тüşäки ставятся вертикально на одном конце нар или на сундуках, ежели они стоят у печи, на них кладутся свернутые одеяла, а сверху подушки. Иногда ястыки и одеяла покрываются специальным покрывалом из цветной материи с вышивкой, которое также называется цэймә, но служит только для этих целей. В Челнинском кантоне нам приходилось встречать особую скамеечку (тüşäk їскәмиәси—туşäk скәмјәсе), длиною в ширину нар и высотой в 25-30 сант., которая служит специально для укладывания на ней постели, так что последняя кладется не прямо на нары, а на поставленную на них скамеечку. Скамеечка делается очень грубо и по своему принципу напоминает подставки под сундуки, употребляемые у башкир и казаков, для того чтоб в переносном жилище не ставить сундуков непосредственно на землю.

У богачей, где есть кровати, кровать, на которой остается лишь войлок и обычное одеяло, покрывается или богатым одеялом, или ковром. Затем со стороны изголовья ставится вертикально тüşäки и ястыки, а на них кладут подушки. Кроме того подушки укладываются стоп-

кой на другом конце кровати и стоя прислоняются к стене, так что иногда получается что-то вроде дивана с громадным количеством подушек. Излишние постельные принадлежности уносят и кладут в другом месте.

Далее остановимся на сундуках, которые также характерны для татарского быта и являются не только местом для склада имущества, но также и одним из элементов обстановки. Сундуков у татар обычно бывает много, больше чем это требует наличие имущества, которое должно в них храниться и они являются чисто декоративными предметами. Сундуки татар обычно русской работы с украшенной разноцветными металлическими рисунками передней частью. Такие сундуки распространены вообще в крае и приготавливаются в области Верхнего Поволжья, причем для татар их особенно ярко украшают. Сундуки в большинстве случаев среднего размера и крупные сундуки сравнительно редки. Кроме таких сундуков, встречаются особые низкие сундуки, высотой не выше 40—50 сант., которые в большинстве случаев красиво окованы разноцветной жстью и служат для хранения женских украшений, предметов косметики и различных безделушек. Внутри их к крышке иногда пристраивается зеркало и они служат вместо туалетных столиков. Такие сундуки всегда ставятся на нарах, а иногда их приходилось встречать даже на постели. Изредка встречаются очень красивые сундуки, вывезенные из Константинополя. Такие сундуки обычно ставятся на нарах и не покрываются ничем. Сундуки в татарском быту, повидимому также являются пережитком кочевого периода, только, с утратой необходимости их перевозить, они утратили формы, удобные для перевозки, какие выработались у кочевых народностей, превратившись в обычные сундуки оседлых народностей. Однако сундук есть и единственное место хранения одежд, т. к. платяных шкафов, даже у наиболее богатых деревенских татар наблюдать не приходилось. Они есть только у горожан, живущих совершенно по европейски.

Кроме обычных столов европейского образца у татар, особенно консервативных, встречаются столики размера около 50×70 сант. и высотой около 50 сант., которые

ставятся на нары или на полу и употребляются для письма. Однако эти столики в настоящее время очень редки¹⁾.

Шафы и этажерки для посуды у богатых татар почти всегда обычного русско-мещанского образца. В них ставится самовар и вся хорошая посуда. Кроме того в них же ставится масса безделушек, начиная от красивых пузырьков из под духов и кончая кусочками земли из Мекки, привозимой хаджами. Убранство этих этажерок очень близко к таковому же в мещанских домах русской провинции.

Часы у татар очень распространены, причем богатые татары имеют дорогие стенные часы с красивым боем. В большом ходу у татар часы с кукушкой. Повидимому часы у татар являются не только предметом необходимым, но и некоторым украшением. Так у богатых татар можно нередко встретить по несколько часов в одной комнате, причем из них одни показывают истинное время, а другие поставлены так, что бьют одни за другими. Поэтому например в 12 часов бой таких часов долго разносится по дому. Такое увлечение часами чаще встречается у более зажиточных в северных кантонах и для этих мест, на такое увлечение указывает и Штейнфельд²⁾, который пишет: „К стенным часам татары чувствуют особенную слабость. В богатом доме каждая комната непременно украшена часами, а у одного такого любителя автору пришлось видеть в одной комнате двое больших часов в массивных футлярах. Живя обычной крестьянской жизнью, татары и без часов отлично умеют измерять время... стало быть часы им вовсе не так нужны, а вероятно они забавляют татар просто в качестве хитрой игрушки“. Хотя с момента написания настоящей выдержки прошло более четверти века и жизнь значительно изменилась, но увлечение часами имеет место и в настоящее время.

Не менее чем часами, увлекаются татары и красивыми зеркалами. Зеркало появляется в средняцкой избе, как необходимый предмет туалета, но начиная с зажиточного

¹⁾ Эти столики являются собственно столами шакирдов в медресе старого типа, где не было парт и каждый имел индивидуальный столик.

²⁾ Штейнфельд—Малмыжские татары... стр. 293.

средняка, оно уже превращается в предмет роскоши, заменяясь красивым громадным зеркалом—трюмо, в которых едва ли имеется большая надобность. Как и часы, такие зеркала иногда у богачей ставятся по нескольку в небольшой сравнительно комнате, причем и в мужской половине.

Остановимся несколько на, так называемых, шамаилах—*şamaıl* т. е. рисунках и надписях, которые развешиваются на стенах многих татарских домов. По шариату татары не имеют права развешивать на стенах изображения никаких живых существ и лучшим украшением жилища считается вывешивание на стенах священных изречений. Поэтому татары и вывешивают большей частью подобные изречения, которые пишутся на стекле очень красивой вязью с громадным количеством украшений из цветов и листьев, причем специалисты в этом деле достигли больших результатов, создавая прелестные образцы. Чаще всего фон шамаилей покрывается черной краской, а буквы, оставаясь не закрашенными, заклеиваются мятой фольгой, отчего они получают очень красивый вид. Кроме подобных шамаилей собственно, изобретены специальные рисунки без живых существ. Чаще всего встречаются виды Мекки и Медины, а также Константинополя. Часто изображается на шамаилах древо жизни и т. п. мифические вещи. Шамаилы, по словам татар, появились из Турции и в 70-х годах XIX столетия было громадное увлечение ими в городах, откуда они проникли и в деревню. Создался особый цех специалистов рисовальщиков шамаилей, а кроме того издательство бр. Каримовых в Казани выпустило громадную партию шамаилей на бумаге, которая широко распространилась и за пределы поселения татар. В настоящее время в Казани в богатых домах шамаилы редки—они заменены картинами, но в деревнях, особенно северных кантонов, они распространены, начиная с средняка. Чаще всего встречается шамаил над входной дверью, содержание которого призывает мир и благополучие на дом сей. В других частях ТССР шамаилы встречаются чаще в домах мулл, а у крестьян они заменяются просто рекламными плакатами, причем чаще всего приходилось наблюдать плакаты с.-х. фирм, галош „Треугольник“ и т. д. В последние годы все чаще

и чаще встречаются в татарских домах портреты близких лиц, а за годы революции распространился обычай вывешивать и портреты вождей. Однако надо заметить, что, благодаря традиции, рядовой крестьянин-татарин охотнее вывешивает в избе особенно красиво написанный революционный лозунг, даже на русском языке, чем портрет.

Своеобразный быт татар приводит к тому, что полотенца, например, представляют не только предмет туалета, но главным образом предмет обстановки комнаты (рис. 38). Ежели в русской и особенно в украинской избе полотенца употребляются лишь для украшения божницы, то в татарской они украшают стены нередко сплошь. Полотенца у татар бывают двух типов: с вытканым красным рисунком на концах, шириною иногда до 70—80 сант., и расшитые шелками свадебные полотенца. Свадебные полотенца являются ритуальными и мы их коснемся лишь вскользь, тогда как тканые полотенца являются постоянным украшением стен¹⁾. В разных частях поселения татар полотенца вешаются по разному и в разных количествах. Так и в северных кантонах они вешаются на двух гвоздях, ниспадая складками вдоль стен, преимущественно в простенках между окнами. Их вывешивается немного, в перемежку с шамаилами. В Закамьи же, где шамаилы более редки и в чистых половинах домов средней зажиточности стены сплошь увешиваются полотенцами, причем, они вешаются, прилегая к стене в плотную, так чтоб один конец выступал из под другого. Таким образом завешивается все пространство стен над нарами, кроме перегородки, так что получаются как бы мягкие стены, а смягчение углов придает комнате как бы округлый вид.

Такую же роль украшения стен получают у богачей и намазлыки, которые прямое свое назначение имеют как коврики, подстилаемые во время молитвы. Однако для этой цели обычно употребляются довольно простые, поношенные намазлыки, или даже небольшие коврики, а великолепные, шелковые, богато украшенные намазлыки, служат только

¹⁾ По непроверенным нами сведениям для украшения стен употребляются также и салфетки с ткаными рисунчатыми концами.

как украшение стен. Их вешают на перегородку, перебрывая через нее, или на специальных шестах, вдоль глухой стены комнаты, где нет перегородки. Таких намазлыков вывешивается по несколько штук, так что стена представляет сплошной яркий букет красок.

Значительную роль в татарском быту играют также занавеси. Наиболее важное значение в обстановке дома имеет занавеска, вешающаяся на матице. Эти занавески, отгораживающие переднюю часть большой половины избы, встречаются почти в каждом доме. Они шьются чаще всего из ситца с яркими букетами, реже из самодельной ткани с тканым же геометрическим орнаментом. Подобные же занавеси в бедных домах перегородывают нары по линии печи, а также вешаются у кровати, хотя по названию эти два типа занавесей и отличаются. Занавес у кровати называется чыбылдык—свдыр, а занавес, перегородывающий комнату—чаршау—саргау

Занавески у окон, как уже было сказано, в большинстве случаев белые. Низ их обычно украшается или кружевами, или более или менее сложно устроенными фестонами, причем края этих фестонов иногда обшиваются красным кантом. Часто к занавескам так же пришивается фабричная бахрама.

Большим распространением, особенно в северных кантонах, пользуется т. н. кашаҗа—қазақ—оборка шириною в 50—70 сант., которая вешается во-первых над окнами передней стены, во-вторых на матице и наконец над занавесью у постели. При этом над окнами кашаҗа является самодовлеющим украшением, не связанным с занавесом, на матице также, ибо занавес большей частью бывает откинут. Кашаҗа шьются или из цветного ситца, или из белой материи с вышивкой. Иногда на кашаҗа вышиваются довольно длинные изречения красивой вязью. Низ кашаҗа всегда украшается или фабричной бахромой, или реже оборкой из той же материи. При этом бахрама чаще бывает белая, а кашаҗа цветная, довольно часто темно-бордовая или красная.

Половики на полу чаще всего делаются из тряпок, ибо ковров татары сами делать не умеют. Раньше татарки умели ткать шерстяные ковры (палас), но теперь это дело совершенно забыто. Половики ткуются на обыч-

ном ткацком станке, причем основа делается из крепких льняных ниток, а уток из тряпичных лент. Получаются дорожки шириною в 70—80 сант., которые сшивают, чтобы получить покрывало для нар. Изредка встречаются покрывала, сотканые из толстых разноцветных нитей с рисунком в виде полос.

В татарских домах во всех районах широким распространением пользуются домашние цветы (göl—göl). Они имеются в каждом доме, какова бы не была его зажиточность. У бедняков и середняков чаще всего встречаются: бальзамины, (кна—qna) базилики (İsligöl—slegel), герани и некоторые другие. В более зажиточных домах состав комнатных цветов гораздо более разнообразен и, не будучи ботаником, трудно даже определить виды этих растений. Здесь появляются уже и крупные растения вроде: фикусов, филадендр, фиговых деревьев, лимонных деревьев и т. п. Татары вообще большие любители цветов. За домашними цветами у них очень тщательный уход, а кроме того, при первой возможности татарин разводит цветы и в садике у дома. Объяснение происхождения любви татар к цветам в настоящее время мы не имеем в своем распоряжении и ограничимся только констатированием факта.

Комнатных птиц татары содержат редко. Только в городах, изредка встречаются певчие птицы, в деревнях же нам не пришлось этого наблюдать. Только египетские или каирские голуби встречаются в домах и те в настоящее время довольно редко, большей частью у стариков мулл. Раньше содержание египетских голубей было более распространено особенно в городах и, например, Фукс и Каюм Насыров в своих описаниях татар останавливаются на этом, причем Фукс даже замечает: „которые (голуби), вероятно, воркуя, напоминают им не оставлять своих жен“. Насыров же приводит легенду о спасении египетскими голубями Магомета и халифов, когда им грозила опасность при бегстве из Мекки в Медину.

Рассматривая татарское жилище со стороны плана, прежде всего бросается в глаза его сходство с русским четырехстенником, от которого он отличается только как бы наличием нар. Однако, при более близком знакомстве, становится ясным, что принцип деления на две по-

ловины татарского дома здесь совершенно другой. В русском четырехстеннике ход в меньшую половину никогда за печкой не бывает, тогда как в татарском жилище он почти обязателен и ход между нарами и печью встречается крайне редко. Здесь сказывается принцип разделения жилища на две части—мужскую и женскую, или—чистую и хозяйственную, разделенную занавеской постоянно или временно, которая почти всегда имеется у кочевых турецких народностей (казаков, башкир и т. д.) в их переносном жилище, причем как там вход в хозяйственную половину устраивается у самой двери жилища, так и здесь. Как мы видели в бедняцких домах, и у татар по линии печи иногда вешается только занавеска и перегородка отсутствует, так что получается перегораживание жилища аналогичное с занавеской кочевника. Занавеска на матице, отделяющая переднюю часть большей половины является, по нашему мнению, результатом затворничества женщин. Таким образом основной план татарского дома близок к плану юрты кочевников, уложенной в четырехугольный сруб. Аналогия татарского четырехстенника по плану с юртой будет еще более ясный, если укажем, что почетное место (түрь—*tyr*) у татар не перекочевывает в „красный угол“ сруба, а остается посреди передней стены дома против входа, также, как мы это наблюдаем у кочевых турецких (например, киргиз—казаков)¹⁾ и монгольских (калмыки²⁾, буряты)³⁾ народностей, где почетное место для гостей и место для помещения божеств у буддистов и шаманистов находится как раз против двери юрты.

Нары, придающие специфический вид татарскому жилищу, также являются приспособлением, устраиваемым в зимовках многих кочевых народностей как казаков⁴⁾, башкир⁵⁾, бурят⁶⁾ и т. п., а так же устраиваются в жи-

¹⁾ Маковский—Юрта летнее жилище киргизов Зап. З.—С. отд. РГО, т. XV, вып. 3.

²⁾ Житецкий—Очерки быта астраханских калмыков. Тр. отд. Этногр. ИОЛЕА и Э., т. XII, вып. 1.

³⁾ Раев—Буряты. Вестник ИРГО, 1858. XXIV. Отдел 1.

⁴⁾ Шне—Цит. соч. стр. 3.

⁵⁾ Руденко—Цит. соч. стр. 191 и др. Никольский Д. П.—Из поездки к лесным башкирам. Землеведение 1895, IV, стр. 56.

⁶⁾ Раев—Цит. соч.

лице соседних с татарами народностей, как чувашаи и вотяки. Повидимому нары являются приспособлением для борьбы с холодом, который чувствуется на полу, и представляют собственно часть пола, приподнятую над уровнем настоящего пола избы. Нередко в гостевых половинах у татар нар не бывает и тогда кошмами и коврами застилается пол и изба принимает вид близкий по убранству к чистой юрте богатых башкир или казаков.

Далее большое количество сундуков, расстановка их вдоль по стенам, иногда в несколько этажей, опять таки сближает устройство татарского жилища с жилищем кочевников, а употребление подушек в качестве мебели, т. е. для сидения, правда только особенно почетным гостям, говорит о том же. Наконец зашешивание стен тканями, да еще со смягчением углов, указывает на более древние эстетические навыки, появившиеся ранее появления четырехугольного жилища.

Запутанность плана домов татарских богачей есть, по нашему мнению, результат обычая прятать женщин, что удобнее в доме с большим количеством комнат, комнаток, чуланов, и значительным числом дверей, соединяющих эти комнатки. Надо заметить, что с уменьшением обычая прятать женщин и план богатых домов значительно упрощается, приближаясь по типу к русскому купеческому дому.

Большое количество подушек, тушаков и ястыков с одной стороны, как мы уже сказали, есть пережиток эпохи кочевничества, а с другой (у горожан) не исключена возможность влияния мусульманского востока с его коврами и мягкими диванами.

Не мало также влияний на татарском жилище и русских, точнее общеевропейских. Так введение европейской обстановки в домах, проникающее все более и более в широкие татарские массы, вместе с уменьшением заворничества, все более и более нивелирует татарское жилище, заставляя его, под влиянием европейской культуры, терять одну за другой специфические черты.

Вообще надо сказать, что убранство и план татарского жилища хотя и отразили на себе целый ряд влияний, которые пережил народ во время многовековой исторической жизни уже на территории края, но все же в основ-

ном плане они остаются теми же, каковыми, вероятно, были в эпоху кочевания, ибо они близки к таковым же у современных кочевых народностей Азии, родственных татарам.

При описании плана татарской усадьбы, мы указывали, что, благодаря расположению дома внутри усадьбы, изгородь, особенно фасада усадьбы, представляет значительный интерес, ибо она одна выставляется на улицу и придает определенную физиономию татарской деревенской улице. Основными частями изгороди является забор, особенно в своей части, находящейся перед домом, и ворота. Нами, в статье о жилище Арского кантона, дано подробное описание изгородей и ворот, причем, как и другие части жилища, здесь они оказались наиболее оригинальными и поэтому в настоящей работе мы дадим описание изгородей в общих чертах.

Ворота (капка—qарqа) у татар представляют наибольший интерес, ибо строятся они очень тщательно и составляют гордость хозяина. На эту гордость красивыми воротами указывали, правда вскользь, многие авторы, писавшие о татарах, причем об этом же есть данные и у татарских беллетристов-бытовиков. Так в романе Г. Ибрагимова— „Молодые сердца“ мулла Джалаля, объясняя комунибудь дорогу к своему дому, между прочим, прибавлял: „ты, брат, смотри только на ворота, таких ворот, как у меня, ни у кого не найдешь“¹⁾. По своей конструкции татарские ворота не представляют ничего оригинального и выделяются лишь тщательностью в отделке деталей. Наши исследования относительно ворот не дали никакого типа специфически татарских ворот. Значительное большинство зажиточных и средних дворов имеют, так называемые, „русские“ ворота (урйс капка—urьs qарqа) т. е. ворота покрытые двухскатной крышей на 3 или 4 столбах. Такие ворота в большинстве случаев двухстворчатые (рис. 14 и 16). Столбы у ворот более старого типа не обшиваются, а рубятся из очень толстых бревен, а у более новых обычно обшитые и украшенные филенками. Створки у богатых татар орнаментируются в большинстве случаев

¹⁾ Выдержку цитируем по статье А. И. Емельянова.—Обзор содержания татарско-мусульманской неповрежденной печати за 1913 год. Иностранческое обозрение. 1914 г. Книга 7. Казань, стр. 503.

накладными розетками, которые полихромно раскрашиваются. Реже встречается орнаментировка ромбами и квадратами. Русские ворота распространены по всей территории поселения татар. Реже встречаются ворота на 3—4 столбах, но без крыши, перекрытые просто деревянными арками большей частью украшенными зубцами. У бедняков ворота делаются из жердей обычного для всех народностей края типа. Однако надо сказать, что у татар ворота из жердей реже, чем у других народностей и при первой возможности татарин ставит русские ворота и плотный забор. Только в восточном Закамьи и в Башреспублике русские ворота более редки и являются определенным признаком богатства. Возможно что это зависит от недостатка леса.

Так же тщательно как и ворота у татар делаются изгороди, особенно в северных кантонах, где значительное число домов ставится внутри усадьбы. Только у самых бедных татар усадьба с улицы огорожена просто жердями, а начиная с самого слабого средняка появляется плотный забор. Простейшим типом забора является забор из горизонтально расположенных досок, высотой около 2 метров, причем перед окнами дома он нередко понижается настолько, чтоб из за него было видно верх окон. У более богатых забор делается с решеткой наверху или всего забора, или только против окон дома. Такие заборы обязательно строятся из вертикальных досок, с нащельниками и горизонтальным „подбором“ высотой в 70—80 сант. Решетка чаще всего устраивается из круглых или точеных жердочек, которые врезаются в 2 бруса—один поверх плотного забора, другой на высоте 20—30 сант., с таким расчетом, чтоб жердочки выступали выше его сантиметров на 10—15. Концы жердочек чаще всего заостряются на манер наконечника копья, с шейкой, а у точеных устраиваются закругленные головки. Столбы такого забора возвышаются выше решетки на несколько сантиметров и украшаются деревянными или зеркальными цветными шарами, которые вообще у богатых татар в большом ходу, в качестве украшения столбов, заборов, спиелей беседок и т. п.

Плотная часть забора, или не окрашивается вообще или окрашивается однотонно в зеленый или в желто-ко-

ричный цвет. Реже бывает окраска в 2 цвета и даже в 3. Тогда основной цвет забора чаще делается зеленый, наличники белые, а подбор темно-коричневый. Решетки окрашиваются почти всегда и полихромно. Чаще столбики делаются белые, белые с красными концами, а бруски зеленые или синие. Иногда делается и наоборот. Шары на столбах всегда другого цвета, очень часто фиолетового или золотисто-желтого.

В других кантонах заборы иногда устраиваются так, что перед домом остается только подбор, высотой до метра, а выше него делается решетка просто из узеньких планок, заборов же с решетками, в виде описанных нами, там почти не встречается.

Сады во дворе огораживаются в большинстве случаев решеткой высотой до метра, которая окрашивается, чаще в зеленый цвет. Боковые стороны усадьбы, там, где нет построек, огораживаются простым глухим забором из горизонтальных досок, а задние просто жердями, а иногда и совсем не огораживаются. В заборах на переднем дворе в некоторых местах (Мамад. кант. Закамье, Тетюшский кант.) устраиваются калитки к соседям.

Надворные постройки татар по своей конструкции представляют мало специфических национальных черт, кроме бани и чистой клетки, оставаясь такими же как и у всех народностей края. Прежде всего ознакомимся с наиболее важными хозяйственными постройками, которые есть в каждом дворе, ведущем свое хозяйство и имеющем скот. Сюда прежде всего относятся помещения для скота: лошадей, коров и овец. Помещения для лошадей (ат абзары—ат авзарь) в большинстве случаев делается более капитально, с хорошими дверями из толстых пластин, а иногда даже из бревен. Конюшни делаются с потолком и полом. Двери конюшни часто выходят под навес или даже в сарай, где лошадь остается в продолжение дня. Конюшни варьируют по размерам, смотря по количеству лошадей, причем стойла всегда отгорожены одно от другого.

Помещения для коров (сыйыр абзары—сыяр авзарь) большей частью такие же, как и для лошадей (подробно мы этого коснулись выше). Сеновал (пчәнник—грәппек) устраи-

вается над конюшней, но большого количества сена татары обычно не держат дома из за пожарной опасности.

Помещения для скота или расположены совершенно отдельно для лошадей и др. скота и только соединены под общую крышу навесом (лапас—lapas), или же объединены вместе и тогда лапас устраивается сбоку. Лапас устраивается на столбах высотой в 2—2,5 метра и кроется соломой. Под этим навесом хранятся экипажи и тому подобная утварь, а ежели хозяин владеет каким нибудь ремеслом, вроде веревочного, столярного, то здесь же производятся и работы. Кроме лапаса устраивается еще сарай—saraĭ, забранный со всех сторон досками, горизонтально положенными жердями или нетолстыми бревнами, вделанными в столбы. В сарае хранятся различные хозяйственные принадлежности, как сбруя, с.-х. орудия и т. п.

Означенные постройки имеются обязательно во всех дворах, ведущих самостоятельное хозяйство. Только у самых бедных помещение для скота, иногда только коровы или лошади, устраивается непосредственно за избой и двор остается совершенно пустым. При увеличении зажиточности появляется ряд других построек, из которых раньше всего появляется амбар.

Амбар строится в большинстве случаев, из нетолстых бревен, при чем сруб рубится так же как и для жилого дома в чашку и с легкой моховой прокладкой. Амбар всегда ставится на столбах высотой 50—70 сант., причем пространство под полом забирается со всех сторон и служит в качестве помещения для уток и гусей, тогда как куры в большинстве случаев живут в том же помещении, где и коровы, громоздясь на стропильных балках. Амбар делается тщательно с полом и потолком стены его гладко обстругиваются. В амбаре прежде всего устраивается помещение для хлебов, в виде громадного рубленного из толстой пластины ларя, разделенного на несколько помещений для различных видов хлебов. Смотря по мощности хозяйства, эти вместилища делаются больше или меньше. Кроме того здесь ставятся кадушки, в которых также хранятся продукты, и к стропильным балкам подвешиваются мешки с мукой, крупой и т. п. Здесь же хранятся принадлежности праздничной сбруи, запасы ко-

жи и т. п. вещи. Если амбар велик, то он делится на 2 части, из которых одна служит для хранения продуктов, а другая уютвари. Двери в амбарах всегда плотные, отворяются внутрь и, кроме наружных висячих замков, снабжены часто деревянными внутренними задвижками, открывающимися посредством особого ключа. Амбар ставится чаще всего против дома, выходя одной стороной на улицу, причем с остальными постройками или не соединяется совершенно, или только посредством навеса. В богатых усадьбах амбар всегда ставится отдельно от остальных построек. В Челнинском кантоне в предупреждение пожарной опасности, нередко амбары ставят по середине заднего двора, а в Чистопольском и Спасском совершенно вне усадьбы, чаще посреди широкой улицы или, изредка, даже совершенно в стороне от деревни строятся в куче все амбары (рис. 15). На горной стороне амбары ставятся по разному и чего либо определенного не наблюдается. Такое расположение амбаров вне усадьбы есть несомненное влияние русских, которые везде ставят амбары отдельно, а у татар в северных кантонах, где, благодаря наличию большого количества зелени в деревнях, пожарная опасность меньше, амбары всегда на дворе и это для них более типично.

Вторая половина амбара, в которой хранятся хозяйственные принадлежности, часто получает название клетки, но кроме того клетки (клät—klät) строятся очень часто и отдельно, особенно в северных кантонах. Кроме клетки для хозяйственных целей у более зажиточных татар в северных кантонах устраиваются, так называемые, чистые или белые клетки (ак клät—aq klät), которые служат летом в качестве жилья. Внутренность этих клеток отделяется очень тщательно, устраиваются там нарты и помещение напоминает избу, только окон в ней никогда не устраивается. В этой клетке живут большей частью молодые члены семьи, например, женатый сын со снохой, реже в ней живут старики или холостая молодежь. В этой клетке готовится помещение и для новобрачных при их первом свидании, причем тогда она очень тщательно убирается. В нее вносятся значительное количество подушек и перин, а стены увешиваются полотенцами и намазлыками сплошь, так что она как бы

получает мягкие стены и напоминает свадебное убранство комнаты крымских татар, которое Бонч-Осмоловский считает аналогом специального брачного жилища у других турецких народностей ¹⁾. Зимой в этой клетке хранят запасные постельные принадлежности и предметы домашнего обихода. Такая клетка ставится почти всегда на месте амбара, который перекочевывает в другое место двора, т. е. выходя на улицу. Только один раз нами встречена в одной из деревень Арского кантона чистая клетка, соединенная с домом, т. е. по другую сторону сеней, как это делается у марийцев и чуваш, но при выяснении оказалось, что это чисто временное явление, пока не удастся собрать средств на переделку ее в чистую избу. Чистые клетки являются постройкой только зажиточных татар и то в северных кантонах, тогда как в других они или отсутствуют совершенно, или до некоторой степени заменяются несгораемыми кладовыми.

Несгораемые кладовые в северных кантонах представляют большую редкость и большей частью встречаются у очень богатых людей или в составе дома, или отдельно. Делаются они из кирпича с солидными железными дверями и служат для хранения добра. Изредка только встречаются на дворе большие подвалы, наглухо закрывающиеся и засыпающиеся в случае нужды землей, тут же положенной, куда на лето складывают наиболее ценные вещи, но ввиду их значительной сырости они мало пригодны и распространены реже. Чаще они встречаются в Челнинском кантоне, где они устраиваются под навесом и закрываются солидной железной дверью. Огромное же количество несгораемых кладовых имеется в южных кантонах, где они устраиваются почти в каждом дворе, причем бедные хозяева устраивают одну кладовую на несколько дворов. Такие кладовые чаще всего устраиваются из доломитовых плит на глине или извештке. Стены делаются очень толстыми иногда почти до метра, сверху делается прочный потолок из дубовых бревен и на него насыпается слой земли, чаще глины, на 50—70 сантиметр. Сверх этого строится обычная соломенная

¹⁾ Бонч-Осмоловский—Свадебное жилище турецких народностей. Матер. по этнографии. Том. III, Вып. I.

или тесоюя крыша. Дверь закрывается обязательно железной дверью. Кроме того на улицу, куда выходит кладовая одной стеной, устраивается маленькое окно, служащее скорее для вентиляции, чем для освещения, которое также закрывается железной ставней. В таких кладовых хранится летом все добро хозяина и даже постельные принадлежности на день кладутся туда. Там же хранятся и все продукты повседневного потребления. На Горной стороне, как кладовых, так и подвалов мало. Добро хранят в амбарах на заднем дворе или на улице.

Погреба (кар базы—*qar vazь*) в татарских хозяйствах имеются почти всегда, за исключением самых бедных. Погреб устраивается обычным для края образом, т. е. представляет собой яму, обшитую досками, с накатом и небольшим отверстием в потолке, через которое в него спускаются по лестнице. Погреба устраиваются почти всегда вне дома и только редко под домом, за исключением восточного закамья, где погреба под домом или под сенями явление обычное. Обычно погреб ставится или в сарае, или просто под навесом. Реже устраивается специальная погребица в виде маленького сарайчика. В Мамадышском кантоне над погребом очень часто строится конусообразный шалаш, сделанный из жердей и покрытый соломой или реже корьем с небольшой дверью для входа (рис. 41). Шалаш этот очень близок по виду с овинами, которые распространены здесь же и имеет вид чума (см. выше). На эти погребные чумы указывает и Сбоев, который считает их характерною особенностью татарского двора ¹⁾. Каково происхождение этой чумообразной постройки, сказать трудно, но вероятнее всего, она является заимствованием у вотяков, где так же встречается, причем это заимствование подкрепляется тем, что подобные чумы имеют чисто местное распространение, именно в районе близком к вотякам. Шалаш этот ставится или где либо посреди двора, или, даже, иногда под крышей навеса.

Довольно широким распространением у татар пользуются специальные теплые помещения для молодого скота, которые татары строят гораздо чаще, чем, напри-

¹⁾ Сбоев—Цит. соч. стр. 18.

мер, русские. Подобное явление отмечает также Змеев ²⁾ для Бугульминского кантона, а в северных кантонах эти постройки довольно часты. Только наиболее бедные содержат зимой скот в избе. Это помещение представляет или старую малопригодную для жилья избу, или же специальное

Рис. 41. Погреб—чум Мамад.
кант. (1925 г.)

помещение, близкое по типу к избе с небольшими окнами, с, нередко, хлебной печью, только без нар. Это помещение, ввиду его отопляемости, обычно ставится отдельно от других хозяйственных построек.

Важное значение в татарском быту имеет баня (мунча—типса), которая пользуется почетом пожалуй даже большим, чем у русского населения. Баню имеет почти каждый средняк, а бедные хозяйства иногда ставят одну баню на несколько дворов совместно. Бани в северных кантонах в большинстве случаев ставятся на дворе или на заднем, или, у бо-

гатых, на переднем, впереди дома, так что глухая стена ее выходит на улицу. В других частях ТССР только бани богатых домов ставятся на дворе, а остальные совершенно в стороне, на берегу речки или в овражке, так же как и в русских деревнях. Бани у татар и черные и белые. Бани, топящиеся по белому, чаще в северных кантонах (Арский), где по данным Сухарева ³⁾ их имеется более половины всех бань, в других же частях ТССР они составляют несомненное меньшинство, хотя все же более часты, чем у других народностей края.

Бани, топящиеся по черному очень примитивны и напоминают таковые же у русского населения. Это сруб размером около 4×5 и 5×6 метр., высотой около

¹⁾ Сбоев—Цит. соч. стр. 18.

²⁾ Змеев—Цит. соч. стр. 43.

³⁾ Сухарев—Цит. соч. стр. 81.

2 метр., крытый в большинстве случаев землей, сверх которой без стропил положена солома. В ней имеется одно небольшое окно (рис. 42). Передбанник небольшой, большей частью из досок, реже плетневый, но всегда крытый. В нем устраивается скамеечка. В бане устраивается де-

ревянный пол, которого не настилают под полом, затем полки и лавка для мытья. У самой входной двери у стены протягивается чистый шест, на который вешают одежду зимой, когда в передбаннике раздеваться очень холод-

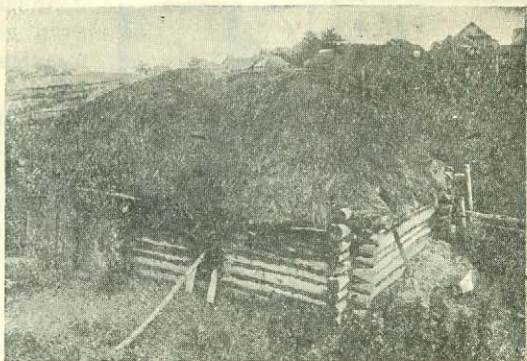

Рис. 42. Баня по черному. Мамад. кант. (1925 г.).

но. Печь делается квадратная, размером приблизительно 134—140 сант. и высотой около метра и ставится в углу около двери. Печи большей частью глинобитные, а наверху наложен или битый кирпич, или булыжник. Вода для мытья в таких банях согревается дома и приносится в баню, причем ее употребляется очень небольшое количество, ибо больше парятся и потеют. После мытья окачиваются обязательно из кумгана, который нередко приносится каждым моющимся для себя.

Бани по белому, особенно у богатых людей представляют постройки с довольно сложным планом и убранством (рис. 43). Чаще всего встречающийся план бани жилищных татар таков. Дверь со двора ведет в первый передбанник, в глубине которого отделена комнатка с окном и нарами, на которых кладутся тѹшѹки и подушки и которая летом нередко исполняет обязанности супружеской спальни. Наличие в татарской бане нар с подушками отмечает и Змеев¹⁾. Здесь же иногда пристраивается и уборная. Далее идет собственно передбанник, шириною до

¹⁾ Змеев—Цит. соч. стр. 46.

1,5 метр, в котором устроены лавки, шест для вешания белья и платья и в одном из углов, на высоте около 1,5 метра, устроена полка, на которую ставится кумган с чистой водой для окачивания, из которого и окачиваются здесь, а не в бане. Далее идет собственно баня с полком

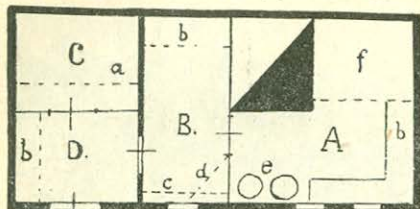

Рис. 43. План бани кулака: А—баня; В—чистый передбанник; С—помещение с постелью; Д—передбанник; а—нары; b—лавка; с—шест; d—угольник для комода; e—кадки с водой; f—полк для парня

ситца, а иногда и стеганные. Внешний вид такой бани, особенно ежели она располагается в саду перед домом, устраивается очень тщательно: на окна надеваются раскрашенные наличники, раскрашивается фриз, а перед входом устраивается двухскатный, раскрашенный навес на раскрашенных же столбиках.

Описанный нами тип бани, топящейся по белому, распространен у богатых татар. Бани менее зажиточных крестьян меньше, не имеют двух передбанников и комнаты с постелью, но все же в передбаннике нередко устраиваются нары, на которых стелется постель. Баня в быту богатых татар играет очень значительное место. Ее предлагают приезжим гостям, моются подолгу и вообще баня у татар повидимому не является заимствованием у русских, а скорее есть влияние Востока, где бани даже в древности играли роль общественного места. К такому же выводу склоняется и Сухарев на стр. 33 цит. соч. Кроме того надо отметить, что татары обычно моются в бане не под праздник, а утром в самый день праздника.

Гумна (Ындыр—нды) у татар чаще всего устраиваются на заднем дворе, как это уже было нами отмечено. Реже (в южных кантонах) гумна выносятся за деревню. На гумнах строятся риги и сараи для хранения крупных с.-х.

и лавками. Печь делается до потолка и в нее вмазывается большой котел. Печь по конструкции напоминает печи с котлом, строящиеся в чистой половине жилого дома. В таких банях на окнах почти обязательны занавески, а на лавках даже в собственно бане стелются курпá сшитые из

орудий, у кого они есть. Иногда вместо риги ставят навес, под которым ставят овин (описание см. выше) (рис. 1—2).

Рис. 44. Внешний вид кладбища. Мамадышского кант. (1925 г.).

В заключение остановимся несколько на деревенских кладбищах (рис. 44), которые у татар имеют совершенно своеобразный вид. Кладбища большей частью располагаются более или менее далеко от деревни, преимущественно на возвышенности, находящейся у деревни, или же и на той же высоте где и деревня. Кладбища огораживаются достаточно прочным забором из досок или жердей, так чтобы туда не могла попасть скотина. Реже они окапываются рвом (Восточное Закамье). Кладбища всегда представляют собой рощи—или остаток бывшего здесь бора, или насаженные населением, ибо у татар есть обычай на могиле сажать одно или несколько деревьев, которые по их поверью каждым листом молятся за усопшего (рис. 10). Могилы всегда обносятся изгородью, у более зажиточных, в виде красивой решетки, а у более бедных в виде сруба из тонких бревен, или толстых досок, высотой около метра. Реже ставятся не срубы, а как бы ящики из досок, прибитых к столбам, врытым по углам могилы. Эти срубы татары называют чардуганами, хотя они мало имеют общего, например, с крымскими чардуганами. Внутри сруба в головах покойника ставится или плоский камень

высотой до метра и шириной в 40—50 сант., или просто широкая доска. Верхняя часть камня или доски закругляется или заостряется под тупым углом. На этих досках или камнях пишутся соответствующие надписи. В виду того, что на кладбищах не позволяется не только рубить деревья, но даже и собирать валежник и косить траву, то они имеют всегда очень дикий вид, зарастая буйной растительностью и создавая контраст с окружающей местностью, занятой возделанными полями. Кладбища татар находятся под абсолютными „табу“ и даже очень не охотно разрешают их посещение посторонним, а сами без дела туда не ходят, что еще более делает их своеобразными.

Все описания жилища в настоящей главе относились к деревенскому татарскому жилищу, как имеющему оригинальный национальный вид. Теперь несколько остановимся на городском, точнее казанском татарском жилище, которое менее оригинально, особенно в настоящее время, но все же сохранило не мало оригинальных, чисто национальных деталей, утратив многое, что было характерно для него в начале и середине прошлого столетия, как мы это знаем из описаний Фукса, Эрдмана, (пользовавшегося отчасти Фуксом) и Каюма Насыри.

При описании жилища городских татар, мы так же должны разбить его по социальным или точнее по имущественным группам, на жилище мещан, ремесленников, рабочих и мелких торговцев и на жилище более или менее богатых купцов.

Татарская слобода, в которой преимущественно живут татары в Казани, как это уже отмечал и Фукс, ничем от других улиц города не отличается. Разве только садиков перед домиками больше, чем на других окраинах Казани. Усадьбы и дома татарской бедноты и мещанства пожалуй ничем не отличаются от домов и усадеб русских такого же имущественного положения. Также во дворах настроено масса мелких домиков, в которых и живет население этих кварталов. Только более зажиточные ремесленники и торговцы, которые могут иметь собственный небольшой домик с отдельной усадьбой, во дворе, чаще чем русские, разводят небольшой садик. План таких домиков представляет собой чаще всего четырехстенник, разделенный пе-

регородками на несколько комнат, реже пятистенник и еще реже шестистенник с двумя половинами и теплыми сенями, в которых помещается кухня. Нары в таких домах почти не встречаются—разве только в спальне комнате, а комнаты обставлены более или менее на европейский лад с мебелью, этажеркой для посуды и обязательными цветами. Хлебопекарная печь всегда татарского образца а другие комнаты отаплиются голландками, только чаще встречается облицовка их изразцами, иногда цветными. Вместе с почти полной утратой затворничества городских татарок, утратились и занавеси, которые, по описанию Фукса, устраивались для прятания хозяйки при посторонних. Только в комнате для сна еще сохраняется специфическая татарская обстановка с большим количеством подушек и сундуков.

Более самобытности в устройстве жилища богатых купцов. Дома в настоящее время ставятся почти всегда на улице или лишь слегка отступя вглубь усадьбы, давая место для сада, иногда отгороженного металлической решеткой. Постановку домов внутри усадьбы, даже Фукс считает уже исчезнувшей к его времени, а в настоящее время их совершенно нет. Двор застраивается солидно построенными службами и складами для товаров, которые часто бывают каменные, даже ежели жилой дом деревянный. Дома в большинстве случаев двухэтажные или каменные целиком, или каменным делается только нижний этаж. В нижнем этаже часто устраиваются магазины, а ежели дом на глухой улице, то в нижнем этаже располагаются кладовые и кухня. Окон здесь на улице совсем не делается, или ежели устраиваются, то маленькие, забранные солидными железными решетками. Таким образом нижний этаж, за редкими исключениями бывает нежилым и все жилые помещения сосредоточиваются в верхнем. Необходимо отметить, что в татарских домах и до настоящего времени никогда не устраивается выхода непосредственно на улицу, а всегда парадный ход выходит на двор близ ворот, как это отметил и К. Насыри. В Казани есть несколько таких домов, где жилье занимает верхние этажи двух домов, разделенных воротами и между ними на уровне верхнего этажа устраивается всячая галерея, застекленная разноцветными стеклами. Внутреннее

устройство и убранство таких домов к настоящему времени потеряло совершенно свои прежние типичные черты.

Таким образом татарское жилище, имея в принципе тот же тип, что и жилище других народностей края, как пожалуй самый удобный и приспособленный к его физико-географическим условиям, имеет кроме того целый ряд особенностей, присущих только ему. Одни особенности, как нары, печь с котлом, разделение жилища на две части, являются остатком древних культурных навыков татар или точнее тех народностей, из которых они сформировались, другие, как занавески и сложный план дома, возникли повидимому под влиянием ислама и наконец третьи, как европейская мебель, являются несомненным влиянием жизни среди русского населения. Не мало так же и общих с финнами элементов, особенно в устройстве надворных построек, но они как то менее ярки и не так выделяются.

Глава VII.

ТЕХНИКА¹⁾.

Обработка древесины. Обработка коры. Обработка животного сырья: выделка кож, изготовление обуви, выделка овчин, обработка шерсти и рога. Обработка растительных волокон: заготовка и обработка волокна, прядение и ткачество, вышивание, веревочное дело. Обработка металлов: кузнечное и слесарное дело, ювелирное дело.

Татарское хозяйство, как и хозяйство других народностей, целый ряд своих бытовых и хозяйственных нужд удовлетворяет само своими силами. В связи с этим у народа развивается целый ряд производств с определенными техническими приемами. Кроме удовлетворения нужд собственного хозяйства у всех народностей края, а в частности и у татар, многие виды производств выходят из рамок обслуживания своего хозяйства и становятся видами кустарного промысла, выбрасывающего на рынок свою продукцию. При современной изученности этого вопроса, как мы видели из предыдущего, совершенно не представляется возможным дать количественную оценку участия в промыслах края той или иной народности, да собственно в настоящий момент она нас мало сравнительно интересует. Для нас важно выявление тех промыслов, где татары принимают то или другое участие, совместно с другими народностями, и те технические приемы, которые применяются при производстве. К сожалению техника кустарных промыслов края изучена еще слабее, чем количественная сторона и в литературе есть только кое-какие указания, брошенные вскользь или экономистами, или этнографами.

Что касается национальных технических приемов промыслов, то об этом говорить очень трудно. Ежели в других элементах культуры длительная совместная жизнь на-

¹⁾ В данной главе рассматривается только бытовая и кустарная техника, не касаясь фабричной.

родностей в крае выработала много переходных черт, то в промыслах это особенно заметно, особенно в тех, которые обслуживают рынок и усовершенствование которых является хозяйственно важным. У татар огромное количество промыслов ведется технически совершенно одинаково с соседями. При описании отдельных промыслов мы будем касаться более или менее описания технического инвентаря в тех случаях, когда он имеет нечто национальное, а кроме того, когда в нашем распоряжении имеются достаточные данные, т. е. нам удалось их собрать лично, ибо из литературы, как мы уже сказали, взять почти ничего. Описывать хотя бы кратко мы будем все главные виды промыслов, которые развиты у татар, уделяя большее внимание тем, которые шире поставлены и имеют большее значение в их экономике и быту.

Прежде всего остановимся на обработке дерева—древесины и коры, которая в полудесном В-К крае играет огромную количественную роль, занимая значительное количество рук. Татары, особенно на севере своего поселения, широко занимаются различными отраслями этого промысла, хотя в техническом отношении не имеют ничего оригинального.

Столярное и плотничное дело у татар развито сравнительно слабо и не выходит за пределы обслуживания своих деревень. Так почти в каждой деревне имеется столяр, который между делом у себя под сараем делает рамы, двери, ставни, отчасти мебель, но все это примитивное, а с технической стороны слабое. Настоящего столярничества, с выделкой городской мебели, паркета и т. п., как например в русских деревнях, особенно Спасского кантона, у татар нет. Технический инвентарь целиком состоит из инструментов, приобретенных в городе и только малый их набор, говорит о плохом умении. Плотничество татар обслуживает свои деревни, а также плотники уходят и в отхожий промысел, но мы уже описали отношение к татарским плотникам со стороны работодателей, поэтому плотничество у татар не выходит из рамок деревенского и количественно не велико, а технически то же, что и у других народностей.

Сравнительно невелико у татар и бондарное дело. Татары бондари разбросаны по всей территории заселе-

ния народности, но хотя и выбрасывают свою продукцию на рынок, но не могут конкурировать с чувашами и русскими, поставляющими свою продукцию даже за границу (т. н. „французская клепка“ для винных бочек, вывозимая во Францию). Татарские бондари делают бочки, кадушки, а так же вышеотмеченные äbät чилäгi, такшироко распространенные преимущественно у татар. Вырабатывают татары и долбленные кадушечки для масла и меда, но гораздо меньше, чем марийцы, отчасти возможно потому, что татары бондари работают в массе на покупном, у тех же марийцев, материале. Техника промысла обычная для всей Восточной части СССР.

В некоторых деревнях Арского и Мамадышского кантонов татары вырабатывают предметы ткацкого оборудования, как веретена, берда, гребни для прялок и т. п., причем некоторые из этих промыслов, например, веретенный монополизированы татарами и они своей продукцией снабжают весь край. Изготовление веретен (өрчөк—огсыр) сосредоточено преимущественно в деревнях, близ города Арска и центром является дер. М. Берези (Очь Ойлө—Өс Өйле), в которой этим делом занимается до 100 человек. Вытачивание веретен производится на очень примитивных лучковых токарных станках. Станок этот представляет довольно тяжелую плоскую плаху, длиною в метр, в которую вдолблены две вертикальные стойки, высотой до 30 сант. Эти стойки на высоте 20 сант. соединены двумя пластинками, поставленными рядом, так что между ними остается пространство шириною в 2—3 сант. В этом пространстве ходит, опираясь, как на полозья, деревянный же брусок, который возвышается над полозьями на 10 сант. Внизу брусок также несколько выдается и здесь может заклиниваться в любом месте. В одном из столбиков, вделанных в плаху, сделано углубление, в которое вставляется болвашка для веретена и затем, входя другим концом в такое же углубление, на подвижном бруске, она укрепляется между ними. Далее через болвашку (палочку длиною в веретено, но немного толще, с заостренными концами) перекидывается петля лучка из дерева с веревочной или кожанной тетивой и таким образом является возможность вращать болвашку в обе стороны на несколько оборотов. Мастер обычно садится верхом на лавку, на

которую ставится станок, причем, т. к. вертикальные стойки в плаху вдолбливаются не на краю, а с одной стороны оставлен кусок плахи длиной в 30—40 сант., то он, садясь на него, придает устойчивость всему прибору. Далее, вращая правой рукой болвашку посредством лучка, он левой подводит к ней остро отточенный нож, типа среднего между долотом и тяпкой, с расширенным лезвием, и посредством него обтачивает болвашку, придавая ей форму веретена. Чтоб при вращении концы веретена не загорались, в ямки вкладывают кусочки мокрого мыла. Когда веретено выточено, его начинают орнаментировать поясками темных линий и раскраской некоторых поясков. Для нанесения линейных поясков берут дубовую щепу и, отточив ее, ставят острием перпендикулярно к веретену и вращая последнее, сильно придавливают щепку. Щепка трется о веретено по определенной линии и на этом месте производится обугливание, чем достигается чернота полосок. При окраске берут кусочек краски (часто кусочки *Сали биһром.*) и, намочив его, обычно слюнями, также прижимают к вращающемуся веретену в нужном месте, окрашивая его. При большом навыке работа идет очень быстро и хороший мастер вытачивает до 100 веретен в день. Этот примитивный токарный станок употребляется и у мари, откуда он возможно и взят, ибо на месте теперешнего промысла раньше жили марийцы, но его описание мы решили дать, так как он не описан, да и встречается в настоящее время он чаще у татар, чем у мари.

В этом же районе вырабатываются также берда (кй-льч—qльс) и гребни для прялок и для расчесывания кудели. Однако технически эти промыслы нам изучить не удалось, хотя набор инструментов тот же, что и у соседей.

В различных местах поселения татар встречается еще промысел по сгибанию полозьев для саней (чана табань—сана табань) и ободьев (тугым—туорым), но в этом промысле татары далеко отстали от чуваш и русских, с которыми имеют и общие приемы промысла. Печи для распаривания, в виде полужемлянки или большого полого бревна, под которыми разводится огонь и кипятится в котле вода, такого же типа, что и у соседей (рис. 45). Станки для сгибания те же (см. рис. 46) и этот промысел играет вообще малую роль, являясь заметным только в несколь-

ких в татарских деревнях Тетюшского и Мензелинского кантонов. Рогожный и кулеткацкий промысел у татар имеет распространение в северной части Арского кантона, а так-

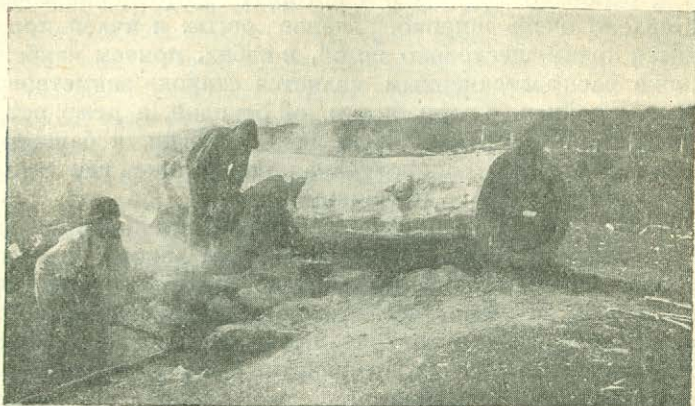

Рис. 45. Изготовление ободьев. Распаривание.
Мензелин. кант. (1929 г.).

же отчасти в Мамадышском и Елабужском. Изготавливаются как рогожи (чыпта́—сырта), так и кули (кап—фар), но в этом деле татары не могут конкурировать с марийцами и вотя-

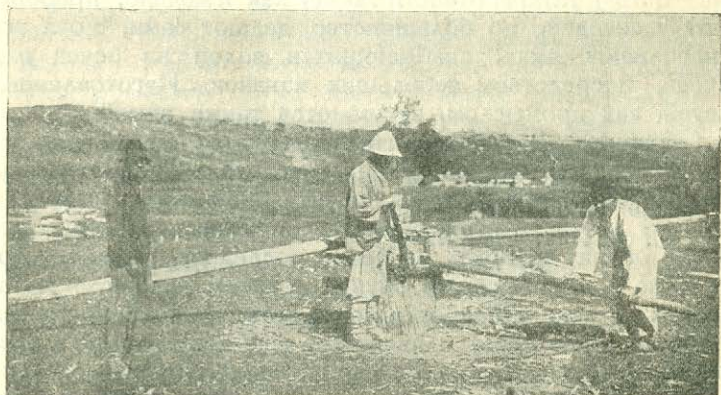

Рис. 46. Изготовление ободьев. Гнутье обода.
Мензелинск. кант. (1929 г.).

ками, особенно в количестве изготавливаемых изделий, т. к. техника промысла у татар одинакова с соседями. Материал для промысла татары также нередко покупают у соседей, особенно марийцев, у которых изготовление мочала поставлено очень широко. Тканье рогож и кулей производится преимущественно зимой, в избах, причем наиболее широко распространенным является станок, заимствованный у марийцев, с горизонтальной основой, а реже встречается станок вертикальный, как у чуваш и башкир¹⁾. Вертикальный тип распространен на востоке, где татары живут череполосно с башкирами.

Лаптеплетение—второй способ обработки липовой коры, распространено везде. Ввиду того, что лапоть является наиболее распространенной обувью татарского крестьянства, плести их умеют все мужчины. Однако в некоторых местах, как в Арском кантоне, преимущественно в Арской и Балтасинской волостях, это занятие уже принимает форму промысла и им занимаются целые деревни (Б. Берези, Кишеево и др.).

Инструментарий лаптеплетения—колодки (чабата калыбы—савата қалыбы) и кочедык (шөшлә—şöşle) того же типа, как и у других народностей края. Плетение татарин обычно начинает с личика, сплетя его в руках и затем уже укрепляя лапоть на колодку. Материал для лаптей—лыко (курйис—qurğys) татары отчасти также, как и мочало, приобретают у соседей, но большинство делают сами, моча его в небольших ямах, снабжающихся водой из речек или ручьев, посредством небольших канавок. Изготовление лаптей, как промыслом, занимаются также зимой.

Обработка продуктов животноводства: кожи, шерсти и рога, как для потребностей своего хозяйства, так и на продажу, занимает у татар значительное место. Особенно большое значение играет обработка кожи и изготовление из нее обуви, которые, особенно последнее, именно изготовление т. н. „азиатской обуви“ целиком находится в татарских руках. Обработка кожи, этот древний промысел турок местного края, славящийся еще с болгарских времен, в настоящее время больше стал предметом заводского дела, чем кустарного промысла. Хотя эти заводы и нахо-

¹⁾ Руденко—Цит. соч. стр. 105.

дильсь прежде в значительной части (особенно мелкие) в руках татар, но с технической стороны они обрудованы по европейски и каких либо древних национальных черт не сохранилось. Что касается кустарей, то и они, благодаря тому, что в большинстве случаев связаны с заводами, хотя бы своей выучкой, так же применяют чисто заводские методы обработки. Только кое где в глуши, особенно на востоке поселения, отдельные лица для себя производят выделку кожи способами то ли заимствованными от башкир, то ли своими древними, но теми же, что и у башкир (Руденко стр. 89). Однако такой способ выделки не распространен широко и татарин предпочитает продать кожу, имеющуюся у него, скупщику, чтоб купить или выделанную кожу, или даже готовую вещь.

Гораздо большее количество чисто татарских черт наблюдается у татар в обувном, сапожном промысле, особенно в производстве „азиатской обуви“. Азиатской обувью в Казани называется обувь преимущественно из цветного сафьяна или из целого, или, чаще, орнаментированного, путем сшивания различных кусков кожи с очень сложным иногда орнаментом. Таким способом изготавливается преимущественно женская обувь-ичеги (чит'к—citek) и туфли (башмак—ваштаq), тогда как мужская обувь—мягкие ичеги и кожаные галоши шьются из одноцветной кожи и только в ичегах на заднике вставляется небольшой кусок среднеазиатской шагреновой кожи (саур'ь—saury), для придания заднику особой прочности. Рисунки для изготовления орнаментированной обуви изготавливаются обычно из бумаги, путем вырезания, а иногда и просто рисуются в виде эскизов, переводимых потом на кожу. Орнамент растительный с большим количеством листьев и завитков. Изготовление этой обуви состоит из ряда моментов: кройка, сшивание и поделка, причем все эти процессы производятся обязательно разными лицами и совершенно в различных, иногда и весьма удаленных, местах.

Кройка заготовок производится особыми специалистами, которые обычно берут столько кож сафьяна разного цвета, сколько цветов будут иметь будущие ичеги и из этих кож сначала вырезаются цельные заготовки ичег—передок (чит'к баш'ь—citek başy) и голенища (кун'ыч—qun'ys), а для туфель передок и задник. После этого, сложив их цветной

частью внутрь, как они обычно складываются при кройке, накладывают их одну заготовку на другую очень точно и в таком виде мочат и спрессовывают, затем на верхней коже рисуется тот орнамент, который будет на ичеге, обычно карандашом или мелом, а затем, укрепив на столе заготовки, острым и узким ножом, упирая его в подбородок, делают прорезы

Рис. 47. Кройка ичег. Казань. (1925 г.),
фот. П. М. Дульского.

по рисунку сразу во всех 4—5 заготовках так, что они получаются абсолютно одинаковыми (см. рис. 47). После этого производят разборку накроенного так, чтоб все вырезанные места распределились по разным ичегам и поэтому столько пар ичег или туфлей будет дополнительными друг к другу, сколько было взято кож при кройке. Каждая такая скроенная пара завязывается после разборки отдельно в комок и отправляется на шивку.

Скроенные кусочки сшиваются на особых колодах, складываясь лицевой стороной внутрь. Через оба куса прокалывается отверстие, куда вставляется навернутая на шило петля из пучка ниток (шелку или золотой нити, смотря по качеству работы) и затем через полученные таким образом петли пропускается дратва, которой затягивается шов. Далее шов разбивается молотком и получается одновременно, как шивка кусков, так и расшивка шва шелком или металлической нитью. Таким образом совершенно затушевываются швы и орнамент оттеняется, ибо каждый узор получает окантовку, обычно более светлую, чем тона ичег, однотонную на весь рисунок (рис. 48).

Рис. 48. Шивальщицы за работой. Арский кантон (1928 г.).
Экспедиция П. М. Дульского и Али-Рахима.

Готовые заготовки поступают к сапожникам и те из них делают обувь, чаще на жесткой подошве и высоком каблуке, совершенно теми же приемами, как и все русские городские сапожники (рис. 49).

Ичежное дело почти до последнего времени было сосредоточено целиком в руках татар-предпринимателей в Казани, ныне же в руках Кустпромсоюза, причем, благодаря такому сильному разделению труда роль посредника здесь обязательна, ибо отдельные стадии работы выполняются не только не в одном помещении, но даже не в одном городе. Обычно центр промысла находится в Казани, здесь же живут и закройщики. Шивальщицы и сапожники живут частью в Казани (в слободах) и работают у себя на дому своей семьей, а также их много в деревнях Арского и Лаишевского кант. иногда за 100 и более километров от Казани. Абсолютное большинство лиц, занятых в этом промысле — татары, но не мало и русских, особенно среди сапожников, причем русские больше живут в Казани. В настоящее время мы не имеем

данных об этом промысле, но по данным статьи Рылова¹⁾ и статьи в Обзоре кустарных занятий Каз. губ.²⁾ можно заключить, что в конце XIX столетия этим делом было занято до 2.000 человек в Казани и до 10.000 человек в деревнях.

Азиатская обувь в настоящее время имеет распространение далеко за пределы Казани. Главные ее рынки в Туркестане и на Кавказе, но часть обуви продается также в городах западнее Казани, особенно в Москве, а

Рис. 49. Поделка ичег. Казань (1925 г.).
фот. П. М. Дульского.

также до 1914 г. она в небольших, правда, партиях отправлялась и в Западную Европу. По своему происхождению эта обувь, как говорят и сами ее изготовители, из Средней Азии (Бухары), но этот промысел так развился в Казани, что в последние десятилетия (почти подстолетие) Казань снабжает этой обувью бухарские рынки, успешно конкурируя с местным производством. О проникновении этого промысла в Казань, в уже цитированной статье (Обзор куст. зан. стр. 55) приводится рассказ торговца этой обувью М. И. Галеева, по словам которого, эта обувь получила свое название от того, что первоначальные ее образцы были вывезены из Азии (Бухары). В 1790 г. казанский чеботарь Мустафа Файзуллин вывез из Сеитова посада, Оренбургской губернии мужские ичег и галоши бухарской работы и начал по этому образцу работать сам. Образец этот хранился в магазине Галеева

¹⁾ Рылов М. А — Забытая отрасль труда (ичежный промысел) — Волжск. Вестн. 1886, № 279 или Матер. для исследов. промысл. Каз. губ. Изд. Каз. Губ. Зем. Управы, 1887 г.

²⁾ Обзор кустарных занятий в Казанской губ. Изд. Каз. отделения И. Р. Технического О-ва. Казань, 1896, (статья без автора) «Изготовление татарских головных уборов и обуви в Казани» стр. 55.

в Казани. На сколько верно именно такое начало ижежного промысла в Казани, как говорит приведенное сообщение, сказать трудно, но что оно заимствовано из Туркестана, говорить не приходится, хотя по своим формам в массе в настоящее время эта обувь делается по европейским образцам.

Выделка овчин (тирі—tire) также ведется больше заводским способом и овчинники, имея в деревнях небольшие заводики, пользуются техникой вполне современной.

Обработка шерсти ведется и кустарным способом, как для себя, так и для продажи, хотя есть также целые заводики по обработке шерсти, особенно в Закамьи, где их больше, чем в других местах. Обычно домашним способом шерсть прокипячивают в котле с золой, затем полощут и наконец разбивают посредством струны, сделанной из кишек, и натянутой на длинный лук.

Дальнейшее употребление шерсти ведется, с одной стороны на изготовление валяных изделий (валяной обуви, шляп и войлоков), а с другой на изготовление сукон. Валяние обуви у татар является главным образом отхожим промыслом и центр сосредоточения валяльщиков находится на севере Мамадышского и Арского кантонов, где сосредоточено и фабричное производство валяной обуви (Кукмор). Валяльщики, как и портные, ходят из деревни в деревню и валяют обувь по заказу, принимая на себя и обработку шерсти. Техника обычная для валяльщиков-кустарей всех национальностей и слабо еще изучена. Шляпы изготавливаются по всему краю, но в некоторых местах, например, в окрестных деревнях с Б. Атя, их изготавливается много на продажу. Войлоки татары сами почти не изготавливают и очень немногие валяльщики их умеют делать.

Изготовление шерстяных тканей (сукон) ведется техническими приемами обработки волокна и мы на нем останемся ниже. Сукон изготавливается два основных сорта: толстое—тула—tula, белое, идущее на изготовление суконных чулок (тула өјөк—tula oյөq) и тонкое—пуста—pustau серого или коричневого цвета для изготовления верхнего платья. Надо отметить, что последний вид сукна татары изготавливают сравнительно мало, а больше крестьяне, т. к. мусульмане чаще употребляют фабричные

ткани. Первый вид сукна изготавливается везде, т. к. суконные чулки распространены у всех татар, а второй преимущественно в восточном Закамьи.

Незначительное количество шерсти используется для вязания варежек, чулок и т. п. Для вязания шерстяные нитки сперва ссучиваются и для этого употребляется специальный прибор. Этот прибор состоит из двух довольно толстых и широких пластинок, разм. $25 \times 5 \times 3$ сант., соединенных между собой более тонкими пластинками, так что получается почти квадрат, у которого широкие пластинки занимают горизонтальное положение. В одной из широких пластинок делаются сквозные отверстия, а в другой довольно глубокие ямки, в которые и входят головки веретен, в то время как их острые концы пропускают через упомянутые отверстия. Прибор в вертикальном положении вешается на стену. Концы нитей с двух вставленных веретен ссучиваются на третьем, которое вращает руками женщина, поставив на колени большую чашку. Вязанье ведется посредством обычных вязальных спиц или резе костяного крючка.

Обработка рога на гребешки татарами кое-где ведется, но больше для нужд своей деревни и настоящим промыслом считаться не может. Этим делом занимаются некоторые слесари и хорошие столяры, имеющие токарные станки, но вообще этот промысел редок.

Обработка волокна самыми различными способами развита у татар по различному в отдельных ее видах. Так, например, веревочное дело во многих местах татары почти монополизировали, в то время как ткацкое дело по своим размерам, можно сказать, не обслуживает полностью даже нужд хозяйства и только в некоторых, очень немногих, местах поднимается до уровня промысла (изготовление полотенец и салфеток с тканым узором в Мамадышском и Арском кантонах). Наибольший интерес с нашей точки зрения представляет ткацкое дело, в котором можно видеть довольно сложную эволюцию всех технических приемов. Поэтому мы подробно остановимся на этом деле, а кроме того, обратим внимание и на, рядом с ним стоящее, дело вышивания тканей, которое, в некоторых своих частях, имеет большее экономическое значение, чем ткацкое дело.

Татары самодельные материи на одежду употребляют редко и ношение платья из самодельного холста или пестряди считается признаком бедности. Только в глухих деревнях, особенно на востоке, и можно встретить цельный костюм, например, женский кўльмак, сделанный из домашнего холста или пестряди. Больше самодельные ткани

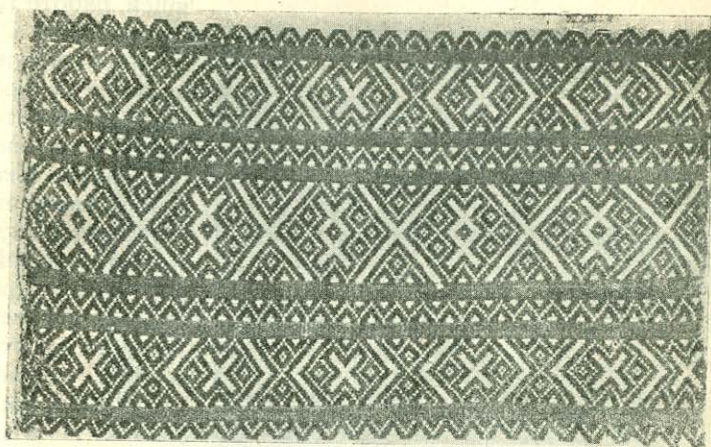

Рис. 50. Двухцветное художественное тканье.
Из коллекц. Ц. Музея СССР.

носят кряшены, которые в этом отношении приближаются к соседям—чувавам и финнам. У них, только у более зажиточных, да у особенно любящих щегольнуть, можно встретить кўльмак из фабричной материи. У татар-мусульман же только фартуки, портянки и другие мелкие хозяйственные вещи делаются из холста. В связи с этим у татар-мусульман и ткацкое дело поставлено слабее, чем у кряшен. Ткут хотя и все, но по немногу и цветных материй—пестряди (алача—alasa) изготовляют немного и не для шитья одежды а преимущественно на скатерти и занавесы (чаршау). Больше ткется белый холст и довольно грубый. Значительное место у мусульман занимает также тканье полотенец и салфеток с орнаментированными концами. Орнаментация ведется посредством ниток утка, причем чаще всего орнамент состоит из геометрических фигур—красных и белых, (рис. 50) что, как мы увидим

ниже, достигается путем введения дополнительных ниченок в станок. Гораздо сложнее получается работа, когда орнамент многоцветный. Когда в определенных местах приходится выделять часть основы и вести ткань ее отдельно, утком соответствующего цвета, так что челнок ходит не во всю ширину основы, а лишь там, где это нужно по рисунку (рис. 51—52). Разборкой орнаментов мы в насто-

Рис. 51. Многоцветное художественное тканье.
Из коллекц. Ц. Музея ТССР.

ящей работе заниматься не будем, ибо это уже выходит за пределы нашей темы, да и изучены они слабо. Скажем только, что орнамент всегда геометрический, как этого требует самая техника его изготовления, недопускающая кривых линий. В большинстве случаев орнамент целиком совпадает с таковым же у финнов — мордвы и вотяков, так что иногда невозможно определить вещь, ежели она не датирована. Од-

нако, во-первых, введением многоцветности и особенно своих любимых голубых и зеленых тонов, а во-вторых, попыткой все же изобразить столь любимый татарами растительный орнамент, путем создания сильно застилизированных листьев, стебельков, цветов, границы которых выходят ломаными, татары все-же внесли в эту технику ряд своих черт. Основные мотивы орнамента повиди-

тому финские и заимствованы у последних вместе с техникой изготовления¹⁾, но непригодность этого орнамента с точки зрения татарской эстетики все же чувствуется и в лучших образцах попытка изменить геометрический орнамент определенно имеется. Подобные же попытки имеются и у крымских татар, у которых так же есть тканье с геометрическим орнаментом и так же измененным, путем введения

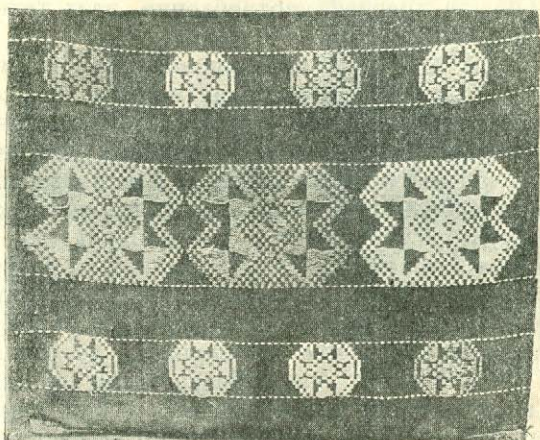

Рис. 52. Художественное тканье с „стежковым“ рисунком. Из коллекц. Ц. Музея ТССР.

дополнительных цветов и частичного тканья не во всю ширину основы²⁾.

Не вдаваясь в детали орнаментики этих тканей, отметим, что эти орнаментированные полотенца (сölgö—sөлге) и салфетки (тастымал—tastyamal) в лучших своих образцах ткются очень тонкими и достаточной ширины, что говорит об умении татарских женщин создавать прекрасные ткани, не уступающие соседним народностям, а также кряшенам, которые ткют гораздо больше, чем татарки.

¹⁾ Утверждать подобное заимствование при современной изученности трудно, ибо геометрической орнамент есть у всех почти турок, особенно в орнаменте тканых ковров (палас).

²⁾ О крымском орнаменте даем суждение на основании изучения собраний этнографического отдела Русского Музея и интересной частной коллекции Тренева в Москве, состоящей из нескольких сотен образцов.

Ткани татарами изготавливаются: лучшие из льна (çitın çitın¹⁾) а более грубые из конопли (киндір—kinder) и, реже, из хлопчато-бумажных ниток, которые приобретаются уже готовыми. Техника обработки льна и конопли совершенно близка к таковой же у соседей, но инструментарий носит татарские названия, а также почти для всех приборов у татар имеются специальные формы, что говорит, пожалуй, именно за древнее употребление этих технических приемов.

Лен татары засевают небольшими полосками в ярмом клину, а коноплю и на огородах, причем льна сажают немного и его иногда покупают у соседей в обработанном уже виде, конопля же всегда своя, за редкими исключениями. Мочка льна и конопли производится или в особых ямках, соединенных с прудом (меньших, чем для мочки лыка, но таких же по устройству), реже прямо в пруду или в озере, или на сырых, мокрых лугах. Разминание ведется преимущественно на мялках (талкы—talqь), типа близкого к мялке соседей, т. е. бревно с вырезом, в который входит, укрепленная одним концом на шарнире, деревянная пластинка с рукояткой на конце. Мялка татар на 4-х прикрепленных к ней, ногах и напоминает собой гимнастическую „кобылу“ и ближе всего подходит к русской и мордовской мялке, т. к. мялки чуваш, мари, и вотяков обычно имеют лишь две ножки с одной стороны, вырубленные из одного куска с мялкой—обычно ствола с двумя сучьями и расположены наклонно, а не горизонтально, как татарская. Кроме того, в Челнинском и Мензелинском кантонах как у крышен, так и у мусульман нам пришлось встретить несколько экземпляров мялки в виде большой ступы (килі—kile). Это толстый обрубок дерева с углублением, в которое входит особый пест (килі башы—kile başь), в виде довольно толстой жерди, длиной около 2-х метров, с утолщением в комлевой части, подвешенной на эластичной жерди, всунутой одним концом между стропильными балками навеса, под которым ступа располагается (см. рис 53). В других местах подобная льномялка нами не встречалась и мы не имеем сведений о таковых же у соседних народностей.

¹⁾ Лен чаще встречается на западе и восточнее Волги он редок.

Трепание и ческа льна и конопли ведется тем же инструментарием, как и у соседей и ничего оригинального не представляет.

Изготовление пряжи ведется в ручную, посредством веретена (өрчөк—огсыр) на обычной ручной прялке (каба—чава) с гребнем наверху. Как веретена, так и прялки близки к русским, только орнаментация донца прялки у татар почти не встречается и вообще эта принадлежность женского обихода совершенно примитивна, возможно еще и потому, что прядут то татарки гораздо меньше, чем женщины соседних народностей.

Готовые нитки прямо с веретена сматывают в мотушки (киләп—kilär) посредством мотовила (киләп аҗачы—kilär аҗасы). Мотовило того же типа, как и у соседних народностей и представляет собой пластинку дерева, сделанную на подобие тележной оси, т. е. с утонченными и закругленными концами, длиною в 40—50 сант., в которую в средней части вставлена палка длиною до 80—100 сант. с рогулькой на конце. Мотушки сматываются, задевая за эту рогульку и концы основной пластинки. Смотанные мотушки перевязываются особым узлом и в таком виде могут храниться неопределенно долгое время. Перед употреблением их подвергают обработке. Их кипятят в щелоке, иногда несколько раз. Зола преимущественно берется березовая, как лучшая. После промывки, ежели нужно, пряжа окрашивается. Для окраски в настоящее время применяются исключительно анилиновые краски, а самодельных красок уже почти никто не знает и даже кришены применяют фабричные краски.

При подготовке к тканью мотушка надевается на воробы (äyirnä töbö—зурна төве) обычного для местного края

Рис. 53. Ступа для разминания конопли. Челнинск. кант. (1926).

вида, в виде креста из пластинок (такта—taqta) с корнем, вращающегося на основе—подставке, чаще всего в виде развилки из целого куска дерева на 3 и более ножках. Реже она укрепляется в толстой плахе. На концах креста сделаны отверстия, куда вставляются изогнутые палочки (часто обломки обручей) (кашък—qazъq), за которые закрепляется мотушка и передвиганием которых она получает нужную степень натяжения. Изредка употребляется äýрна тóбó вертикального типа, в виде двух крестов, соединенных параллельно и вращающихся на горизонтальной оси, причем натяжение мотушки, надеваемой между крестами, производится особыми палочками между ними, которые могут передвигаться из отверстия в отверстие подобно кашък.

С äýрна тóбó нитки перематываются на дупленку (тубърча—tubrsa) представляющую собой полый липовый цилиндр, длиною до 40 сант. и диаметром 15—20, реже больше, сантиметров (рис. 54 внизу). С обоих открытых концов цилиндра вставляются по диаметру пластинки шириною в 5—6 сант. с отверстиями в месте геометрической оси цилиндра. Посредством этих отверстий тубърча одевается на ось специальной подставки (чалъш аяк—çalş ajaq), на которой свободно вращается в горизонтальном положении. Нитки для основы наматываются на тубърча, каждый цвет отдельно, ежели ткань будет пестрая, но и вообще их наматывается много, чтоб создать основу.

С тубърча нитки перематываются на сновально (ыстан—stan), которая представляет собой нечто близкое к форме длинных дрог. Эти два бруска, длиною до метра, параллельно соединены с одной по середине, или двумя, по концам, жердями длиною 3—4 даже 5 метров. В бруски на расстоянии около 10 сантиметров вбиты деревянные колышки, длиною также около 10 сант. Нитка основы вяжется за верхний колышек (стан ставится так, что бруски стоят вертикально) и, постепенно перебрасываясь с колышка на колышек через всю длину стана, делается такой длины, какой предполагается основа. Отступая на метр от начала ниток основы, в соединительную жердь (при двух жердях или в особый брусок, идущий от средней соединительной жерди) вбивается два колышка параллельно основе. Колышки имеют длину до 15—20 сант. Проходя мимо этих колышков, нитки

перебрасываются, слегка изгибаясь, через них, но так чтоб один колышек обойти сверху, другой снизу, а все последующие нити также перехлестываются, но поочередно, то сверху то снизу и таким образом между колышками создается пересечение, последовательно идущих нитей основы и получается первый зев, который дает возможность ставить ниченки (körö—køre).

Далее основа с переднего конца вставляется в ниченки и бедро (кыльич—qılc), обычного для всех народностей края типа, а задний конец заплетается особыми петлями, похожими на петли тамбура, но сложнее и таким образом вся основа превращается в хвост, который, как мы увидим ниже, никуда не наматывается, а постепенно спуская петлю за петлей подает основу в станок.

Ткацкий станок kindır урны—kinder urnь у татар в различных местностях различен и всего имеется 3 типа станков. Первым типом является, наиболее распространенный, тип станка с рамой, но без навоя и без дуг, для крепления ниченок, второй настоящий русский станок только без навоя и третий наиболее примитивный станок, без рамы. Первый тип имеет более широкое распространение, и носит наименование татарского (татар kindır урны—tatar kinder urnь) или в некоторых местностях мишарского, второй распространен у мишарей и татар, в тех местах где они слишком тесно живут с русскими и называется урйс kindır урны—urьs kinder urnь и третий, описанный нами в специальной статье ¹⁾, является определенно вымирающим типом и встречается, с одной стороны у кряшен и татар Челнинского и Мензелинского канонов, с другой у кряшен и чуваш Свияжского кантона (Молькеевский район) и, по непроверенным, правда, нами сведениям, у мишарей Буинского кантона ²⁾. В настоящей статье мы не будем касаться подробно ни второго типа, ибо он уже общеизвестен, ни третьего, т. к. он уже описан, а остановим внимание на собственно татарском станке, который абсолютно доминирует над обоими упомянутыми типами.

¹⁾ Н. Воробьев—Примитивный тип татарского ткацкого станка. Материалы Центр. Музея ТССР, № 1, Казань, 1927.

²⁾ У глазовских татар нами в 1929 г. встречен еще один тип станка без рамы, но мы его опишем позднее в специальной статье.

Татар киндір урны (см. рис. 54 и 55) в основе своей имеет, раму состоящую из двух основных частей—правой и левой (от ткачихи), причем каждая часть состоит из горизонтального бруса с сечением 7×10 сант. и длиною около 150 сант., в который вставлены наглухо две стойки высотой: одна (задняя) до 60—70 сант., а другая (передняя), с вырезом для пришвы, выше сант. на 20—25. Эти две основных части скрепляются между собой на расстоянии 60—70 сант. поперечными круглыми брусками, диамет-

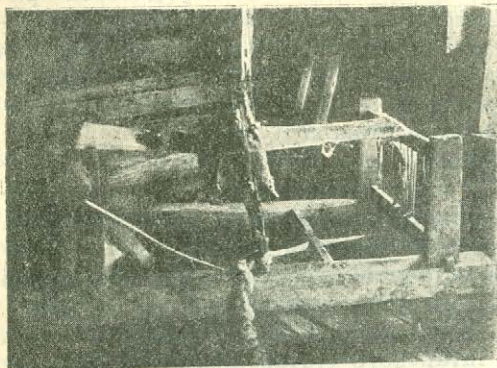

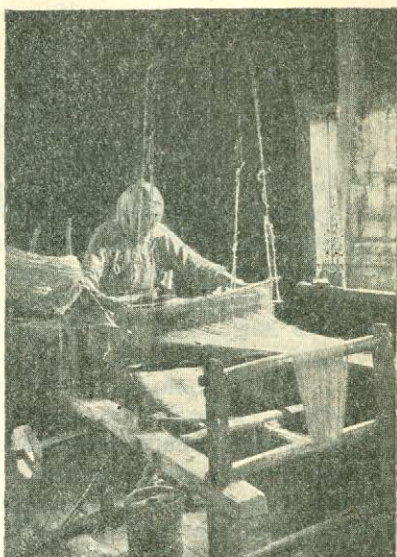
Рис. 54. „Татарский“ ткацкий станок.
Чистоп. кант. (1926 г.).

ром в 6—7 сант. так, что в задних стойках их ставится 3 (см. рис. 55), а в передних 2 (один внизу, другой почти под пришвой). Кроме того между горизонтальными брусками, ближе к заднему концу, вставляется довольно толстый четырехугольный брусok, в котором посре-

дине делается глубокий вырез, куда проходит основа прежде, чем закрепиться на особом колышке (см. ниже). Все соединительные бруски проходят через всю толщину стоек и здесь или закрепляются наглухо, или (реже) на клинья так, что рама может разбираться.

В вырез передних стоек, как и у русского станка вкладывается пришва (бауыр аҗачы—вауыг аҗасы) с такой же головкой с правой стороны, и с прорезом, куда вкладывается прутик с концом основы и куда потом продевается готовый холст. Длина пришвы около 75 сантиметров. Основа (буй—вуј) от пришвы идет назад к заднему бруску, начиная суживаться сейчас же после ниченок, перекидывается через него, потом все сужаясь, проходит через средний брусok, затем через вырезку внутреннего и крепится к колышку на правом бруске, на который одевается очередная петля основы, свитой вышеописанным

способом в виде жгута, который лежит здесь же под станком. Закрепление пришвы при натягивании основы ведется или посредством одной гибкой пластинки, которая упирается в правый брус, или посредством двух перпендикулярных пластинок, которые крепятся также. Бердо (кйльч—qльс) и ниченки (көрө—көге) того же самого типа, как и в русском станке, прикрепляются посредством веревочек обычно к жерди, пристроенной к потолку над станком. Ниченки, своими концами предварительно крепятся к концам особых палочек (таяк — таяқ, длиной 10—12 сант. и толщиной в палец. Затем уже за веревочки, привязанные к середине палочек, крепятся к упомянутой жерди, так что палочки собственно играют роль блоков в русском станке. Веревочки, которыми крепятся бердо и ниченки к потолку, не идут прямо от них.

На них устраиваются лишь длинные петли, Рис. 54. За работой на „татарском“ ткацком станке. Чистоп. кант. (1926).

в которые вставляются более толстые веревочки, к концам которых прикреплены бедренные кости гусей. Пропускаясь в упомянутые петли на ниченках и берде, веревочки подтягивают на нужную высоту бердо и ниченки и затем крепятся посредством особого заворота веревочки вокруг расширенного конца костей. Этим регулируется высота ниченок и берда, причем ее очень легко изменять при надобности.

К ниченкам внизу обычным способом крепятся веревочками подножки (täbäldiräk—tävöldrek), которые своими концами, посредством дырочек, просверленных во всю ширину, одеваются на веревку или ремень и крепятся к нижнему переднему брусу:

Ткачиха при работе садится или на край нар (станок обычно располагается вдоль боковой стены избы) или на обрубок дерева, табурет, стул и работает также, как и на русском станке. При передвижке основы, спускается одна петля с колышка, надевается следующая, подтягивается основа пришивой и так продолжается до тех пор, пока не будут спущены все петли. Когда будет спущена последняя петля, к концу основы привязывается веревочка и так же крепится на колышек, спуская основу до тех пор, пока ее конец не дойдет до верхнего бруса, после чего работа этого куска холста кончается. За ниченками, как и у русских, вставляются 2 чины в отличие от станка без рамы, где она одна. При сложном рисунчатом тканье увеличивается количество ниченок и соответственно подножек до 10 штук и вводится особая чина, в виде широкой плоской пластинки (адърга—adroja), посредством которой достигается образование зева там, где это нельзя сделать даже дополнительными ниченками. При сложных узорах этой адърга управляет подросток девочка, то ставя ее вертикально, то опять кладя плашмя.

Тканье ведется посредством челнока (суса—susa) обычного в крае типа, в который вставляются цевки (шүрі—şyre), сделанные из трубочек коры тальника, толщиною в мизинец. Наматывание цевки производится особым сучилом (калтърча—qaltrca) (рис. 54 внизу слева), типа распространенного у всех народностей края. Это широкий брус со вставленными в него вертикальными стойками с отверстиями, через которые проходит горизонтальная ось, выдающаяся через одну стойку, в виде заострения, на которое и одевается цевка при наматывании. Посредине оси одето неподвижно массивное деревянное колесо, диаметром в 15—20 сант., которое является маховиком. Вращение достигается посредством веревочки, прикрепленной к двум концам палочки, длиною в 30—40 сант., так что веревочка много длиннее палочки. Веревочка перекидывается в один поворот на вал сучила и резким движением тянется вниз, давая вращение валу. Затем веревочка ослабляется и перетягивается опять кверху в то время, когда вал, благодаря маховику, еще вертится. Затем дается следующий толчек и т. д., причем скорость вращения, достигаемая этим способом, довольно значи-

тельна и цевка наматывается очень быстро, спуская нитку с дуплянки (тубы́рча). При цветном тканье употребляется несколько челноков (2—3) с разного цвета нитками утка (аркау цїбі—arqau çeви), а при орнаментированной многоцветке просто в челноке меняются цевки с соответственными цветами ниток.

Тип старинного станка отличается от упомянутого тем, что у него нет рамы и стойки для укрепления прищвы вделаны в особые полозья, крепящиеся между досками нар, где станок располагается, а конец основы крепится на колышек, вбитый в нары и между ними натягивается основа. Все остальное устроено также (рис. 56).

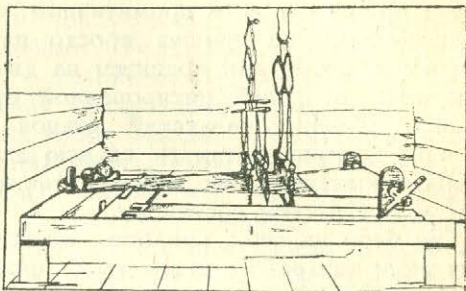

Рис. 56. Старинный ткацкий станок на „полозьях“. Челнинский кантон (1926 г.)
С рис. Л. М. Поздеевой.

Таким образом основной тип татарского ткацкого станка, благодаря наличию рамы, является как будто промежуточным между станками без рамы так же со свиванием основы в жгут у финнов (вотяков, мари), которые были изучены нами, но к сожалению нигде не описаны, и русским станком. В этом отношении его можно сблизить с более примитивным великоросским станком из Воронежской губернии, имеющимся в коллекциях Русского Музея, рисунок которого дан Ходосовым ¹⁾. У этого станка также нет навоя и основа, свернутая в жгут, крепится на колышек в скамеечке впереди станка, на которой сидит ткачиха. Эта скамеечка опирается на выступ горизонтального бруса, который здесь также один, так что станок получается как бы на ножках. Что касается свивания жгутом основы, то

¹⁾ Ходосов А.—Программа для изучения прядения и ткачества у народов СССР. Ленинград, 1927. Изд. ЦБК. Стр. 4.

вероятно это придется признать за способ чисто финский, получившийся благодаря необходимости ее укоротить для тканья в помещении, а рама вероятно заимствована от русских (не вдаваясь в вопрос происхождения русского ткацкого станка), ибо, как мы видели, примитивный ткацкий станок татар также не имел рамы. С другой стороны самостоятельное существование каждой стойки для упора пришвы в этом примитивном станке сближает его с казакским, где пришва просто вяжется к колышкам, вбитым в землю или крепится на двух седлах ¹⁾, что мы отмечали в нашей цитированной статье об этом типе станка. Однако казакский станок не имеет свивания основы, которая вытянута во всю длину, а также у него очень примитивны как ниченки, так и бердо, находящиеся еще в зачаточном состоянии.

Не беря на себя смелость решать вопроса о происхождении татарского ткацкого станка, мы все же считаем необходимым высказать следующие соображения. Ткацкий станок примитивного типа вероятно есть пережиток древнего станка кочевых турок с отдельными стойками для крепления пришвы, к которому приспособлена, после оседания на месте и перенесения ткачества в избу, свитая по способу финнов основа и их же ниченки и бердо. Позднее, чтобы освободить от станка нары, была усвоена от русских и рама, но от русского станка более примитивного типа без навоя, в то время, как уже более совершенный русский ткацкий станок только теперь входит в быт татар, идя через мишарей, у которых сильнее русские влияния, хотя и здесь чаще употребляется станок без навоя.

Холст, изготавливаемый на татарских станках, имеет ширину 25—30 сан. и только изредка до 50 сант. на лучших подотенцах. На таких же станках ткется и сукно для чулок и одежды, которое потом валяется на особых валялках, заимствованных у соседей, в виде куска плетня, по которому двигают сотканное сукно. Половики из тряпок ткются так, что основа натягивается из толстых ниток, а уток делается из тонко нарванных тряпок, свя-

¹⁾ Куфтин Б. А.—Киргиз-казаки. Изд. Центр. Музея Народоведения. Серия этнографических очерков. № 2. Москва. 1926. стр. 3 и далее.

занных между собой. Только челнок для этого берется больших размеров, а иногда работают из без челнока совсем, навивая тряпочки на прут длиннее ширины полочника и пропуская этот прутик через зев основы. В бердо и ниченки основа вставляется через один зубец, т. к. основа делается редкая.

Дальнейшая обработка холста ведется без каких либо оригинальных приемов, так же как и соседними финскими народностями и чувашами. Готовый холст хорошенько проваривают в котле в щелоче из березовой золы, кипятя в течении нескольких часов, затем полощут его в речке, при этом применяя те же методы, как чувашки и марийки, при стирке своих одежд. Холст кладется в длинную долбленную колоду, наливается туда вода и затем, перевертывая холст, его толкут длинными толкушками, в виде палок с расширенными концами. Обычно, производящие это дело, девушки становятся по обе стороны колоды и в известном порядке толкут холст, затем перевертывают и толкут снова. После толчения его прополаскивают и затем стелят на мокрой траве в лугах на солнце. После отбелики его подвергают еще расколачиванию. Для этого холст, свернутый в трубку кладут на бревно, утвржденное на высоте 70—75 сант. от земли, притягивают веревкой и бьют колотушками (тукмак--турмак) из дерева, напоминающими формой бутылки из под церковного вина. При этом девушки также становятся по обе стороны бревна и часто бьют с известной последовательности по свертку. Затем сверток перевертывают и бьют снова до тех пор, пока он не будет мягким, после чего холст готов и его прячут в сундуки.

Лучшие сорта полотенец с тканями, особенно полихромными узорами, ткуются уже из беленых ниток, т. к. краски не выдерживают бучения. Нитки белятся в мотушках. Таково ткацкое дело татар, поскольку оно нам известно из наблюдений. Хотя оно не велико по размерам, но имеет ряд оригинальных бытовых особенностей, обнаруживая опять таки довольно сложное происхождение своих элементов.

Остановимся несколько еще на одном, близком к ткачеству, занятии татар, именно на вышивании, которое, с одной стороны, имеет чисто домашнее значение (выши-

вание многих бытовых предметов), а с другой, некоторые его виды (золотошвейное) получили характер промысла, дающего пропитание тысячам людей.

Вышивок с чисто орнаментальной стороны мы касаться не будем, ибо это уже выходит в область искусства, а коснемся преимущественно технической стороны дела, дав об орнаменте лишь самые необходимые сведения. В татарском быту вышивки играют довольно значительную роль. Ими орнаментируются самые различные предметы, как одежды так и обстановки. Как мы видели из описания жилища, намазлыки являются важным украшением чистой избы. Скатерти, полотенца, простыни, покрывала на посуду, все это покрывается более или менее богатыми вышивками. Головные уборы (колпаки, öрпәки, тюбетейки и т. д.) богато расшиваются, обувь (ичеги, туфли, свадебные онучи) покрывается значительным количеством вышивок.

Орнамент татарских вышивок можно сказать исключительно растительный, ибо другие мотивы чрезвычайно редки и не характерны. Основной орнамент составляют веточки, украшенные листьями и цветами, а также всевозможными усиками и т. д., раскинутые красивыми завитками. От этого основного мотива орнамента идут в одну сторону упрощения, вплоть до простых зигзагов или меанд, а в другую усложнения до тяжелых крупных цветов „огурцов“, типа узбекских вышивок, с заполнением всей площади вышитой поверхности. Типичная татарская вышивка не заполняет всей поверхности расшиваемого предмета и часто рисунок дается лишь контуром (расшивка полотенца одним тоном), а если контур и заполняется то всегда другим цветом (рис. 57). От этого татарская вышивка представляется очень легкой и изящной, гораздо легче, чем узбекская и даже крымская, приближаясь по компановке своих элементов к лучшим образцам вышивок казаков (расшивка седел и шаровар).

В смысле расцветки татарские вышивки бывают или однотонными, являясь всегда контурными, или многоцветными, причем эта многоцветность всегда очень значительна. Красок берется много. Тона большей частью довольно яркие и, кроме того, татары никогда не употреб-

ляют одного тона для заполнения больших площадей. Например поверхность листа или цветка заполняется или различными цветами, ограниченными жилками или, в новых вышивках, берется тонированный шелк, создающий незаметные переходы, дающие впечатление разнообразия.

Рис. 57. Тамбурная вышивка полотенца.
Из коллекц. Ц. Музея ТССР.

Вопрос о расцветке и орнаменте вообще в татарской вышивке представляет значительный интерес и ждет еще своего исследования, т. к. в этом направлении сделано немного и можно указать лишь работу Адольф, ¹⁾ специально посвященную вышивке, да очень немногое есть у Дульского ²⁾.

Особняком стоит золотошвейное дело—расшивка золотой и серебряной канителью колпаков, тюбитеек и обуви, которое совершенно не изучено, но с точки зрения орнаментальной картина остается той же. Орнамент растительный, измененный лишь применительно к материалу и технике.

¹⁾ Адольф Е. Э.—Вышивки Казанских татар. Материалы Центрального Музея ТССР. № 1 стр. 5—10. Казань, 1927 г.

²⁾ Дульский П. М.—Искусство Казанских татар. Москва, 1925.

Материалом для производства вышивок являются нитки: хлопчато-бумажные, шелковые, шерстяные и металлические (нитки и канитель). Реже всего употребляются шерстяные и хлопчато-бумажные нитки, которыми вышиваются только некоторые предметы у бедняков (свадебные полотенца и онучи). Чаще же употребляется шелк, которым расшивается главная масса вышивок. Золотая нить применяется в лучших вышивках, комбинируясь с шелком. Золотая нить и канитель употребляются без шелка в золотошвейных работах при расшивке обуви и головных уборов.

Вышивание производится на самых разнообразных материалах, начиная от грубого холста до шелка и бархата. Чаще всего употребляется хорошее полотно (для домашних вышивок), бархат и вельвет (для головных уборов и обуви). Шелк употребляется реже, так же как и другие ткани (сатин, коленкор и т. п.).

Основными видами техники в татарской вышивке являются—тамбур и гладевый золотошвейный шов. Тамбуром вышивается абсолютное большинство всех вышивок нитками и даже металлическая нить употребляется при этой технике или в качестве самостоятельной, или в качестве второстепенной для расшивки некоторых деталей. Тамбуром шьют преимущественно иголкой, реже крючком. По типу тамбур можно разделить на две группы: тамбур низкий—шитый крупными стежками, плотно прилегающими к ткани и тамбур высокий—маленькими стежками, т. ч. получается впечатление как бы нашитого шнурка, особенно если нитки взяты достаточно толстые¹⁾. Тамбуром шьются как контурные рисунки, так и им же заполняются большие площади, когда вышивка по орнаменту является заимствованной из средней Азии. Шитье тамбуром применяется при расшивании самых различных предметов и им шьет каждая татарка. Однако вышивание этой техникой не имеет характера промысла и почти не выходит из стадии домашних рукоделий. Этим отчасти возможно объясняется и тот факт, что тамбурные вышивки достигают

¹⁾ Подобное описание тамбурной техники см. нашу статью—Некоторые данные о технике вышивок Казанских татар. Матер. Центр. Муз. ТССР № 2. Казань, 1929.

очень высоких художественных качеств, чего нельзя сказать о вышивках золотошвей-ремесленниц.

В золотошвейном деле шитье ведется принципом настила гладью, причем нередко под вышивку, для большей рельефности подкладывается бумага или материя. Техника

ничем не отличается от русского монастырского золотошвейного шитья. Так же употребляется, как золотая и серебряная нить, так и канитель, а кроме того блески и бляшки, нашиваемые тут же (рис. 58). Это вышивание производится и на руках, но чаще в пальцах (киргі — kirge). Пяльцы встречаются нескольких типов. При шитье мелких вещей берется просто обрuch, обшитый полоской материи, в который вшиваются расшиваемую ткань, или же четырехугольник. При крупных вышивках употребляются настоящие

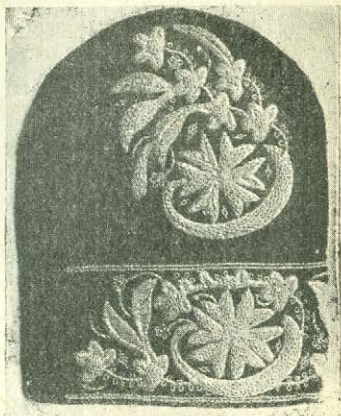

Рис. 58. Копачек исполненный золотошвейной техникой. Работа кустарей. (1925 г.). Из коллекц. Ц. Музея ТССР.

пяльцы того же типа, как и у русских, дающие возможность как натягивать, так и передвигать вышивку. Золотошвейной техникой расшивается большое количество предметов, но художественные качества ее часто далеко не высоки. Большого художественного результата достигают вышивки, сделанные той же техникой, но не ремесленниками, заинтересованными в количестве. Так, некоторые свадебные тюбитейки, сделанные девушками для своих женихов, являются очень ценными с художественной стороны и сделанными тщательно и изящно.

Из других видов техники шитья отметим шитье гладью же, но не металлической нитью. Такая вышивка занимает незначительное место. Иногда ее вводят для расшивки деталей при тамбурном шве, а чаще она встречается при расшивке тюбитеек узбекского образца на среднеазиат-

ский рынок, которых в Казани изготавливается очень много. Однако гладь у татарских вышивальщиц выходит слабая, далеко уступающая русской, особенно монастырской. Есть еще техника, так сказать, коврового шва, дающего на поверхности вышки пушистые петли типа ковра, что достигается перекручиванием нитки при вкалывании иголки вниз. Этот шов еще реже гладевого и им иногда заполняют большие площади при тамбурной вышивке, причем шьют преимущественно гарусом, чаще тонированным. Этот шов нового происхождения и его знают немногие.

Отметим также технику орнаментации не вышиванием, а нашиванием, куда мы отнесем расшивку бисером и жемчугом, а также аппликацию из материи. Расшивка бисером и поддельным жемчугом довольно широко применяется при расшивке головных уборов и обуви при их массовом производстве. Здесь бисером или жемчугом расшивается определенный узор, часто в сочетании с золотом. Такие расшивки в массе мало художественны, и прекрасные образцы, сделанные этой техникой, представляют лишь вещи, расшитые женщинами-рукодельницами. Так встречаются, например, мужские тюбштейки сплошь зашитые бисером, орнамент на которых создается подбором цветного бисера. Большой художественный интерес представляют также тюбштейки, расшитые сплошь жемчугом, причем орнаментировка достигается подбором жемчуга более крупного зерна на фоне мелкого. Такие вещи представляют собой крупные художественные образцы.

Техника аппликации у татар выражается в нашивке лент, из которых создается тот или иной орнамент, причем ленты или пришиваются полосами, или из них делаются бантики, розетки и т. п. Интересна старая техника аппликации, преимущественно женских колпаков, где нашивание ведется из лент же, но так, что каждый лепесток, нашиваемого цветка (чаще астр и георгин) делается отдельно из кусочка ленты свернутой „ушком“, почему цветок становится рельефным (рис. 59). Эта техника в настоящее время совершенно забыта, т. к. промыслового значения она не имела и не выходила из круга рукодельниц. Аппликация вообще применяется для расшивки головных уборов (колпаки) или крупных предметов, как шторы, занавеси и т. п. Особым видом аппликации можно

указать еще расшивку синелью, которая применяется почти исключительно для орнаментации женских колпаков.

Итак мы видим, что вышивка, занимая в быту татар значительное место, с одной стороны охватывает почти всех татарских рукодельниц, а с другой является предметом промысла. Наиболее широко распространенной в качестве рукоделья техникой является тамбур, которым шьют женщины всех классов и вышивки которым можно встретить в любой татарской семье, независимо от зажиточности. Другие виды и особенно золотошвейное дело в настоящее время являются почти исключительно промыслом, а раньше было распространено среди только зажиточных классов.

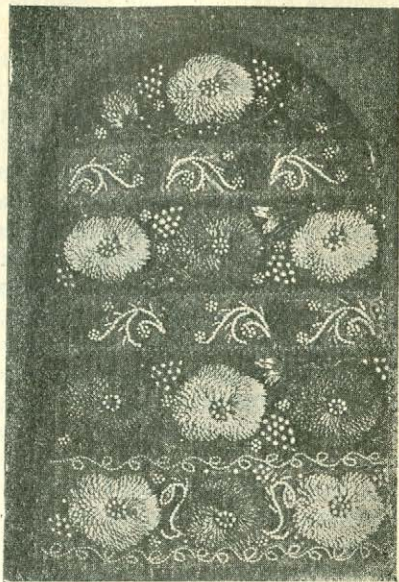

Рис. 59. Колпак исполненный аппликацией „ушком“ Фот. П. М. Дульского¹⁾.

Организация золотошвейного дела та же, что и ичежного. Обычно лица, занимающиеся ичежным делом, всегда имеют дело и с вышитой бархатной обувью, а также с головными уборами и эти промыслы слиты в один ичежно-каляпушный промысел, как его называют в Казани²⁾.

Хотя в нашу задачу сейчас и не входит анализ татарского орнамента, а также и вопросы об его происхождении, но некоторые соображения мы считаем необходимым высказать, т. к. по этому вопросу нет даже намеченных путей. Растительный орнамент татар надо считать

¹⁾ Этот снимок опубликован П. М. Дульским в журн. *La Renaissance* № 3, 1929 г.

²⁾ Вышивальщицы живут большей частью в Казани, причем среди них почти равное число, как татар, так и русских.

горожан, но и почти в каждой деревне имеется подобный мастер. Техника деревенских слесарей та же, что и городских и одинакова с русскими. Большое количество слесарей-часовщиков среди татар возможно объясняется большим числом часов у татар, даже в деревне.

Ювелиры, изготавливающие татарские украшения, разделяются на две группы: русские и татары. Русские широко развернули изготовление татарских и вообще восточных украшений, правда не высокого качества, в Рыбной слободе Лаишевского кантона. Свои изделия они делают из серебра, но чаще не настоящего, а польского, и других малоценных сплавов, украшают их камнями в большинстве так же поддельными. Сбывают, или точнее сбывали (сейчас этот промысел замер), они свои изделия преимущественно на Нижегородской ярмарке, причем эти изделия в массе уходили на восток, вплоть до Семиречья, а на месте их продавалось мало, т. к. только уже очень бедная татарка оденет украшения рыбнослободской работы.

Татары-ювелиры не имеют определенных мест сосредоточения. Больше всего их в Казани, но не мало и в деревнях, особенно Заказанья. Нередко ювелирное дело соединяется персонально с часовым и даже вообще с слесарным. Городские ювелиры представляют наиболее искусных мастеров, чем сельские, но и в деревнях нередко встречаются весьма хорошие мастера. Ювелиры чаще работают из серебра, реже из неблагородных металлов.

Основные приемы применяемые ювелирами можно разбить на: чеканку, гравюрование и инкрустацию, литье и скань (филигрань). Все виды этих приемов знают все мастера, кроме сканного дела, которым владеют лишь наиболее искусные, из за его сложности и тонкости, и сканщик уже почти никогда не работает другими видами техники. Образцами, по которым работают татарские ювелиры, являются в большинстве случаев старые украшения, как привозного происхождения, так и сделанные прежними местными мастерами, причем наиболее умелые вносят в свое дело не малое количество собственного художественного творчества, а работы некоторых прежних ювелиров очень ценятся и усиленно копи-

руются. Надо заметить, что местное ювелирное дело имеет повидимому очень большую древность. Копируя привозные изделия, татарские ювелиры внесли много своего, так что выработался целый ряд приемов, дающих такой эффект, какого не достигали мастера, бравшиеся за первоисточник. Это касается не только техники, но, например, рисунков, форм, и т. п.

Наиболее простым делом ювелира является чеканка на пластинках, тех или иных узоров, по готовым болванкам. Здесь татарский ювелир—прямое подражание средне азиатскому и даже инструменты и болванки чаще всего вывозятся из Туркестана, ибо здесь на месте их не делают. Эти болванки и инструменты передаются от одного к другому и некоторые из них обнаруживают солидную древность. Однако чеканных украшений татары делают мало, ибо спрос на них мал. Только жетоны для чай-танька, да бляшки на изю, делаются чеканными и то в том случае, ежели их нет возможности заменить монетой. Монета в татарских украшениях заменила чеканные вещи и чеканное дело поэтому имеет второстепенное значение. Большое значение имеет гравюровка, которой обильно украшают различные вещи и особенно сплошные пластинчатые браслеты. Мотивы орнамента растительные, реже геометрические. Чувствуется подражание южным и юго-восточным образцам (Персии, Турции, Туркестану). Инструментарий или также бухарского происхождения, или, теперь чаще, европейского, тот же, что и у русских ювелиров и граверов по металлу. Гравюровка соединяется часто с инкрустацией или насечкой другого металла. В последние годы особенно широко начали распространяться изделия с чернью в подражания кавказским, причем покрывание орнамента чернью ведется посредством керосиновой горелки и паяльной трубки довольно таки примитивно.

Литье татарскими ювелирами употребляется при изготовлении жетонов, подвесок для украшений как татарок, так и женщин соседних народностей. Обычно имитируется серебрянная монета, начиная от столь распространенных Екатерининских и Елизаветинских рублей (кудрявые рубли) (гөдөнә танкәсе—gedonə tñkəse) и кончая мелкой монетой. Обычно жетоны отливаются односторонними, пре-

имущественно с изображением императриц, реже орлов. Эти монеты отливаются из самых различных металлов, начиная от свинца и олова и кончая низкопробным серебром, столь употребительным в татарских ювелирных изделиях. Оловянные жетоны иногда изготавливаются и техникой чекана с изготовленных матриц, но чаще все же отливаются.

Наиболее интересной частью работы, как татарских, так и рыбнослободских ювелиров все же является работа сканью, которая состоит в пайке рисунка из проволочек. Настоящей сканной работе в техническом, конечно, отношении предшествует пожалуй вообще спайка украшений из отдельных частей. Сюда относятся, правда немногочисленные, украшения из монет, когда монеты припаиваются к остову. Это применяется в брошах, кольцах и т. п.

Настоящая сканная работа заключается в том, что мастер сначала изготавливает из более толстой, круглой или чаще четырехгранной проволоки остов будущего украшения, а также некоторые основные части рисунка. Все это спаивается и таким образом создается остов. Далее уже из тонкой проволоки набирается весь рисунок украшения, в виде различного рода завитков. Все это спаивается, а затем отчищается так, что получается ажурное украшение различного достоинства, смотря по степени тонкости и сложности рисунка. Скань изготавливается трех типов. Самая простая—это только что описанная—гладкая, когда обе стороны украшения отшлифовываются и оно становится просто ажурным. Вторым типом является накладная скань, когда сканный рисунок накладывается на основу, так сказать, подкладку, и спаивается с ней. Наконец, наиболее сложной сканью является рельефная или бугорчатая скань, которая отличается от обычной тем, что каждый завиток орнамента не заканчивается в плоскости рисунка, а возвышается над ней, заканчиваясь все суживающимся завитком проволоки. Такая скань делается из особой тонкой проволоки и после спайки тщательно отделяются так, что каждый завиток рельефно выделяется и иногда даже украшается тонкой насечкой. Подобные работы по скани делают только лучшие специалисты этого дела.

Как уже нами было отмечено, татары ювелиры вообще в техническом отношении стоят на одном уровне, более отсталые, с туркестанскими, а более передовые, с русскими ювелирами, копируя преимущественно старые восточные образцы, но внося в них отчасти свои оригинальные черты, отличающие татарские украшения от украшений других народов. Так чеканка и гравюровка целиком заимствованные, как по технике, так и по мотивам орнамента. Что же касается вопроса о сканном производстве, то здесь сказать что-либо об его источниках, при современной изученности вопроса, трудно. Так лучшие произведения этого рода считаются привозными с востока (Персия, Туркестан), но, ознакомившись с работой современных татарских ювелиров, ювелиров времени полного упадка промысла вообще, а сканного в частности, благодаря стремлению богатых групп—покупателей лучших ювелирных изделий, к переходу на европейскую бытовую обстановку, мы пришли к тому выводу, что в эпоху расцвета эти ювелиры могли готовить все и наиболее хорошие образцы этого искусства. Конечно утверждать это трудно, но во всяком случае подражания восточным образцам нередко, если не превосходят, то и не уступают самим образцам. Вопрос о татарском ювелирном деле представляет значительный интерес и должен явиться предметом исследования в самое ближайшее время, ибо он доживает свои последние дни, благодаря все большему и большему проникновению в быт татар европейского быта.

Рассмотрев технику татар, надо в заключение сказать, что, как мы уже это видели при рассмотрении отдельных ее видов, она в массе является общераспространенной в крае среди всех народностей, но в некоторых деталях на ней все же отражаются и некоторые различия, создавшиеся опять таки как синтез различных по времени и месту влияний.

Глава VIII.

ОДЕЖДА, ОБУВЬ И ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ.

Материалы для изготовления. Мужские одежды: рубаха, штаны, камзол, казакин, бишмат, шубы, филан и чикмен, чапан, фартук, кушак, и пояс. Женские одежды: кильмак, кукрачки, штаны, камзол, ксабике, бишмат и шубы, филан, фартук и нарукавники. Детские одежды. Обувь: портянки, чулки, ичеги, кауш, туфли, лапти, валенки, рукавицы и варежки. Головные уборы. Мужские: прически, тюбтейки, шапки, шляпы, чалма. Женские: прически, платок, шаль, тастар, орпак, колпак, тюбтейки и каттажи, шапки, чалма и башлык.

Современная одежда казанских татар, так же как и другие элементы их культуры, представляется достаточно сложной по своему происхождению и развитию. При обзоре ее мы имеем, с одной стороны набор, так сказать, национальных, точнее, уже прочно укоренившихся в быту, одежд, а с другой ряд заимствований, из быта других народностей, которые являются принадлежностью тех или иных классов. В процессе исторического развития, мы не мало можем найти подобных примеров, каковые и будем отмечать в соответствующих местах.

Одежда, как ее отдельные части, так и некоторые варианты одних и тех же одежд, подобно другим элементам быта варьируют, как по месту жительства, так и по имущественному положению населения. Различий в одежде между городом и деревней сравнительно немного и одинаковые по имущественному положению группы, как города, так и деревни, приблизительно одинаково и одеваются. Здесь вероятно более значительно сказалась, та связь города с деревней, которая наблюдается у современных казанских татар. Тон одеяния обычно дает Казань, но всякое новшество быстро передается в деревню и поэтому некоторые предметы одежды, уже исчезнувшие в городе, продолжают бытовать в деревне и исчезновение их идет постепенно от центра (Казани) к периферии татарского расселения. Только в последние десятилетия,

когда городские татары перестали одежду считать одним из важных признаков сохранения национальной культуры и начали все более и более вводить в нее европейских элементов. Проникновение в деревню городского европейского костюма все время шло очень медленно и встречало серьезное сопротивление со стороны мулл и консервативной части общества, которая считала, что утрата „национальной“ одежды есть измена религии. Только после революции этот процесс пошел интенсивно, особенно у молодежи. Не без борьбы начала проникать европейская одежда и в быт городских татар. Каждое новшество встречало протест. Каюм Насыри описывает, например, что его осыпали насмешками, когда он начал носить европейские брюки, тем паче на выпуск¹⁾. Хотя появление в татарском быту чужих одежд и не является явлением новым в истории татар, ибо в начале XIX и конце XVIII века татарское духовенство усиленно насаждало среднеазиатские одежды²⁾, которые являлись придатком феодализма, европейский костюм все же вызвал сильную борьбу со стороны представителей феодализма. Особенно сильно идет эта смена одежд в городе в настоящее время и в Казани, например, национальной одежды держатся, с одной стороны духовенство и купечество, а с другой мелкие торговцы и ремесленники, которые мало захвачены новыми веяниями, тогда как рабочие и трудовая интеллигенция совершенно оставили татарскую одежду. Вообще борьба за европейскую одежду между либеральной и консервативной буржуазией, являлась моментом очень сложным и продолжалась еще и в начале XX века.

Ввиду этого, при описании татарской национальной одежды, которая интересует нас, приходится в настоящее время базироваться преимущественно на материалах деревни, беря городские материалы, чаще в исторической перспективе. Судя по описаниям авторов середины XIX века татарский национальный костюм в лучших своих образцах создавался именно в городе, но в настоящее время эти вещи хранятся в сундуках, как памятники уходящего быта и все реже и реже вынимаются оттуда для употребления.

¹⁾ Каюм Насыри—Неизданные произведения стр. 91.

²⁾ Марджани—Мустафад'уль ахбар. Том II, стр. 24.

Кроме того в городах при современном кризисе, многие прекрасные образцы старинных одежд гибнут, перешиваясь на европейский покрой. В деревнях же эти костюмы сохранились до настоящего времени, в качестве обычного наряда, хотя все же лучшие образцы приходится при исследованиях отыскивать в сундуках деревенских кулаков и духовенства, ибо наблюдать их в быту становится все труднее. Наиболее устойчивыми являются более простые типы одежд, одежды повседневного употребления татарского крестьянства, тогда как наиболее сложные образцы исчезают.

Территориальные различия в одежде, так же не велики и при детальном ознакомлении эти особенности нередко оказываются простым отставанием от моды крайних или наиболее глухих районов. Те типы одежд, которые в Казани и в ближайших к ней местностях Заказанья, уже вышли из употребления, заменившись другими, где либо в Мензелинском кантоне, являются последними образцами. В пределах основных типов одежд, особенно у женщин, большое значение имеет мода, которая появляется в Казани и затем, постепенно расходясь по периферии, создает как бы местные варианты костюма. Истинных же местных вариантов очень немного и мы их отметим при описании соответствующих частей одежды.

Материалом для изготовления одежд у татар-мусульман служат преимущественно фабричные ткани, как европейского, так и восточного происхождения. Самодельные ткани для изготовления одежд употребляются татарами в настоящее время гораздо реже, чем другими народностями края и даже кряшенами. Шить костюм из самодельной материи считается признаком бедности и, при малейшей возможности, татарин шьет одежду из покупной материи. Приготовление одежд из самодельных тканей до известной степени варьирует в различных местностях. Так в Заказанья изготовление одежд из самодельных тканей крайне редко, тогда как в более удаленных от центра местностях, например в Приуралья особенно, где татары живут бок о бок с другими народностями (чуваши и мордва), самодельные ткани в большом употреблении.

В связи с указанным обстоятельством татары и изготовляют самодельные ткани в гораздо меньшем количестве, чем другие народности края. Холста татары изготовляют немного, обычно грубого, а больше цветных тканей, для скатертей и занавесей, а также полотенец и салфетки с орнаментированными концами. В Закамьи изготовляются и шерстяные ткани для верхних одежд, в виде грубого сукна (тула—tula) и тонкого (пустая—pustau), но в незначительных количествах.

Из фабричных тканей европейского происхождения употребляются всевозможные сорта, но из легких тканей больше всего употребляется ситец (ситса—sitsa), из которого изготовляется значительное количество одежд и который одевает все бедное и среднее татарское крестьянство. Реже употребляются другие сорта тонких хлопчатобумажных тканей, но и более грубые, как: тик, бязь, китайка, пользуются так же широким распространением. Из тяжелых тканей употребляются как всевозможные сорта хлопчатобумажных тканей, так и шерстяные. Драп, сукно, шевиот и более легкие шерстяные материи широко употребляются зажиточными татарами для изготовления как верхних одежд, так и женских рубах-платьев. Так же широко распространены у татарских богачей и различные сорта европейских шелковых тканей, которые применяются для женских одежд, ибо мужчины шелковые одежды носят редко, т. к. это не рекомендуется по шариату, хотя и не всегда точно выполняется. Реже употребляются фабричные льняные ткани, которые идут почти исключительно на рубахи богатых татар. В прошлом столетии буржуазией изготовлялась самая лучшая верхняя одежда из различных сортов парчи и такие одежды носились обоими полами, но преимущественно женщинами, камзолы из парчи у которых и в настоящее время иногда употребляются. Из восточных тканей наиболее широким распространением пользуются среднеазиатские и реже китайские, преимущественно шелковые. Среднеазиатские—бухарские ткани употреблялись в особенно значительных количествах в прошлом столетии, когда из них шились всевозможные одежды, а к настоящему времени одежды из них изготовлялись редко и только чапаны. Бухарские ткани являются в большинстве случаев бумажными или полупшелковыми, реже шелковыми. Из этих

тканей наибольшим распространением пользуются: эдрес, бикасаб, саранча и бенарес—как раз те, которые наиболее широко распространены и в Туркестане. Чаще всего употребляется эдрес, камзолы из которого до последнего времени являлись любимыми среди татар обоего пола. Вообще надо сказать, что одежды татар изготавливаются из всевозможных тканей и какой либо специфической избираемости по отношению к материалу отметить нельзя—слишком большое разнообразие наблюдается в этом.

Гораздо значительнее избираемость по отношению цветов тканей, идущих на одежды. Реже всего употребляется белый цвет. Из чисто белых тканей изготавливаются только мужские рубахи и реже нижние штаны, а верхние одежды белого цвета в настоящее время совершенно не употребляются. Даже холст и то всегда окрашивается. В начале прошлого столетия у деревенских татар женские белые одежды повидимому были в употреблении, как об этом упоминают авторы того времени, Георги ¹⁾ и Марджани ²⁾, отмечая их для западного Закамья. Более же поздние авторы белых одежд уже не отмечают. Остальные цвета все употребляются, но существует некоторая избираемость цветов для изготовления различных одежд, а иногда и частей их. Так темные тона совершенно не употребляются на изготовление женской нижней одежды (кульмаков и камзолов). Черные ткани употребляются только для верхней одежды и то в настоящее время, тогда как раньше и здесь их избегали. Большим распространением пользуются яркие ткани, как однотонные, так и разноцветные. Из однотонных тканей чаще употребляются различные оттенки голубого, желтого, зеленого (кроме самых темных), розового (с малиновым оттенком), малинового, лилового и реже красного и бордо. Шерстяные и шелковые ткани предпочитают с каким либо тканым рисунком, а набойные, как ситцы, с яркими цветами на ярком же фоне, каковые ткани, специально для восточного рынка, изготавливаются на московских фабриках. В большом распространении, особенно в прошлом столетии, была ткань эдрес, из которой шились камзолы, казакины и даже шубы. Мужская

¹⁾ Георги—Цит. Соч. ч. II стр. 12.

²⁾ Марджани—Цит. Соч. Т. I стр. 24.

одежда в настоящее время в большинстве шьется темных тонов, но женщины от них все же воздерживаются и шубы, например, чаще шьют различных оттенков зеленого, голубого, желтого, в городах преимущественно из бархата или плюша. Однако вообще в последние десятилетия происходит общее потускнение татарских одежд, по сравнению со старинными, которые отличались своей красочностью, как это отмечают некоторые авторы (Насыри, Марджани, Фукс), а также воспоминания стариков. Подобное явление вероятно можно объяснить влиянием европейской культуры, с ее тусклыми тонами одежд.

Кроме тканей в орнаментации одежд применяются: тесьма, шнур, бахрама, ленты, позумент и т. п., все это в большинстве случаев европейского фабричного изготовления. Особенно широко применяется позумент (ука—уца). Реже употребляются кружева, как ручные, так и фабричные. Кроме того на одежды нашивается ряд чисто декоративных предметов, как пуговицы, бляшки, застежки и т. п., которые собственно относятся к группе украшений.

Довольно широко также развито употребление меха, как с точки зрения защитной от холода так и чисто орнаментальной. Чаще всего у средняков употребляется мех овцы и зайца, а у кулаков и духовенства—лисы. Реже употребляются другие сорта мехов, как например корсака (степной лисицы) и кенгуру. Наиболее любимым мехом считается мех лисы, который употребляется как на шубы, так и на опушку. Лисьих мехов татары употребляют четыре типа: мех из хребтин (сыртындан төлькө кабы—sırtından tölke qavı), мех из брюшков (карындан—qarınnan... мех из душек—горла (тамактан...—tamaqtan....) и наиболее нравящийся мех из лисьих лапок (аязындан...—...aıaınnan), который при тщательном подборе очень красив и более легок, чем остальные типы. На опушку костюмов и на головные уборы наиболее любимым мехом считается мех бобра, (камчат—qamcat) или выдры (кама—qama), часто подкрашиваемый под бобра. Реже употребляется выхухоль и куница. Кроме того применяются многочисленные подделки под дорогие меха и особенно бобра, употребляющиеся на опушку верхней одежды менее зажиточных горожан. Обычай обшивать опушкой одежду вообще более распространен в городе, чем в деревне.

Переходя к детальному рассмотрению татарских одежд, надо отметить, что по принципам покроя все они очень просты и все кажущееся их разнообразие при анализе укладывается в небольшое число типов, общих с другими турецкими народностями, преимущественно с стоящими на более низкой ступени развития, ибо у более культурных эти сходства затушевываются позднейшими чуждыми влияниями. Нижняя одежда у татар представлена рубахой и штанами, причем штаны у обоих полов совершенно одинаковы, а женская рубаха, имея в принципе ту же форму, значительно удлиняется и получает массу, чисто орнаментальных, деталей, которые сильно затеняют сходство ее с мужской рубахой. Все верхние одежды обоих полов укладываются в два типа одежда в талию (öç (биш) биллĭ—өс (biş) ville¹⁾) и одежда прямоспинная (билъсіз—bilsez). Изменяется длина одеяний, присутствуют или отсутствуют рукава, но принцип все же остается.

В мужской одежде основной нижней частью является рубаха и штаны. Рубахи (кўльмәк—kylmäk) татар шьются из различных тонких материй чаще всего из ситца и миткаля. У богатых шьются рубахи из тонкого фабричного полотна, а у самых бедных из домашнего холста, но как то, так и другое сравнительно редко. Из шелковых материй, как правило, мужские рубахи не шьются. Цвета в большинстве случаев светлые: белый, бледно-розовый, сероватый. Почти всегда материи берутся гладкие однотонные, реже с какими либо мелкими полосками, горошками, или цветочками. Темные цвета на рубахи не употребляются и входят в обиход одновременно с русской косовороткой или другого типа верхней рубахой, какие начинают носить деревенская молодежь.

По внешнему виду татарская рубаха представляет широкую длинную почти до колен рубаху с прямым разрезом ворота, которая никогда не подпоясывается. Кройка татарских рубах такая же как и у других турецких народностей, шьющих свои рубахи из тканей достаточно

¹⁾ Эти два термина раньше повидимому применялись к одежам на основании их кройки, но в настоящее время это уже утеряно и мы не могли никак, даже из расспросов портных, выяснить что либо определенное о различии этих типов.

широких (рис. 60). Основной частью ее является кусок ткани, равный двойной длине рубахи. Этот кусок складывается пополам так, что сгиб приходится на плечи и к нему пришиваются более или менее широкие клинья, которые узкой стороной, шириною около 10 сант., начинаются ниже сгиба на 15—20 сант., создавая угловатые проймы, и кончаются у подола. Таким образом создается стан рубахи. Рукава (циг—сїц) шьются большей частью из одного куска, редко с клиньями, суживающимися к ниж-

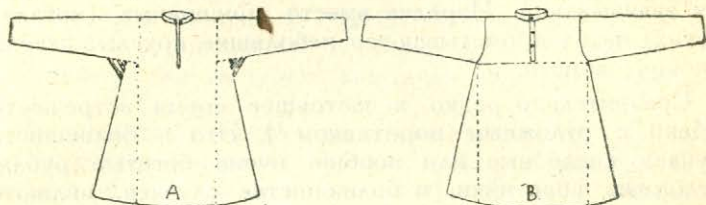

Рис. 60. Принципы кройки мужских рубах.

нему краю. Верхним краем они вшиваются в проймы, так, что рукав вытягивается в одну линию с плечевым сгибом, а под рукавом, для предотвращения от разрыва при поднимании руки, вшиваются квадратные, реже ромбические ластовки (кїштїк—кїштїк) всегда из того же материала. Иногда рукав делается шире проймы и тогда на плече устраивается некоторое количество сборок. Низ рукавов делается более или менее широким, но никогда не обтягивающим кисть. Более широкие рукава делаются у стариковских рубах. Длина их до кисти или, у широких, прикрывающая половину кисти.

Разрез ворота делается путем разреза нужной ширины вдоль плеч и поперечного к нему, проходящего по середине груди, длиною достаточной для того, чтобы проходила голова.

Передняя часть плечевого разреза слегка вынимается и закругляется, тогда как задняя (спинная) часть остается прямой. К этому разрезу пришивается воротник (їакї—їакї) очень низкий, не выше 5—6 мм., так что он является скорее обшивкой воротникового разреза, чем настоящим воротником. Только в последнее время стали делать воротник более высоким, подобно русской рубахе.

Грудной разрез обшивается, но никогда не имеет приполка, так что даже при застегнутом вороте сквозь него видно грудь. Застегиваются рубахи или посредством одной пуговицы, пришитой к воротнику, причем петля часто делается пришивная, или же посредством завязок, пришитых к вороту. На грудном разрезе, как правило, никаких застежек не делается. Иногда, чаще у богатых рубах, застежка делается так, что к обоим концам воротника пришивается по петле, сквозь которые пропускается шнурок для завязывания. Изредка вместо пришивных (металлических) петель прометываются небольшие круглые петельки в концах ворота.

Сравнительно редко в настоящее время встречаются рубахи с отложным воротником¹⁾. Это в большинстве случаев свадебные или вообще очень богатые рубахи. Отложные воротники, в большинстве случаев, являются вышитыми разноцветными шелками или даже золотом. Иногда на такой воротник нашивается узкий галун. Передний разрез также или расшивается, или обшивается галуном, но устройство его, как и застежки совершенно такое же. Только петельки пришиваются очень красивые, иногда с камнями, да шнур делается из шелка или даже золотых нитей.

Подобный тип татарской рубахи прочно сложился и остается одинаковым для всех возрастов, лишь слегка варьируя по длине. Так у стариков и ребят рубахи делаются почти до колен, тогда как у рабочего возраста они шьются немного короче.

Кроме описанного типа рубахи, которая абсолютно доминирует, раньше почтенные люди носили бухарские рубахи, привозимые из Средней Азии в готовом виде (сарт кўльмәгі—sart kylmäge). Эти рубахи того же покроя, что и татарские, но совершенно без воротника и передняя часть плечевого разреза обычно не вынимается. Молодежь, особенно в последние годы, часто стала носить рубаху русского образца с прямым разрезом ворота, отложным воротником и с, так называемой, „кокеткой“,

¹⁾ В середине XIX века ношение отложных воротников было более частым и считалось большим шиком, так, что большие любители одеваться пришивали их даже к камзолам.

т. е. отдельной плечевой частью, к которой на уровне сосков пришивается уже собственно стан рубахи. Такие рубахи близко напоминают рабочие блузы. Иногда „кокетка“ украшается складочками. Так в деревнях Ново-Кишитской волости, Арского кантона, нами встречены рубахи молодежи, кокетки которых были украшены частыми и мелкими складочками, пересекающимися между собой и создающими фигуры ромбов. Только вышивка на татарских рубахах, за исключением вышеупомянутых свадебных, никогда не применяется. В городах культурные татары носят рубахи европейского образца. Рубахи татарами носят всегда на выпуск и в штаны никогда не забираются.

Просмотрев значительное количество рубах большинства турецких народностей в коллекциях Этногр. Отд. Русского Музея в Музее Антропол. и Этногр. Академии Наук, а также Этногр. Отд. Центр. Музея ТССР, мы приходим к выводу, что татарская рубаха является типичной рубахой для большинства турецких народностей, только немного более усовершенствованной. Что касается устройства воротников, то согласно наблюдений над рубахами турецких народностей, стоящих на более низкой ступени культуры, надо сказать, что отложной воротник является фактором древним, т. к. он наблюдается у башкир, казаков, ряда минусинских и алтайских турок (коллекц. Русск. Музея и МАЭ), в то время как, ныне более распространенный, тип очень низкого стоячего воротника, дающего непосредственный переход к простой обшивке разреза ворота, является заимствованием из Средней Азии, где он сложился повидимому под влиянием рубах персов, не имеющих совершенно воротника (колл. Р. М). Факт более позднего появления стоячего воротника у татар, подтверждает наше предположение, т. к. особенно сильное проникновение ср. азиатских (бухарских) элементов быта к татарам падает на конец XVIII и первую половину XIX века, как на это указывает и Марджани¹⁾, который был свидетелем этого периода и сам учился в Бухаре. Такие же рубахи носят и финские народности В-К края, но только их рубахи обычно узкие, а не ши-

¹⁾ Марджани—Цит. соч. т. II, стр. 24.

рокие, как у татар, узбеков и казаков. Это возможно происходит из за того, что финские рубахи шьются из узкого холста, тогда как рубахи упомянутых народностей изготавливаются из более широких тканей европейского или азиатского происхождения. Принципы же кройки совершенно одинаковы, за исключением мелких деталей.

Второй основной частью татарской одежды являются штаны (Ыштан—ştan). Штаны у татар одного только типа, как мужские так и женские. У мужчин различают два вида штанов, собственно штан—это нижние штаны и чалбар—салвар верхние штаны, носящиеся далеко не всегда, которые отличаются только по материалу, а не по покрою. Нижние штаны шьются из легких материй, преимущественно из ситца, миткаля, бязи, тика и др. реже из льняных материй. Цвета они бывают преимущественно светлого, но не белого. Чаще делаются розовые и сероватых тонов. Чалбар шьются из более тяжелых материй. У крестьян часто из крашеного грубого холста, а у более зажиточных из всяких как хлопчатобумажных, так и шерстяных материй. Цвета преимущественно темные, но до некоторой степени избегается настоящий черный цвет. Свадебные штаны нередко шьются из ярких, преимущественно полосатых, бухарских материй. Ношение двох штанов не обязательно. Часто носят одни штаны, причем чаще только нижние и только наиболее бедные надевают одни штаны из крашеины, которые относятся вообще к группе чалбар. Белые штаны татарами носятся редко. По обычаю их могут носить только наиболее почтенные старики муллы и ишаны. В восточном Закавказьи у тептярей широкое распространение имеют штаны из красной пестряди.

Как уже было указано, штаны у татар, безразлично какого пола и возраста, имеют один покрой и составляются собственно из 3 частей—двух штанин и вставки между ними, так что принадлежат к типу штанов с широким шагом. (См. рис. 61). Штанины (балак—balaq) делаются длиною до щиколоток и разной ширины: то сравнительно узкие, почти обтягивающие ногу, то (у стариков) широкие. Кроятся они из куска материи, длиною в длину штанов и шириною в ширину точки ситца, т. е. 50—60 сант. Сложив этот кусок вдвое, к нему приши-

вают клинья, начинающиеся снизу у самого конца, еще увеличивая ширину штанов, и, недоходящие до верха сант. на 15—20, так что здесь получается между остовом и клином входящий угол. В этот угол вшивается четырехугольник с отношением сторон 2:3, который и создает своей серединой пространство шага, а своими короткими сторонами, вместе с остовом штанины, верхний поясной

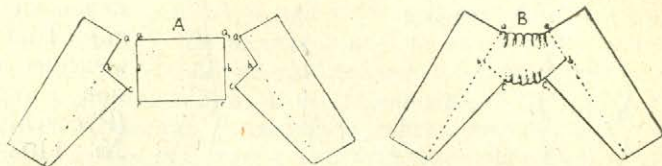

Рис. 61 Принципы кройки штанов.

край штанов. Благодаря этому четырехугольнику шаг получается очень широкий, так что внутренние края штанин можно вытянуть в одну линию со сгибом вставки, причем только несколько сминается верхняя часть. Верхняя часть штанов (йштан төббө—*stan töve*) сравнительно очень короткая, так что татарские штаны укрепляются не на талии, а на бедрах. Край верха загибается в широкую складку, (бөрмә—*bergmä*), куда вставляется тесьма—*өчкөр—ocqır*) посредством которой верх штанов стягивается и они укрепляются. *Өчкөр* чаще делается бесконечным и в отверстие *бөрмә*, находящееся спереди, вытягивается петля, которая завязывается специальным узлом, типа бантового. Реже *өчкөр* делается конечный и тогда концы его завязываются обычной петлей. Никаких разрезов у штанов не делается. В последние десятилетия в городах все более и более начинают носить брюки и кальсоны русского покроя, но в деревнях татарский покрой крепко держится.

Рассматривая татарские штаны с сравнительно этнографической точки зрения, мы видим, что они являются одним из вариантов типичных штанов турецких народностей, штанов с широким шагом. При ближайшем ознакомлении мы видим, что штаны казанских татар, крымских татар, башкир, казаков и туркмен в принципе постройки все одинаковы. Только в татарских и башкирских штанах в середину вшивается четырехугольник, входящий узкими

сторонами в верх штанов, а у остальных вставка имеет форму более или менее длинного ромба, ориентированного к верху штанов теми или другими углами. Таким образом татарские штаны представляют совершенно оригинальный вариант турецких штанов, не встречающийся у других турецких народностей (башкирские штаны веро-

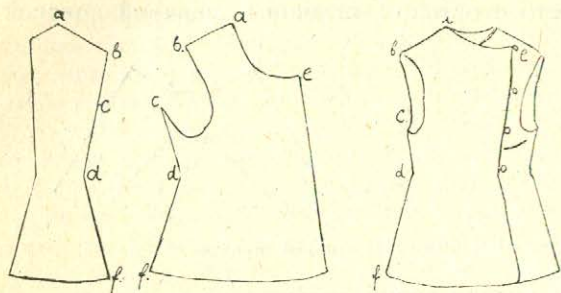

Рис. 62. Принципы кройки мужского камзола.

ятно заимствованы у казанских татар). Только у женских штанов персов (Русск. Музей № 1102—2) вшивается четырехугольник, также, как и у татар, но они вообще построены по другому принципу, с узкими штанинами без клиньев ¹⁾.

Следующей, наиболее часто встречающейся одеждой является камзол (камзул—kamzul), относящийся уже к группе верхних одежд, сшитых в талию (öç биллі—öс ville) и носящийся непосредственно поверх рубахи. Камзолы шьются из различных материй: в настоящее время в большинстве случаев из европейских фабричных тяжелых материй, но раньше они преимущественно шились из ярких разноцветных бухарских, как эдрес и бикасаб, а также из цветной нанки. Камзолы всегда делаются на подкладке, но никогда не подстегиваются. Подкладка делается из различных легких материй.

Камзол представляет собой одежду, сшитую в талию, т. е. он скроен с разрезной спиной, в которой на уровне талии имеются вырезки, так же как и на пришивающихся к спинке полах (см. рис. 62), благодаря чему он плотно обхватывает туловище до талии, а затем ниже резко

¹⁾ Данные о штанах татар взяты по коллекциям Цент. Муз. ТССР, а других народностей по коллекциям Русского Музея и Музея Антроп. и Этнограф. Академии Наук СССР.

расширяется, ниспадая складками. Нижняя часть камзола бывает и уже и шире, смотря по моде. Длина камзола обычно лишь немного ниже бедер и реже до колен (Сбоев ¹⁾). Рукавов у современного камзола совершенно не делается. Раньше в большом употреблении были камзолы с узкими и короткими до локтя рукавами, но в настоящее время они почти исчезли и их можно только изредка встретить у стариков, отдаленных от Казани мест. Камзолы застегиваются на 5—6 пуговиц (тöймә—төймә), большей частью металлических или стеклянных, причем петли (ільмәк—льмәк) всегда делаются пришивные или из шнура, или из материи, но почти никогда не прометываются в полах. Воротник у камзолов всегда низкий, доходящий до конца приполка, где и застегивается на крючок. Иногда камзолы делаются без приполка и тогда на груди они открыты. С боков в камзоле устраиваются карманы, а иногда на груди устраивается еще маленький карман для часов.

Камзол носится всеми классами татарского общества и на всем протяжении их расселения, представляя после штанов и рубахи, наиболее распространенную часть костюма. Только татары живущие по европейски, заменяют камзол русским жилетом. Безрукавая одежда, одеваемая непосредственно на рубаху, имеется не только у татар, но и у ряда других турецких народностей, как башкир (камзол ²⁾), казаков (дженксіз ³⁾) и даже у кряшен, у которых он принимает вид безрукавной поддевки ⁴⁾. Происхождение камзола не совсем ясно, но повидимому это древняя одежда и именно присущая кочевникам туркам но возможно и другое толкование, на котором мы остановимся ниже. Интересно, что для татар камзол не отмечает Георги, в то время как другие авторы, писавшие немного позднее его, ставят его одной из главных одежд, каковой он является и до настоящего времени.

¹⁾ Сбоев—Цит. соч. стр. 21.

²⁾ Руденко—Цит. соч.

³⁾ Русск Муз. № 1062—27.

⁴⁾ Вечеслов Н. Н.—Описание костюмов русских и иностранных у крестьян Казанской губ. Казань, 1897 или Каз. Губ. Вед. 1888, № 99—101, 1879, № 2, 4—7.

Камзол, как уже было сказано, надевается прямо поверх рубахи и составляет домашнюю одежду, в которой на улице не выходят, особенно в городах. Поэтому настоящей верхней одеждой служащей для выхода из дома является другая, также сшитой в талию костюм казакин—kazaki. Казакин по покрою близко подходит к длинному камзолу, но только меньше расширяется ниже талии и всегда с рукавами, доходящими до кисти. Длина казакина обычно ниже колен и даже до щиколоток, но в деревнях встречаются казакины, длиною немного ниже бедер и отличающиеся от камзола только наличием рукавов¹⁾. Полы казакина всегда имеют глубокий запах и застегиваются на левую сторону посредством нескольких пуговиц, в большинстве случаев стеклянных, коралловых или металлических, посредством пришивных петел. Казакинов, оставляющих открытой грудь, совершенно не делается. Край пол до подола нередко обшиваются шерстяной или шелковой тесьмой. Воротник всегда стоячий, но не высокий и застегивается на крючек. На боках обязательно устраиваются вместительные карманы, а на груди у городских купцов небольшой карман для часов. Казакины в настоящее время всегда шьются из фабричных материй темных цветов, а в восточных кантонах у крестьян и из самодельного сукна (пустау—pustau). Однако раньше, в середине и конце прошлого столетия, у горожан широко были распространены казакины из бухарских ярких материй эдресы и бикасаба, но в настоящее время этого совершенно нет. Казакин делается на подкладке, но никогда не подстегивается.

Казакин (рис. 63) является также очень распространенной одеждой, в которой татары выходят из дома. В городах доминирует казакин длинный, а в деревнях, вероятно под влиянием требований удобства для работы, короткий. Горожане почти всегда одевают казакин сверх камзола, а в деревнях он одевается и прямо на рубаху.

Какovo происхождение казакина, также сказать невозможно, но татары считают его своей древней нацио-

¹⁾ У тептярей Приуралья короткий казакин называется кыска цилан—qsqā çilän—(короткий Цилан).

нальной одеждой и время появления его не помнят. Возможно, что это и очень древняя одежда, но трудно сказать о ее древности у татар, ибо казакина нет, например, у казаков,—ближайших кочевых родственников татар. У башкир встречается название казаки, но по отношению к камзолу с короткими рукавами, носимому к тому же

Рис. 63. Группа мужчин Чистоп. кант. (1926 г.).

редко, а одежда, одинаковая по покрою с казакином, называется бишмät¹⁾, причем автор не указывает всегда ли бишмät бывает стеганным, ибо у татар, как мы увидим дальше, бишмät близок по форме к казакину, но всегда стеганный. Проф. Г. С. Губайдуллин, при беседе с ним, склоняется к мысли, что казакин, как показывает и самое название его, был одеждой служилых татар и от них уже перешел к татарам вообще. Так у Георги²⁾ имеется изображение служилого татарина, на котором, под верхней одеждой в виде цилана, надето нечто вроде казакина, подпоясанного кушаком. Однако, указав может

¹⁾ Руденко—Цит. соч. стр. 120.

²⁾ Георги—Цит. соч. стр. 12.

• быть вторичный путь проникновения казакина в народные татарские массы, это предположение не объясняет все же вопроса о его происхождении. Приходится обратить внимание еще на тот факт, что у соседних с татарами народностей и даже у кряшен имеется длинная суконная одежда, в виде поддевки с узкими рукавами, отличающаяся

Рис. 64. Чета стариков.
Челнинск. кант. (1926 г.).

от казакина, только наличием боров, а не вырезки спины. По Марджани в конце XVIII века встречался и у татар „черный чикмень с борами“¹⁾. Наличие этой поддевки у кряшен, у которых сохранились многие старо-татарские черты быта, заставляет нас сделать предположение, что казакин является для татар замствованным у финнов и у русских и лишь переделанным костюмом. Возможно, что он потерял боры в бытность свою форменной одеждой служилых татар, и затем вторично вошел в быт татар мусульман, сохранившись в прежнем виде у кряшен. Настоящее положение, благодаря малой изученности, утверждать трудно и мы ставим его в виде рабочей гипотезы.

Казакин на вате и всегда длинный у татар носит название бишмät—vişmät (рис. 64) и является самой распространенной одеждой татарской бедноты, не имеющей возможности сшить меховой шубы. Никаких других отличий от казакина бишмät не имеет. Бишмät носится во всех классах татарского общества и одевается, особенно богатыми татарами, тогда, когда в казакине ходить холодно, а в шубе еще жарко, но у бедняков, особенно горожан, он является единственной зимней одеждою. Бишмät, как мы уже указывали, встречается у башкир, а кроме того на-

¹⁾ Марджани—Цит. соч. Т. II. стр. 24.

звание это встречается у казаков, но казакский бишмät уже другой формы, прямоспинный и имеет с татарским общим только наименование. Вообще бишмät, как и казакин являются специфической одеждой казанских татар и народностей, находящихся под их влиянием—башкир и мишарей, что возможно до известной степени, показывает на его местное происхождение.

Настоящей зимней одеждой татар является шуба (тун—*tun*). У татар имеется три типа шубы: короткая (кйска тун—*qsqa tun*), шуба в талию (öч биллi тун—*es ville tun*) и шуба прямоспинная (бильсиз тун—*vilsez tun*). Наиболее распространенным типом шубы является второй, тогда как первый и третий встречаются только у богатей, а у бедняков, особенно крестьянства, короткая шуба совершенно отсутствует, а прямоспинная заменяется тулупом.

Короткая шуба (кйска тун—*qsqa tun*) представляет собой собственно меховой камзол с рукавами. Длинною она бывает немного ниже бедер. Раньше кйска тун делали совершенно без рукавов или с короткими рукавами, так что аналогия камзолу получалась полная. Кйска тун делается чаще на легком меху, как заячьем, беличьем и лисьем из лапок. Кроется большей частью фабричной материей, но всегда более легкой, чем длинная шуба. Раньше шили кйска тун из бухарских материй и даже из парчи. Кйска тун застегивается или полностью, как камзол, или грудь оставляется открытой и тогда она застегивается лишь на один крючок или красивую застежку (каптърма—*qartma*). Край пол, подол и проймы (ежели нет рукавов) обшиваются нередко тесьмой или галуном, а также иногда опушаются мехом, большею частью бобра или выдры. Кйска тун употребляется исключительно для хождения дома и одевается прямо на рубаху, реже на камзол. Выходить из дому в ней не принято. Кйска тун в настоящее время почти не встречается, а раньше ее носили преимущественно старики богачи и муллы. Теперь она сохранилась лишь кое-где у старозаветных мулл.

Второй тип шубы в талию (öч биллi тун—*es ville tun*) по покрою представляет собою собственно бишмät, но обязательно на меху. Мех для нее употребляется различ-

ный: овчина, лисий (хребтина, брюшки и душки), корсачий и реже другие сорта. Покрывается шуба всегда какой либо темной тяжелой материей вроде сукна, шевьота, драпа, а у крестьян, нередко, какой либо хлопчатобумажной. (В старину покрывались шубы и бухарскими яркими материями, но в настоящее время таких шуб встретить совершенно невозможно и об их существовании приходится судить только со слов стариков). Изредка в деревнях встречаются шубы и не крытые—из дубленых овчин. Воротники у шуб этого типа чаще стоячие, низкие, хотя в настоящее время делаются и отложные и даже шалью, но очень редко. Полы обшиваются или тесьмой, или мехом бобра, лисы и реже куницы. Подол мехом не обшивается, изредка обшиваются края рукавов и карманы, ежели они есть (карманы косые, как у русских поддевок). Застегиваются шубы всегда на 5—6 пуговиц. Петли обычно пришивные, а пуговицы металлические или каменные, иногда очень крупные до величины лесного ореха и даже больше. Шубы этого образца распространены у всех классов населения и различаются мехом и материалом покрытия, но не покроем, который всегда один и тот же. Надо сказать только, что в деревнях шубы вообще редки и заменяются тулупом. Такие же шубы отмечены Руденко¹⁾ и для башкир, но они там с воротниками шалью.

Третий тип шубы прямоспинной (билсиз—vilsez) представляет собой сравнительно редкий тип, хотя имеющий склонность к увеличению. У такой шубы спина делается прямой и она, с одной стороны сливается с европейским пальто, а с другой с настоящей прямоспинной одеждой—тулупом. Только стоячий воротник и опушка сохраняются на ней довольно долго, но все чаще и чаще встречаются шубы этого типа с воротником шалью и даже обычным воротником, как у русского пальто. Такие шубы носят в большинстве случаев новаторы и они дают незаметный переход к европейскому костюму.

Прямоспинная одежда представляет собой широкую одежду, большей частью не имеющую совершенно никаких застежек и по принципу кройки близка с кўльмаком,

¹⁾ Руденко—Цит. соч. стр. 119.

только всегда с разрезом до полу. У этих одежд большей частью такие же угловатые проймы и такой же принцип вшивания рукава. Закругленные проймы являются уже более поздним явлением и в старинных костюмах их встречать не приходится. Разрез ворота также устраивается по линии плечевого сгиба, но на груди делается не средний разрез, как у кўльмака, а делаются два разреза, начиная от краев плечевого разреза до низа или середины груди, где они сходятся и уже срединным разрезом идут до подола. Начиная от места соединения этих разрезов, к полам пришиваются еще клинья, увеличивающие запах пол. Воротник в большинстве случаев низкий и обнимает собой всю вырезку ворота до места пришивания вышеупомянутых клиньев.

Наиболее распространенным типом прямоспинных одежд, особенно в городах, являются *џилан* и *чикман*—*џилан*, *џикман*, которые имеют одинаковый покрой и отличаются только материалом. Так *џилан* в большинстве случаев шьется из цветных материй, но однотонных, реже с мелкими полосками, чаще зеленого или желтого цвета, а у богатых татар раньше шился даже из парчи, *чикман* же всегда из гладких материй темных цветов: черного, коричневого, темно-серого и даже серого, нередко самодельного. Длина как *џилана*, так и *чикмана*, до щиколоток. Застежек нет или иногда только одна пуговица на уровне низа груди. Рукава узкие и у *чикмана* длиной до половины кисти руки, а у *џиланов* еще длиннее, так что при одевании их поднимают выше кисти, сминая в районе предплечья. Карманов у *џилана* никогда не делается, а у *чикмана* очень редко. *џилан* употребляется особенно пожилыми татарами для мечення в мечеть, а иногда и по улице, а кроме того он же употребляется женщинами, в виде покрывала (см. ниже) при выходе из дома. *Чикман* же это обычная одежда татарина вроде русского армяка. В городах он заменяет летнее пальто. Одеваются как *џилан*, так и *чикман* на камзол и даже на короткий казакин, но никогда прямо на рубаху (рис. 63).

Чикман и *џилан* это так сказать, татарский вариант бухарского халата (*чапан*—*саран*), от которого они по покрою почти не отличаются и лишь шьются из тониро-

ванных ярких материй. Употребляются у татар и настоящие бухарские чапаны, которые завезены сюда узбеками торговцами и муллами, учениками бухарских медресе. Чапаны в большинстве случаев носят духовенство и редко богатые татары, для хождения в мечеть и на торжественные обеды (меджелис). Чапан не застегивается совершенно, также и очень редко подпоясывается. Только изредка муллы подпоясывают его цветным кушаком, или шелковым платком, как это делают узбеки. Чапан всегда надевается поверх камзола или казакина и поэтому нет нужды в его подпоясывании. Стеганных чапанов у татар не встречается совершенно.

Чапан и его татарские варианты *Филан* и *чикман* появились, по рассказам татар, в их быту сравнительно недавно—*Филан* и *чикмань* в XVIII веке, а чапан даже в середине XIX века. Одна старая татарка передавала, что в дни ее детства они в щелочку рассматривали проходящего мимо муллу, одетого в вывезенный из Бухары, разноцветный чапан, который тогда был совершенно невиданной одеждой ¹⁾. *Чикман* и *Филан* повидимому являлись татарским подражанием бухарским чапанам, хотя возможно они и более древнего происхождения, чем это думают сами татары.

Последним типом прямоспинной одежды является *төлөп*—*тольр*—главная зимняя одежда татарских крестьян, тогда как в городах он употребляется только очень богатыми людьми, имеющими по несколько шуб. Крестьянский *төлөб* в большинстве случаев не крытый и шьется из дубленых овчин. Воротник делается шалью и очень большой. У богачей он кроется темным сукном и шьется на лисьем меху. По типу татарский *төлөб* ничем не отличается от дорожного тулупа русских крестьян. *Төлөб* никогда не имеет застежек и при одевании, особенно в дорогу, почти всегда подпоясывается кушаком.

Рассмотрев все главные типы мужских одежд, остановимся несколько еще на некоторых второстепенных частях ее, к которым относятся: фартук, кушак и пояс.

¹⁾ Марджани отмечает тот же факт, называя даже лицо, впервые одевшее *Филан* из китайки—именно Исхака Юсупова, а раньше носили что-то похожее на *Филан* из холста без подкладки, который называли *джуа—ҫаа*. Цит. соч. т. II, стр. 25.

Фартук (ал'япкыч—al'jarqьc) является постоянной принадлежностью татарина крестьянина и рабочего. Почти всегда летом, сверх рубахи и штанов, а зимой сверх казакина, надевается фартук, причем даже в праздник, вместе с праздничной одеждой, многие одевают также и чистый фартук. Фартуки шьются из холста, длиною ниже колен и шириною такие, что закрывают весь перед и бока и лишь сантиметров на 20 не сходятся сзади. Фартук прикрепляется на талии посредством завязок, а вверх идет нагрудник, закрывающий большую часть груди и поддерживаемый тесьмою, перебрасывающейся через шею (Рис. 63 и 65).

Рис. 65. Татарин-крестьянин в бешмате и фартуке. Менз. кант. (1929 г.).

Кушак (пуга или бильбау — pуга, vilbau) употребляется для подпоясывания тулупа и чикмэня, реже шубы, бешмэта и казакина (свадебный казакин), но вообще кушак в татарском быту распространен мало—только для дороги. Кушаки делаются из какой либо цветной материи длиною до 5 метров и шириною до 70 сант. По концам часто пришивается бахрома. Кушак завязывается обычным способом обматыванием вокруг талии, причем концы прячутся, а ежели они обшиты бахромой, то их выпускают по бокам. В некоторых местах есть обычай, чтоб невеста развязывала на новобрачном кушак при его первом приходе к ней, для чего молодой человек запутывает его очень искусно, затрудняя всячески отыскивание концов. Ввиду трудности подобного распутывания, невеста иногда подсылает кого либо подсмотреть способ прятания концов кушака.

Еще реже кушака употребляется пояс (кәмәр—кәтәр). Пояс представляет в большинстве случаев шелковую, бархатную или ковровую тесьму, шириною в 5—7 сант., к концам которой пришиваются красивые серебряные бляхи-застежки (каптырма—qaptrma). Нашивается нередко также ряд блях по длине пояса (описание блях смотри ниже). В настоящее время такие пояса совершенно вышли из употребления, тогда как раньше, по указаниям Георги¹⁾ ими часто подпоясывали рубахи и верхнюю одежду. Однако вообще пояс вещь не татарская и все экземпляры их, которые приходилось встречать, были или туркестанского, или даже кавказского происхождения. Повидимому пояс являлся наносным предметом в татарском быту и очень скоро из него выклинился, хотя например Руденко²⁾, отмечая пояс у башкир, говорит, что это заимствование у татар. Трудно это опровергнуть, но вообще пояс в татарском быту имеет очень малое, скорее декоративное значение — возможно заменив собою сабельную перевязь, которой стягивали талию военные татары. В настоящее время пояс употребляется только с русской рубахой и он уже представлен или обычным русским ремнем или узким с серебрянными бляшками кавказским.

Изготовление нижней одежды, как рубах и штанов, ведется в каждом доме женщинами, а всю верхнюю одежду, начиная с камзола, изготавливают специальные портные (тігүчі—tgyce). Портные бывают у татар двух типов, или, так сказать, оседлые, которые обшивают население своей деревни, или бродячие, для которых портновство есть отхожий промысел. Так в некоторых деревнях значительное количество мужчин являются портными, которые каждую зиму уходят на заработки и, ходя из деревни в деревню со своим инструментарием, заходят далеко за пределы Татарии. Они останавливаются то у того, то другого крестьянина, где есть работа. Таких бродячих портных очень много и они обслуживают не только татар, но даже в значительной степени и западных башкир. Значительное количество таких бродячих порт-

¹⁾ Георги—ч. II, стр. 12.

²⁾ Руденко—Цит. соч. стр. 130.

ных выходит из деревень Мамадышского кантона, где, например, в д.д. Тюлязи и Никифоровке едва ли не поголовно все мужчины портные. Эти бродячие портные, имея определенные навыки в шитье типовой одежды, разносят их по всей территории поселения татар и этим возможно в значительной степени объясняется однообразие в татарской одежде и слишком малое количество чисто местных вариантов. Одежду раньше шили исключительно на руках, но в настоящее время бродячие портные обзавелись швейными машинами и перевозят их из деревни в деревню, но при этом реже кочуют из дома в дом, где есть работа, а, остановившись в одном доме, открывают временную мастерскую и, исполнив все заказы, перекочевывают в другую деревню.

Заканчивая описание мужских одежд, несколько остановимся на тех комбинациях, в которых эти одежды носятся. Рубаха и штаны являются обязательными одежками, но в них одних ходят только очень старые старики летом, а люди рабочего возраста обязательно одевают камзол или, по крайней мере, фартук. Штаны летом чаще носятся одни, стариками штаны, а прочими чалбар, а зимой, кроме самых бедняков носят двое. Из верхних одежд больше всего носятся камзол и казакин, первый дома, а второй вне его. Филан и чапан носят преимущественно пожилые люди для хождения в мечеть и в обычной жизни в настоящее время не употребляют. Чикман очень распространенная летняя одежда. Бишмат наиболее распространенная одежда, и часто, особенно в деревнях, шубы не делают, надевая во время сильных холодов на бишмат тулуп. В городах бишмат служит более легкой зимней одеждой, тогда как зажиточные горожане во время сильных морозов носят шубы того или другого образца. Чикман, чапан, филан и все другие верхние одежды на рубаху никогда не одеваются, а всегда на камзол. Только короткий казакин надевается и прямо на рубаху (рис. 62).

Женские одежды татар близки к мужским и почти все части женского костюма имеют аналогов в мужском, являясь лишь его вариациями. Только женская рубашка, отличаясь своей длиной, придает женскому костюму на первый взгляд совершенно другой вид, но и она по принципам построения совершенно аналогична мужской. Такая

общность мужского и женского одеяния повидимому для татар является фактором очень древним, ибо например Плато Карпини ¹⁾, об одежде татар его времени пишет „платье как мужское, так и женское одного покроя... Девки же и молодые замужние женщины с великим трудом распознаются от мужчин, потому, что одеваются точно также, как и мужчины“. Женские одеяния отличаются от мужских только большей тщательностью отделки, лучшим материалом и большей разработкой орнаментальных деталей.

Основными частями женской одежды также являются рубаха-платье (кўльмәк—кулмәк) и штаны. Затем следуют одежды в талию: камзол, бишмәт, тун и наконец прямо-спинный җилән.

Рубашка-платье (кўльмәк—кулмәк) является самой нижней одеждой татарок и одевается непосредственно на тело, ибо никакого специального белья, в европейском понимании этого слова, у татар нет. Богатые и средние татарки одевают на себя несколько кўльмәков, начиная с наиболее простого, а бедные татарки ходят только в одном кўльмәке, одевая, для предохранения от холода, какую либо верхнюю одежду.

Материал для изготовления кўльмәков идет самый разнообразный. Сюда входят все легкие материи, начиная с самодельного холста (всегда крашеного) и кончая лучшими шелками и даже тонкой парчей (старинные богатые кўльмәки). В большинстве случаев у крестьянок и бедных горожанок кўльмәки изготавливаются из ситца. Шерстяные ткани употребляются сравнительно реже и их охотнее заменяют шелковыми. Цвета материй употребляются различные, за исключением чисто белого и темных тонов (темно коричневого и черного, ибо ношение черного цвета многими считается за грех). В общем тона берутся более светлые. Чаще всего употребляются основные тона, голубые, зеленые (тусклые и яркие разной густоты), красные (чаще бордовые), розовые, малиновые и др. Предпочитаются материи не гладкие, а с рисунком или набивным, или тканым, как у дорогих шерстяных и шел-

¹⁾ Плато Карпини—Путешествие к татарам. Изд. Языкова, СПб. 1825, стр. 75.

ковых тканей. Ситца, например, чаще берутся с яркими цветами, как крупными так и мелкими, причем наиболее яркие и пестрые ситца употребляются пожилыми женщинами, тогда как молодые берут сочетания поспокойнее. Кроме того применяется шитье кўльмаков из различных материалов, так, например, оборки делаются нередко из другой материи, чем остов платья. Особенно это распространено в глухих деревнях и в городах очень редко. Вообще городские зажиточные классы одеваются более однотонно, чем крестьяне, но бедные горожанки одеваются также пестро.

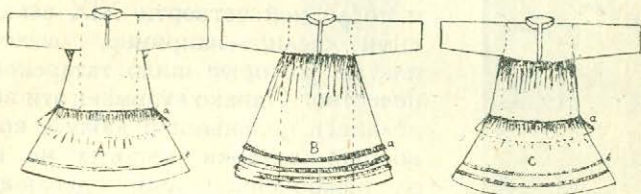

Рис. 66. Принципы кройки женского кўльмака.

По основному плану кўльмак (рис. 60) представляет то же, что и мужская рубашка, но длиною всегда до щиколоток, ибо коротких кўльмаков татарки не носят, чем значительно отличаются от других соседних народностей, у которых женская рубашка едва прикрывает колена (длинные кўльмаки носят не только мусульманки, но и кряшенки). Далее татарские кўльмаки всегда бывают очень широкими в подоле, что опять резко отличает их от соседней-финнов.

По плану кройки основной части кўльмака, их можно разделить на 3 группы (рис. 66). Первая группа, когда весь остов кўльмака шьется цельным от плеч до подола и тогда план его покроя совершенно совпадает с мужской рубашкой, т.-е. с вставными клиньями с боков, начиная от пройм, которые делаются угловатыми и рукава вшиваются с ластовкой. Вторая группа, когда остов рубахи идет лишь до бедер, а дальше пришивается оборка, которая шире остова и составляет подол платья. Третий тип, когда остов состоит из двух частей: плечевой части до середины груди (кокетка) и собственно остова, начинающегося от

груди и идущего до подола, причем эта часть всегда широкая и пришивается к плечевой с целым рядом мелких сборок (рис. 67). Последний тип кўльмака по способу вшивания рукавов уже одинаков с русским городским и проймы делаются круглые. Имеют круглые проймы иногда и кўльмаки второго типа, но первого всегда шьются с угловатыми проймами. Кроме этих типов,

Рис. 67. Девушка в кўльмаке. Арск. кант. (1923 г.).

уже под влиянием русских одежд, у богатых татар встречаются кўльмаки в талию с обильными борами сзади по типу европейской моды середины и последней четверти XIX века. Такими были, например, выходные платья, которые шило татарское купечество. Однако кўльмаки эти всегда делались цельными и юбку с кофтой вообще татарки никогда не носят за исключением лиц, одевающихся по европейски, причем в деревне такой костюм высмеивают, и вообще к юбке с кофтой относятся очень недружелюбно.

Плечевая часть кўльмака иногда до талии, а иногда до середины груди, обычно имеет подкладку и без нее платья редки. На подкладку берется какая либо простая материя и не редко просто самодельный холст.

На эту основную часть платья всегда нашиваются оборки в различных местах и в разном числе. На наиболее бедных и простых кўльмаках нашивается лишь одна оборка шириною в 10—12 сант., нашитая в сборку у самого подола, так что ее край лишь немного выше края подола. Иногда такая оборка нашивается еще и отстоит от края подола на 10—15 сант., но это редко, ибо татарки в настоящее время почти никогда не оставляют подол совершенно гладким. На более богатых платьях нашиваются 2—3 оборки или едва прикрывая одна другую, или же почти целиком закрывая подол и друг друга и тогда по выражению татар платье получает

трехэтажный подол (öç kat itäklä külmäk—өс қат itäkle külmäk). Выше этих оборок иногда нашивается еще узкая оборка, не налегающая на предыдущие. Однако платя с таким трехэтажным подолом, по замечанию Насырова, татары не любят, считая их одеянием женщин легкого поведения ¹⁾.

Кроме оборок,шиваемых более или менее близко к подолу платья, на старинных платьях, а также на платьях старух и в настоящее время нашивается широкая оборка на уровне середины груди (рис. 68). Ширина этой оборки достигает до 30 сант. Нашивается она всегда с бориками, а нередко ее пришивают с т. н. „головкой“, т. е. верхняя часть оборки выставляется в виде щеточки, а на месте пришивки иногда нашивают узкую, в 1—2 сант., ленту или из той же материи, или даже из другой.

Эта оборка покрывает всю нижнюю часть груди и оканчивается на уровне талии. Все оборки на платье чаще всего шьются из

того же материала, что и остов платья, но иногда их, делают и из другого материала, а оборка на груди на старинных крестьянских платьях довольно часто шилась из кусков различных материй. Вся оборка составлялась из полос шириною в 10—15 сант. каждая и таким образом, оборка получает как бы вертикально расположенные по платью полосы разного цвета. Платья с такими оборками кое-где в глухих местах сохранились

Рис. 68. Богатая женщина в кўльмаке с широкой оборкой ниже груди. На груди изў. На голове старинный колпак. Из собр. Центр. Музея ТССР.

¹⁾ К. Насыров—Неизданные произведения.

и до настоящего времени, как у татар (д. Тат. Кирмени, Мамадыш. кант.), так и у кряшен (д. Никифоровка-Чия-баш, Мамад. кант. и в Мензел. кант.). Кроме оборок на богатых платьях нашивают еще полосы из цветных лент, идущие выше подольных оборок несколькими параллельными линиями. Такие нашивки делаются не шире 2—3 сант. и нашиваются одна от другой на расстоянии около 10 сант. и их нашивается 2—3 штуки (рис. 68).

Некоторые модницы, даже и не на особенно богатых платьях, нашивают еще оборку, шириною около 10 сант. выше подольных оборок, располагая ее крупными фестонами, которых укладывается вокруг всего платья от 5 до 7—8. Эти оборки почти всегда обшиваются по краю бахромой или кружевами, всегда другого цвета, чем оборка, которая одинакова с платьем. Бахрома и кружева чаще всего белого или черного цвета, причем с голубым чаще тонируется белый, а с зеленым или красным черный цвет бахромы. Иногда нашивается фестонами только бахрома или кружева.

Все эти оборки, нашиваемые на платья, не имеют никаких ни классовых ни территориальных особенностей и скорее подчиняются капризам моды, а также фантазии своих обладательниц. Только без оборок платьев в настоящее время не носят, а число и место нашивания их мало поддаются классификации, кроме нагрудной оборки, которая не меняет место и почти не варьирует в своей ширине. Однако по свидетельству Марджани¹⁾ в конце XVIII столетия оборок не пришивали, а лишь нашивали ленты и полосы материи по несколько штук.

Воротник у женского кўльмака всегда делается стоячий и очень низкий, не выше 1 сант. (реже выше и то на платьях нового покроя) и застегивается посредством крючка. Разрез на груди делается прямой и никогда не имеет ни приполка, ни застежки, так же как и на мужском кўльмаке. Поэтому при застегнутом воротнике на груди получается щель в 1—2 сант., которая или прикрывается нацепным изу (см. ниже), или через ее виднеется кўкракчә (см. ниже).

¹⁾ Марджани—Мустафад'уль-ахбар, т. I, стр. 31.

В некоторых местах, а раньше и повсеместно, очень часто нашивали неснимаемое украшение—изу́ из галуна или чаще просто из разноцветных полосок материи. Такая нашивка представляет собой следующее (рис. 68). Вдоль разреза ворота по обе стороны нашиваются полоски материи шириною в 2—3 сант. Они начинаются от уровня плечевого шва, спускаются параллельно разрезу до его конца, здесь делают овальный поворот и идут по другой стороне разреза опять до шва. Таких полос концентрически нашивается от 3 до 5. Полосы обычно белого, желтого и красного цвета. Реже встречаются голубые и синие. Вместо полос материи часто нашиваются соответственной ширины ленты. Край такого изу́ иногда обшивается галуном, но настоящие изу́ из галуна делаются уже снимаемыми (см. ниже), ибо они не переносят стирки. В настоящее время, как нацепнос, так и нашивное изу́ исчезает из быта и сохранилось более хорошо лишь в глухих углах Арского, Мамадышского и Лаишевского кантонов, преимущественно на платьях старух и девочек 10—12 лет.

Рис. 69. Старуха в рабочем кўльма́ке. Мензелин. кант. (1929 г.)

Рукава кўльма́ков делаются различные, смотря по типу кўльма́ка, а также по времени, когда он шит. Они всегда бывают длинные до кисти, ибо коротких рукавов татарки никогда не носят. В первой половине и в середине прошлого века у богатых платьев делались рукава очень длинными, спускающимися до колен и в них на уровне кисти устраивались прорезы. Ширина рукавов также варьирует в зависимости от времени. Так на старинных платьях делались рукава и широкие до 30—35 сант. и узкие, в которые на конце не могла пролезть рука, т. ч. пользование боковыми прорезом было обязательным. В настоящее время рукава больше делаются узкими, только чтобы пролезла рука, и широкие рукава

встречаются редко у старух. Рукава по принципу кройки почти всегда прямые и цельные. Рукава из двух половинок делаются только на платьях, подражающих европейской моде. Вшивание рукавов у простых кўльмаков делается как в мужской рубашке, т. е. с ластовкой (кїштăк—kїштăk¹⁾), причем на плече иногда делается небольшое количество мелких бориков, в кўльмаках же с круглыми проймами рукав вшивается по европейски. Как и вообще кўльмак, так и в частности форма его рукавов, сильно варьирует соответственно влияниям моды, как чисто татарской, так и европейской. Так в 80-х годах прошлого столетия у кўльмаков богатых татарских модниц появляются рукава с сильно расширенной, в виде пузыря, верхней частью и эта мода, перебросившись в деревню там продержалась довольно долго. Вообще надо сказать, что кўльмак больше других одежд находится под влиянием капризов моды, которые касаются тех или иных деталей, но не изменяют основных черт этой одежды. Вышивка на кўльмаках применяется очень редко. Только изредка вышиваются букеты на подоле выше оборок, ежели владелица находит, что материя не достаточно ярка. Однако подобное расширение кўльмаков применяется преимущественно в деревнях.

Таким образом кўльмак в своих основных частях является одеждой одинаковой для всех мест поселения татар, для всех классов и варьируют только детали. Так в городах больше влияния европейского платья, которое в деревнях меньше. Что касается возрастных изменений деталей кўльмака, то в каждой местности есть тип кўльмака более излюбленный для того или другого возраста. В Арском и Мамадышском кантонах, например, кўльмак с широкой оборкой на уровне груди носят почти исключительно старухи, а в Чистопольском их носят и молодые женщины. Затем старухи в настоящее время носят платья с нашивным изў, но также далеко не везде. Далее, например, то же платье с оборкой на груди, исчезнув у взрослых, появляется у девочек 5—6 лет и т. д., так что

¹⁾ Марджани—Цит. соч. отмечает, что кїштăк делались очень большими: „даже рассказывают, что кїштăк одной женщины хватало на детское одеяло“, стр. 31.

каких либо определенных закономерностей в этом вопросе подменить совершенно невозможно.

Основная форма кўльмака, т. е. его значительная ширина и длина до щиколоток отмечается для татар всеми писавшими о них авторами. Только у Георги ¹⁾ есть указание, что „в летнюю пору ходят они (каз. татарки), как черемиски и пр. в белых или крашенных по большей частью узорчато вышитых и крепко подпоясанных рубахах“. Подобные же данные отмечает Марджани ²⁾, указав, что „около Симбирска носили холщевые рубашки, отороченные по швам, полоской кумача в палец шириной, с пришитыми к рукавам и плечам кусками красного и зеленого шелка“, при чем этот факт Марджани отмечает, как несомненное влияние соседних финнов. Однако повидимому это явление было только в некоторых местах, ибо его, например, не отмечает Лепехин, описывающий татар по Черемшану, т. е. из мест с наибольшим количеством влияний соседних народностей чуваш и мордвы, с которыми татары здесь живут черезполосно ³⁾.

Сравнивая формы татарского кўльмака с таковыми же у других турецких народностей, нам, на основании просмотра значительных собраний Ленинградских музеев, а также и литературных данных, удалось установить, что основной план женского кўльмака у башкир, казаков, узбеков и туркмен совершенно одинаков с казанско-татарским и только у крымских и астраханских татар на кўльмаке сильно сказалось кавказское влияние и он получил совершенно другой основной план в талию, с обязательным ношением пояса, чего у татар никогда не бывает. У казанских татар также различные виды кўльмака, по нашему мнению, есть результат многочисленных влияний на древнюю основу. Так если мы возьмем кўльмак кряшен, то здесь можно подобрать целую серию, дающую переход от очень широкого кўльмака турок к узкой рубашке финнов. Постепенное удлинение верхней части кўльмака и, сообразно с этим, опускание оборки, создающей подол, постепенно приводит как бы к финской короткой и узкой рубашке, к которой пришта оборка, удлиняющая ее почти

¹⁾ Георги—Цит. соч. часть I, стр. 12.

²⁾ Марджани—Цит. соч. т I, стр. 32.

³⁾ Лепехин—Дневные записки.

до земли и резко расширяющая подол. Такие кўльмаки с одной стороны наблюдаются у Елабужских кряшен, но там пришивка подола не спускается ниже бедер, а с другой у кряшен б. Свияжского кантона (Молькеевских), где в старинных своих образцах встречаются типичные белые с красными полосами кумача чувашские рубашки, но только на подоле обязательно пришиты, в отличие от чувашской рубахи, одна или две узеньких оборки. Принимая во внимание выше цитированные указания Георги и Марджани на ношение татарками белых рубах с нашивным и даже вышитым орнаментом, мы можем отчетливо говорить о влиянии на татарский кўльмак финской рубашки в частности в ее чувашской форме. Эти данные как будто дают право говорить или о каких то пережитках турецких элементов в рубашке чуваш или возможно скорее об общем пути развития этого вида одежды у обоих народов, но с большим уклоном в сторону финнов у чуваш и в сторону сохранения прежних форм (точнее форм близких к современным кўльмакам кочевых турок) у татар. Правда, здесь довольно сильно вклиниваются значительные элементы отатаривания, которые мы можем наблюдать в различных частях по отношению к соседним народностям.

Современное состояние изученности этого вопроса не дает возможности утвердить что либо категорически, но все же взаимные влияния турок и финнов, имеющиеся в крае в продолжении громадного отрезка времени не могли не отразиться и на татарском кўльмаке, несомненно в основе общетурецком.

Непосредственно близко связанной с кўльмаком частью женских одежд является т. н. кўкрәкчә—күкрәксә—нагрудник, надеваемый на голое тело под кўльмаком и почти всегда видимый в разрез ворота последней. Кўкрәкчә представляет собой кусок материи в форме четырехугольника, варьирующего в размерах около 20×30 , 25×40 сант., у которого два угла, прилегающие к узкой стороне, скошены (см. рис. 70). Эти два скошенных угла являются верхними и пространство между ними равняется приблизительно половине окружности шеи. На среднюю часть кўкрәкчә, начиная от этой верхней стороны, обязательно нашивается второй слой материи, длиною около 20 сант. и шириною в пространство между скошенными

углами. Таким образом середина кўкракчә и одна сторона становятся двуслойными, а 3 остальные стороны однослойными и составляют как бы обшивку к этой двухслойной основе. Кўкракчә шьются из различных материй, причем средняя нашивка почти всегда вышивается, более или менее богато. Иногда эти вышивки бывают очень красивы и молодые женщины любят хвастаться подобными кўкракча. Реже встречаются кўкракчә не расшитые, но тогда все же средняя нашивка делается из яркой и пестрой материи, тогда как остов из гладкой и менее яркой. К верхним углам пришиваются две тесемки, посредством которых кўкракчә и укрепляется на шее и спускается на грудь. Иногда вместо завязок устраивается нечто вроде лямок, один конец которых пришивается к верхним углам, а второй к месту начала сгиба углов на длинной стороне. Такие лямки надевают через руки и кўкракчә держатся на плечах, но шейные завязки все же часто сохраняются. В таком виде кўкракчә представляет собой нечто вроде бюстодержателя. У мишарей Хвалынского и Вольского уездов Саратовской губернии кўкракчә делают очень большими, достигая размером до 30×50 сант. и очень богато расшиваются (колл. Саратовского Этнографического Музея).

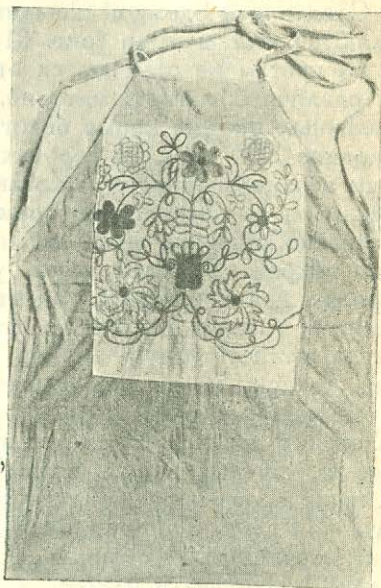

Рис. 70. Кўкракчә. Из колл. Центр. Музея ТССР.

Кўкракчә носят только замужние женщины, а девушки не носят их совершенно. В некоторых местах его не носят и старухи, но далеко не везде. У кряшен кўкракчә как будто нет (точно выяснить не удалось). Неизвестно есть

ли он и у казаков, ибо в литературе подобных указаний не удалось найти, а имеющийся в коллекции Этнограф. музея Казанск. Ун-та казакский кўкрякчә слабо датирован и вызывает сомнения. У башкир он, по данным Руденко¹⁾, имеется под названием тушельдрык или кукрякся, но его носят не везде и по разному: то только женщины, а то и девушки.

Следующей одеждой женщин, одеваемой прямо на тело, являются штаны—*ştan* (рис. 61), которые ни по покрою, ни по цветам не отличаются от мужских и изготавливаются из различных легких материй, преимущественно ситца, различных цветов, кроме белого. Одно время, во второй половине XIX века, в городах было увлечение шароварами турецкого покроя и красного цвета²⁾, но оно скоро исчезло и до настоящего времени только некоторые деревенские модницы шьют штаны красного цвета, но обычного покроя. Верхняя часть у женских штанов так же коротка, как и мужских, так что их носят на бедрах и у пожилых татарок на бедрах даже получается полоса от шнура штанов. Шнур—(өчкөр) делается иногда и конечный. Татарки носят штаны всегда и некоторые крестьянки не снимают их даже на ночь. Носят их все, начиная от маленьких девочек до старух включительно. Татарки мало стесняются показывать штаны посторонним. Так, садясь на нары в обычную для каз. татар позу,—одна нога поджата под себя, а другая лишь согнута в колене и поставлена вертикально—татарки не особенно заботятся тщательно обдергивать платье, а также иногда они приподнимают платье для того или другого дела и не стыдясь обнаруживают штаны. Штаны у женщин так же, как и у мужчин, забуваются в чулки или ичеги, но у маленьких девочек, бегающих босиком, они спускаются до щиколоток.

Интересно отметить, что татарки используют штаны для подтыкания во время работы платья. Татарки никогда не подтыкают платье с одного боку, как это делают русские женщины, а всегда забирают его в складку за об-

¹⁾ Руденко—Башкиры. Часть II ст.140—141. Рис. 127—128.

²⁾ Такие шаровары были в costume, приподнесенном казанским купечеством жене Александра II, который хранится в Центр. Музее Народоведения (быв. Румянцевск. музей) в Москве.

шивку штанов так, что подол равномерно поднимается, а на бедрах получается уходящая внутрь складка, где и помещается убранный часть платья.

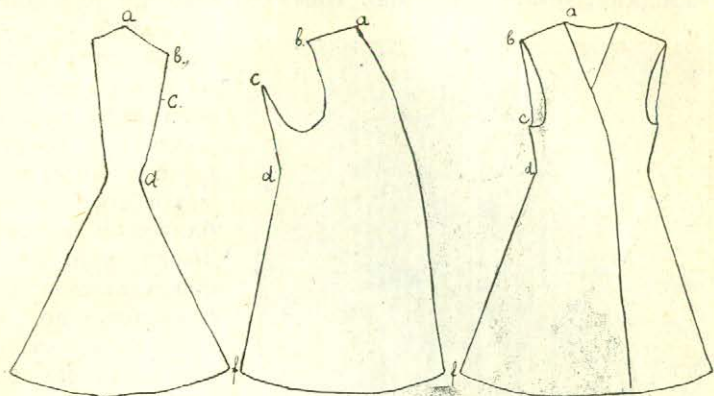

Рис. 71. Принципы кройки женского камзола.

Сверх кўльмака татарскими женщинами часто носятся камзолы (рис. 71 и 72), того же покроя, что и мужские, только расширение к подолу у женских камзолов больше и поэтому больше ниспадающих складок ниже талии. Точно так же женские камзолы имеют больше вариаций в различных деталях. Во первых довольно значительно варьирует длина камзола, от короткого, едва закрывающего верх бедер, который носится, преимущественно молодыми женщинами, до длинного до колен и даже ниже, обычный камзол пожилых женщин и старух. Варирует также устройство ворота. Чаще всего женские камзолы совершенно не запахиваются и полы их едва сходятся на нижней части груди, оставляя верхнюю часть ее совершенно открытой. Реже встречаются камзолы, имеющие так же открытую грудь, но на верхней части пол устраиваются большие лацканы другого цвета, которые всегда откинута в сторону. Так же редко встречаются камзолы с запахивающимися полами (чаще у старух), но в виду того, что часто в деревнях женщины носят камзолы мужские (с мужа), то не редкость встретить наглухо застегивающийся камзол и на женщине. Женские камзолы чаще всего

не застегиваются совершенно или, реже, имеют одну застежку на нижней части груди, большей частью представляющуюся в виде красивой серебрянной бляхи или застежки (каптырма — qaptrma). Камзолы шьются различной

Рис. 72. Богатый старинный женский камзол.
Из колл. Центр Музея ТССР.

согреваемости, начиная от камзол из легкой материи и на такой же подкладке и до стеганного или даже мехового, который близок к мужской кыска тун. Рукавов у камзолов не делается, но, по рассказам стариков, раньше шились и с короткими рукавами, при чем такие камзолы назывались ксэбикэ — ksəbikə и имели некоторые особенности в кройке, на которые мы укажем ниже. Материал для изготовления камзолов идет очень разнообразный. Крестьянские легкие камзолы шьются чаще из нанки, китайки, а также из эдресы, а у богатых из различных шелковых материй, при чем довольно широко распространено изготовление камзолов персонально для каждого кўльмака и из одной с ним материи. Более тяжелые камзолы шьются из штофа, атласа и даже иногда из бархата, как на легкой подкладке, так и на не толстой стежке (рис. 72). В прошлом столетии у богатых татар было широко распространено изготовление женских камзолов из парчи, при чем парчевые камзолы делались и легкие, и стеганые и ме-

согреваемости, начиная от камзол из легкой материи и на такой же подкладке и до стеганного или даже мехового, который близок к мужской кыска тун. Рукавов у камзолов не делается, но, по рассказам стариков, раньше шились и с короткими рукавами, при чем такие камзолы назывались ксэбикэ — ksəbikə и имели некоторые особенности в кройке, на которые мы укажем ниже. Материал для изготовления камзолов идет

очень разнообразный. Крестьянские легкие камзолы

ховые. В настоящее время парчевые камзолы, так же как и из тонированных бухарских материй, встречаются очень редко, разве только у старух. меховые камзолы шьются чаще на меху лисы или корсака, реже на заячьем и белlichem. Вообще в настоящее время меховые камзолы очень редки и носятся только старухами, а раньше, по рассказам старух, их носили и молодые женщины.

Воротник, полы, подол и проймы камзолов обычно обшиваются или полоской цветной материи, или, чаще, позументом. Богатые камзолы нередко обшиваются мехом, чаще выдры или бобра (кама и камчат), реже соболя, куницы и даже лисы. Распространено также обшивание камзолов подделанным под дорогой дешевым мехом (рис. 73).

Позумент на обшивку употребляется реже шире 2 сант., а меховые полоски до 4—5 сант. Совершенно не обшива-

Рис. 73 Старуха в камзоле. На голове камчат б'ур'к. Из собр. Центр. Музея ТССР

ются ничем, кроме меха, камзолы из парчи и бухарских материй. У камзолов с лацканами последние всегда делаются из более дорогой материи, но богатых камзолов этого типа вообще не бывает, ибо они распространены только в деревнях и то в сравнительно небольших районах.

Камзолы одеваются непосредственно сверх к'ульмака и деревенские женщины в них ходят и по улице, тогда как в городах это, как и у мужчин, исключительно домашняя верхняя одежда. Встречается камзол и у кряшен,

но уже в виде поддевки без рукавов (џиџсіз), причем боры делаются у них не во всю спину, как у обычной поддевки, а в виде двух групп по обе стороны спинного шва. Употребляются камзолы также и у башкир и казаков и нет их, как будто, в числе женских одежд у народностей Туркестана, у которых вообще одежды в талию не имеют распространения ¹⁾. У крымских татар и ногайцев безрукавки нет, но там употребляется безрукавное платье с открытой грудью, надевающееся на рубашку, которое сшито в талию и повидому не оставляет места для камзола ²⁾.

Вышедший совершенно из употребления камзол с рукавами—ксайбика—ксайвике имел некоторые отличия от обычного камзола по кройке. Так у единственного ксайбика, имеющегося в коллекциях кабинета Географии и Этнографии Казанского Гос. Университета, очень к тому же плохо датированного, в кройке спины имеется то отличие, что часть ее ниже талии имеет еще дополнительные клинья, упирающиеся в вырезки спинки, на уровне талии, отчего часть камзола ниже талии, особенно сзади, получается еще шире, чем у обычного камзола, и подол разворачивается веером почти на три четверти круга. Таким образом спинка ниже талии состоит именно из трех частей и оправдывает общее для одежд в талию название оч биллі (трехспинный). К сожалению единственный, да еще плохо датированный, экземпляр этой старинной одежды, не дает возможности ее более полного изучения, а рассказы старух дают мало материала для этого. В литературе нами встречено название ксайбика только у К. Насырова (стр. 91), при чем только упоминание и настолько краткое, что не установишь, была эта одежда в его время или он об ней пишет по наслышке, а Фукс (стр. 16) описывает камзол с длинными рукавами и на меху. Возможно, что это ксайбика, но этого названия Фукс не употребляет.

Зимней одеждой татарок является бишмат или тун (шуба) совершенно того же покроя, как и мужские одеж-

¹⁾ В коллекциях М. А. Э. есть детский камзол из эдрессы из Туркестана, но плохо датированный.

²⁾ Коллек. Ленинград. музеев.

ды с этими названиями. Бишмät всегда стеганный, а шуба на меху. В деревнях у бедных татарок бишмät часто является единственной зимней одеждой, а у богатых он служит легкой зимней и осенней одеждой. Материал для изготовления этих костюмов берется разнообразный, как хлопчато бумажный, так и шерстяной. От нанки до бархата и плюша все тяжелые материи идут на шитье этих костюмов. Цвета более однотонные, при чем чаще всего встречаются различные оттенки голубого, зеленого, желтого, бордового, реже встречаются темные тона, а черный лишь в исключительных случаях. Из тонированных бухарских материй, в настоящее время их не шьют, да и раньше они шились реже, чем мужские. В городах в настоящее время, наиболее широко распространены у женщин прямоспинные женские пальто. Воротники как у бишмäта, так и у тун, делаются стоячие и только у новых шуб отложные и даже шалью. Опушка ни пол, ни воротника не употребляется. Мех для шуб преимущественно употребляется лисий — любимый мех татар. В деревнях встречается бараний, а также заячий. Другие сорта меха очень редки.

Из прямоспинных одежд у татарок употребляется *җилән—җилән* совершенно того же покроя, как и мужской, нередко с мужского плеча. В настоящее время *җилән* является исчезающей одеждой и употребляется только старыми татарками, да женами мулл исключительно в виде покрывала. Им закрываются с головой, выходя на улицу таким образом, что воротник набрасывается на голову и спускается вокруг лица, а рукава оказываются на спине. Раньше *җилән* татарские женщины носили и одевая в рукава. Так у Фукса (стр. 16) в описании татарских женских одежд, фигурирует *җилән* „парчевый или шелковый с позументом, очень длинный и с весьма длинными рукавами, ценою у богатых до 2.000 руб.“ и здесь же он прибавляет: „ныне *джилян* выходит из моды, а вместо него делают *камзол* с длинными рукавами у богатых из парчи, а у бедных из китайки или нанки, на лисьем или заячьем меху“. Трудно сказать о какой одежде говорит Фукс здесь: о женском ли казакине — *кәсәбикә*, ныне исчезнувшем, или о бишмäте, или шубе. Далее же (стр. 56-57), описывая свадебный пир татарок, он упоминает

Ҷилән в качестве покрывала, употребляемого при выходе на улицу. У Георги на рисунке казанск. татарски, она изображена в широкоспинной верхней одежде, вероятно, Ҷиләне. Наконец Лепехин (стр. 16) описывает “балахон на подобие халатов из китайки и различных темных материй” и называет их „чилиан“. Таким образом Ҷилән в XVIII столетии, повидимому, служил одеждой, одеваемой

Рис. 74. Молодая женщина в рабочем кўльмаке и фартуке. Арск. кант. (1923 г.).

в рукава, а затем начиная с XIX века, постепенно превратился в покрывало для закрытия лица при выходе на улицу, в каковом значении он сохранился и до настоящего времени. Так в Казани еще и теперь в Татарской слободе в пятницу можно изредка видеть фигуры женщин, отправляющихся в гости, одетых с головы до пят Ҷиланом. Вместе с обычаем закрывания женщин, Ҷилән теряет и это значение и совершенно выходит из быта. Очень редко женщины употребляют в качестве покрывала и бухарский чапан. Подобный же обычай употреблять одежду вместо покрывала отмечается у узбеков—пәрәнҗә—рэгәнсә и у текинцев, но там эта одежда претерпевает значительные изменения. Так рукава у нее настолько суживаются, что превращаются наконец в чисто декоративный привесок, тогда как у татар берется обычный Ҷилән без каких либо изменений

Отметим также фартук ал'япкыч—al'jarqs, который женщины одевают чаще во время работы, а девушки носят его всегда, щеголяя им. Фартуки у татарок делаются с небольшим нагрудником, укрепляющимся на шее (рис. 74). Старинные фартуки были узкие, прикрывающие только пе-

ред кўльмака и делались из самотканых цветных материй, с тканым же рисунком. Такие фартуки до сего времени бытуют у кряшен да и татар в глухих уголках. В настоящее время фартуки делаются у бедных просто из белого холста, а у более зажиточных из цветных ситцев и более широкие, закрывающие и бока. У девушек есть еще в употреблении фартуки без нагрудников, как у русских девушек, сшитые из какой либо легкой белой материи. Эти фартуки делаются узкими и по подолу нередко обильно расшиваются цветными нитками. В последние десятилетия появляется фартук с большим нагрудником и перебрасывающимися через плечи лямками, к которым на плече иногда пришиваются оборки шириною 10—15 сант., спускающиеся с плеч в виде крылышек. Очень редко в городах и наиболее оживленных деревнях встречаются фартуки, представляющие собой собственно халат без рукавов, застегивающийся сзади и закрывающий весь кўльмак.

Отметим также еще нарукавники (џиџса—џиџса) представляющие собой узкие рукава длиною от кисти немного выше локтя, и одеваемые татарками во время жнитва, для предохранения рук, а также рукавов кўльмака. Наружники обычно шьются из грубого холста и укрепляются на руке завязками выше локтя. У самой кисти иногда нашивается цветной кантик или узенькая полоска простой вышивки.

В настоящее время начинает широко распространяться ношение европейского платья, не только в городах, но даже и в деревнях среди молодежи.

Шьются женские одежды преимущественно самими женщинами, даже и верхнее платье, хотя его шьют также и те деревенские бродячие портные, которые шьют на мужчин. Только в городах есть специальные женские татарские портнихи, которые по преимуществу и одевают богатых татарок. Шьют как на руках, так и на машине.

Детская татарская одежда (рис. 75 и 77) представляет собой аналог одежд взрослых соответственного пола. Только на самых маленьких ребят надевают кўльмак типа женского, безразлично для обоих полов, да штаны до тех пор, пока ребенок мочится, делают с разрезом или точнее они состоят только из штанин без вставного четырехугольника, соз-

дающего шаг. Начиная же с 3—4-х лет одежда детей становится близкой к одежде взрослых, при чем замечается на детской одежде сохранение некоторых деталей, исчезнувших у взрослых и сохранившихся только у стариков. Так у девочек нередко можно встретить кўльмаки с оборкой на груди, как у старух и с нашивным изў, а у маль-

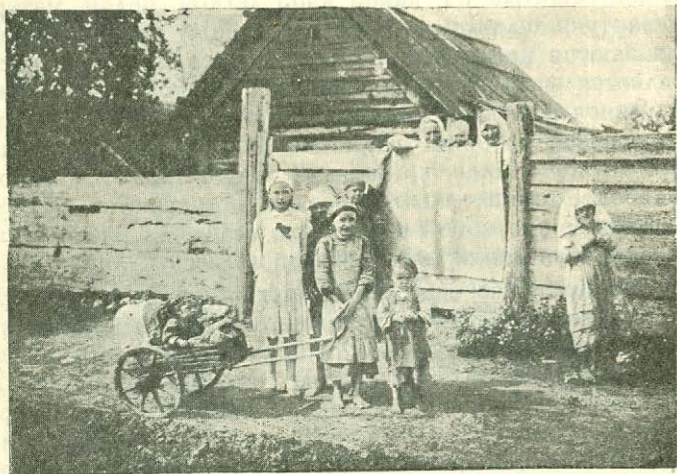

Рис. 75. Группа девочек с бала арбасї. Мензел. кант. (1929 г.).

чиков почти исчезнувший камзол с короткими рукавами. Надо отметить обычай татар довольно тщательно одевать детей и хождение ребят в одежде не по росту редко, даже в бедняцком быту. Возможно здесь сказывается значительная любовь татар к детям, особенно со стороны матерей.

Свою одежду татары содержат довольно чисто, значительно чище, чем некоторые соседние народности. Только верхняя одежда, которая не стирается, иногда довольно сильно засаливается, а то, что можно стирать, стирается тщательно и часто. Стирают татарки чаще всего в бане в простом тазу, реже в корыте, при чем при стирке употребляют незначительное количество мыла, заменяя его отваркой в щелоче и тщательным простирыванием руками.

Грязной частью татарского одеяния является тюбейка, которая как правило никогда не моется. Тюбейка часто служит предметом нападков на татар (за их нечистоплотность и несомненно является главной причиной широкого распространения среди татар парши и дру-

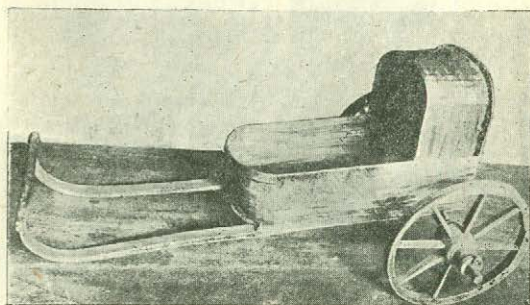

Рис. 76. Колясочка для маленьких детей (бала ар-басі). Из колл. Центр. Музея ТССР.

гих накожных болезней. Бедные живут гораздо грязнее, но пожалуй чище русских соответственной зажиточности.

Касаясь вопроса о происхождении одежд казанских татар, приходится сказать, что кроме тех немногочисленных данных, которые нами были отмечены при рассмотрении отдельных видов ее, отметить почти ничего не придется. Одежда древних татар совершенно для нас неизвестна, ибо средневековые авторы, даже описывая одежду татар вообще, делают это так странно и туманно, что никак невозможно по этим описаниям составить себе какое либо представление об одежде татар, того времени. Разве только из описания Плано Карпини можно выяснить, что женское одеяние было с разрезом спереди до земли и длинным, а мужское и вообще верхнее шилось из шкур шерстью наверх. Позднейшие авторы, как Гербенштейн, отмечают лишь значительное сходство женских одежд с мужскими. Авторы XVIII века описывают уже тот костюм, который мы видим и до настоящего времени, и лишь отмечают некоторые черты, которые теснее сближают одеяние татарок с чувашками и как бы подтверж-

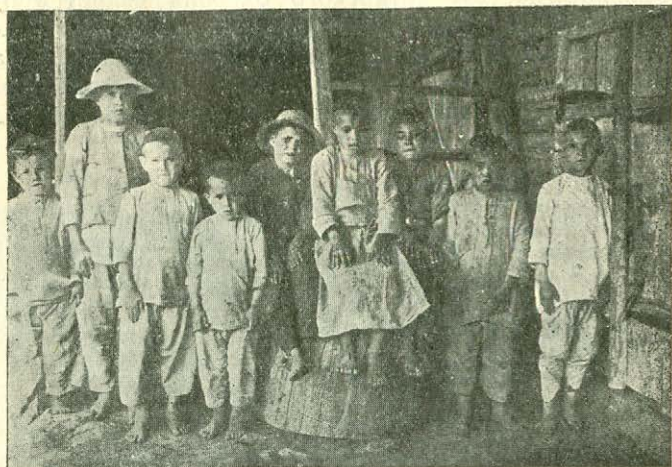

Рис. 77. Группа мальчиков в обычных костюмах. Арский кантон (1923 г.)

дают происхождение обоих народов из одного корня, но развившихся под различными влияниями. Повидимому татарский костюм сложился, с одной стороны из какого то предка современного татарского и чувашского костюма, вероятно болгарского с сильными финскими влияниями, а с другой, все увеличивающееся количество кыпчакских переселенцев в край, приносило одежду кочевых турок Азии и южной Европы, описанной, хотя и мало-понятно, средневековыми путешественниками. Дать же полную и ясную картину развития и происхождения турецких одежд, этого наиболее сложного бытового элемента, в настоящее время, особенно когда мало имеется в распоряжении даже сравнительных материалов, не представляется совершенно возможным.

Обувь татар довольно разнообразна по видам, хотя и принадлежит к незначительному числу типов. Босиком татары не ходят, кроме малых ребят, а у женщин даже считается неприличным показывать кому либо, кроме мужа, обнаженные ноги. Поэтому у татар на обувь обращается довольно значительное внимание. Обувь у татар готовится из кожи, затем шерсти и наконец из холста и лыка.

Основными типами обуви у татар надо считать лапти и ичеги. Лапти, хотя по происхождению и не являются национальной обувью татар, но их носит абсолютное большинство крестьянства, при чем выработался даже специальный тип „татарского“ лаптя, чего мы подробнее коснемся при описании данного вида обуви. Ичеги являются национальной обувью татар, но их носят только наиболее зажиточные, а у бедного и средняго крестьянства они превращаются в обувь для праздника, при чем в них непосредственно вне дома не ходят, а всегда надевают на них галоши (кәүш—кәуеш). Обувь одинакова у обоих полов за исключением деталей, преимущественно орнаментальных.

Непосредственно на обнаженную ногу татары одевают или портянки, или чулки, которых различается 3 типа. Портянки (аякчу—аяқсу) из грубого холста носятся мужчинами и с ичегами, и с лаптями. Однако лапти никогда на портянку непосредственно не обуваются, а также не употребляются и онучи, которые с лаптями носятся всеми народностями края, кроме татар. Татары всегда вместо онуч употребляют войлочные чулки, одеваемые сверх портянки. Зимой употребляются и шерстяные портянки. Женщины портянок не носят. Портянки повидимому очень древняя бытовая вещь у татар, ибо они фигурируют в качестве ритуального предмета при свадьбе. Так невеста дарит жениху, кроме других предметов, и портянки, которые новобрачный должен одеть, приходя первый раз к своей жене. Эти портянки обычно более или менее богато расшиваются и их обычно одевают не на ступню, а обматывают вокруг голени под голенище ичега. Такие портянки и до сих пор фигурируют в свадебном ритуале, хотя чаще их совершенно не употребляют в дело.

Из всех типов чулок (өҗөк—өҗьқ) чаще всего употребляются чулки из самодельного очень толстого сукна белого цвета (tulá өҗөк—tula өҗьқ (рис. 87). Эти чулки употребляются обоими полами и лапти без них не одеваются. Шьются они почти по типу ичег с вшивной подошвой и, в виду того, что в них дома ходят без какой либо другой обуви, их можно сравнивать с ичегами, только сшитыми из сукна. Возможно, что это и так, ибо лапти в данном случае заменяют кәүш при выходе из дома. Кроме суконных чулок изредка, чаще женщинами, летом

носятся чулки из холста того же покроя, что и суконные. Мужчины эти чулки носят редко. Еще реже у татар употребляются вязаные чулки называемые панскими чулками (пански өҗөк—panski oǰoq). Их употребляют иногда женщины, одевая поверх них туфли (башмак—vaşmaq), а с лаптями они не носят никогда. Мы конечно не говорим здесь о ношении вязаных чулок европейского типа, которые в городах применяются поголовно и все более и более проникают в зажиточные слои деревни.

Сравнивая татарские шитые чулки с подобными же у других народностей, да и у татар, только в прежнее время, мы видим, что, например, для татар XVII века Гербенштейн¹⁾ отмечает наличие „льняных полусапожек“, а у башкир²⁾ и до сего времени употребляются как суконные чулки, так и ичеги с суконными голенищами. Употребляются суконные чулки и у киргиз (казаков) только всегда одеваются под ичеги.

Таким образом суконные чулки являются, как будто национальной турецкой обувью, под ичеги или сапоги, но у татар они с лаптями как бы получили самостоятельность и употребляются в качестве самостоятельной домашней обуви, заменяя ичеги. Возможно, что раньше употреблялся и переход от ичег к чулкам, как у башкир, но в настоящее время, этого нет, хотя и приходилось наблюдать изредка обшивание, из-за соображений крепости, ступней чулок тонкой кожей. Холстовые чулки являются легким вариантом суконных, а вязанные—определенное заимствование у соседей, причем многие татарки Заказанья, даже носящие вязаные чулки, их сами вязать не умеют и покупают готовыми у соседей русских или других. Далее на восток увеличивается, как ношение вязаных чулок, так и умение их изготовлять.

Из кожаной обуви, наиболее часто употребляемыми являются ичеги (чит'к—citek), которые носят как мужчины, так и женщины. Ичеги представляют собой сапог из мягкой кожи, с мягкой же подошвой. Мужские ичеги делаются большей частью цельные, вытяжные с голенищами до колен. У богатых ичег на верхней части голе-

¹⁾ Гербенштейн—Цит. соч. стр. 137.

²⁾ С. И. Руденко—Башкиры. Ч. II, стр. 162.

нища устраивается отворот из цветного, чаще красного или зеленого сафьяна. Материалом для мужских ичег в большинстве случаев служит обычная юфть и только у богатых они изготавливаются из сафьяна. Мужские ичег шьются преимущественно черного цвета, и только в задник вставляется кусок из кожи средне-азиатского происхождения (сауре) зеленого цвета (рис. 78). Такая вставка делается для придания заднику, трущемуся о галоши, большей прочности, ибо сауре очень прочна. Вставка эта, занимая всю площадь задника, иногда по краям вырезается рисунком, создавая украшение ичег, но в бедные ичег сауре вставляется редко. Раньше ичег часто устраивались из цветного сафьяна, но всегда однотонные. Ичег в настоящее время носят преимущественно пожилыми татарами и главным образом для хождения в мечеть или в гости.

Рис. 78. Мужской ичег. На пятке вставлен кусок сауре. Из коллекц. Центр. Музея ТССР.

Женские ичег (рис. 79) делаются двух типов: такие же мягкие и на жесткой подошве, а в последнее время по типу дамских ботинок на высоких каблуках, того или иного фасона, смотря по моде. Мягкие ичег в настоящее время носят только старухи и так же всегда с галошами. Жесткие носят молодые женщины и довольно часто без галош. Мягкие ичег фасоном ничем не отличаются от мужских, только голенища короче, да отвороты на них никогда не делаются.

Женские ичег изготавливаются из цветного сафьяна, реже из более грубой кожи, и сравнительно редко однотонные, да и то в таком случае расшитые. Обычно женские ичег делаются из разноцветной кожи, вырезанной красивым растительным орнаментом и на месте сшивки

вышиваются шелком или даже золотой ниткой. Количество цветов бывает различно, от 2 до 5 и редко даже больше. При кройке заготовок, таких ичег их одновременно кроится столько, сколько цветов, так что вырезка

Рис. 79. Женские многоцветные ичеги.
Из колл. Центр. Музея ТССР.

из одного вставляется в другой (подробности см. в главе о технике). Мягкие ичеги делаются „выворотными“, а с твердой подошвой шьются на гвоздях. В разноцветных ичехах всегда устраивается подкладка, а в одноцветных она делается только в верхней части голенища. Цвета для ичег в большинстве случаев подбираются следующие: желтый (песочный), темно-красный, зеленый, голубой и синий. Другие тона реже. Кроме сафьянных и юфтяных, ичеги для обоих полов часто делаются из козловой кожи и изредка с мехом. Женские ичеги, преимущественно на высоких каблуках, совместно с татарскими туфлями представляют в Казани предмет крупного промысла и под названием „азиатской“ обуви имеют широкое распространение по всему СССР.

Женские ичеги являются выходной обувью преимущественно горожанок средней и высокой зажиточности, не перешедших еще на европейскую обувь. В деревнях их носят только зажиточные, а рядовые крестьянки редко.

Мужчины, особенно в настоящее время, все чаще и чаще начинают употреблять обычные русские сапоги, которые удобнее в работе, но вообще, надо сказать, что в деревне кожаная обувь распространена слабо, из-за слабого достатка татарского крестьянства и большинство всегда ходит в лаптях, надевая ичеги только в гости. В настоящее же время все больше и больше ичеги считаются признаком консерватизма.

из одного вставляется в другой (подробности см. в главе о технике). Мягкие ичеги делаются „выворотными“, а с твердой подошвой шьются на гвоздях. В разноцветных ичехах всегда устраивается подкладка, а в одноцветных она делается только в верхней части голенища. Цвета для ичег в большинстве случаев подбираются следующие:

Сверх мягких ичег всегда надеваются галоши (кәүш —кәуеҫ) (рис. 80), в большинстве случаев кожаные из толстой кожи и на твердой подошве. Кәүш делаются или с острыми, или с очень тупыми носами, но раньше их делали всегда с острыми и даже загнутыми вверх. В задник кәүш внутрь часто тоже вставляется сауре. Женщины в настоящее время носят преимущественно резиновые галоши и кожаные почти исчезли из быта. Галоши на мягкие ичег одевают всегда и их оставляют у порога, ибо в дом в них никогда не входят.

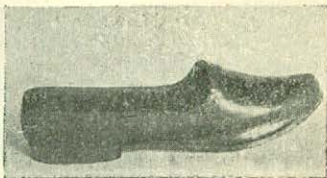

Рис. 80 Мужская кожаная галоша надеваемая поверх мягкого ичеге., Из колл. Центр. Музея ТССР.

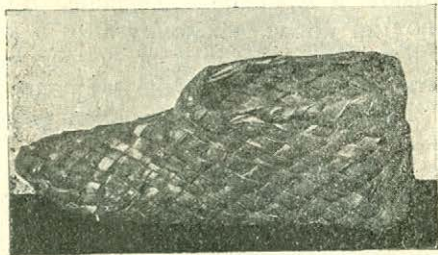

Рис. 81. Кәүш лыковая. Одевается на чулок при выходе из дома на короткое время. Из колл. Центр. Музея ТССР.

Во время грязи почти повсеместно употребляются лыковые галошина на деревянной подошве, сделанной из одного или двух кусков (рис. 82). Однако в галошах в дом, также не входят и на ступеньках крыльца татар-

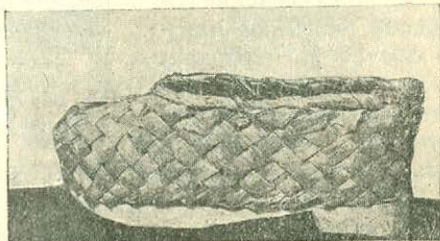

Рис. 82. Кәүш лыковая на деревянной подошве. Одевается во время грязи. Из колл. Центр. Музея ТССР.

того, имеют широкое распространение валяные галоши, которые носят зимой, одевая их не только на ичег, но и на суконные чулки. В деревнях северных кантонов летом многие сверх чулок одевают лыковые галоши, сделанные по образцу валяных (рис. 81).

ского дома можно всегда видеть целый ассортимент различной обуви, одеваемой при выходе из дома.

Рис. 83. Мужские домашние туфли.
Из колл. Центр. Музея ТССР.

Следующим типом обуви рассмотрим туфли (башмак—başmaq) (рис. 83—84), также широко распространенные преимущественно в городском и вообще зажиточном быту. Башмаки отличаются от европейских туфель тем, что у них передняя часть и задник не представляют одного целого, а лишь сходятся, налегая один на другой, так что в борту башмака, в середине получается, как бы вырезка. Туфли бывают и мужские и женские, причем мужчины употребляют их почти исключительно в качестве домашней обуви, а женщины ходят в них и постоянно. Шьются они из цветной кожи, а женские многоцветные. Подошва толстая. Каблук есть, и у женских высокий. Раньше их шили остроносими и даже с загнутыми вверх носами, а теперь, особенно женские, сообразно существующей европейской моде и только в деревнях их продолжают изготавливать остроносими. Кроме кожи женские городские башмаки изготавливаются из бархата и богато расшиваются золотой и серебряной канителью, бисером, а раньше встречались даже шитые жемчугом (рис. 84).

Рис. 84. Женские бархатные туфли.
Из колл. Центр. Музея ТССР.

Разновидностью этих туфель являются туфли без задников, исключительно домашнего употребления. Они делаются и с каблуками и без них (рис. 85). На Горной стороне встречаются туфли без задников, на деревянной

подошве, с передком из грубой кожи и даже лыка (рис. 86). Такие туфли всегда стоят на крыльце и в дом, в них не входят.

Самой распространенной, хотя как бы и не национальной, обувью татарского крестьянства, являются лапти (чабата — sabata) (рис.

87). Татарский лапоть отличается от лаптей соседних народностей и ближе всего подходит к чувашскому. У татарского лаптя подошва плетется наискось, а личико прямое. Личико не широкое, борты низкие, задник также. Веревки у татарского лаптя короткие, ибо, надевая их на чулок, татарин крепит их у щиколотки и никогда не обматывает голень. Кроме того, татарские лапти плетутся, как то небрежно или неумело и они из всех сортов мест-

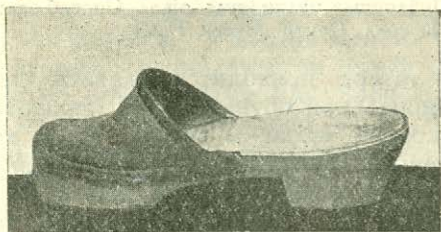

Рис. 86. Мужские туфли без задников на деревянной подошве для хождения по двору.
Из колл. Центр. Музея ТССР.

ных лаптей считаются самыми плохими и самыми дешевыми. В избу татары в лаптях заходят редко, только самые бедные и потому лапоть одевается только тогда, когда хозяин уходит надолго из дому, а обычно ходят

в чулках, одевая при выходе из дома того или иного типа обувь, стоящую на крыльце.
Нося постоянно лапти, татары все же не любят их и при первой возможности заменяют сапогами или ичегами, хотя, правда сказать, возможности этой для многих никогда не бывает.

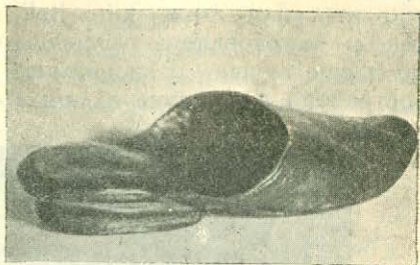

Рис. 85. Домашние туфли без задников.
Из колл. Центр. Музея ТССР.

только тогда, когда хозяин уходит надолго из дому, а обычно ходят

Зимой татары охотно употребляют валяные сапоги (кијіз итік или пима—kijež itek или pima), которые они сами и изготовляют. Особенно предпочитают цветные и еще лучше разноцветные валенки. Широко распространено и ношение валяных обрезков.

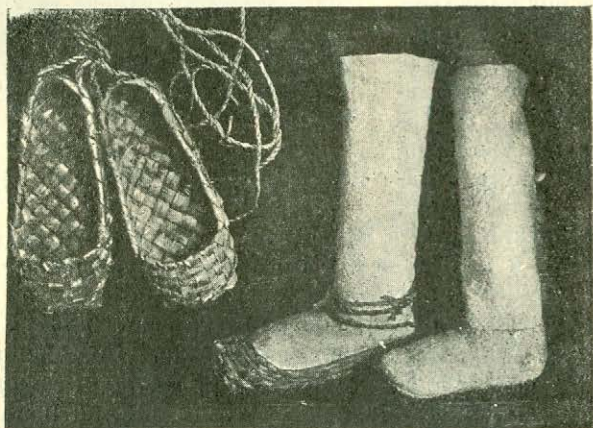

Рис. 87. Татарские лапти. Войлочные чулки (тула ојьд). Способ одевания лаптей. Из колл. Центр Музея ТССР.

Рассматривая обувь татар, приходится сказать, что наиболее древней национальной обувью татар являются ичеги с галошами, суконные чулки и туфли, тогда как наиболее распространенная в настоящее время обувь— лапти несомненно является заимствованием уже в местном крае и заимствованием не вполне укрепившимся, так как татары своих лаптей не могут изготовлять с той тщательностью, как соседние народности, для которых они являются национальной обувью (например: мари, вотяки и русские).

Остановимся, еще несколько слов на закрытии рук. У татар употребляются вязаные варежки (бијäläј—viäläj), часто обшитые холстом, меховые рукавицы (тірі вијäläј—täre viäläj) и кожаные голицы (күн бијäläј—kүн viäläj) типа, распространенного по всему Поволжью и они оригинального чего либо не представляют, ни по виду, ни по технике изготовления.

Головные уборы татар, как мужчин, так и женщин довольно разнообразны и представляют собой ряд переходов от головного убора, защищающего голову от внешних влияний, до головных уборов—украшений, носимых исключительно с декоративными целями. В связи с этим и материал, из которого они изготавливаются, очень разнообразен. Больше всего здесь употребляются ткани различного вида и качества, начиная от ситца и кончая парчой. Большое значение также имеют различные меха, как в качестве основных согревающих частей, так и в качестве украшений уборов. Далее, особенно в женских головных уборах, широко применяется орнаментация вышивкой, а также нашивкой ряда металлических украшений, в виде монет, специальных бляшек и т. п. Здесь же применяется ряд украшений, имеющих чисто ритуальное значение. Вообще головной убор является наиболее украшаемой частью татарской одежды и частью, имеющей наибольшее число вариантов.

Как это в большинстве случаев и бывает, мужских головных уборов меньше и по числу типов, и по числу вариантов и они гораздо проще женских. Женские головные уборы более сложны. Во первых женщины употребляют все виды мужских головных уборов, иногда их слегка изменяя, а иногда просто беря мужской убор, а во вторых, у них имеется целый ряд специфически женских уборов. На головном уборе, при анализе его, видно целый ряд очень сложных черт и влияний. С одной стороны древние национальные формы, иногда очень сильно измененные, а с другой—целая серия различных влияний, как со стороны различных народностей, с которыми татары соприкасались за свою долгую историческую жизнь, так и влияний времени, создавших различные варианты одних и тех же предметов, выдвигая одни и затушевывая другие.

Приступая к описанию мужских головных уборов предварительно несколько остановимся на прическах мужчин. Татары, волосы на голове или бреют, или очень коротко стригут, чаще бреют. Только в городах, да молодежь и в деревнях, уже под влиянием русских, носят длинные волосы с европейскими прическами, но пожилые люди, особенно в деревнях, длинных волос совершенно не носят.

Бороду и усы молодежь почти всегда бреет, а люди среднего и особенно, пожилого возраста носят, но обязательно подстригая. На основании чисто религиозных требований татары сбривают бороду вокруг рта и щек, так что передняя часть подбородка и щеки остаются обнаженными, а борода растет по нижней части подбородка до линии края нижней челюсти и затем поднимается к вискам, не выходя на собственно щеки. Усы также подстригаются так, чтоб во всю ширину рта они не достигали до края слизистой оболочки рта на 1-2 мм., тогда как дальше углов рта они оставляются цельными и концы их достигают неопределенной естественной длины. Длина бороды тоже регулируется и обычно носят бороды длиной 5-6 сантиметров ниже подбородка (рис. 88). Только глубокие старики, особенно духовенство и ишаны, отпускают длинные бороды, все же сбривая их на подбородке и щеках. Особенно почтенной считается большая седая борода и обладатель ее получает наименование *ак сакал*—*aq saqal*. Более европеизированные татары бороду или не носят совсем, или подстригают ее по европейски. Для бритья горожане употребляют европейские бритвы и только наиболее старозаветные старики предпочитают бритвы среднеазиатского происхождения. В деревнях же и до сих пор большинство бреется или обычными перочинными ножами, или обломком косы, намазывая простым серым мылом. Некоторые татары раньше для уничтожения растительности, там где ее не надо, прибегали или к механическому выдергиванию, или к химическому разрушению волос. Выдергивание производилось или посредством специальных щипчиков (*іскәк*—*skək*), какими пользуются женщины для удаления растительности, или же просто пальцами, намазав их предварительно сосновой серой. Химическое уничтожение производилось или посредством орехового настоя, или особого состава (*сурах*—*surax*) и друг. ¹⁾ применявшегося

¹⁾ Средств для уничтожения волос имеется несколько. Одно из них, именно *сурах*, описано Палласом для киргиз (стр. 646) и состоит из 9 частей негашеной извести и 1 части аурипигмента, растертых и просеянных. Смешав с водой, эту смесь не надолго кладут в тепло, а затем намазывают нужное место и держат до тех пор, как волос начнет разрушаться, а затем смывают.

женщинами для уничтожения растительности на генитальных частях.

Основным головным убором татар, носимым на бритой голове является тюбитейка—*tyvətəj* (рис. 63 и 64). С ней татарин никогда не расстается и она то у крестьян и является главным рассадником накожных болезней, ибо никогда не моется и носится пока не свалится. Тюбитеек имеется несколько типов различных по форме и твердости. Основных типов татарской тюбитейки два: *käläpüş*—*kələruş* и *takja*—*taqja* и только редко, да и то в городах, носится узбекская коническая мягкая тюбитейка. *Takja* и *käläpüş* различаются по форме—*takja* представляет собой полусферу, а *käläpüş* низкий усеченный конус с плоским верхом, причем при продолжительном ношении она также превращается в полусферу.

Наиболее распространенным типом является *käläpüş*. Шьются они из различных материй, чаще всего бархата или манчестера, реже из шелка. Подкладка всегда из бумажной материи. Тюбитейки делаются почти всегда полужесткими и имеют тонкую стежку причем между каждой полоской стежки закладывается веревочка. Стегаются они мелким стежком, так что на поверхности он почти не заметен. Кроятся они так, что околыш и верх делаются отдельными и затем сшиваются, а также иногда сшиваются и из отдельных полосок.

Цвета тюбитеек различны, причем отдельные классы имеют свои излюбленные тона. Обычно они всегда бывают однотонные, чаще темных тонов. Раньше шили их и из разноцветных материй, например эдресы, но теперь не шьют. Белые тюбитейки носят только старые мулы и ишаны. *Käläpüş* из бархата бывают совершенно не расшитые; каковые носят более солидные городские татары, или же они расшиваются шелками и золотой и серебрянной канителью. Орнамент чаще растительный, а так же в виде полосок вокруг всей тюбитейки. По степени и типу расшивки *käläpüş* получают различные наименования. Так по количеству букетиков на окружности они получают наименование *öç*, *dürt*, *biş ürnäk*, с вышивкой по краю—*kыршау*—*qrşau*, обруч, с комбинацией краевой полоски и цветов—*kыршау бүкити*—*qrşau vukit*. В центре верха *käläpüş*а иногда пришивается кисточка,

но редко и больше у детских. Расшитые тюбитейки и ярких тонов носит большей частью деревенская молодежь.

Более богатые тюбитейки шьются из парчи, при чем на них еще нашивается несколько горизонтальных рядов из серебряного или золотого галуна. Такие тюбитейки чаще всего делаются типа такя и очень жесткими. Расшиваются тюбитейки также бисером и жемчугом. Приходилось видеть тюбитейки сплошь расшитые бисером со сложным орнаментом, а также сплошь унизанные жемчугом, при чем растительный орнамент на них создан подбором более крупных жемчужин на фоне мелких. Делаются тюбитейки и сплошь зашитые золотом или серебром. Такие тюбитейки особенно жемчужные, стоят колоссальных денег и одеваются только в наиболее торжественных случаях.

Изготовление тюбитеек является промыслом для татарских кустарей, но дорогие изготовлялись по особому заказу и нередко руками близких женщин в подарок. Самые ценные тюбитейки в большинстве случаев являются свадебным подарком и изготовляются руками невесты.

Раньше изготовляли тюбитейки конического типа из шелка и мягкой стежки. Такие тюбитейки изредка и теперь встречаются у стариков. Георги отмечает тюбитейки сплетенные из волоса¹⁾, но теперь таких нет. Волос иногда употребляется только в стежку, чтоб тюбитейка при потении не теряла своей твердости.

Тюбитейки носят татары всех возрастов за исключением лиц, принявших совершенно европейскую одежду и носящих длинные волосы, хотя и такие лица иногда носят тюбитейки, но чаще средне-азиатского образца. Обычно же татарин всегда в тюбитейке и с открытой головой никогда не ходит²⁾. Однако как правило, из дома выходить только в тюбитейке не рекомендуется. Правда, крестьяне ходят по селу и только в тюбитейке, но выезжая из села обязательно покрывают голову другим головным убором. Таким образом тюбитейка является как бы нижним головным убором, который одевается на голову не-

¹⁾ Георги—стр. 12.

²⁾ Молодежь в настоящее время все чаще и чаще пренебрегает этим обычаем.

посредственно, тогда как все другие виды головных уборов, всегда одеваются поверх тюбштейки.

Каково происхождение тюбштейки сказать трудно, но надо отметить, что она повидимому появилась в крае вместе с исламом, ибо чуваша, например, народность турецкая же, но не мусульманская, тюбштейки не носят.

Необходимо отметить, что более старинные тюбштейки делались типа полусферического, хотя и назывались то такя, то каллапущ. Тюбштейка в виде усеченного конуса— типа каллапущ, является более новым типом, а особенно же с пришитой к ней кисточкой. Поэтому можно с известной долей вероятности сказать, что настоящая татарская тюбштейка—это полусферическая, которая является вариантом узбекской тюбштейки, развившейся возможно из подшлемника средневековых воинов. Тюбштейки типа каллапущ особенно с кисточкой, возможно являются влиянием Турции с ее феской, которая стала проникать в край через крымских татар приблизительно с 60-х годов XIX столетия. Феска в быту татар, где принято носить шапку поверх тюбштейки, оказалась неудобной и она, понизившись, превратилась в тюбштейку типа каллапущ, которая в настоящее время доминирует, т. к. она шьется легче, чем полусферическая и обходится дешевле. Подобное положение, конечно трудно утверждать определенно, но наблюдения над старинными тюбштейками (100—150 лет) приводят к этой мысли, потому что тогда тип каллапущ не встречался и эти тюбштейки имеют уклон скорее в сторону узбекской.

Шапок бӯрик—вурек в настоящее время у татар имеется два вида: сферические и цилиндрические. Третий вид шапки, отмечаемый старыми авторами, типа низкой шапки с опушкой, в настоящее время у мужчин не существует и сохранился лишь в виде женской шапки. Сферические шапки шьются всегда из той или другой материи. мех употребляется внутри или для опушки. Шьются они из сукна, драпа и более богатые из бархата почти всегда черного, реже темно-синего и коричневого цвета. Цилиндрические шапки всегда из хорошего каракуля целиком или из очень мелкой серой смушки (данадар—danadar ¹⁾,

¹⁾ К. Насыров—Неизданные произведения, стр. 90.

причем последняя употребляется только муллами, ишанами и богатыми фанатиками. Подкладка у цилиндрических шапок почти всегда из материи со стежкой, как у русских шапок.

Сферические шапки (рис. 88 и 63), которые носят крестьяне и наиболее бедные классы горожан, особенно старики, по форме представляют собой шапку близко напоминающую митру архиереев. Это невысокий цилиндр, который перекрыт полусферой. Шьют их обычно из четырех кусков материи, скроенных в виде фестонов, реже из одного куска, но тогда верх вырезается четырьмя фестонами, которые при сшивании дают полусферу. Высота таких шапок 15—20 сант. Подкладка почти всегда меховая, чаще из овчины или зайца, а у богатых из лисы. Нижний край таких шапок или не опушается совершенно, как

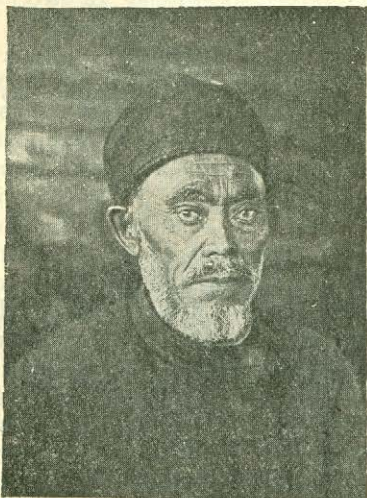

Рис 88. Пожилой татарин в сферической шапке. Чист. кант. (1926 г.).

у большинства крестьянских шапок, или опушается мехом, шириною от 3-х до 8 сант. Такие опушенные шапки называются сүннәтлi бürik—сәһпәтле вурек. На опушку идет у богатых чаще всего бобер, реже куница, а у средних чаще лиса, реже рысь или другой мех. Иногда, ежели опушка широка и из пушистого меха (лисы), шапка делается более близкой к конусу, с выпуклыми поверхностями и по форме напоминает узбекскую или старинную татарскую шелковую тюрбейку. Тип сферической шапки в настоящее время является наиболее распространенным, причём в этой высокой форме ее надо считать специфической для татар, так как у других турецких народностей (казачков, узбеков, турок Китайского Туркестана и т. д.) обычно употребляется именно коническая шапка с широкой опуш-

кой из меха, которая является уже почти вышедшей из употребления у татар. Не берется во внимание прямое заимствование этой шапки другими народностями—например башкирами. При детальном изучении можно с некоторой долей вероятия предположить, что полусферическая шапка произошла из того же источника, как и такя, т. е. из подшлемника, но никак не из персидского калла-пұша.

Второй тип шапки представляет низкий цилиндр (рис. 94) (около 10 сант.) с плоским дном, сплошь сшитый из каракуля. Эта шапка напоминает английские меховые шапочки и называется или московской шапкой—мәскәүскі бұрік или кйрма бұрік. Изредка встречаются шапки того же типа, но слегка расширяющиеся кверху и приближающиеся по типу к шапкам, кавказских и средне-азиатских турок. Такие шапки носятся почти исключительно более зажиточными горожанами, а в деревнях духовенством и учителями. Из расспросов выясняется, что этот тип шапки появился у татар недавно и является упрощенным типом расширяющейся вверх бухарской папахи. Эти упомянутые два типа шапок для настоящего времени являются единственными и носятся в течение круглого года.

Третий тип шапки, ныне уже совершенно исчезнувший в обиходе, Георги (стр. 12) описывает следующим образом: „Голову покрывает скуфейка, на которую надевают плоскую шапку с круглым, на подобие начиненной кишки, околышем“. Судя по рисунку, приведенному Георги, эта шапка представляет широкую опушку из меха, из которой выглядывает матерчатый верх. По внешнему виду эта шапка напоминает современный женский камчат-бұрік, но у камчат-бұрік верх совершенно плоский и не выдается из за опушки, а кроме того камчат-бұрік слегка расширяется кверху, что у Георги не отмечено. К сожалению на основании таких данных говорить о предмете трудно, но повидимому эта шапка была головным убором, т. н. „служилых татар“ XVIII столетия, хотя по некоторым указаниям камчат бұрік не так давно носили и мужчины.

Интересный тип шапки описан для средневековых татар Платона Карпини (стр. 75): „шапки у них разных цветов, не глубоки и подобно митрам мирян, сидят на голове плотно. Сзади имеют висящий хвостик длиною и

шириною в ладонь, а иногда и длиннее. Края сих шапок спереди и с боков только не сзади, загнуты толщиною в палец. На каждом краю над ушами пришиты две застежки, кои связываясь под бородой, держат шапку на голове крепко, чтоб не сорвало ветром или чем другим. К сим застежкам пришиты еще две застежки, висящие на свободе, что делают они для прикрасы, а более того, чтобы казаться страшными“. Подобный головной убор с одной стороны напоминает головной убор служилых татар, а с другой как бы является вариантом недавно вышедшего из быта татар колакчына (малахай).

Колакчын являлся головным убором близким по форме к казакскому или башкирскому колакчыну. Остов его был высокий, башневидный, сзади шею покрывал спускающийся отворот, над лицом находился козырь, а с боков большие наушники, завязывающиеся под подбородком. К сожалению к настоящему времени не сохранилось совершенно ни одного колакчына, т. ч. описание приходится вести по преданию. На одном из рисунков Турнерелли, изображающем вид Казани, нарисован татарин в шапке на подобие киргизского тумана, т. е. в колакчыне. Эти косвенные данные дают возможность сближать этот убор с казакским и считать его древним убором татар. Еще в начале XIX столетия, по рассказам стариков, колакчыны носили старики кое где в деревнях, но вероятно лишь в глухих местах, ибо Фуксом, например, они не описываются, в то время, как отмечаются Сбоевым ¹⁾ и Марджаны.

Специально летним головным убором деревенских татар является белая войлочная шляпа (ışläpâ—şläpâ) (рис. 63), с круглым верхом и опущенными полями, шириною до 15 сант. Эти шляпы носят крестьяне летом вообще и главным образом во время страды, ибо они хорошо предохраняют голову и глаза от солнца. В последнее время в употреблении входит белая же шляпа с загнутыми вверх полями, близкая по форме к чувашской, но эти шляпы имеют лишь местное значение. Каково происхождение этих шляп сказать трудно, но Руденко отмечает, что башкиры носят подобные же шляпы, а также т. н. колпаре—войлочный колакчын,

¹⁾ Сбоев—О быте крестьян в Казанской губ. Казань, 1856, стр. 21.

но со смягченными и более округленными контурами, из которого легко могла развиться и шляпа с опущенными полями. Возможно, что татарская шляпа и развилась из войлочного колакчына, ибо заимствовать ее было не у кого, т. к. соседние народности носят шляпы с загнутыми полями. Поля этих шляп иногда разрезаются спереди и сзади, что татары объясняют предохранением от ударов молнии ¹⁾.

Кроме упомянутого национального типа шляпы с опущенными полями, городские татары носят европейские мягкие фетровые шляпы.

Переходя к женским головным уборам, прежде всего остановимся на прическах. Татарки-девушки и женщины всегда причесываются очень гладко с прямым рядом и заплетают волосы в две косы, к концам которых привязывают чулпы (см. ниже). Других причесок татарки не употребляют, особенно пышных, т. к. они не считают удобным показывать посторонним волосы. Для того, чтобы волосы лежали гладко, их смазывают различными веществами, вплоть до сахарного сиропа. В альбоме—„Костюмы инородцев живущих в России“ ²⁾ есть рисунок девушки татарки с распущенными волосами, но нам подобного явления наблюдать не приходилось. Татарки, как правило, с открытой головой никогда не ходят, за исключением одевающихся по европейски.

Все головные уборы татарских женщин можно грубо разделить на три группы: группа покрывал, группа колпака и группа шапок. Наиболее распространенным и, можно сказать, основным головным убором татарок-крестьянок является платок (яулък—jaulыq) (рис. 69 и 74), причем различается два типа платков: собственно яулък, одеваемый непосредственно на голову и верхний платок (шаль), покрываемый сверх яулыка. Нижние платки у крестьянок и бедных горожанок в большинстве случаев ситцевые, различных тонов, за исключением чисто белого. Часто упо-

¹⁾ По указаниям Али-Рахима разрезание полей шляпы есть результат влияния духовенства, которое вообще отрицательно относилось к шляпе, видя в ней запрещенную буддийскую шляпу. Предохранение от удара молнии является упрощением основных причин.

²⁾ Костюмы инородцев жителей России. „Иллюстрированная неделя“, 1875, № 22.

требляют т. н. французские платки, т. е. ситцевые, ярких цветов с пестрыми рисунками. Реже в качестве нижних платков употребляются шерстяные и шелковые. Эти платки повязываются на голову обычно на кромку, т. е. завязывая под подбородком два соседних угла, причем два других угла располагаются на спине (рис. 89). Реже, преимущественно девушки, повязывают также соседние концы на затылке, оставляя открытой нижнюю часть лица, но прикрывая уши (рис. 67). Свертывания нижнего платка на угол, как у русских, никогда не бывает. В этих платках ходят дома и на дворе, но выходить куда либо вне двора, в них в одних поддерживаются. Только в деревнях ходят в одних нижних платках за водой и вообще по хозяйственным делам.

Рис. 89. Женщина в платке.
Вид сзади. Мензел. кант.
(1929 г.).

При выходе из дома, сверх нижнего платка всегда одевается второй более тяжелый и больший по размеру платок-шаль — şal, свернутый на угол. Им покрывают голову, концы спускают вдоль груди и обычно не завязывают. Шали собственно служат скорее покрывалом, ибо ими татарки закрываются при встрече с мужчинами мусульманами (перед русскими не закрываются). Эти шали бывают больших размеров, преимущественно шерстяные или шелковые с кистями. По цвету они бывают и однотонные и с яркими цветами. Любимые цвета шалей: голубой, ярко-зеленый, желтый, оранжевый и бордовый и все это с цветами или полосами. Однотонными чаще бывают голубые шали. Шали точно так же, как и платки, исключительно покупные, изготовляемые на московских фабриках. Зимой покрывают головы тяжелыми шерстяными шальями, такими же как у русских, только всегда яркими цветными или серыми, но не черными. Шаль не одевается только тогда, когда женщина закрывается

Филаном, а нижний платок только тогда, когда одевается колпак (см. ниже), сверх которого одевается сразу шаль. У богатых татар встречались очень богатые шелковые, шитые золотом и даже парчевые шали, которые одеваются в самых торжественных случаях. В Казани широким распространением в качестве верхних платков пользуются шелковые креповые платки, при чем концы их или также спускаются на грудь, или иногда один конец обматывается вокруг шеи.

Вторым убором из группы покрывал является головное полотенце тастар — tatar совершенно аналогичный и одинаковый с чувашским сарпан. Тастар представляет собой длинное (до 2—2,5 метров) полотенце, концы которого богато орнаментированы, тканым рисунком, вышивкой, кружевами, бахромой, причем ширина этих орнаментированных концов достигает до 50—60 сант. Полотенцем этим покрывается голова, затем один конец проходит вокруг лица под подбородок, после чего оба конца располагаются на спине так, что один из них делается длиннее и спускается то талии, где прихватывается поясом, а второй налегает на первый. Оба конца в орнаментированной части становятся видными и на спине получается орнаментированная полоса от шеи до талии и даже ниже, которая совершенно прикрывает косы. Чтобы тастар держался на голове, сверх его повязывается т. н. яульк, или в виде простого платка, свернутого на угол и завязанного на затылке, или в виде короткого полотенца (60—70 сан.), которым обвязывается голова. Концы его завязываются сзади и, чаще зсего затем укладываясь один на другой, спускаются на шею, сверху прикрывая концы тастара (концы также орнаментируются). Иногда вместо яулька, тастар на голове крепится надеваемой сверх него шапкой. В настоящее время тастар у татар мусульман не сохранился совершенно, но он имеется у крымцев¹⁾ а так же кое где у мишарей. Однако старые авторы, описывавшие татар мусульман, довольно часто отмечают для татарской деревни наличие тастар (повидимому это убор исключительно деревенский). Так Лепехин,²⁾ описывая татар по

¹⁾ Воробьев Н. И.—Некоторые данные по быту крещеных татар (крышен) Челдинского кантона ТССР. Вестник Научн. О-ва Татароведения № 7. 1927 г.

²⁾ Лепехин—Дневные записки. Ч. I, стр. 160.

Черемшану, отмечает головной убор „из долгого полотенца—тастар“, при чем, отмечая его же у чуваш, он делает заключение, что чуваша тастар заимствовали у татар, говоря: „сие убранство кажется, им (чувашкам) не сродное, но оне переняли у татарок“. Нечто подобное отмечает для уфимских татар ¹⁾, а также на покрывание головы убором в виде полотенца, указывается в издании Народы

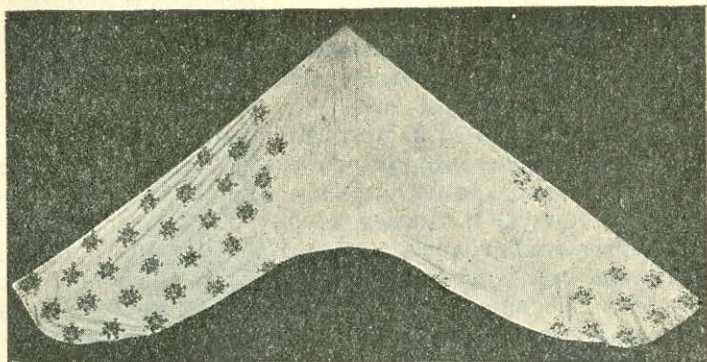

Рис. 90. Покрывало örpäk в развернутом виде.
Из колл. Центр. Музея ТССР.

России ²⁾ и у Литуновского ³⁾. Повидимому этот убор был раньше распространен у татар мусульман, причем дольше он носился вдали от Казани, тогда как в Закавказьи о нем нет даже преданий и кроме платка здесь не так давно носили другой вид покрывала—örpäk. Тастар носили только женщины, как это и до сего времени наблюдается у кряшен и чуваш, причем женщины всех возрастов.

Следующим головным убором татарок является örpäk—öгрäk (рис. 90), покрывало, носимое пожилыми женщинами до начала нынешнего столетия. Örpäk представляет собой огромную косынку формы близкой к прямоугольному треугольнику, гипотенуза которого вогнута и достигает длины

¹⁾ Георги—Цит. соч. стр. 12.

²⁾ Народы России—Этнографические очерки. Изд. Общественной Пользы, СПб, 1978.

³⁾ Литуновский—Медико-топографическое описание Оренбургск. губ., стр. 100. Москва. 1878.

до 2—2, 5 метра. Делаются öрпак из колена, полотна и изредка из тюля. Поверхность их, особенно по катетам и близь углов, богато расширяется разноцветными шелками и иногда края обшиваются золотой или серебряной бахромой. В середине гипотенузы, которая во время одевания приходится на голове, закладываются по краю несколько складок, так что здесь получается некоторое стягивание, благодаря чему при одевании край öрпак'а плотно ложится на лоб. В районе этого стягивания под основную часть вставляется подкладка из той же материи, усиливающая прочность убора. К концам этого стянутого налобного места, пришиваются две завязки, которые крепятся вокруг головы и тем прикрепляют к голове весь убор. Одевается öрпак так, что, закрепив на лбу среднюю часть гипотенузы, обвертывают край вокруг подбородка, причем

Рис. 91. Способ одевания öрпак'а.
Арский кант. (1923 г.).

в результате один острый угол приходится спереди, а второй на спине, точнее на одной из лопаток (рис. 91). Сверх öрпак'а одевается большей частью шапка камчат-бүрик, но иногда лоб прикрывается специальной налобной повязкой—битлик из позумента (см. ниже). В редких случаях битлик пришивается к öрпак'у наглухо и тогда налобная часть öрпак'а напоминает кряшенский убор сүрәкә¹⁾ только мягкий.

В настоящее время öрпак совершенно вышел из быта и нам во время исследования в одной из крупных дере-

¹⁾ Описание сүрәкә см. нашу работу о кряшенях Челнинского кан. Цит. выше.

вень Арского кантона едва удалось найти древнюю старуху, которая смогла им покрыться. Однако в прошлом столетии он имел широкое распространение и, например, по указаниям Насырова, фигурировал в качестве подарка невесты матери и пожилым родственникам жениха ¹⁾. Отмечает его Фукс для Казани ²⁾, Сбоев ³⁾, а также Георги ⁴⁾ указывая, что „голову покрывают... фатами, которые висят по спине распростерты и употребляются богатыми женщинами и повседневно“. Отмечает öрпак также и Лепехин ⁵⁾. Из означенных уборов-покрывал несомненно наиболее новым является самый распространенный в настоящее время. платок-яулбик и шаль, которые появились конечно вместе с появлением фабричных платков и шалей. Однако платок является лишь новым оформлением какого то более древнего убора, не сохранившегося до настоящего времени. Черемшанский ⁶⁾ для мишарей Оренбургской губ. описывает тип платка, называемый кыйкча — и одеваемый под обычный яулбик, который представляет кусок материи, покрывающий подбородок, шею и часть плечей под кўльмаком. Подобное же покрывало отмечает Пирогов ⁷⁾ для костромских татар. Этот тип покрывала для головы, судя по скудным описаниям, приведенных авторов, напоминает кимяшек казакских женщин, который одевается непосредственно на голову и закрывает подбородок, шею и плечи, правда, поверх кўльмака. Ежели у оренбургских мишарей этот убор можно объяснить простым заимствованием у казаков, то подобный же убор под Костромой может скорей являться пережитком. Рассматривая способ одевания татарками современного платка можно видеть также как бы стремление превратить его в нечто вроде кимяшек, и поэтому вероятно платок и является заменой древнего татарского головного покрывала типа казакского и представляет лишь его упрощение.

¹⁾ Насыров—Неизданные произведения.

²⁾ Фукс—Казанские татары.

³⁾ Сбоев—Цит. соч. ст 22.

⁴⁾ Георги—Цит. соч. стр. 12.

⁵⁾ Лепехин—Цит. соч. стр. 160.

⁶⁾ Черемшанский—Описание Оренбургской губ. Уфа, 1859.

⁷⁾ Пирогов Я.—Татарская деревня под Костромой. Матер. для статистики Костр. губ. IV. Кострома, 1881.

С другой стороны яулык близко стоит с другим головным покрывалом — тастар, который также закрывает подбородок, шею и спину, не закрывая лишь плечей, причем одна часть этого убора, именно, поддерживающий тастар, яулык, имеет то же название и в настоящее время заменяется тем же фабричным платком, только иначе сложенным. Несомненно только то, что яулык вытеснил у мусульман тастар и в качестве головного убора женщин является также его заменой. Что касается тастар, то это повидимому также древний убор татарок, распространенный прежде среди широких масс сельского населения, но происхождение которого не совсем ясно. Судя по его наименованию, этот бытовой предмет происхождения персидского, попавший к туркам несомненно через иранцев Туркестана, но исчерпывающе проследить его у турецких народностей нам не удалось. Кроме татар и чуваш, у которых этот убор идентичен, нечто подобное, т. е. головное полотенце, описывает Паллас (т. I стр. 573) для казакских женщин под названием „джаулок“. „Сперва кладут на голову аршина в 3 длиною полотенце, около которого обвивают свои, заплетенные в две косы, волосы. Концы полотенца, обернув под шею, завязывают на голове и так шея спереди оным, а сзади висящим концом плотно покрывается. Потом, взяв еще аршин 5 длиною и на 2 ладони шириной сложенное борами такое же полотенце, обвивают верхушку головы так, что почти цилиндрическая чалма из того выходит“. Из этого описания можно видеть, что первое полотенце из этого убора как будто напоминает по типу одевания именно тастар, которым обвертывается перед шею, а спина закрыта спущенными концами.

Покрывало öрпак, как мы уже отмечали, носилось только пожилыми женщинами, а кроме того исключительно группами городскими, или связанными с городом. Так в деревнях öрпак встречался повидимому только в Закавказьи, тогда как в других местах у сельского населения его определенно не было. Поэтому öрпак и тастар можно считать уборами, имеющими чисто классовую принадлежность, ибо они у одних и тех же лиц не встречаются, как бы исключая один другой. Только у мишарей правого берега Волги, по данным К. И. Воробьева, тастар и öрпак, правда, в несколько измененном виде, носятся

одними и теми же женщинами, заменяя один другой. Судя по названиям обоих головных уборов, они однозначны, только взяты из различных языков. Покрывало типа *өрпак* имеет среди турецких народностей довольно широкое распространение. Так А. Н. Самойлович¹⁾ отмечает для ставропольских туркмен покрывало *чембар*, которое имеет форму татарского *өрпак*, концы гипотенузы которого сшиты, кроме отверстия для вставления лица и поэтому концы не закидываются назад, а спускаются на грудь. Это *чембар* по форме напоминает *кимяшек* казакских женщин, только последний уже больше изменил форму и превратился в *косынку*. Близок он повидимому и к *кыйкача* оренбургских мишарей и к платку костромских татар, отмеченному Пироговым. Далее, по имеющимся у нас сведениям, а также по данным Радлова,²⁾ покрывало с наименованием *өрпак* имеется у азербайджанских турок, а кроме того это название Радлов относит и к половцам по данным *Codex comanicus*.

Таким образом получается как бы два типа покрывала, имеющих достаточно широкое распространение у турок, это *тастар* и *өрпак*, которые в различных вариациях встречаются у разных турецких народностей. Были они и у татар—*тастар* несомненно, а *косынка* типа *кимяшек*, вероятно, причем последняя развилась в настоящий *өрпак* лишь у городских татар, возможно под посторонним влиянием с юга. Платок же заменил их оба, вытесняя все более и более, и в настоящее время он везде доминирует. Несмотря на все разнообразие этих трех уборов-покрывал все они имеют общим обязательное закрытие всей головы, подбородка и спины. Вопрос об этих головных уборах мы, конечно, не считаем решенным, а лишь высказываем некоторые соображения и считаем необходимым серьезно проработать этот вопрос с привлечением широких сравнительных материалов, чего мы в настоящий момент сделать не имеем возможности.

Во второй группе женских головных уборов оригинальным и специфическим, именно для татар, является *колпак*

¹⁾ А. Н. Самойлович—Одежда ставропольских туркмен. (Листовка Этногр. Отд. Русск. Музея). Ленинград, 1923.

²⁾ Радлов—Опыт словаря тюркских наречий.

калфак—qalfaq (рис. 92 и 93), одеваемый также непосредственно на волосы и употребляемый в качестве праздничного убора всеми классами татарских женщин и девушек кроме старух, которые его не носят.

Колпак в основе представляет мешок, дно которого или закруглено, или сведено на конус. Как материал, так размеры и формы колпаков довольно различны, подвергаясь большим изменениям по времени их употребления (старинные и новые). Есть изменения и территориальные, но это скорее результат разновременного проникания той или другой моды от зажиточных классов Казани в более бедные классы и отдельные местности. Старинные колпаки, начавшие выходить из быта уже с 50-х годов XIX столетия, делались преимущественно вязаными из тонких ниток длиной около 60 сант. и шириною, доста-

Рис. 92. Старинный большой вязанный колпак распитый синелью. Край обшит золоченой бахромой ука чачак.
Из колл. Центр. Музея ТССР.

точной для одевания на голову, при чем край закладывался назад по наружной поверхности сант. на 10—12. Прототипом подобных колпаков являются колпаки из белых чулочных ниток длиной до метра при той же ширине, что и описанные. Край этих колпаков связан рисунком вроде рисунка на концах самодельных чулок, а второй конец заканчивается на конус, к которому прикрепляется кисть. Эти колпаки обычно складывались в несколько раз, вставляя одну часть в другую, подобно спортсменским шапочкам, так что получался колпак длиной около

30 сант., нижняя часть которого состоит из нескольких слоев, а самая верхняя, сходящаяся на конус, из одного слоя. В таком виде колпаки шивались, иногда украшались в лобной части бахромой или позументом и носились в старину (в прошлом столетии) деревенскими девушками как мусульманками, так и кряшенками на всей территории поселения татар. Употребление такого колпака в недавнее время отмечается для кряшен Чистопольского ¹⁾, Челнинского ²⁾, Елабужского ³⁾ и Свияжского ⁴⁾ кантонов, а у мусульман есть воспоминания у стариков почти в каждой деревне, только как о колпаке более раннем, чем у кряшен. Адлер ⁵⁾ отмечает употребление этого типа колпака мужчинами в начале прошлого столетия, а также употребление его в виде свадебного убора чувашских невест. Откуда сведения о ношении колпака мужчинами, нам неизвестно, но при наших исследованиях этого отметить не удалось, несмотря на специальные расспросы стариков об этом. Встречаются подобные колпаки и у чуваш-анатри, но в качестве старинных и не употребляемых.

Позднее (конец прошлого столетия) колпаки начинают изготавливаться из бархата, причем дно их становится закругленным, а форма все уменьшается, пока не превращается из колпака, одеваемого на голову, в небольшую наколку, длиною в 12—15 сант. и шириною в 8—10 сант. (рис. 93).

Край старинного длинного колпака при складывании отворачивался наружу и составлял собственно все тело (сложенную часть колпака). Сохранялся этот отворот не таким широким и в вязанных колпаках более позднего времени или, пожалуй, и современных белому, только употреблявшихся в более зажиточных классах. У бархат-

¹⁾ Вечеслов Н. И.—Описание костюмов русских и инородческих у крестьян Казанск. губ., Казань, 1879.

²⁾ Воробьев Н. И.—Некоторые данные по быту крещеных татар Челнинского кантона ТССР. Вестник Татароведения № 7. Казань, 1927.

³⁾ Коллекция Зеленова в Этнографическом Отделе Русского Музея в Ленинграде.

⁴⁾ Воробьев—Отчет о поездке в Тетюшский и Свияжский кантоны ТССР летом 1927 г. Вестник Татароведения № 8.

⁵⁾ Адлер Б. Ф.—Коллекция Сиклера. Каз. Муз. Вестник 1922. № 2 стр. 41.

ных колпаков среднего размера отворот совершенно исчезает, но в маленьких современных колпаках он снова появляется, правда не всегда, но становится уже твердым той или другой ширины, варьируя сообразно моде.

Старинные белые колпаки одевались прямо на голову и конец откидывался назад. Вязаные колпаки средних размеров также одевались на голову, но откидывались преимущественно на бок. Бархатные колпаки среднего размера начинают лишь прикалываться к волосам, но также склоняясь на тот или иной бок, а современные колпачки накалываются уже поперек головы, так что твердый край ставится поперек головы над теменем, а тело колпака спускается назад, причем колпачки эти и сшиваются уже так, что край колпачка наклонен к телу под углом в 90° (рис. 94).

Цвет колпаков, не беря длинных, которые всегда белые, довольно различен. Вязаные колпаки чаще всего лиловые или малиновые, нередко с поперечными полосами. Бархатные самых различных цветов. Орнаментация колпаков также варьирует. Белые колпаки или не украшались вовсе и с ними лишь одевалось налобное украшение мафъайлык (см. ниже) или же на лобную часть нашивалась бахрома с кистями, спускающимися по краям лица. Такая же кисть пришивается и к заостренному концу. (Подобный богато орнаментированный колпак имеется в коллекциях Этнограф. Музея Ун-та, числящийся по инвентарю колпаком костромских татар, но насколько это верно утверждать трудно). Вечеслов ¹⁾ о кряшенском

Рис. 93. Новый малый, бархатный колпак, расшитый иммитацией жемчуга. Из колл. Центр. Музея ТССР.

¹⁾ Вечеслов.—Цит. статья.

девичьем колпаке пишет: „на лоб от колпака спускается серебряная бахрома, в середине которой протянута шелковая ленточка голубого цвета, к которой привешивается шесть серебряных монет в 20 коп.“.

Рис. 94. Чета татар. Женщина в новом колпачке и в хәситә. Мужчина в длинном казакине и в московской шапке. Мамадышск. кант. (1925 г.)

У вязанных не складных колпаков, где край теряет свое значение, орнаментации подвергается все тело колпака и в этой стадии колпак достигает наиболее эффектных орнаментальных форм, возводимых на высшую стадию этого рода искусства. Подобные колпаки орнаментировались или вышивкой шелками, или синелью, создающей более или менее богатый орнамент, или же аппликацией. Наиболее простая аппликация состоит из нашивных лент, создающих более или

менее сложный рисунок. Однако наиболее оригинальным является нашивание мелких лепестков из шелка, из которых составлялись рельефные астры, георгины, ромашки и т. п. в очень эффектных сочетаниях как цветов, так и компановки. (Эта техника, по замечанию Адлера, была в ходу в 60-х годах прошлого столетия и ныне забыта). Изредка такие расшитые колпаки обшивались еще серебряной или золотой бахромой или только по краю (иногда в два ряда) или ей обшивалось все тело колпака по линии его скла-

дывания, так что он получался как бы односторонним. Кроме бахромы нашивалось также несколько кистей (рис. 92).

Колпаки бархатные средних размеров орнаментируются лишь с одной стороны. Орнаментация ведется расшиванием золотой или серебряной канителью, бисером и даже жемчугом. Орнаментируется преимущественно тело, а по краю всегда проходит лишь узкая полоса вышивки. Да и самое тело орнаментируется не сплошь, а на нем вышивается или букет, или перо, далеко не покрывающие его поверхность (рис. 93 и 58).

Маленькие колпачки имеют довольно богатую орнаментацию только на жестком краю, который один и выставляется у подобного колпачка, тогда как тело его почти атрофируется. Зашивка этого края почти всегда сплошная—золотом, бисером или жемчугом, причем как зашивка, так и самая форма твердого края, сильно варьируют, соответственно моде. Иногда край становится высоким и узким (смотря по его постановке на голове) и тогда зашивается реже, а иногда более низким и широким и тогда орнаментируется сгущеннее.

Старинные большие колпаки одевались прямо на голову и дома не покрывались ничем, а при выходе из дома шалью или филаном. Колпачки среднего размера носились также открытыми, а современные колпачки носят преимущественно с платком (у горожанок часто с креповым) и от них выставляется обязательно орнаментированный край, так что прическа современной татарки в платке с колпачком резко поднимается над лбом, подобно головному убору финских женщин, с поперек поставленной дощечкой. Без платка маленькие колпачки и дома носят редко, их чаще одевают для выхода на улицу.

Колпачек в современном его виде до последнего времени являлся очень универсальным и устойчивым головным убором, одеваемым в качестве праздничного и прямо на волосы. Его носили все классы и все возрасты, за исключением старух и причем даже при европейском костюме некоторые татарки все же накалывали колпачек, не закрывая его платком даже при посторонних, чего не делали старозаветные татарки.

Изготавливаются колпачки в настоящее время преимущественно кустарями, а старинные, богато орнамен-

тированные, колпаки являлись творчеством самих носительниц колпаков и их вышивание было одним из рукоделий зажиточных классов, где благодаря затворничеству был особенно значительный досуг.

Мягкий колпак, одеваемый непосредственно на голову, является оригинальным головным убором казанских татар, которого нет у других турецких народностей (за исключением заимствования у татар). У всех самобытных турецких народностей имеется жесткий, более или менее высокий головной убор, надеваемый прямо на голову, мягкого колпака нет. Саукеле у киргиз-казаков¹⁾, кашмау—башкир, хушпу—чуваш, старинный башневидный убор кундровских татар²⁾, все эти уборы одного и того же порядка, имеющие лишь некоторые варианты. Башневидный головной убор был повидимому характерным и для средневековых татар. Так Плано Карпини³⁾ о головном уборе татарок пишет следующее: „на голове же носят оне что-то круглое, сделанное из ивы и древесной коры длиною в аршин, что наверху кончается четвероугольником, снизу доверху это постепенно расширяется, а по верху становится длинный и тонкий прутик из золота, серебра или дерева, или даже пера. Сей прутик прикрепляется к шапочке, которая простирается до плеч“... Bergeron⁴⁾ приводит рисунки этих уборов, правда, довольно сильно стилизованные.

Переходя уже собственно к уборам казанских татар XVIII века, мы видим опять таки целый ряд указаний на то, что у них существовал высокий жесткий головной убор. Так Георги пишет: „покрывают голову шапкою, у которой бывают обыкновенно великие ушки, а верх чешуйчато услан монетами“. На рисунке же (рис. 112) у Георги изображена шапка, в виде башни, напоминающая чувашское хушпу, только без отверстия на вершине или

¹⁾ У Левшина (описание киргиз-казацких орд и степей, III часть. СПб, 1832, стр. 46 и далее) есть описание женского головного убора казаков, представляющего нечто вроде хушпу чуваш, но более высокое, а у девушек остроконечный жесткий конический колпак.

²⁾ Небольсин П.—Заметки о кундровских татарах. ВГО. 1851. Вып. 3, стр. 16.

³⁾ Плано Карпини—Путешествие к татарам. Изд. Языкова. СПб. 1825, стр. 75.

⁴⁾ Bergeron—Voyage en Asie.

девичий шлемовидный бисерный убор чувашек (тухья). У крышенок Молькеевского района нам пришлось приобрести подобный шлемовидный девичий убор, но с ушками, подобно описанному у Георги, правда бисерный, но на ушках с монетами. Лепехин (часть I, стр. 160) о татарах по р. Черемшан пишет: „Праздничный же (убор) напротив того (состоит) из шапки—Кашпау, которая унизана серебряными копейками, а передняя часть корольками, красными Мерзянь и белым бисером Куза. У иных Кашпау сводится вверху остроконечием на подобие конуса, и верх конуса покрывается маленьким серебряным литым конусом. У других напротив того, кашпау бывает без тульи и в таком случае верх головы повязывают платком“. Далее, среди коллекций Центр. Музея ТССР имеется портрет ханши Сююм-Бике, конечно мифический, но интересный тем, что ханша изображена на нем в высоком башневидном головном уборе, унизанном золотыми пластинками и камнями (портрет неизвестного автора, нарисованный или в конце XVIII или в начале XIX века). Наконец Фукс (стр. 18) отмечает исчезающий в его время (начало XIX века) головной убор казанских татарок, „похожий на сахарную голову из шелковой материи, покрытый русскими вызолоченными рублевиками с кораллом и жемчугом; вверху этот длинный конус оканчивался вызолоченной пуговкою“... Таким образом мы как будто имеем значительные доказательства того, что у казанских татар также существовал высокий, твердый женский головной убор, характерный для значительной части турецких народностей. Однако, описывая твердый головной убор, никто из авторов не дает никаких указаний на наличие мягкого колпачка, не заметить которого было бы трудно из за его оригинальности. Первым описывает колпак Фукс, как раз в то время, когда твердый убор умирал окончательно и с этого времени колпак начинает фигурировать у всех авторов, писавших о татарах. Подобное совпадение исчезновения одного и появления другого убора, причем убора, не имеющего аналогов у родственных народностей, дает мысль сделать допущение, что колпак есть ничто иное, как тот же убор формы сахарной головы, но только потерявший свой твердый остов и сделавшийся в связи с этим более портативным. На

самом деле, ежели взять вязанный расшитый колпак и натянуть его на твердый остов, то получится та же сахарная голова, каковую описывает Фукс, только покрытая вышивкой, а не монетами, хотя изредка и на колпаках встречаются монеты. (Не берем новых колпачков, у которых край зашивается ими довольно часто). Таким образом, ежели наше предположение правильно, то легко объяснимо исчезновение старинного убора и появление нового, да еще совершенно своеобразного. Наличие белых кишкообразных колпаков, которые встречаются у чуваш и у финнов (по непроверенным нами данным они встречаются даже у эстов) как будто противоречит нашему предположению, но возможно допустить то, что белый колпак и не татарского происхождения, в то время, как короткий колпак мусульман, является все же изменением высокого убора, причем переход этот лишь облегчился наличием аналога.

Далее ту же мысль подтверждает другой бытовой предмет татар, не имеющий как будто аналогов у родственных народностей ¹⁾. Это украшение чачь тәнкә—сәс тәнкә или тїзмә—тзмә—полоска материи, прикрепляющаяся к основанию кос и спускающаяся вдоль их (см. ниже). Подобного украшения нет у других самобытных народностей (не берем башкир и мишарей, где она определено татарского происхождения), но за то все башневидные головные уборы имеют сзади хвост, более или менее длинный, спускающийся вдоль кос. Имеется этот хвост и у уборов, описанных для казанских татар Георги и Лепехиным и не описывает его только Фукс, который в то же время отмечает уже чачь тәнкә. Таким образом чачь тәнкә повидимому появляется одновременно с колпаком и является тем хвостом твердого головного убора, который, неприменимый к мягкому колпаку, превратился в самостоятельное украшение, оригинальное именно для казанских татар, имеющих колпак. С нашей точки зрения как будто приведенные доводы довольно ясно говорят в

¹⁾ Нечто близкое отмечено у казаков (Левшин.—Цит. соч.), причем там третья коса обшивалась бархатной полоской, спускающейся до земли. Однако полного представления о предмете из описания Левшина вынести трудно.

пользу нашего вывода. Ежели это же не совсем так, то впрос о татарском колпачке снова потребует своего анализа.

К третьей группе головных уборов, всегда одеваемых поверх покрывала того или иного типа, обычно поверх платка и öрпак относятся различного типа шапки, которых у женщин употребляется несколько: камчат бürрiк,—qamcat vürk, каттажи—kattazi, тюбитейка и шляпа. В деревнях старые татарки одевают сверх нижнего платка обычную мужскую тюбитейку, причем (летом) в таком случае они не завязывают концов платка под подбородком, а оставляют их спускаться вдоль щек и груди и употребляют для закрывания лица. Это делается для того, чтобы не носить второго платка-шали, в котором летом жарко. Интересно отметить, что когда женщина в платке с тюбитейкой имеет занятыми обе руки, то, при встрече с мужчиной, она берет оба конца платка в зубы, закрывая щеки, подбородок и рот. Вообще татарки от мужчин стараются закрывать преимущественно рот, который, за неимением платка, прикрывается фартуком или даже ладонью.

Тюбитейки носят только пожилые женщины. Однако имеется специальная женская шапочка (каттажи—kattazi), одеваемая молодежью и чаще всего девочками сверх платка или, реже, маленькими девочками, прямо на голову. Каттажи имеет форму кäläpüша,—но не с круглым, а с овальным дном. Кроме того, на месте пришивки верха к околышу, нашивается узкий рюш. Каттажи делаются из цветного шелка или бархата и иногда расширяются. В редких случаях каттажи сверху покрываются верхним платком и тогда заменяют как бы колпак. Каттажи напоминает собой фес—шапочку крымских татарок-девушек, откуда возможно и берет свое происхождение. Вообще же каттажи носится очень редко и только девочками 8—10 лет.

Зимой пожилые деревенские татарки, а также и беднота в городе сверх шали нередко одевают обычную мужскую сферическую шапку с опушкой или без нее. Точно также летом деревенские татарки носят сверх яулбика, мужскую войлочную шляпу, во время страды поголовно, а в обычное время только некоторые. В Мамадышском кантоне (район дер. Мал. Кирмени) в боль-

шом употреблении соломенные шляпы с широкими полями, которые взрослые женщины носят сверху яулька, а девочки прямо на волосах.

Рис. 95. Старуха в старинном платье с широкими рукавами, широкой оборкой и с изю на груди. На голове сверху платка одета шапка камчат бӯрiк.
Из собр. Центр. Музея ТССР.

бок и украшался золотой кистью, но затем упростился и заменился пришитой сбоку кистью (Фукс стр. 57) и наконец превратился в совершенно плоский, орнаментированный и то не всегда, или посредством вышивки жемчугом и золотом (Насыров), или путем нашивания сюда большой ажурной бляхи с камнями.

Камчат-бӯрiк носится всегда поверх яулька, а при выходе из дома, покрывается или шалью, или циланом. В настоящее время камчат-бӯрiк встречается все реже и реже, но в конце прошлого столетия он имел широкое распространение, что можно установить не только по описаниям, но и по наличию его почти в каждом доме, да еще в не-

Специальной шапкой, носимой только пожилыми женщинами и старухами является камчат бӯрiк (рис. 95), который представляет собой собственно ту же шапку служилых татар XVIII столетия, которые по Георги описаны нами выше. Околыш ее (кйрпу-qrpu) чаще бобровый (отчего и название камчат) имеет высоту около 10 сант. и слегка расширяется кверху. Верх совершенно плоский и круглый. Подкладка преимущественно лиловая, шелковая, стеганая, почему шапка твердая. Верх бархатный и чаще всего темно синий. Раньше верх этих шапок делался конический и мягкий. Он спускался на

скольких экземплярах. Старые татарки в деревнях и до сего времени носят его очень охотно.

Означенными уборами собственно и заканчивается наличие татарских головных уборов, как современных, так и выходящих из быта, но таких, которые в то или иное время прочно вплетались в быт. Необходимо еще отметить два головных убора, находящихся в Этнографическом Отделе Русского Музея и найденных в Казани, известным татарским этнографом Ахмаровым, но к сожалению им не описанных и даже точно не датированных. Этими головными уборами являются женская чалма (1415—1) и башлык (чапма) (1177—16).

Чалма представляет собой твердую шапочку вроде каттажи, на которую навит на подобие чалмы красный и голубой тюль, прикрепленный к шапочке двумя, крестообразно нашитыми, полосками позумента, идущими спереди назад и поперек. Сзади позумент спускается в виде двух разной длины полосок, которые на середине спины заканчиваются тяжелыми золотыми кистями.

Башлык напоминает собой обычный башлык, с спускающимися на спину двумя крупными лопастями и двумя более узкими лопастями на грудь. У верхнего заднего угла имеется разрез, идущий вниз на 15 сант., куда вероятно пропускались косы. К самому углу пришита небольшая кисточка. Весь убор стеганый из лилового шелка на хлопчато-бумажной подкладке, причем сверху он еще обтянут белой вуалью с вытканными на ней маленькими розеточками. Передний край лопасти, и края заднего разреза обшиты рюшем. При одевании убор застегивался под подбородком металлическим крючком. Кто носил этот убор, и какого он происхождения, совершенно не ясно. При всех наших попытках что либо узнать об упомянутых уборах, найти что либо не удалось и только Марджани¹⁾, и то вскользь, отмечает ношение чалмы татарками. Можно только сказать, что как чалма, так и башлык чуждого происхождения и являлись случайными гостями в среде татарских головных уборов, созданные возможно случайным капризом моды.

¹⁾ Марджани. Цит. соч. т. I, стр. 32.

Заканчивая рассмотрение головных уборов татарских женщин, надо заметить, что в настоящее время большинство из них является предметами уходящими из быта и только платки и шали имеют поголовное распространение во всех классах татарского населения, кроме групп одевающихся совершенно по европейски. Остальные же уборы носят только старозаветными людьми и преимущественно в деревнях. Даже колпачек, столь распространенный еще в начале текущего столетия, теперь исчезает все больше и больше.

Г л а в а IX.

У К Р А Ш Е Н И Я.

Материал и техника изготовления. Косметика, чулпы, чачь тәнькә, чачь төбө, баш хәситәси, битлик и ука-чачак. Головогрудное украшение, ожерелье, цака-чылбыры, изү, хәситә, брошь. Пуговицы, каптырма, браслеты, запястье-инҗи, кольца и перстни, мелкие украшения.

В татарском быту употребление украшений имеет довольно значительное место. Украшений много и по числу видов и по числу экземпляров. Все классы общества имеют значительную склонность к ношению украшений (конечно каждый по своему классовому вкусу), которая в настоящее время, правда, довольно ослабла, но в середине и даже конце XIX столетия была очень велика. В связи с этим ослаблением интереса к украшениям, многие из них в настоящее время вышли или выходят из быта. Особенно это сказалось в Казани, где количество, носимых в настоящее время национальных украшений, крайне незначительно по сравнению с тем, сколько их удается находить в сундуках в качестве предметов уже исчезнувших из обихода. Только в глухих уголках, населенных татарами, и теперь можно видеть в употреблении те украшения, которые носились раньше и в Казани и в близких к ней местах и которые теперь хранятся лишь в качестве исторических вещей.

Различные украшения, употребляющихся различными классами, больше, количественное и качественное, чем типовое. Женщины кулаков и богатых горожан носят большое количество украшений, сделанных из золоченного серебра и даже золота, при чем ими употребляются лучшие образцы украшений. Бедные крестьянки и горожанки носят меньшее число украшений, при чем они по качеству материала и работы много слабее. Часто употребляются украшения из меди или низкопробного серебра, украшенные более бедно, преимущественно чеканом, а не сканью,

как в богатых украшениях. Типы же украшений остаются теми же во всех классах, согласно уже твердо установленным образцам, при чем новые, европейского происхождения, украшения начинают вклиниваться в быт богатых, тогда как бедные носят или старые типичного вида, или не носят совсем.

Все украшения можно грубо разделить на две группы: собственно украшений и украшений, имеющих утилитарное значение в качестве частей одежды и т. д., как например, пуговицы, различные застежки и т. п. Однако переход между этими двумя группами очень незаметен, ибо многие вещи чисто утилитарного значения сильно меняются, часто гипертрофируются, и превращаются в чисто орнаментальные предметы.

Материалы, из которых изготавливаются татарские украшения, очень разнообразны, хотя их можно свести в несколько основных групп: металл, камень и ткани. Абсолютное большинство украшений изготавливается из металла. Чаще всего употребляется серебро, у бедных низкопробное, у богатых высокопробное. Золото в национальных украшениях встречается очень редко, но часто применяется золочение серебра. Медь и др. металлы употребляются крайне редко и то лишь в качестве подсобных металлов—частей украшений. Медных украшений татары, можно сказать, почти совершенно не употребляют, т. к. и дешевые украшения чаще изготавливаются из низкопробного серебра. Из металла изготавливаются, как цельные украшения (браслеты, серьги и т. п.), так и части для украшений, сделанных, например, из материи (бляхи, жетоны и т. п.). Значительное место в составе татарских украшений занимают монеты, которые чаще употребляются в виде подвесок, но иногда и в качестве частей неделимого, припаяваясь к украшению. Из монет чаще употребляют серебряные русские монеты. Особенно в большом ходу крупные екатерининские и елизаветинские рубли (кудрявые деньги—*gödönä tånkäkäsi—gödenə tånkäse*), которые нашивают чаще портретом наружу, а орлом внутрь. Употребляется также и крупная, преимущественно старинная, иностранная серебряная монета: польская, шведская, датская, турецкая, персидская и т. п. В большом ходу также и мелкая серебряная монета различного достоин-

ства, времени и государств, так что некоторые украшения представляют целую нумизматическую коллекцию. Только старинных великокняжеских и восточных серебряных монет, столь любимых у чуваш и местных финнов, у татар употребляется мало и предпочитается русская монета императорского периода с ее правильной формой. К монетам для прикрепления припаиваются ушки, или чаще, в них просто пробиваются дырочки. Раньше у богатых татар для нашивания на некоторые украшения употреблялись и золотые имперials и полуимперials, а также иностранная золотая монета.

В отношении техники металлические украшения можно разбить на две группы: сплошных и ажурных. Украшения, изготовленные из сплошных, непрорезных частей, почти всегда орнаментируются или чеканом или гравюровкой, большей или меньшей сложности. Ажурные украшения изготавливаются преимущественно сканные (филигрань), при чем скань бывает различного качества, как по сложности рисунка, так и по самой технике исполнения, как это мы видели в одной из предыдущих глав. Скань имеет огромное распространение в татарских украшениях и является наиболее оригинальной орнаментацией их.

Металлические украшения очень часто орнаментируются камнями и камни в большинстве случаев входят их составной частью. Только немногие украшения, как бусы и различные подвески, большей частью амулетного характера, изготавливаются только из камней, в остальных же случаях камни всегда комбинируются с металлом в тех или иных отношениях, при чем камни вообще у татар употребляются в больших количествах и крупных размеров. Наиболее часто употребляемыми, так сказать, любимыми камнями у татар являются: бирюза, сердолик, топаз, яшма, аквамарин. Менее часто употребляются: рубины, хризолиты и др. камни. В большом употреблении находятся также янтарь и жемчуг, из которых делаются, как цельные украшения (бусы), так применяются они и для орнаментации других украшений и одежды. Кроме настоящих и ценных камней у татар в большом употреблении (у бедных классов) находится стекло, как в натуральном виде, так и в виде подделок, под драгоценные камни. (Особенно часто подделываются топазы, делающиеся громадной величины). Значительное

количество камней у татар имеет ритуальное значение и носится для предохранения себя от тех или иных опасностей мифического происхождения, а некоторым приписывают и чисто косметическое значение: так ношения янтаря хорошо сохраняет цвет лица, во что верят и русские, а также, по мнению некоторых лиц, ношение янтарного ожерелья предохраняет от зоба. Вопрос о ритуальном значении камней в настоящее время очень слабо изучен и мы его касаться не будем, однако многие приметы совпадают с приметами народностей Средней Азии, как это можно видеть на основании некоторых данных, сообщенных у Семенова¹⁾ и вероятно являются заимствованными оттуда.

Ткани в украшениях выступают преимущественно в виде фона, основ, на которые нашиваются украшения другого типа. Только в некоторых украшениях, как например, изю (собственно часть кўльмака, не всегда от него отделимая), ткани выступают в качестве самодовлеющих частей, часто не украшенных ничем совершенно. В большинстве же случаев ткани являются подчиненными, как например, в хаситя, чячь тьянка и т. п. В качестве самостоятельных украшений выступают лишь некоторые сорта тканей, как ленты, парча, позумент (ука—уца), а также некоторые особенно богатые шелковые и штофные ткани. Там же, где ткань является подчиненной, употребляются всевозможные материи до ситца включительно. Некоторое значение имеют украшения из ниток, в виде различного рода кистей, а также из лент, но подобные украшения сравнительно малочисленны.

По месту своего изготовления татарские украшения очень разнообразны. Довольно значительное количество украшений, употребляющихся татарами, определено не местного происхождения, но разобраны в этом крайне трудно, так как местные ювелиры изготавливают украшения очень часто по привозным образцам и часто очень не плохо. Вообще надо заметить, что вопрос о происхождении многих украшений совершенно еще не изучен и мы

¹⁾ Семенов А.—Из области воззрений мусульман Средней и Южной Азии на качество и значение некоторых благородных камней и минералов. Мир Ислама. Изв. И. О-ва Востоковедения. т. I. № 3.

не имеем материалов для его решения. Даже работы местных ювелиров, имеющих в Казани и разбросанных по деревням, преимущественно Заказанья, не удастся изучить как следует с точки зрения техники, ибо в настоящее время этот промысел пал, а раньше его изучали лишь с статистической стороны. Известно только, что к татарам много шло украшений из Средней Азии и Персии, а также, меньше, из Турции, но благодаря деятельности местных ювелиров, расшифровать место изготовления той или иной вещи крайне затруднительно. Так, огромная коллекция украшений в Центр. Музее СССР (до 2000 номеров) также не изучена и требует специального монографического исследования, с привлечением огромного сравнительного материала, ибо среди татарских украшений есть вещи даже определенно китайского типа. Работа эта еще не начата, кроме некоторых предварительных попыток ¹⁾.

В последние годы перед революцией значительное количество украшений начали выпускать кустари Рыбной Слободы (Лаишевского кант.), которые отчасти подражали восточным образцам, отчасти вкладывали и собственное творчество. Однако эти украшения все же были низкими по качеству и употреблялись лишь татарской беднотой, при чем большая часть их шла на сторону, преимущественно в киргизские степи, так что на основные типы украшений богатых татар рыбнослободские формы не имели никакого влияния, гораздо меньше, чем местные кустари татары, вещи которых отличаются иногда большими художественными достоинствами.

Кроме цельных украшений, извне к татарам приходили в значительном числе части украшений, вроде блях, амулетов и т. п., из которых уже здесь на месте компоновались цельные украшения, ибо иначе нельзя объяснить наличие частей определенно восточного происхождения на таких украшениях, каких нет ни у кого, кроме татар.

При рассмотрении отдельных видов украшений мы более подробно будем останавливаться как на происхождении их, так и на месте изготовления.

¹⁾ Б. Ф. Адлер—Коллекция Сиклера. Казанск. Музейн. Вестник 1922, № 2.

Переходя к описанию украшений, прежде всего необходимо несколько остановиться на неснимаемых украшениях, т. е. на косметике, которая в большом ходу у татарок различных классов. Употребляют косметику все—богатые женщины постоянно, а бедные по праздникам. Правда в настоящее время употребление национальной косметики в городе, под влиянием европейских обычаев, постепенно исчезает, но в деревнях во время праздников можно и теперь видеть грубо и неумело накрашенных девушек и женщин, старающихся таким образом подчеркнуть свою красоту. Повидимому увлечение косметикой было особенно сильно среди женщин татарской буржуазии в начале прошлого века, т. к. Фукс подчеркивает это увлечение и дает описание косметик женщин.

Чаще всего татарки окрашивают брови, ресницы, зубы и ногти. Реже окрашивается все лицо. В настоящее время употребляются преимущественно европейские косметические средства и только в глухих деревнях, да у старых татарок, в ходу старинные, так сказать „национальные“ средства, точнее старые, к которым народ привык в течение столетий. По происхождению эти „национальные“ средства большей частью из Средней Азии, откуда они и привозятся, т. к. татары сами их не изготавливают.

Брови и до настоящего времени окрашивают многие, при чем перед окрашиванием производится некоторая операция изменения их формы. С татарской точки зрения наиболее красивые брови должны быть тонкими, полукругом окаймляющие глазницу, и потому, при наличии широких бровей, некоторая часть их выщипывается. Для выщипывания употребляются специальные щипчики (İskäk—skök) в виде пинцета с острыми кусающими кончиками. Такие щипчики, вместе с ухочисткой, встречаются в туалетных принадлежностях каждой, живущей по старинному, татарки и употребляются для выщипывания не только бровей, но и вообще растительности, где она не должна, по их мнению, быть. После подготовки выщипыванием, брови окрашивают особым составом—усма—usma, который изготавливается из сока растения *Isatis tinctoria*¹⁾

¹⁾ Краузе И.—О косметических средствах туземцев Туркестанского края. Ежегодник Туркестанского края. Т. II, 1873, стр. 447—449.

Усма наносится палочкой на брови, которые окрашиваются сначала в зеленоватый, а затем в темносиний, почти черный цвет. Усма выписывается из Туркестана, но в настоящее время чаще употребляют карандаши, при чем в деревнях даже обычные писчие—мягких номеров. Те женщины, у которых брови малы, окрашивают и часть кожи, создавая брови нужной величины. Нередко по праздникам в деревнях, особенно глухих районов, приходилось видеть красавиц с такими грубо намалеванными бровями.

Далее окрашиваются веки и ресницы, что производится сурьмой. Сурьма всегда хранится в специальных медных или серебряных сосудах (сөрмәлик—сөрмәлек), имеющих форму стручка или огурчика, поставленного на ножку, при чем закрываются они металлической же пробкой с палочкой, доходящей до дна сосуда. При окрашивании палочку, намазанную сурьмой, вводят между веками и, закрывая глаза, окрашивают, как их, так и ресницы. Некоторые женщины пускают в глаза различные лекарства, для придания им эффектного блеска, но это определено европейского происхождения.

В прежнее время среди женщин (только женщин) существовал обычай окрашивать в черный цвет зубы, который и теперь сохранился у старых татарок в некоторых глухих районах ТССР, напр., в Мамадышском, Тетюшском и кое-где в Закамских кантонах. В Казани этот обычай почти исчез. Чернение зубов производится особым порошком таш-калы, который (по Краузе) изготовляется из нароста на фисташковом дереве (бызгунца—vzoqunça), стираемого в порошок и смешиваемого с окалиной с наковальни. Таш-калы ввозится из Туркестана и им натирают зубы, которые становятся серо-черными. По словам Саттарова¹⁾ зубы чернят и настоем дубовых орехов, но как это делается нам неизвестно.

Для окрашивания лица в настоящее время применяются преимущественно европейские средства, но раньше для этого употреблялось вывозимое из Средней Азии средство упа—ура (свинцовые или китайские белила), которое разводилось в воде (простой или розовой) и им на-

¹⁾ Саттаров—Празднование Курбан-байрама. „Историч. Обзорение“ № 1, 1912 стр. 12. Казань.

тиралось лицо и шея. Для окрашивания щек также употреблялась особая вата, окрашенная соком одного растения из сем. Boraginaceae. Однако в деревнях девушки употребляют простую красную бумажку, которая будучи смоченной, дает резкое окрашивание, при чем щеки окрашивают не накладывая на лицо ни белил, ни пудры. Надо отметить, что в настоящее время окрашивание лица вообще становится более редким, а окрашивание по всем правилам восточной косметики можно встретить только среди зажиточных, но культурно отсталых, групп деревни.

У зажиточных классов, как города, так и деревни и до настоящего времени в большом ходу окрашивание ногтей, которое производится посредством хенны или хны (кына—qna) истолченные листья бальзамина (*Impatiens balsamina*), смешанные с небольшим количеством квасцов (ачуташ—acutaş). Хна привязывается на ночь к ногтям, отчего они окрашиваются в яркий желто-красный цвет.

Зажиточные татарки употребляют в больших количествах духи, (преимущественно европейского происхождения), но у пожилых женщин можно встретить, как восточные благовония, так и розовое масло, (натирают грудь и руки) и душистый базилик (*Ocymus basilicum*).

Заканчивая краткий обзор косметических средств, употребляемых татарками, необходимо отметить еще способ мытья волос катыком, которым намазывают голову, а затем промывают горячей водой. По мнению татарок этим способом, во-первых хорошо промываются волосы, а во-вторых катык способствует их укреплению и рещению. Употребляют также и смазывание головы разными помадами, что необходимо в виду очень гладких причесок, при чем приходилось наблюдать, что деревенские девушки особенно непокорные пряди, выглядывающие из под платка, приклеивали, смачивая их густым сахарным сиропом.

Рассмотрение снимаемых украшений начнем с украшений головы и с наиболее часто встречающегося украшения—накосника (чулпы—cuлpь) (рис. 96), который употребляется у женщин всех возрастов и всех классов, не потерявших национальной прически. Как только у девочки отрастут косы, так она начинает носить чулпы и носит его до самой смерти. В простейшем виде чулпы представляет собой одну или несколько крупных серебрянных

монет, нашитых на шнурок. Такие шнурки с монетами вплетаются в косы с таким расчетом, чтобы монеты находились немного ниже талии и в таком виде они назы-

Рис. 96. Чулпы. Слева вверху двойное чулпы. Из колл. Ц. Музея ТССР.

ваются просто тѣнькѣ, которые носит огромное большинство крестьянок. Количество монет на каждом наконике колеблется от 1—2 до десятка и они при движениях женщины издают звук, по которому татарку всегда можно услышать раньше, чем увидеть. Следующим этапом развития настоящего чулпы является появление бляхи, в виде лопастного листа, к которой прикрепляется с обеих сторон по несколько монет разного достоинства. Изредка

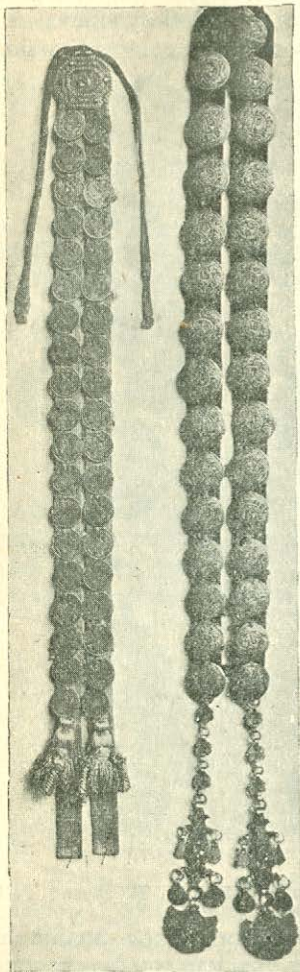

Рис 97. Чачь тaнькa.
Из коллек. Ц. Музея ТССР.

Кроме чулпы имеется еще одно специально девичье украшение для кос, называемое чачь тaнькa или просто

¹⁾ Краткий указатель художеств-этногр-археолог. выставки собрания Л. О. Сиклера. Казань 1912, стр. 8 (у Сиклера это название благодаря опечатке изуродовано).

²⁾ Б. Ф. Адлер—Коллекция Сиклера, стр. 42.

встречаются чулпы, состоящие из нескольких, одна за другой нацепленных, блях, к которым прикреплены монеты или подвески в виде бляшек. Встречаются чулпы двойные (кoянтaлi чулпы,—кеянтaле сулпы), которые представляют два наконечника из блях с монетами, соединенных на одном коромысле, к которому уже привязывается шнурок.¹⁾ Такие наконечники крепятся сразу к обоим косам, при чем шнурок пускается в зависимости от длины кос. Как бляхи, так и прикрепляющиеся к ним подвески (не монеты), часто богато украшаются камнями вроде: сердолика, бирюзы, яшмы и т. п. Имеются типы чулпы, в виде красивых серебряных кистей и вообще, надо сказать, что это украшение имеет вариантов безконечное количество.

Кроме чулпы раньше в косы вплетались еще небольшие цилиндры с молитвами или сухими благовониями²⁾ но этот обычай и раньше встречался редко и являлся прямым заимствованием из Туркестана, тогда как ношение чулпы повидимому очень древний обычай, вдобавок, свойственный почти всем турецким народностям, украшающим косы подвесками того или иного типа.

тїзмä—сәс тәнкә или тзмә (рис. 97). Это украшение, уже упоминавшееся нами при рассмотрении вопроса о происхождении колпака, представляет собой две полоски материи шириною в 2—3 сант. и длиною до 80 сант. Полоски эти делаются из холста, коленкора, полотна, шелковой ленты и даже позумента. У верхнего конца эти полоски скрепляются, сшиваясь на расстоянии 2—3 сант., а далее они скрепляются сцепками через каждые 5—7 сант. На верхний сшитый конец полосок нашивается общая крупная бляха (чәч тәббә—сәс тәвь), а затем на обе полоски сплошь одна за другой, а иногда даже и чешуеобразно, нашиваются или мелкие серебряные монеты—не крупнее четвертака, или специальные тонкие и выпуклые бляхи величиною с полтинник, а иногда с рубль (суккан тәнькә—суqqan тәнкә). Сантиметров на 5—7 от конца бляхи или монеты оканчиваются и здесь или просто остаются концы тесьмы, или нашиваются позументные кисточки, бубенчики, а изредка и небольшие чулпы. Бляшки для чәч тәнькә обычно покрываются чеканным или гравюрованным орнаментом с растительными мотивами или надписями, причем надписи представляют обычно пожелания, молитвы или заклинания, но иногда они так сильно стилизуются, что превращаются лишь в надписеобразный орнамент. Особенно красиво орнаментируются чәч тәббә, которые часто бывают ажурные с камнями и также украшаются надписями, среди которых наиболее употребительными, являются имена семи отроков, которые считаются покровителями девушек и женщин. Под бляхи, в место сшивки полосок, часто зашиваются различные заклинания, большей частью приворотного характера, написанные на бумаге, тем же способом, как и бөти (см. ниже), иногда и самое чәч тәббә принимает форму футлярика, какие нашиваются на хәситә для хранения молитвы, и в таких футляриках девушки хранят памятные, большей частью любовные, записки.

Тїзмä—крепится посредством завязок у основания кос и спускается вдоль их, при чем, чтоб оно не соскальзывало, на нижней стороне нашивается несколько петель, в которые продеваются косы. Изредка у мишарей встречаются тїзмä в виде трубочек из материи, через которые

пропускаются косы и которые сверху также украшены двумя рядами бляшек или монет. Тізмә носится только девушками, при чем иногда носят его не только с колпаком, но и с бисерной такжей. Из других народностей данное украшение имеется у башкир и изредка у низовых чуваш (Бугульминский кантон), но именно в тех местах, где культурные влияния татар больше чувствуются (у чуваш, имеющих тізмә имеется и белый кряшенский колпак). У других турецких народностей, не связанных так сильно в культурном отношении с татарами, на сколько нам известно, подобного украшения нет и хотя имеется обычай закрывать косы, но это закрывание производится хвостом головного убора, которого у татарского колпака нет, или другим каким либо способом.

Кроме нашивания на тізмә бляхи чачь төбө (рис. 104) употребляются и совершенно отдельно, прицепляясь к основанию кос. Таким образом их носят женщины совместно с колпачком, при чем чачь тәнькә они совершенно не употребляют. Женские чачь төбө ничем от вышеописанных не отличаются и также служат местом начертания заклинаний и вообще употребляются в качестве оберегов.

К украшениям же головы необходимо отнести головную повязку (баш хәситәсі—ваҗ хәситәзь), которая представляет собой серебрянную плоскую цепочку, охватывающую голову, с подвесками, спускающимися на лоб, при чем средняя подвеска, приходящаяся над носом, длиннее прочих и достигает длины 4 сант., тогда как остальные не длиннее 2. Подвески эти состоят из продолговатых бляшек, украшенных камнями. Данное украшение совершенно вышло из быта и в употреблении его видеть не удалось. Даже в сундуках оно редкость и описание его мы приводим по одному экземпляру Русского музея (3100—13), доставленному из Казани антикваром Абдрашитовым. В связи с этим мы не имеем данных и о способах ношения его и только можно предполагать, что оно вероятно одевалось или с белым колпаком или с какой либо головной повязкой, охватывая голову.

Того же типа украшением, но одеваемым исключительно с өрпәком является битлӓк — bitlek (налобник) и ука - чачак — uqa - sasaq (галун для волос). Битлӓк

представляет собой полоску позумента размером 7×25-сант., с завязками на обоих концах, которые, при укреплении его на лбу, завязываются низко на затылке у основания кос. Поверхность его украшается иногда галунным шнуром, вышивкой канителью и даже несколькими.

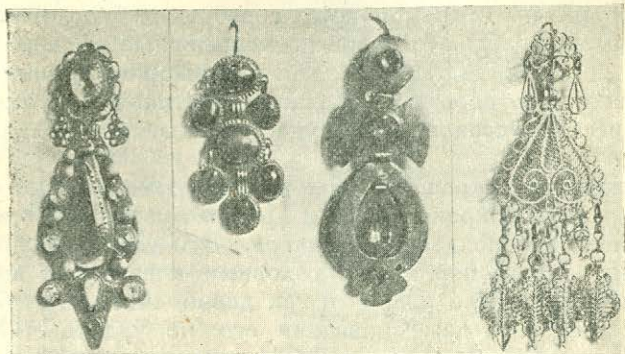

Рис. 98. Наиболее распространенные типы серег.
Из колл. Ц. Музея ТССР.

редко посаженными, монетами. Битлѣк иногда сливается с ѓрпѣком, нашиваясь на него. У мишарей битлѣк под названием ука—чачак становится шире, получает склонность к отвердеванию и также, совмещаясь с ѓрпѣком, принимает форму убора, напоминающего финские, поднятые на темени, уборы, подобные кряшенскому сѹрѣкѣ¹⁾. У казанских татар битлѣк вышел из быта одновременно с ѓрпѣком, но в сундуках еще имеется некоторое количество их.

Таким же постоянным, как и чулпѣй, украшением женщин являются серьги (алкѣ—алѣа) (рис.—98), носимые всеми возрастами женщин, однако, несмотря на такое широкое распространение этого украшения, специфического, так сказать национального, типа серег у татар не имеется. Просматривая значительное количество серег, носимых татарками, а также изучая коллекцию их в Центр. музее ТССР, все же не удалось наметить какие либо

¹⁾ Описание кряшенского головного убора см. нашу статью о кряшенях Челнинского кантона ТССР. Вестник Татароведения № 7. Казань, 1927.

основные типы. Носятся самые разнообразные серьги, начиная от серег дивной работы персидского происхождения, состоящих из нескольких золотых с эмалью чашечек, соединенных за центры тончайшими цепочками с красивыми подвесками, в виде очень тонких листочков из золота, и кончая серьгами с громадными подвесками в виде блях из низкопробного серебра рыбнослободской работы. Употребляются серьги, украшенные мелким жемчугом, совершенно такие же, как у великороссов северных губерний. Есть серьги с кораллами, но типовых татарских серег все же установить не удается — слишком велико их разнообразие.

Заканчивая украшения головы надо отметить еще один тип украшения, хранящегося в Центр. музее ТССР и поступившего из коллекций Сиклера. Это украшение представляет как бы переход от головных к грудным, но по видимому оно было редко и так давно вышло из быта, что восстановить даже названия его не удалось. Отмечается это украшение у Адлера¹⁾, но также в общих словах. Украшение это представляет две яйцевидной формы крупные ажурные бляхи, которые скреплены шнурком, перекидывавшимся через темя, так чтоб бляхи висели немного ниже ушей, как бы напоминая крупные серьги. К нижним концам блях прикреплена серебряная же цепочка, которая спускается на грудь и на которую надет ажурный же круглый футляр для молитвы, находящийся при одевании, немного ниже грудиной ямки. Это украшение по видимому привозного происхождения, но откуда неизвестно.

Из настоящих шейных украшений отметим прежде всего ожерелья (мујнса мујнса), которые носят как женщины, так и девушки, при чем последние чаще. Любимым типом ожерелий являются янтарные, которые чаще встречаются у татарок и под которые имеется целый ряд более или менее удачных подделок. Ношение янтарных бус связывается с поверием в целебные свойства янтаря и поэтому предпочитается. Кроме того носят ожерелья — бусы и из других материалов: у бедных из стекла, а у богатых из более или менее драго-

¹⁾ Адлер—Коллекция Сиклера, стр. 42.

ценных камней. Интересно отметить тип ожерелья, состоящего из яйцевидных плоских сердоликовых бляшек, на которых выгравюрованы цветы, затертые эмалью. Бляшки эти нанизаны на 2 шнура и при одевании плотно охватывают шею, не спускаясь на грудь. В настоящее время, с исчезновением из быта старинного шейного украшения цака чылбыры, ожерелья стали носить чаще и они пожалуй являются единственными шейными украшениями, ежели не считать, воспринятого у европейцев, обычая носить на тонкой цепочке медальон или футляр для корана.

Из старинных, уже почти вышедших из быта, шейных украшений необходимо остановиться на шитых воротниках и специальном украшении цака чылбыры — цаца сльыг (воротниковая цепь). Шитые воротники употребляются

как мужчинами, так и женщинами. Женские воротники представляют собой высокие жесткие воротники, сделанные из позумента, или реже из цветных лент, в виде целой группы рюшей, сверху посредине воротника скрепленных узкой полоской позумента. Такие воротники одевались раньше сверх низкого воротника кўльмака, слегка пристегиваясь или даже не пристегиваясь к нему. Эти воротники являлись или совершенно самостоятельными, или служили основанием, к которому пришивалась цака чылбыры (рис. 99). Мужские шитые воротники всегда от-

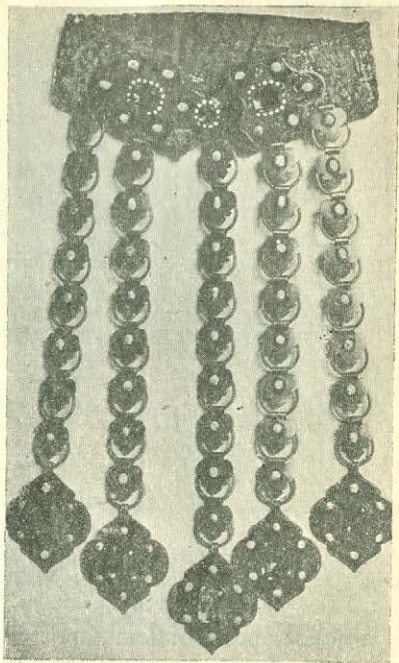

Рис. 99. цака чылбыры с позументным воротником. Из колл. Ц. Музея ТССР.

ложные, зашитые золотой или серебряной канителью, реже разноцветными шелками. Такие воротники пришивались к свадебным рубашкам или и к праздничным, но только у богачей.

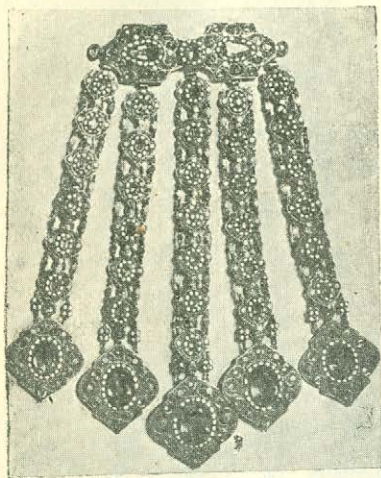

Рис. 100. Сканное цака чылбыры. Бляшки соединены боковыми цепочками.
Из колл. Ц. Музея ТССР.

к концам вышеописанного шитого воротника и служат для него застежками, тогда как цепочки спускаются на грудь. Пряжки делают или чеканные, или филигранные и обычно украшаются камнями. Форма их довольно разнообразна, — четырехугольная, овальная, листовидная, но к месту застежки бляхи всегда суживаются и крючок всегда бывает один. Цепи в наиболее простой форме представляют собой кольца, чередующиеся с бляшками в форме листочков, покрытых чеканным орнаментом и камешками, или даже гладких. У более богатых цака чылбыры цепи делают из филигранных блях шириною до 2-х сант. и длиною до 3 сант., прекрасной работы с камнями. На концы цепей прикрепляются или (редко) екатеринские рубли, или крупные бляхи (разм. до 4×6 сант.) листовидной или ромбовидной формы, филигранные с крупным камнем по середине и мелкими по пе-

Более эффектным и оригинальным шейным украшением является цака чылбыры—сақа сльгы. В основе цака чылбыры (рис. 99, 100, 101) представляет собой две пряжки, длиною 6—8 сант. и шириною в 4—5 сант., которые посредством крючка и петли сцепляются друг с другом. К нижнему краю обеих пряжек прикрепляется обычно 5 цепочек, длиною до 20 сант., которые непременно оканчиваются подвесками или в виде блях, или крупных монет. Пряжки эти пришиваются

рефирии. Изготавливаются цака чылбыры из серебра, но очень часто вызолочиваются. Камни, которыми прямо так обсыпается некоторые экземпляры, состоят из крупных (топазы, аквамарины, сердолики—настоящие и поддельные), достигающих размеров до 2×3 сант., и мелких, которые располагаются розетками вокруг больших, или самостоятельно располагаются по поверхности блях. В качестве мелких камней употребляются: бирюза, аквамарины, хризолиты, рубины, а также очень светлые топазы, которые дают впечатление бриллиантов. Вообще цака чылбыры украшаются очень богато и наиболее эффектные образцы блещут переливаясь драгоценными камнями. Кроме таких богатых образцов употребляются и более скромные, имеющие только по 3 подвески (рис. 102 и 103) и даже по одной, но последние уже дают переход к настоящим застегкам и употребляются не только на воротниках, но и в качестве застегек для камзолов (см. ниже).

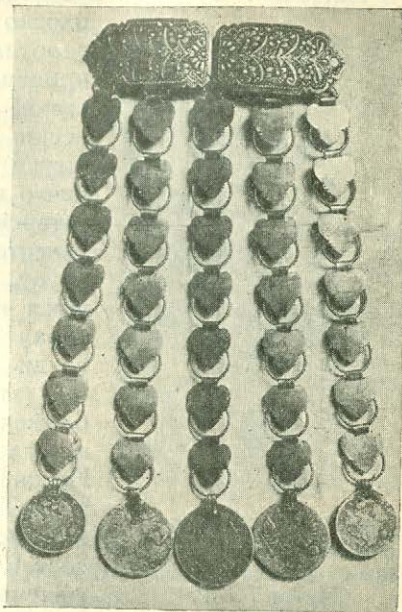

Рис. 101. Чеканное цака чылбыры. Бляшки соединены посредством колец. Из колл. Ц. Музея ТССР.

В настоящее время цака чылбыры совершенно вышло из быта и нам ни разу не приходилось видеть его в употреблении, но в прошлом столетии оно пользовалось широким распространением среди богатых татар и в настоящее время большое количество их имеется в сундуках.

В той стадии развития, которую мы наблюдаем у казанских татар, это украшение потеряло связь со своим

названием—воротниковой цепи, получив лишь вид воротниковой застёжки, с подвесками, но эволюцию его можно легко проследить в украшении с тем же названием у крещеных татар, где оно не потеряло своего первобытного значения. Там оно представляет цепочку, довольно

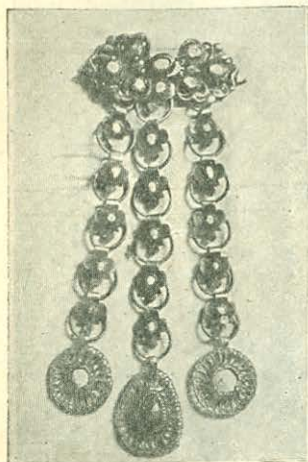

Рис. 102. çaka çылбыры с тремя подвесками. Переход к нагрудным застёжкам. Из колл. Ц. Музея ТССР.

плотно охватывающую шею или воротник платья, к которой прицепляются монеты или подвески, причем иногда эти подвески прицепляются по 2—3 штуки одна к другой и создают нечто вроде подвесных цепочек татарского çака çылбыры. Количество монет и подвесок варьирует, но они всегда нацепляются на той стороне цепи, которая приходится в сторону груди. Дальнейшее превращение этого украшения и приближение его к татарскому нам пришлось наблюдать в деревне Нижн. Бишево, Челнинского кантона ТССР, когда это украшение представляло собой обруч, составленный из изогнутых фрагментов, соединенных между собой шарнирами. Этот обруч,

шириною около 2 сант., застегивался сзади, охватывая воротник платья, а в сторону груди от него спускалось пять цепочек из колец и бляшек, оканчивающихся серебряными рублями. Переход от подробного украшения к настоящему татарскому çака çылбыры уже понятен: обруч заменяется позументным воротником и от него остается только та часть, на которую крепятся подвески, при чем эта часть постепенно превращается в застёжки. Подобными переходными формами от цепи к застёжке по нашему мнению и объясняется сохранение за татарским типом этого украшения его старого названия, которое уже как будто не соответствует назначению украшения.

Распространение çака çылбыры у других турецких народностей не совсем ясно, но как будто аналогом ему

будет башкирское украшение таркама ырка ¹⁾, близкое по типу к кряшенским цака чылбырй, и украшение сярбырлы каптарма—ошейник с пряжкой и подвесками, носимое, по словам Руденко, в различных местах Башкирии. Далее у Закаспийских туркмен имеется особый серебряный ошейник, обтягивающий воротник платья ²⁾.

Аналогом же цака чылбырй пожалуй может служить очень эффектное украшение якутских женщин ³⁾, состоящее из довольно большого обруча, одевающегося на шею, к которому спереди прикреплены две длинные и широкие подвески, составленные из цепей и блях. Правда, анализом его нам не приходилось заниматься, но форма и способ ношения, хотя и поверх верхнего платья, а не рубашки, дает некоторое право считать его аналогичным. Есть ли подобное украшение у других народностей и является ли оно специфическим для турок вообще сказать невозможно из-за отсутствия данных, но у татар оно имеет очень почтенное место.

Рис. 103. Переход от цака чылбырй к каптырма. Из колл. Ц. Музея ТССР.

цака чылбырй является полушейным, полугрудным украшением, ибо подвески его значительно покрывают грудь, но настоящим нагрудным украшением является изу—изу—нагрудник (рис. 104) лопатообразной формы, который закрывает всю грудь, начиная от воротника кўльмака, с которым оно тесно соприкасается. Изу имеется два основных типа: нашитое на кўльмак и самостоятельное. Если нашитое изу до некоторой степени можно отнести к орнаментации кўльмака, то отдельное представляет уже настоящее украшение. В простейшей своей форме изу представляет несколько разноцветных лент,

¹⁾ Руденко—Башкиры Ч. II, стр. 142. рис. 129 (Транскрипция Руденко).

²⁾ Коллекции Русского Музея.

³⁾ Коллекции Русского Музея.

которые нашиты на грудь кўльмака, так, что лента начинается от воротника, идет вдоль разреза, затем у конца разреза загибается полукругом и по другой стороне его возвращается обратно до воротника. Параллельно первой нашивается вторая, третья и четвертая ленты, так,

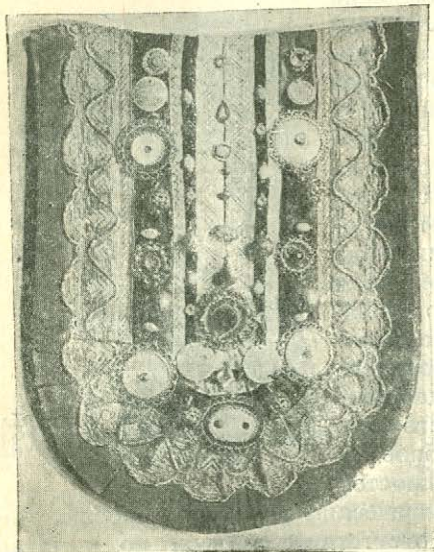

Рис. 104. Изū из парчи с нашитыми бляхами и др. украшениями. Из колл. Ц. Музея ТССР.

что ими закрывается вся грудь. Ленты берутся разноцветные, чаще белые, синие, красные, желтые. Далее вместо одной ленты нашивается полоска позумента, затем две и т. д. до тех пор, пока все изū не превратится в позументное (укалй изū—укаль изу).

Изū из позумента редко нашиваются на кўльмак (только на парчевый), а в большинстве случаев позумент нашивается на лопатообразный нагрудник, также с грудным разрезом. Самый нагрудник делается из коленкора или полотна, реже холста. Край парчевого изū часто обшивается рюшем из цветной, в большинстве случаев красной, материи. Позументные изū редко остаются совершенно гладкими и чаще украшаются путем нашивания различных мелких украшений, в виде: монет, бляшек, пу.овиц, бусин и т. п. Количество и тип нашиваемых мелких украшений очень разнообразно и зависит от личного вкуса владелицы. На верхней части у изū пришиваются завязки, которыми оно и прикрепляется к шее, а с низу прикалывается к кўльмаку. Иногда изū легко, лишь в нескольких местах, пришивается к кўльмаку.

Изю раньше носилось всеми женщинами, позументное в качестве праздничного украшения, а из лент или просто разноцветных полосок ситца, нашивалось на все, даже рабочие, кўльмаки и носилось постоянно. Носили его преимущественно пожилые женщины. В настоящее время в городе изю совершенно вышло из быта, хотя в сундуках имеется у всех и в большом количестве, а в деревнях, особенно глухих частей Заказанья, встречается довольно часто в обоих своих типах у старух и девочек-подростков.

Изю, особенно нашивное, носится не только у татар мусульман, но и у кряшен, башкир, в тех местах, где они соприкасаются с татарами, и даже у сильно отатареных елабужских вотяков ¹⁾, а также чуваш-анатри.

Изю в том виде, в каком оно носится у татар, является как бы самодовлеющим украшением, не имеющим аналогов, но при рассмотрении украшений восточных кряшен, мы видим у них украшение—сакал, которое имеет ту же форму, но только сплошь и даже чешуеобразно обшито монетами ²⁾. Имеется целый ряд нагрудных украшений, сплошь покрывающих грудь, и у башкир (сакал или сильтьяр, яга и настоящее изю) ³⁾. У других турецких народностей нагрудников, аналогичных изю, насколько нам известно, не имеется и как будто их употребление ограничивается лишь татаро-башкирской группой. Однако у финских народностей края (мари, вотяки, мордва) широко распространена богатая орнаментировка вышивкой груди рубашки, а кроме того имеется особая нагрудная накладка—сюльгама (шутьгам у чуваш) в виде пластинки чешуеобразно унизанной монетами, которая иногда становится настолько крупной, что закрывает половину груди. Далее и самое употребление монет в качестве украшения как будто более распространено у финнов, чем у турок и возможно, что изю татар и является как раз результатом влияния финнов, у которых принято украшать грудь рубахи. Утверждать подобное предполо-

¹⁾ Коллекция Борисова в Центр. Музее ТССР.

²⁾ Воробьев—Некоторые данные по быту крещеных татар Челнинск. кант. ТССР. Вестн. О-ва Татароведения № 7. 1927 г. стр. 171.

³⁾ Руденко—Башкиры. стр. 143—144.

жение, при наличии малого количества данных, трудно, но вопрос этот поставить мы считаем необходимым.

Вторым настоящим нагрудным украшением и одним из наиболее эффектных украшений татар является перевязь хәситә—хәситә (рис. 105, и 106), называемая в некоторых местах дәүәт—дәүәт. Перевязь эта одевается через левое плечо под правую руку ¹⁾, проходя по груди подобно ор-

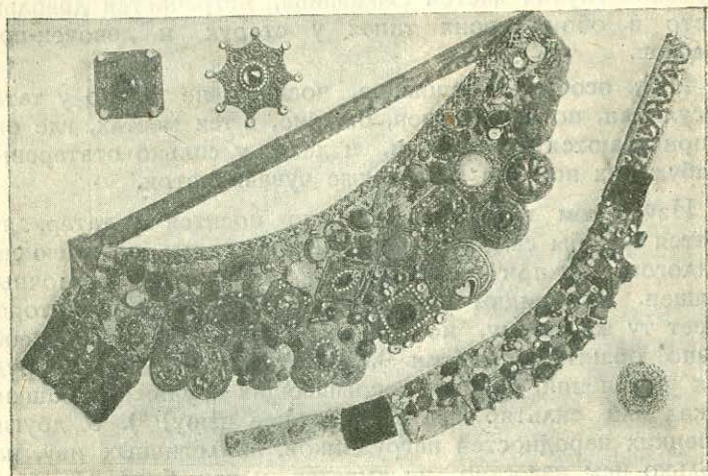

Рис. 105. Два хәситә с бөти (слева). Более богатое и более бедное. В углах бляхи. Из колл. Центр. Музея ТССР.

денской ленте. Наиболее типичное хәситә представляет собой полосу материи шириною от 5 до 10 сант. в форме узкого сегмента, с длиной хорды в 30—35 сант., обычно из цветной, чаще желтой, материи, с подложенным под нее картоном, что придает этой полоске твердость. К углам ее пришивается узкая полоска (не шире 2—3 сант.), которая охватывает спину и застегивается или под мышкой, или на плече специальной застежкой (иногда застежки не бывает и обе полосы составляют сплошное кольцо).

¹⁾ Хәситә одевается через левое плечо, а не через правое, как это указывается у Сиклера (Кратк. указат. выставки), Адлера (Коллекция Сиклера), Дульского (Искусство казанск. татар). Подобная же ошибка допущена и нами в статье Казанские татары (Материалы по изуч. Татарстана).

На широкую полосу сверху (со стороны хорды) очень часто нашивается одна или несколько цепочек или полоса из четырехугольных блях, скрепленных шарнирами, а затем вся остальная поверхность ее густо зашивается бляхами, жетонами, монетами, пуговицами и другими красивыми или памятными для владелицы предметами. Вообще предметы, нашиваемые на хаситя очень разнообразны и

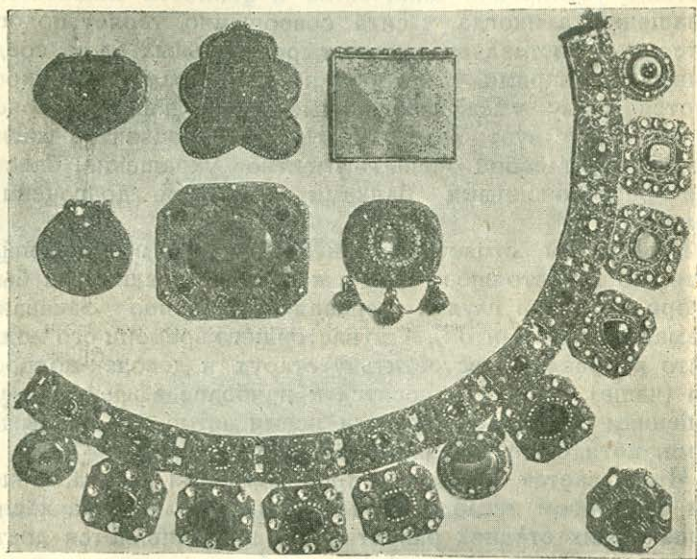

Рис. 106. Металлическое хаситя без боти. Вверху бляхи чяч-төбө.

нередко не имеют ничего общего с украшениями (так приходилось на простеньких хаситя встречать значки учебных заведений и ведомств, бляшку от ключа паровой каюты и даже миниатюрный замок от собачьего ошейника). Нашиваются на хаситя также различные предметы амулетного значения и кроме того почти всегда со стороны, идущей под руку, к нижнему краю пришивается или небольшой мешочек с молитвою (боти—веть) (рис. 105), или металлический футляр для корана или молитвы (көр'ан сауытты—qor'an sauty или каптырга) (рис. 115, 116) (см. ниже). От подобного типичного хаситя идут ва-

рианты, как в сторону упрощения так и усложнения. Упрощение выявляется прежде всего в том, что полоска, идущая по груди, становится уже и наконец одинаковой со спинной, украшения нашиваются не так обильно и занимают всего лишь 15—20 сант. по длине ленты, да и сами они становятся более примитивными и только бёти остается таким же. Усложнение выявляется в увеличении количества и ценности нашиваемых украшений, а иногда хәситә совершенно теряет полоску материи и составляется из четырехугольных блях, соединенных шарнирами, к которой на шарнирах же прикрепляются снизу уже многогранные бляхи, а бёти и совершенно отсутствует (рис. 106). Богато развитое хәситә представляет собой очень эффектное украшение, блестящее раззолоченными бляхами и массой драгоценных камней.

В прошлом столетии хәситә носилось всеми женщинами, но в настоящее время, как и изү вышло из быта в городах, но в глухих деревнях, особенно Заказанья (Мамадышский кантон), и до настоящего времени его можно часто в праздник встретить у старух и девочек-подростков (чаще). Хәситә относится к наиболее эффективным украшениям татар и отмечается всеми авторами, описывавшими, хотя бы вскользь, татарскую одежду.

Что касается вопроса о происхождении хәситә, то нам, при подробном исследовании большого количества хәситә в различных стадиях развития, он представляется достаточно сложным и намечаются как будто два вида хәситә, имеющие различное происхождение, но у татар очень часто соединяющиеся вместе, так что на некоторых экземплярах это трудно расшифровать. Во-первых у религиозных татар есть обычай носить на теле небольшую ладанку в виде мешечка, в который зашита или молитва, или заклинание ¹⁾, для предохранения носящего от злых духов. Такой амулет, называемый бёти, прикрепляется к узкой тесьме и одевается через плечо (как хәситә) у взрослых (особенно мужчин) под рубашкой, а у детей сверх ее. Чаще всего

¹⁾ Чаще всего пишется та или иная сура из корана, но без точек, чтоб шайтан не мог прочесть, и тем более боялся. Писанием таких молитв обычно занимаются деревенские азанчи или по просьбе, или просто заготавливая их на продажу.

подобные бѣти одеваются на ребят, чтобы предохранить их от злых влияний. Иногда на тесемочку нашивается два или несколько мешечков, не только с записками, но и со священными предметами, вроде земли из Мекки, предметы из группы оберегов, как например, кусочки древесины рябины или можжевельника, а также некоторые блестящие вещи, назначение которых бросаться в глаза и

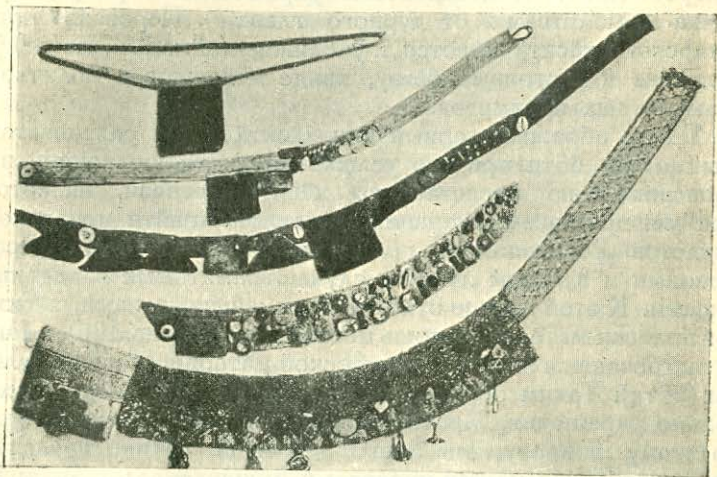

Рис. 107. Переход от бѣти к хāsītā. Из колл. Ц. Музея ТССР.

отводить их от ребенка, предохраняя от сглазу. Таким образом бѣти начинает постепенно покрываться, сначала ритуальными же предметами, а затем и украшениями. Нам удалось подобрать довольно полную серию постепенного усложнения бѣти, путем увеличения числа украшений и постепенного перехода его в хāsītā, где бѣти превращается уже во второстепенную часть, хотя и никогда не исчезает. (Полная серия подобного перехода хранится в Центр. Музее ТССР и представлена на рис. 107).

Кроме татар ношение на себе предметов амулетного значения встречается и у других турецких народностей, причем часто они носят именно через плечо или только в виде амулета, или в виде украшения—перевязи. Подобный

амулет, под названием амаил ¹⁾ носится у крымских татар девочками на шее, а кроме того у пастухов имеется перевязь через плечо—джюздан ²⁾ в виде двухсторонней ленты, при чем в месте ее сцепки (под рукой) пришивается бляха или пуговица и также зашивается амулет. Подобное же украшение амулетного значения носится на груди закаспийскими туркменами ³⁾ под наименованием тумар, а через плечо ими одевается украшенная серебром сумочка с молитвами от дурного глаза ⁴⁾. Перевязь типа татарского хәситә имеется и у башкир (аймадык, деуэт) ⁵⁾ а так же и настоящее бэтэу, в виде мешечков с молитвой и амулетных предметов.

Таким образом первый тип хәситә татар развивается именно из бөти при его усложнении. Вторую группу по происхождению представляют хәситә-перевязи, на которых мы при всем старании не можем найти признаков амулетов. Все нашитые предметы являются только украшениями и в самом лучшем случае, памятными владельце вещами. К этой группе относятся, отмеченные нами, хәситә без полоски материи, сплошь металлические (рис. 106), а также встречаются хәситә и с полоской материи, но без амулетов (бөти). Таким образом эти перевязи представляют уже только украшения. Просматривая коллекции и литературу по этому вопросу, мы нашли и к этой группе перевязи аналоги. Так имеется перевязь у кряшен—девет ⁶⁾, муйтемар, причем девет представляет собой полулунную полосу материи, сплошь зашитую монетами, и носящуюся через плечо, но свободнее, чем хәситә татар, так что закрывает лишь низ груди, причем в этой перевязи нет амулетов и только на кольце, соединяющем концы перевязи внизу, носят ключи, а иногда и побрякушки. Имеется перевязь и также без амулетов у чуваш (деуэт), причем у анатри совершенно того же типа, как у кряшен, а у верьял и анат-енчи в виде широкой полосы, переброшенной через плечо и сцепленной под правой рукой на вы-

1) Р. М. № 803—40.

2) Р. М.

3) Р. М. № 3111—1.

4) Россия т. XIX. стр. 388.

5) Руденко—Башкиры, стр. 149 и 311.

6) Воробьев—Кряшены Челнинского кантона. стр. 171.

соте бедер. Вся поверхность полосы покрывается монетами, бисером, а по краям пришиваются раковины ужомки (Сургага монета) ¹⁾. Ношение подобной перевязи чувашами, а по пути и татарами, Золотницкий ²⁾ объясняет с одной стороны заимствованием у персов, откуда взято и самое название, отмечая, что в старину у персов в качестве почетного отличия давалась чернильница (дэвэт), носившаяся также на перевязи через плечо. Далее здесь же он приводит замечание арх. Мелентия о том, что у бурят ламы при богослужении одевали через правое плечо перевязь (оркымджи), на которой пришивалась кропильница (сабир), причем перевязь без кропильницы давалась ламами в знак отличия и мирянам. Насколько, конечно эти данные правильны, мы к сожалению не имели возможности проверить, но Потанин, говоря о перевязях Елабужских вотяков (отатаренных в значительной степени), мари и кряшен пишет: „начало этого очень распространенного обычая [ношения перевязи] (следы его замечаются у кавказских горцев и у крымских татар) надо искать в шаманских поверьях и мифологии Северной Азии. В долине Тунки (Ирк. губ) я видел замужних буряток, у которых через плечо был повязан кусок красной материи; так как это были молодые женщины, имевшие мужей и носившие косы, то их нельзя было принять за чибгуиц, т. е. монахинь, которые, по словам Иакинфа (Зап. о Монголии т. I, стр. 198) также носят через плечо красные ленты [здесь Потанин полемизирует с Золотницким]. На мои расспросы мне отвечали, что не все женщины носят подобные перевязи, а только те, которым это указано ламами. Из дальнейших слов рассказчиков я заметил, что эти перевязи носят в предупреждение каких то несчастий“.

Из приведенных данных видно, что перевязь имеет как будто широкое распространение. Особенно ценны указания на ношение их в Монголии и Тунке, где, хотя они и связываются с буддийским культом, но, по мнению

¹⁾ Чувашский девет в коллекц. Центр. Музея ТССР.

²⁾ Золотницкий—Корневой чувашско-русский словарь, прилож. XIV. стр. 241—242.

³⁾ Потанин Г. Н.—Вотяки Елабужского уезда. ИОАИЭ т. III, стр. 199—201 (примечание к слову „казита“).

цитированного автора, все же имеют корни в древних добуддийских верованиях. Таким образом этот второй тип перевязи без явного амулета уходит, как мы видели, как будто очень далеко и окрашивается опять таки в ритуальную окраску, но говорить что либо особенно определенное о происхождении этого типа перевязи не приходится и происхождение первого типа, которое нами доказано фактами, более ясно.

Кроме этих двух типов имеются у татар хаситя, которые как бы совмещают собой оба типа. Это те хаситя, у которых, как мы отмечали при описании, сверх блях и др. украшений нашиваются или цепи или сцепленные на шарнирах бляхи, как на хасита без боти, а ниже нашиваются украшения и боти.

Из приведенных данных хаситя—это эффектное украшение татарских женщин, по своему происхождению является определенно ритуальным в первом его виде с боти несомненно, а во втором предположительно. Далее, по видимому, эта перевязь распространена у монголо-турецких народностей довольно широко и является для них именно типичной, тогда как ношение перевязей вотяками и мари несомненно есть татарское влияние.

Нагрудным же украшением является брошь, которая у татар встречается очень редко и вероятно, как результат русского влияния. Наиболее простой тип броши представляет листовидную бляху с подвесками, к которой на шарнире прицеплена игла, посредством которой она и крепится на груди. Данная бляха возможно является предметом лишь приспособленным в качестве броши, ибо есть указания, что раньше такие бляхи с булавками прикалывались к вязанному колпаку, так что бляха спускалась на лоб. Встречаются в деревнях броши, спаянные из мелких монет, но вообще брошь не типичное украшение и является результатом новых влияний.

К группе нагрудных же украшений отнесем и пуговицы (тöймä—төймә), которые у татар очень разнообразны. Ежели в настоящее время это разнообразие пуговиц уже почти исчезло и они употребляются лишь с утилитарным назначением, то в старинном, особенно мужском, костюме они играли еще орнаментальную роль, почему и имеется целый ряд характерных форм их. Пу-

говицы у татар бывают или каменные, или металлические (мы не принимаем во внимание широко применяющихся в настоящее время пуговиц европейского происхождения, а лишь старинные, так сказать, национальные). Каменные

пуговицы делаются из стекла, различных более или менее ценных камней (сердолик, яшма), а также из коралла, настоящего и поддельного. Они представляют собой собственно бу-
сины, одетые на серебряный стержень с ушком для пришивания.

Размеры их колеблются от мелкой горошины до лесного ореха. Металлические (большей частью серебряные, реже медные) пуговицы делаются полыми, причем поверхность их бывает или сплошная, или ажурная. Сплошные пуговицы иногда украшаются чеканным орнаментом, и достигают размеров лесного ореха, а ажурные, сделанные филигранью, бывают очень крупными с диаметром до 4 сант., причем форма их не шаровидная, а слегка яйцевидная. Подобные огромные пуговицы пришивались преимущественно на камзолах и играли часто декоративную роль. В настоящее время, в связи с общим потускнением одежды татар, исчезают и эффектные пуговицы.

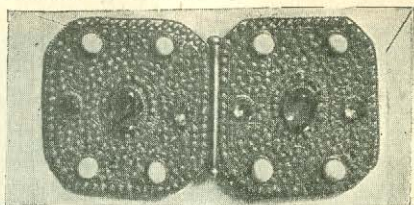

Рис. 108. Поясная каптырма из бугорчатой скани. Из колл. Ц. Музея ТССР.

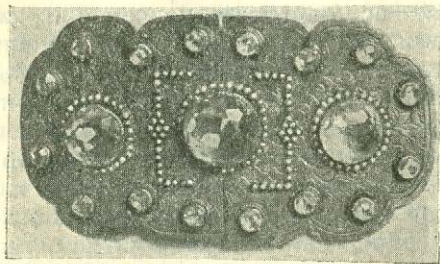

Рис. 109. Поясная каптырма чеканной работы с камнями. Из колл. Ц. Музея ТССР.

исчезают и эффектные пуговицы. Дольше всех у лиц, носящих национальную одежду, сохраняются мелкие пуговицы, не крупнее горошины, чаще каменные, реже металлические. Происхождение подобных пуговиц по месту изготовления частью местное, а частью привозное.

Широко распространенным и очень эффектным украшением являются так же различного назначения застежки (каптырма—qaptrma), которых имеется несколько типов. Прежде всего отметим поясные застежки (кәмәр каптырмасы—kəmər qaptrması) (рис. 108 и 109), украшенные филигранью или чеканом с большим количеством камней. Размеры их достигают до 5×7 сант., форма их большей частью близкая к четырехугольнику, но нередко также овальные, круглые, и звездообразные. Пряжки разделяются на одно-

Рис. 110. Каптырма для застегивания камзола.
Из колл. Ц. Музея ТССР.

сторонние, когда пряжка целиком крепится к одному концу пояса, а с другой пришивается лишь простая петля, и на двухсторонние, когда пряжка делится на две равные части. Пряжки эти прикрепляются к поясам среднеазиатского происхождения из бархатной, шелковой или ковровой тесьмы и вместе с поясами выходят из быта. Раньше они, употреблялись для подпоясывания казакинов и чапанов. Нередко на пояс нашивались также комплекты к пряжке бляхи в количестве от 5 до 10 штук.

Вторым типом застежек являются застежки для камзолов (рис. 110) (камзул каптырмасы), женских запястий и браслет—інці каптырмасы—нсе qaptrması, причем они различаются только размерами, все относясь к одной группе. Эти застежки в абсолютном большинстве четырехугольные (рис. 111), длиной (сверху вниз) от 2 до 7 сант. и шириною от 1,5 до 4 сант., причем они бывают односторонние и двухсторонние. Наружная поверхность пряжек всегда орнаментируется. Наиболее простым украшением является простая окантовка гладкой поверхности пряжки накладной проволочкой и украшение одним или несколькими камнями в накладных же гнездах. Чаще же всего они украшаются филигранью с камнями и без них, причем филигрань бывает или сквозная (ажурные застежки) или накладная на гладкой поверхности пряжки. Камни употребляются или

более крупные, сающиеся в одиночку, или мелкие, располагающиеся розетками. Иногда же устраиваются и комбинации, когда крупные камни, до размеров горошины (чаще овальные), окружаются розеткой из мелких камешков. Изготавливаются застежки, как и большинство украше-

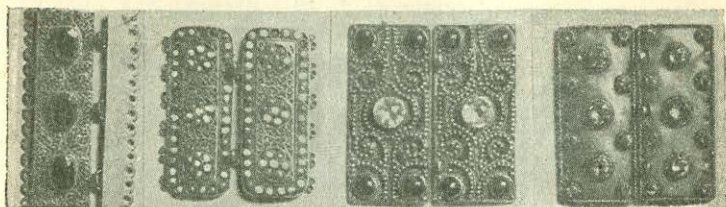

Рис. 111. Каптырма для камзолов и обшлагов. Слева односторонняя.
Из колл. Ц. Музея ТССР.

ний, из серебра и часто золоченого. Самое застегивание производится посредством 2—3 плоских крючков, припаянных к одной стороне или к особой пластинке (у односторонних), которые и входят в соответствующие гнезда на другой половине с внутренней стороны на внешнюю. Самые застежки прикрепляются пришиванием за дырочки, проделанные со стороны, противоположной крючкам, или просто за части филигранны. Застежек этих у татар огромное количество (в Центр. Музее ТССР их несколько сот), но из быта они также вышли, лишь изредка в деревнях встречаясь на камзолах и браслетах.

Браслеты (блэзк—влэзек) в быту татар всех классов, не потерявших национальной одежды, являются почти такой же постоянной вещью, как и наосники. Редкая женщина не носит минимум одного, а чаще двух браслетов, а благодаря тому, что они изготавливаются и из очень низкопробного серебра и даже меди, их носит и беднота, в качестве постоянного украшения. Все разнообразие употребляемых татарами браслет можно свести к двум основным группам: браслеты сплошные, сделанные из одного куска, или из двух-трех, соединенных шарнирами, фрагментов и браслеты сделанные в форме цепочки из частей большей или меньшей величины.

Сплошные браслеты (рис. 112) представляют в основном типе металлическую пластинку такой длины, чтоб она

могла охватить руку у кисти, причем концы ее не соединяются и браслет одевается путем легкого разгибания его. Ширина подобных браслетов варьирует от 2 до 6 сант. чаще 2—3 сант. Поверхность их или остается совершенно гладкой, или орнаментируется гравюрованным

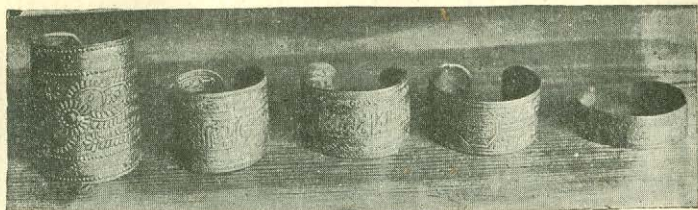

Рис. 112. Сплошные браслеты чеканной работы.
Из колл. Ц. Музея ТССР.

или чеканным (реже) орнаментом, основным мотивом которого являются стилизованные растения и надписи с изречениями, молитвами или именем владелицы. Очень часто на таких браслетах гравюруются имена семи Эфесских отроков, считающихся покровителями женщин. Такие браслеты имеют очень широкое распространение и их носят почти поголовно, особенно в деревнях, в качестве постоянного украшения. Они широко распространены и у других турецких народностей и происхождение их вероятно из Азии, ибо финские народности этот тип употребляют редко и то в качестве заимствования. Разнообразием сплошных браслетов являются браслеты из проволоки (ішмә бләзік — іштә вләзек), гладкой или перекрученной, одевающиеся так же, как и первый тип. Такие браслеты встречаются редко, только в деревнях и чаще у кряшен, так что их можно считать заимствованием у финнов, у которых они имеют широкое распространение.

Браслеты из фрагментов (рис. 113) в одетом виде совершенно сходны с цельными, только они всегда имеют застежку и охватывают руку замкнутым кольцом. Поверхность таких браслет орнаментируется более богато. На фрагментах располагаются накладные украшения и камни, а иногда весь фрагмент сделан филигранью, так же с камнями. Число фрагментов бывает 2—3. Подобные брас-

леты очень древни и повидимому завозного из Азии происхождения. Два золотых браслета этого типа имеются, например, в составе инвентаря клада из болгарского города Джуке-Тау¹⁾ совместно с браслетами сплошными. В настоящее время они встречаются лишь у зажиточных классов, как города, так и деревни и довольно редко.

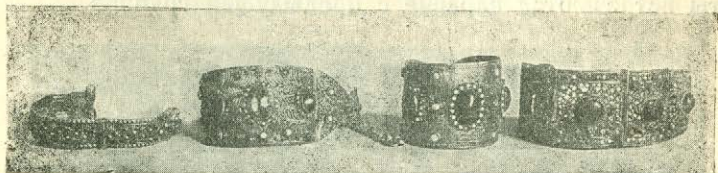

Рис. 113. Браслеты из фрагментов чеканные и сканные.
Из колл. Ц. Музея ТССР.

Особо можно поставить браслеты каменные, сделанные из одного куска, по типу напоминающие кольца для штор. Такие браслеты очень редки.

Браслеты в форме цепочек (рис. 114) делаются из более или менее крупных бляшек овальной или листовидной формы, которые соединены друг с другом и, охватывая всю кисть, застегиваются посредством крючка. Бляшки часто филигранной работы и украшаются камнями или же бляшки гладкие и украшены камнями в накладных гнездах. Вообще бляшки подобных браслетов напоминают бляшки подвесок цака чылбйры.

Имеются браслеты этого типа, состоящие собственно из крупных (до 1,5 сант.) камней (сердолика, яшмы и т. п.), забранных в очень легкую оправу, так чтоб камни можно было сцепить между собой. Браслеты из бляшек или камней встречаются довольно часто, особенно в городах, но повидимому являются вещами более новыми, возникшими возможно под влиянием европейских украшений подобного типа, так как деревня, не связанная почти с европейской культурой, подобных браслет не имеет.

¹⁾ Означенный клад хранится в Центр. Музее ТССР и описан В. Ф. Смолиным в статье „Клад восточных золотых предметов из болгарского города Джуке-Тау“. Вестник Татароведения, № 3. Казань, 1925.

Имеются браслеты, составленные и из настоящих тонких цепочек, при чем несколько таких цепочек располагается параллельно, причепляется обоими концами к маленькой каптырма обычного типа и получается браслет шириною в 1—2 сант., охватывающий кисть, при чем цепочки между собой совершенно не сцеплены. Такие браслеты встречаются наравне с предыдущей группой.

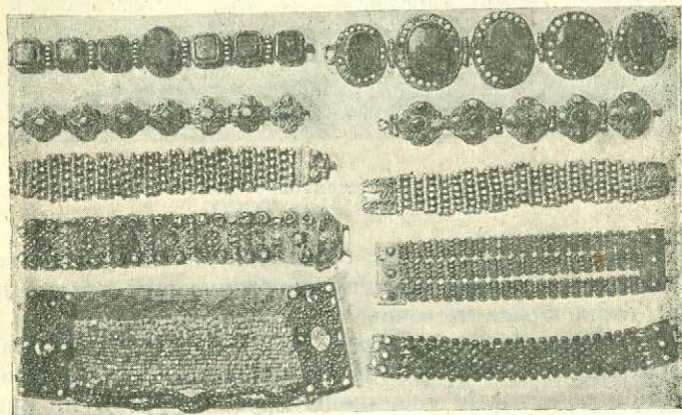

Рис. 114. Браслеты из бляшек и цепочек. Слева внизу кул ʎпʎ с маленькими каптырма. Из колл. Ц. Музея ТССР.

Особым типом полубраслетов полуобшлагов составляют, так называемые, запястья (кул ʎпʎ—құл пәсе) (рис. 114), представляющие собой или полосу материи сплошь зашитую жемчугом или бисером, или просто полосу, скрепленную из жемчуга, к концам которой пришиты обычные каптырма. Ширина подобных запястий варьирует от 3 до 5 сант. К краю, идущему по направлению к кисти, нередко пришиваются золотые монеты, различного достоинства. Подобные запястья в настоящее время совершенно вышли из быта, но в конце прошлого столетия они были широко распространены у богатых горожан. Каково их происхождение сказать трудно, также как невозможно проследить и их историю. Запястья, обычно не пришиваемые к рукавам, иногда, при моде на узкие рукава, скреплялись с ними и давали переход от браслета к собственно обшлагам.

[Кроме описанных типов чисто национальных, точнее прочно вошедших в быт, браслет, в настоящее время широко употребляется ношение браслет европейских образцов. Таким же постоянным, как и браслеты украшением, являються кольца, также чаще серебряные и золоченые. В употреблении у татар имеются собственно кольца (балдак—baldaq) и перстни (jözök—jezek) (рис. 115), украшен-

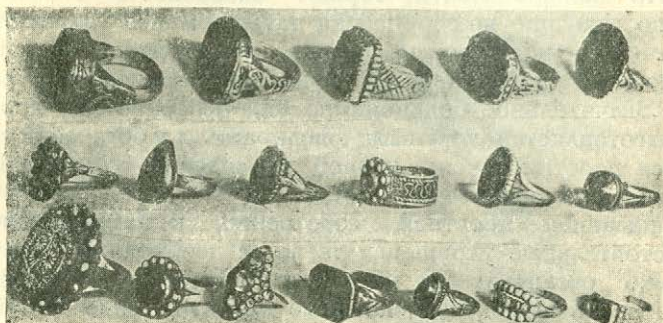

Рис. 115. Наиболее распространенные типы мужских и женских перстней. Из coll. Ц. Музея ТССР.

ные очень разнообразно и часто очень сложно. Кольца употребляются обычного европейского образца и носят сравнительно реже, чем перстни, и главным образом мужчинами. Перстни разделяются на две группы: мужские перстни, украшенные печаткой из того же материала, на которой вырезывается имя владельца, и украшенные эмалью или драгоценными камнями. Перстни—печатки имеют широкое распространение, при чем печатки увеличиваются, так что кольцо становится лишь придатком к печати и таким образом дают переход к настоящим печаткам, которые очень часто носят татары в качестве брелков на часовой цепочке. Украшение перстней с камнями также достигает иногда очень значительных размеров, при чем украшение производится или одним более или менее крупным камнем, или целой группой, когда маленькие камни располагаются розеткой вокруг одного большого. Камни употребляются различные, чаще пожалуй встречается бирюза. Изредка встречаются мужские

складные перстни, которые купцы-татары ради курьеза вывозили из Китая. Кольца и перстни употребляются и до настоящего времени в значительных количествах. Мужчины носят колец меньше, 1—2, редко 3, а женщины, даже крестьянки, 2—3 кольца носят постоянно, а по праздникам богатые татарки, отправляясь в гости, унизируют все пальцы перстнями, по несколько на каждый, так что пальцы почти теряют способность сгибания. Только живущие по европейски татарки менее увлекаются перстнями и носят их не больше, чем русские женщины. По происхождению перстни и кольца самые разнообразные. Значительное большинство их, особенно для деревни, изготовляется местными ювелирами, а у богачей встречаются перстни очень ценной персидской, турецкой и среднеазиатской работы.

Описанием перстней, собственно, и заканчиваются самостоятельные украшения татар и необходимо еще несколько остановиться на некоторых видах украшений, часто очень эффектных, которые входят в виде частей в другие украшения, но которые для татар очень характерны. Таковыми предметами являются различные бляхи, амулеты, футляры для молитв, брелоки, медальоны и т. п.

Переходя к этим мелким украшениям, остановимся несколько на ношении татарами часов. Мужчины татары горожане часы носят очень охотно, преимущественно серебряные, укладывая их в кармашек на камзоле, а серебряную же цепочку к ним, прицепляя к поясу. Богачи носят цепочки и часы золотые. К цепочкам часто привешиваются многочисленные брелоки, из которых наиболее употребительными являются небольшие именные печатки, счеты, кинжалы и т. п. вещи, преимущественно работы русских, реже, татарских ювелиров. В деревнях часы встречаются реже, преимущественно у духовенства и торговцев. Женщины, одевающиеся в национальный костюм, часов не носят.

Из мелких не самостоятельных украшений значительную роль играют бляхи, нашивающиеся на хайиты и женские шапки (рис. 105 и 106) эти бляхи того же типа, что и нацепляющиеся в качестве чачы тобё. Они преимущественно филигранной работы, причем нередко филигрань располагается на гладкой металлической же подкладке и

украшены камнями, расположенными по краям и в середине. Форма блях преимущественно четырехугольная, нередко со скошенными углами, но бывают бляхи и другой формы: круглой, многоугольной и даже звездчатой.

К группе амулетов относится ряд мелких, преимущественно каменных, украшений, которые имеют то или иное ритуальное значение. Особенно часто встречаются амулеты из сердолика (ахак—ахаq), которым нередко придается форма небольших каменных наконечников стрел—подражание т. н. громовым стрелкам, почитаемым татарами в качестве амулетов. Встречаются амулеты и другой формы и вообще эта группа украшений очень расплывчата. Нацепляются подобные амулеты преимущественно на хаситя—украшение в основе также ритуального значения.

К этой же группе относятся футляры для помещения миниатюрных коранов, и молитв, нацепляющихся на богатых хаситя вместо боти (рис. 116 и 117). Футляры эти в большинстве случаев четырехугольные, нередко повторяющие форму книжек с открывающейся крышкой, или с задвижкой в верхней боковой стороне. Иногда футляры делают овальные, круглые и многогранные и, даже, в виде трубочки, открывающейся с одной стороны. Поверхность футляров, особенно верхняя, покрывается резным или чеканным орнаментом, а также камнями, часто в накладных гнездах. Футляры-трубочки часто бывают филигранными-ажурными и очень тонкой работы. Такие футляры служат для нацепления на хаситя, но иногда носят на отдельной цепочке на шее и тогда подобные футляры

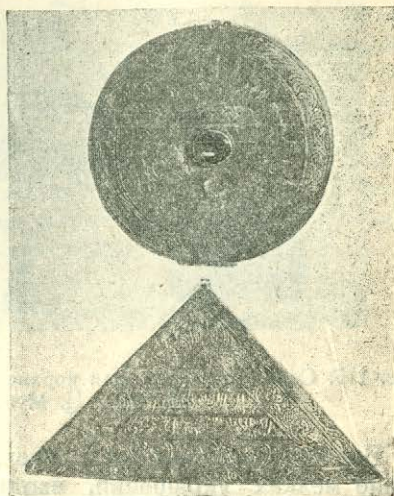

Рис. 116. Футляры для корана чеканной работы. Из колл. Ц. Музея ТССР.

принимают уже вид медальонов. Ношение таких медальонов распространено у татарок, одевающихся по европейски и очень редко у лиц, носящих национальный костюм.

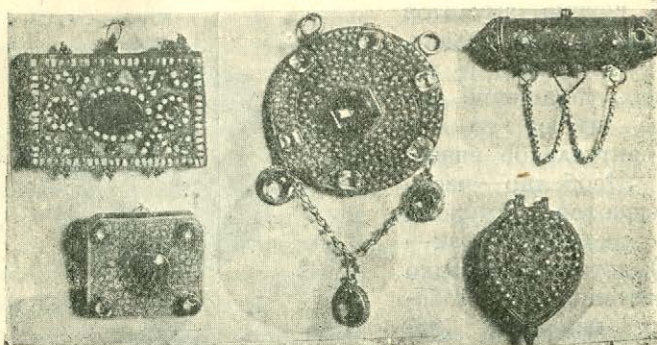

Рис. 117. Серия футляров для корана различной формы и техники. Из колл. Ц. Музея ТССР.

Вообще надо заметить, что дать исчерпывающее описание мелких украшений, входящих составной частью в хаситя и изю совершенно не представляется возможным — так велико их разнообразие и число.

Закончив таким образом описание основных типов татарских украшений, постараемся набросать краткую картину их ношения и тех сочетаний, в которых они употребляются. Прежде всего выделим группу постоянно носимых украшений, к которым относятся накосники, кольца браслеты и серьги, которые носят всегда и все классы. Далее идут изю и чачь таныкя, которые носят не все группы женщин и преимущественно по праздникам, хотя изю нашивается в деревнях и на рабочие кумляки. К часто носимым же украшениям надо отнести и ожерелья. Хаситя и цака чылбыры носят исключительно как праздничное украшение и в настоящее время почти вышли из быта, особенно последнее. Вообще надо сказать, что татарки украшений носят очень много, перенося это обилие даже и на европейские украшения, что часто создает странные для европейского взгляда сочетания. Так нам на одной богатой татарке в деревне пришлось

видеть трое часов: на длинной цепи за поясом, на бантике на груди и на браслете, при чем ни одни из них не были пущены и являлись исключительно украшениями. Мужчины украшений носят меньше. Ими употребляются преимущественно кольца, перстни, брелоки, часы, а остальные украшения исключительно женские. Далее надо отметить, что женщины носят украшений больше, чем девушки, как это наблюдается и у других народностей, платящих за жен соответствующие средства, идущие преимущественно на приданное невесты, а кроме того вкладывание средств в женские украшения, как и в одежду, у татар считается своеобразным способом хранить деньги. Большое количество украшений на женщине показывает хорошее финансовое положение ее мужа.

Глава X.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Закончив рассмотрение элементов материальной культуры казанских татар, попытаемся сделать некоторую сводку данных и посмотрим, как удалось нам выполнить цели, намеченные нашим исследованием. Сколько возможно мы старались проводить везде два основных разреза анализа быта, именно—территориальный и классовый и при современной изученности материала, нам кажется, что эту задачу удалось выполнить более или менее удовлетворительно. Труднее дело обстояло с историческим разрезом, но и по нему мы по возможности исчерпали все то, что можно было узнать из литературы о татарах и из народных преданий. Самые большие трудности представлял разрез этнологический, где не представлялось возможным охватить целиком всю литературу о народностях, с которыми татары так или иначе культурно соприкасались, поэтому полный анализ бытовых элементов татар, в связи с другими народностями и вопросы генезиса во многих местах остались совершенно не освещенными.

Татарская культура сложилась из целого ряда влияний со стороны, налегавших на древние формы. Все основные влияния мы, по скольку возможно, выявили, но самые большие трудности представляло все же выявление древних основных форм культуры татар. Здесь нам более всего запутывал анализ тот факт, что мы до сих пор не можем сказать, кто собственно казанские татары по своему происхождению и что считать для них пережитком древних форм. Это представляло часто совершенно непреодолимую преграду и исследование наткнулось на ряд вопросов, как например, кто такие в этническом отношении болгары, давшие, несомненно, основу современной татарской народности, а затем из кого состояли те татарские элементы, которые, начиная с XIII века, все время

проникали в край в больших или меньших количествах и превратили турецкую, в основе болгарскую, массу, в турецкую же татарскую, с языком кыпчакской группы, отличным от языка болгар, если считать его близким к современному чувашскому.

Пережитки древних форм у татар имеются почти во всех элементах быта. Меньше всего их имеется, пожалуй, в хозяйстве татарина, ибо условия хозяйственной жизни в крае совершенно иные, чем в областях кочевого хозяйства, однако, все же большая любовь татарина к скоту и тщательность ухода за ним, а также, хотя и спортивное, но употребление лошади в качестве верхового животного, говорит о прежних кочевых навыках, которые, конечно, невозможно локализовать из-за их общности всем кочевникам и здесь только может встать вопрос, остатком каких времен являются эти пережитки—до татарских или более поздних. Если сравнивать другую народность края—чуваш, которые, принимая болгарское их происхождение, являются потомками одной ветви болгар, более чистой в физическом смысле, тогда как другая превратилась в татар, то мы видим, что этих кочевых традиций у чуваш меньше, чем у татар, и, наоборот, больше земледельческих, взять хотя бы специальные праздники чуваш, посвященные земле, как рождающему началу—Синдзя. У татар также есть праздник земледелия—Сабантуй, который говорит о сложных переживаниях и именно о том, что татары так же имеют основу от древнего земледельческого населения и что большее количество кочевых пережитков у них есть результат позднейших вливаний в край новых кочевников уже в татарскую эпоху.

В жилище у татар пережитков кочевого периода очень много. Своеобразная печь с котлом, являющаяся компромиссом оседлого жителя, с хлебопечением, и кочевника, привыкшего готовить в котле, нары, на которых проводится вся деятельность хозяев, постилки (көрпә) и употребление подушек для сидения, сундуки в большом числе, иногда поставленные один на другой, все это остатки кочевого периода. Далее увешивание стен тканями, особенно со смягчением углов сруба, определенно говорит за вкоренившуюся привычку к круглому жилищу с мягкими стенами, а занавеска, разделяющая избу, хотя и приспособлена

к чисто исламистским² требованиям затворничества женщин, но вернее является также пережитком кочевого периода с его желанием отделить хозяйственную часть юрты от чистой.

Далее, самый план и расположение татарских деревень, как мы отмечали, с одной стороны увязывается с местами кочевых зимовок, а с другой, говорит о, не так давно утерянном, родовом строе с его совместным поселением родственников, что характерно опять таки для кочевых народностей.

Что касается одежд и головных уборов, то здесь также чувствуются сильные пережитки, общие с кочевыми народностями. Широчайшие шаровары, приспособленные к верховой езде, не менее широкий женский кўльмак—все это пережитки кочевых навыков. Правда, кўльмак, например, как мы указали, претерпел уже некоторые изменения под влиянием финской узкой рубашки, но у татар это изменение сказалось гораздо слабее, чем у чуваш, которые уже почти потеряли турецкий кўльмак и заменили его финской рубашкой. Интересно также отметить у трех народностей—татар, чуваш и башкире наличие головного убора типа к а ш б а у, которое в переводе своего названия значит—повязка для бровей. Этот вид головного убора, с одной стороны, является очень древним, а с другой, его отношение к высоким головным уборам кочевников не совсем ясно, особенно той его формы, которая не имеет дна и которая у чуваш нередко становится настолько низкой, что именно является как бы только повязкой. Разрешить вопрос об происхождении этого убора, мы не считаем в настоящее время возможным. Хотя мы ставим его в группу общетурецких высоких головных уборов, но приходится ставить оговорку, на которую вызывает распространение его только у тех турецких народностей, которые имели те или иные взаимоотношения с финнами. Вопрос этот требует основательной доработки. Есть ряд и других пережитков в одежде татар, но мы на них сейчас останавливаться не будем.

Питание татар в его молочной части почти целиком совпадает с кочевыми народностями, только необходимость выделять из молока жиры—масло, заставила несколько видоизменить приемы обработки молока, не изменяя их сущ-

ности. Употребление муки в качестве приправ к жидким блюдам и, хотя редко, но встречающиеся биш-бармак и баурсак, все это говорит за то, что питание татар имеет очень большие остатки древних навыков и, как мы видели, резко отличает татар от их соседей.

В технике у татар пережитком кочевничества мы считаем ткацкий станок, в котором есть ряд архаических черт, не краевого происхождения, именно, разъединение стоек-опор, для пришвы, что сближает татарский станок более с казакским, чем с финским, из которого, возможно, взяты все его усовершенствования.

Мы собрали здесь вместе все основные пережитки кочевничества у татар, разбросанные во всех главах исследования, с целью показать, что, несмотря на древнюю, как будто уже значительно оседлую болгарскую основу, у татар все же остатки кочевничества сильно сохранились, больше, чем у чуваш, которые имеют ту же основу. Здесь мы считаем необходимым высказать гипотезу, правда в настоящее время, может быть, мало доказанную, в развитии положений, выставленных во II-ой главе, о разделении при татарском завоевании болгарского народа на две основные части, которые затем имели каждая свою судьбу и свою историю. В описаниях Болгарского государства до татарского периода, мы встречаем у арабских авторов (Ибн Фадлан, Ибн-Роста и др.) прямые указания на кочевание по летам, даже ханов, и на значительное скотоводство, которое служило предметом податного обложения, что, конечно, было возможно в таких размерах, именно в виде кочевого. Далее русские летописи указывают на значительное земледелие болгар, настолько значительное, что продукты его могли идти в экспорт (см. II глава). Оба эти факта указывают, что в Болгарском государстве среди, несвязанного с торговлей, так сказать, сельского населения, было две группы: оседлая земледельческая и кочевая скотоводческая. Мы не будем искать объяснения этого факта, ибо для нас в настоящий момент это мало важно, но факт самый очень интересен. Теперь, при татарском завоевании, как мы указывали, население потерпело значительные сдвиги, подавшись к северу и северо-западу, причем, после успокоения военных событий, одна часть населения так и осталась вне древней территории Болга-

рии, изолировалась и явилась предками современных чуваш, а другая, оставшаяся на месте, превратилась впоследствии в татар, получив не малое количество новых этнических примесей. Теперь если допустим такой факт, что под влиянием разгрома бежали обе указанные части населения, а так как военные события, как известно, продолжались не один год, то возможно, что земледельческая часть населения, на новых местах опять занялась своим делом и уже не вернулась, а кочевая, как более подвижная и тем паче лишенная возможности вести хозяйство в лесном правобережьи Волги и северном Закамьи, вернулась на прежние места. Таким образом, после татарского завоевания на старой болгарской территории перевес резко перешел на сторону кочевников, к которым присоединились еще новые кочевые же элементы, явившиеся в результате завоевания, и из этих элементов начали формироваться татары. Конечно, нельзя говорить, что все земледельцы ушли, или, что все не вернулись, но указанное нами допущение может объяснить, большее количество пережитков кочевой эпохи у татар, чем у чуваш, т. к. иначе пришлось бы допустить резкую смену болгарского населения татарским, что противоречит историческим фактам и, в значительной степени доказанной, теории болгарского происхождения чуваш. Мы выставляем эту гипотезу в качестве рабочей, но она, по нашему мнению, имеет целый ряд реальных обоснований.

Таким образом, кочевой быт для татар приходится считать основой их культуры, правда, основой также этнически сложной, создавшейся из кочевого населения Булгарии и целой серии пришельцев, которых этнически мы не имеем данных точно локализовать. На эту основу, судя по современным результатам, налегло значительное количество влияний культур востока, которые вливались в край, начиная по крайней мере, с IX—X века, то усиливаясь, то ослабляясь чрез тот торговый капитал, который находил себе применение в Волжско-Камском крае. Правда, как мы уже отмечали, эти влияния были долгое время преимущественно достоянием городов и влились в татарские народные массы, главным образом, уже в земледельческую эпоху, даже после русского завоевания, но факт их наибольшего преобладания над другими влияниями, все же

остаётся несомненным. Мы считаем восточные влияния более поздними по сравнению, например, с финскими, но они значительно затушевывали последние.

Эти восточно-мусульманские влияния (будем пока их называть так ибо они были связаны с религией и часто шли под ее знаменем) коснулись всех сторон быта и только меньше всего они заметны на сельско-хозяйственной стороне. Возможно это произошло потому, что они являлись результатом привозных влияний со стороны лиц, не имеющих никакого отношения к сельскому хозяйству, и являющихся представителями торгового класса, а кроме того и потому, что сельско-хозяйственные навыки стран, откуда шли эти влияния, уж очень сильно отличаются от навыков В-К края, сложившихся под влиянием местных географических факторов.

Начиная с постановки татарского жилища внутри усадьбы и отгораживания его от взоров посторонних плотным забором и запутанного плана богатого дома, удобного для прятания женщин, во всех элементах быта мы находим эти влияния. Одежда бухарского образца, украшения, вывезенные с востока, ряд мотивов орнамента, пища в виде ряда блюд и особенно сладостей, с большим количеством чуждых краю пряностей, все это результаты влияния восточных стран через представителей торгового капитала, как приезжавших с востока, так и ездивших туда, после формирования на месте туземного капитала. Эти восточные влияния, особенно в быту старых буржуазных классов татар, являются в высшей степени сильными но, локализовать их, как по времени появления, так и по народностям, при современной изученности вопроса мы затрудняемся. Несомненно только то, что эти влияния были влияниями торговых и феодальных групп на соответствующие татарские группы и уже отраженно они попали в некоторой своей части в быт и широких масс, не связанных с торговой деятельностью.

В начале своего возникновения, эти восточные влияния играли определенно прогрессивную роль, поскольку несшие их народности стояли на вершине культурной лестницы, но затем, по мере упадка восточных культур и передвижения центров наиболее высокой культуры в Европу, они уже являлись факторами, задерживающими развитие народа,

отгородив его от европейской культуры непроеходимой стеной религиозной нетерпимости, разрушить которую, и то не совсем, а лишь пробить крупные бреши, удалось только в XX века, т. е. спустя X столетий после исторически известного начала проникновения ее в край.

Незначительные влияния на казанских татар были также со стороны Турции и Кавказа, при чем эти влияния сначала шли в край через Крым и отразились преломленные через культуру крымских татар, а позднее, уже в эпоху новометодизма, вместе с целым рядом европейских влияний, шедших через Турцию, было внесено небольшое, правда, количество и чисто турецких (османских) факторов. Так в это время проникают в Казань некоторые украшения, вышивки и др. мелочи.

Следующим крупным влиянием, участвовавшим в создании современной татарской культуры, было влияние финское, хотя и более слабое, чем восточное, но все же очень значительное и, кроме того, действовавшее огромный промежуток времени, вероятно, с самого появления турок в крае и лишь отчасти затушеванное и парализованное в моменты наиболее энергичного внедрения в широкие массы исламистской культуры уже в русскую эпоху. Кроме не столь уже существенных факторов, как влияние на костюм (кўльмәк) и на технику (усовершенствование ткацкого станка) значительные влияния финнов были на самом ведении хозяйства турками в непривычном для них крае. Такая отрасль его, как пчеловодство, определенно заимствована у финнов—соседей, что же касается земледельческой культуры и техники, то этот вопрос не ясен. В настоящее время у татар техника ведения сельского хозяйства определенно заимствованная у русских. Что же касается старинных орудий, вроде сабана, косули, горбуши, которые были у татар и кое где еще сохраняются до настоящего времени у финнов (вотяки), а так же некоторых общих форм, как например одинаковые с мари чумообразные овинышиши, то здесь сказать трудно, кто у кого заимствовал. Некоторые авторы, например, крупный знаток финнов И. Н. Смирнов (Черемисы) говорит, что мари определенно заимствовали земледельческую технику у болгар. Далее некоторые виды орудий, как например древние болгарские сошники совпадают с сошниками, употребляющимися в Тур-

кестане до сих пор, говорят также как будто о болгарско-турецком происхождении земледелия в крае. Вышеупомянутые овины заимствованы у финнов, ибо копируют древнее жилище финских народностей—чум. Наконец, ежели принять во внимание находение в крае орудий земледелия (серпов), относящихся еще к эпохе бронзы, то возможен и третий вариант, что как турки, так и финны заимствовали основы земледельческой культуры у кого то третьего, кто делал эти бронзовые серпы. Поэтому вопрос о земледелии оставим открытым, а остановимся на целом ряде определенно финских влияний на татар, как употребление деревянной посуды, вся техника обработки древесины и коры, четырехугольный сруб, который вероятно раньше развился у финнов и от них уже перешел к туркам, осевшим позднее, и ряд других мелких факторов. Заимствования от финнов шли совершенно иными путями, чем от народностей Востока. Здесь участвовали не только торговые связи, которые между финнами и болгаро-татарами несомненно существовали, но и совместная жизнь, когда эти народности настолько соприкасались, что даже переплетались между собой, благодаря значительному отатариванию финнов через ислам. Таким образом, финские навыки нередко шли к татарам вместе с их носителями, которые, приняв ислам, сами превращались в татар.

Если пережитки кочевого быта и все, упомянутые нами, культурные влияния со стороны, в прошлом наложили свой сильный отпечаток на культуру казанских татар, то европейское (через русских) влияние все более и более усиливается в настоящее время, стремясь совершенно перестроить даже основы татарской национальной культуры. Русские влияния (будем их называть для краткости так) начались с самого момента завоевания края, и многие факты уже вошли в состав национальных татарских бытовых черт, как сельско-хозяйственный инвентарь, системы полеводства, средства передвижения, а также мелочи домашней обстановки (зеркала, самовары, часы и т. п.). Эти влияния шли медленно и, так сказать, незаметно для самой народности, проникая в татарский быт под влиянием или экономической необходимости, или большего удобства русских бытовых предметов и форм. Даже в наиболее яркие моменты борьбы за национальную

культуру против руссификации и отгораживания от всего русского, эти влияния все же проникали, как например, предметы роскоши и комфорта (зеркала, часы, мебель и т. п.), усваиваясь сначала наиболее зажиточными классами города, которые уже не могли так резко отгородиться от русских и европейской культуры, а от них уже переходили дальше, как нечто переработанное и не противное мусульманству и национальной татарской культуре.

Со второй половины XIX века, когда политическая и хозяйственная обстановка заставила татарскую буржуазию выйти на европейский рынок, а для этого и вооружиться соответственной более высокой, чем средневековая бухарская, культурой, после борьбы, европейские буржуазные влияния стали все более широкой волной вливаться в татарский быт, ломая все перегородки, отсталой восточной культуры. В настоящее время, когда идет социалистическая реконструкция всего хозяйства, происходит коренная революция и в татарском быту и татарской культуре, которая приобретает интернациональное содержание, оставаясь только по форме национальной.

Схема культурных влияний, набросанная нами на основании тщательного изучения материальной культуры татар, также приложима и к духовной, поскольку мы в общем достаточно ориентированы в ее элементах. Там также переплетаются все влияния на основе тех же бытовых форм, остатков кочевого периода.

Вторым не менее важным вопросом в деле изучения культуры казанских татар является распределение, на занятой ими территории, отдельных видов и разновидностей тех или иных бытовых элементов и в общем разделение татар на группы, согласно мест поселения. В общих чертах эти территориальные разделения нами были уже намечены, принимая во внимание историю заселения, близость к центру (Казани) и т. п. Нами были уже намечены определенные районы, по которым можно до некоторой степени распределить всех татар. Рассмотрев подробно все бытовые элементы татар, мы должны заявить, что хотя отдельные районы, намеченные нами, и имеют бытовые различия, но эти различия не столь уже ярки, как, например, в различных районах поселения башкир, по данным С. И. Руденко. Культурное состояние татар на всей территории более или

менее одинаково, хотя в деталях и есть ряд отличий. Здесь сказалось значительное влияние Казани и центров, которые распространяли основные культурные влияния. Поэтому, чем дальше от Казани, тем влияние ее чувствуется слабее и тем резче выступают другие влияния, которые не являются ни результатом влияний с Востока, влияний, приносимых с торговлей и почти исключительно в город, ни русских влияний, опять таки городских же. Вместо этого рельефнее выступают влияния соседей татар, таких же крестьян, как и они, русских и финских. Поэтому татары более отдаленных местностей все более и более уклоняются от основного бытового типа, который сложился в Казани и в деревнях Заказанья, бывших центрами, особенно восточных, влияний в продолжении длительного периода времени. Постараемся подвести итоги распределения основных, рассмотренных нами бытовых элементов по этому признаку, сводя все данные, которых мы по отдельности касались в различных местах при детальном описании.

Тип селений татар по плану распределяется так, что наиболее типичные деревни располагаются во-первых в Заказаньи, во-вторых на Горной стороне, где поселения татар древнее и где мелкие сравнительно деревни дают больше размаха личному вкусу населения и меньше вызывают вмешательств русской администрации. Западное Закамье в этом отношении испытало черезчур сильное влияние соседей русских, вплоть, до постановки амбаров посреди широкой и прямой улицы, хотя в деталях (переулках) татарская деревня все же пытается сохранить типичный для нее запутанный план, результат группового поселения. Восточное Закамье (Мензел. и Бугульм. кант.) по типу поселений приближается к Заказанью, но там уже чувствуют огромное влияние башкир, с которыми татары смешались, создав группу тептярей. Далее, постановка домов внутри усадьбы и отгораживание их от улицы заборами, нередко с решетками, это опять таки распространено шире всего в Заказаньи, особенно подальше от Казани и русских поселений, а в других районах такая постановка редка. При этом надо заметить, что на Горной стороне она все же выявляется именно в постановке дома внутри усадьбы, а в Закамьи, за исключением восточного, отгораживание дома от улицы, ежели и производится (у мулл),

то преимущественно, выступающим из линии улицы, палисадником.

Узкие кварталы, а в связи с этим и односторонние улицы, нам приходилось наблюдать лишь в Тетюшском кантоне, и отчасти в южной части Свияжского.

Дома шестистенники также являются наиболее распространенными в Заказаньи и на Горной стороне, в то время, как в обоих районах Закамья они редки и заменяются пятистенником. В связи с этим так же распределены двойные сени и крыльца и вообще в Заказаньи сени делаются наиболее тщательно. Двухэтажные дома кулаков с крестообразным планом, а не городского типа, являются так же отличительной особенностью Заказаньи и, причем, даже точнее, они локализованы северными волостями Арского кантона, к северо-западу от жел. дор. линии Казань-Свердловск. В других кантонах их нет и двухэтажные дома имеют городскую планировку. Двухэтажные дома с полуподвальным этажем и отоплением снизу распространены только на севере Спасского кантона. Орнаментация домов, особенно фронтонов крыш, имеет то же распределение, как и богатые дома с крестообразным планом. Полихромная раскраска распространена шире, но наибольшего апогея она достигает здесь же и тот, „татарский“ стиль раскраски, который нами был отмечен для Арского кантона, в других районах имеет лишь более или менее удачные подражания, нигде не достигающие такого изящества, как в Арском кантоне.

Чистые половины без нар и без мебели вообще являются частыми в Заказаньи, особенно в более глухом Мамадышском кантоне, а с нарами, отличающиеся от черной избы только убранством, преимущественно в Закамьи. Чистые половины с европейской мебелью встречаются везде. Специальные комнаты для омовений чаще в Заказаньи, а в других местах почти исключительно у мулл. Устройства прохода в меньшую часть избы за печью абсолютно доминирует в Заказанье, реже в Западном Закамье и почти отсутствует на Горной стороне, где господствует ход перед печью. В восточном Закамьи изба вообще почти никогда не делится перегородкой.

Завешивание стен полотенцами сплошь, прибывая их так, что оба конца становятся видны один из по другому,

распространено преимущественно в Закамьи, особенно восточном, так же как и смягчение углов избы—повидимому здесь сильнее кочевые традиции. В Заказаньи полотенца вешаются не сплошь и на два гвоздя, ниспадая вниз складами, а не обтягивая стену, углы же смягчаются только в чистой клетке, когда ее убирают для встречи новобрачных. На Горной стороне вешание полотенец вообще редко. Развешивание намазлыков на перегородку и особенно на специальных шестах, распространено преимущественно в Заказаньи, реже на Горной стороне и почти не встречается в Закамьи.

Что касается планов усадеб и расположения надворных построек, то здесь, благодаря значительной близости хозяйственного оборудования, отличия сравнительно незначительные, однако, например, в кантонах Заказанья, особенно в Мамадышском, чаще встречаются мелкие усадьбы бедняков, которые получились в результате почкования отцовской усадьбы, тогда как в Закамьи, где татары поселились позже, принцип подобного почкования отсутствует и бедняцкие усадьбы, не имея построек, все же представляют собой огромные пустыри. Постановка амбаров и бань в усадьбе более широко распределены в Заказаньи, а постановка бань глухой стеной на улицу почти совпадает с территорией домов с крестообразным планом. В Закамьи и даже на Горной стороне этого почти не встречается, вероятно, благодаря большей пожарной опасности из-за более сухой местности. При этом, на Горной стороне амбары большей частью переселяются на огород, а в Закамьи, особенно в более сухом западном, они перебрасываются или на улицу, или совсем на край деревни. Одновременно с переносом амбара из усадьбы исчезает и клеть, тесно связанная с амбаром, заменяясь несгораемой кладовой того или иного типа. Белые клетки имеют распространение исключительно в Заказаньи.

В одежде татар нивелировка гораздо значительнее, т. к., с одной стороны, тон в одежде дается из одного центра (Казань и Заказанье), а во-вторых, бродячие портные, также преимущественно из Заказанья, одевают всю татарскую массу, способствуя однообразию. Поэтому мужской костюм совершенно одинаков на всей территории и только в более глухих углах, как нижнее, так и верхнее

платье из самодельных тканей встречается чаще, чем в местах, связанных с теми или иными торговыми и промышленными центрами (отхожие промыслы). Самодельные ткани лучше сохранились там, где население не уходит на промысел и где близко имеются финские народности, у которых самодельные ткани до сего времени доминируют. Такими местами являются: северная часть Мамадышского, Елабужский и отчасти самый север Арского кантонов, а также кантоны восточного Закамья, где татары включают в себя много сильно отатаренных финнов (мари, вотяки и мордва), а частично живут с ними и чувашами чересполосно. В женском костюме самодельные ткани идут тесно, например, с формой кўльмака. Там, где есть самодельные ткани, (пестрядь) кўльмак становится уже, место пришивания подольной оборки спускается ниже и кўльмак мусульман начинает сливаться с кўльмаком крышен и рубашкой чуваш-анатри. Возможно, что здесь играет роль самый материал, точнее ширина его, т. к., при определенных принципах кройки, с шириной ткани приходится сильно считаться и широкий кўльмак из пестряди кроить мало удобно и выгодно. Верхние одежды женщин также сильно нивелированы и здесь больше сказываются влияния классовые, чем территориальные.

Головные уборы довольно однообразны, поскольку основные их виды: яулък, колпак, камчат бўрик и др. шапки распространены в настоящее время повсеместно. Что касается старинных уборов, то, например, өрпәк определенно был шире распространен в Заказаньи, а тастар в Закамьи. На горной же стороне эти два убора смешивались и носились одновременно, только группами различной зажиточности. Тастар носили беднейшие, а өрпәк богатейшие, как результат казанского городского влияния, где тастар совершенно не употреблялся.

Из украшений большинство распространено, главным образом, по классовому принципу, но некоторые все же имеют и территориальные особенности. Так, например, изў встречается в Заказаньи и там оно, повидимому, развилось. До настоящего времени там оно лучше сохранилось в глухих уголках, хотя также встречается в восточном Закамьи и изредка на Горной стороне. Хәситә сохранилось на всей территории, но в глухих местах. Однако,

в Заказаньи и в восточном Закамьи оно все же чаще, чем в других местах.

В отношении питания различия отдельных районов незначительно, хотя и есть некоторая локализация кушаний. Так, в качестве приправы в суп в настоящее время в Заказаньи чаще кладется төкмач, в Закамьи—салма, а на Горной стороне—ипичумары. Это конечно относится к питанию бедных и средних крестьянских масс, а кухня зажиточных этому распределению подчинена слабее.

Техника татар в различных районах обитания отчасти совершенно меняется, благодаря изменению самых занятий, а отчасти одни и те же виды ее, имеют некоторое изменение. Так, обработка кожи в восточном Закамьи ведется более первобытными способами, вероятно заимствованными у башкир, в то время, как в других районах этого промысла или совсем нет, или он ведется по способу, принятому в заводской технике. Ткацкие станки распределены по всей территории, увеличиваясь в числе там, где больше носят самодельных тканей. С технической стороны он также в основе один, именно татар-киндер-урный, но в местах сильного русского влияния, например, в западном Закамьи на Горной стороне, где к тому же татары тесно живут с мишарями, получает распространение более совершенный русский станок. В глухих же местах, сохраняется древний тип станка без рамы, который распространен более всего в восточном Закамьи (употребляется в настоящее время при тканье сукна для чулок), а также кое где на западе Свияжского и в Тетюшском кантонах, при чем здесь он сохранился не только у кряшен, но и у чуваш, совершенно исчезнув у татар-мусульман.

Веревочное дело шире и технически совершеннее в Закамьи, а лапотное и кулеткацкое в Заказаньи, что зависит от аличия материалов. Ювелирное дело сосредоточено преимущественно в Заказаньи, довольно равномерно там распределяясь, а сапожное там же, но сгружено около центра—Казани.

Просмотрев вкратце распространение на территории поселения татар отдельных бытовых элементов, надо еще раз сказать, что особенно резких отличий нет. Это зависит, с одной стороны, конечно, от сравнительно небольшой территории, а затем от довольно значительных переселений,

которые пришлось татарам сделать вольно или невольно за последние 400 лет, а также благодаря наличию подвижного элемента, вроде портных и торговцев, которые производили некоторую нивелировку бытовых форм, совместно с отхожими промыслами (особенно дальними). Наибольшее число территориальных вариантов имеет, пожалуй, жилище, которое более подчинено целому ряду чисто физико-географических факторов, заставлявших строить его так, а не иначе, а кроме того и культурные, особенно восточные, влияния на нем сказались особенно значительно. Эти влияния, возникая в центре культурного воздействия, т. е. в Заказании, с большим трудом распространялись по всей территории, чем, например, костюм и др. факторы, которые можно было переносить в образцах. Отражаются на некоторых бытовых чисто территориальных особенностях и преимущественное влияние соседей на ту или другую часть татар и особенно резко это сказывается пожалуй на русском влиянии.

Однако, несмотря на всю сложность факторов, которые влияли на создание татарской культуры в современном ее виде, несмотря на некоторые территориальные изменения в различных местах поселения и значительные классовые различия внутри народности, татарская культура и быт все же более едины, чем быт и культура других народностей края. Так между татарами разных мест различия меньше, чем между отдельными группами чуваш (верьял и анатри), чем между горными и луговыми мари, северными и южными вотяками и, тем паче, северо-западными и юго-восточными башкирами. Значительные передвижения по территории, большая подвижность народа и нивелирующее влияние ислама, сделали свое дело, превратив татарскую культуру в нечто оригинальное, отличающее татар от всех соседей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ¹⁾

1. Абрамов Н.—Гор. Ялutorовск с его округом. Tob. Губ. Вед. 1864, № 25—29. (Тобольские татары).
2. Adelung Iohan Christoph—Mithridates oder allgemeine Sprachenhunde, Berlin. 1806, стр. 481—487.
3. Адлер Б. Ф.—Коллекция Сиклера. Каз. Муз. Вестн. 1922, № 2.
4. Адольф Е. Э.—Вышивки казанских татар. Материалы Центр. Музея ТССС. № 1. Казань, 1927, стр. 5—10.
5. Альбицкий П.—Корреспонденция из Васильевского уезда. Нижегород. Губ. Вед. 1887, № 20. Татары. Очень кратко.
6. Егo-же—Нижегородская губерния под пером русского академика прошлого века (Лепехина) Нижегород. Губ. Вед. 1886, № 12—13.
7. А Н.—Мифология казанских татар (по Коблову) Извест. по Каз. Епарх. 1910, № 42. Стр. 1173—1175.
8. А наньев—Карангайцы. Матер. для описан. местн. и племен Кавказа. XX.
9. А паков Мих.—Рассказы крещеных татар дд. Тавелей и Алексеевского выселка, Ямашевского прихода, Чистоп. уезда: о происхождении киреметей. Изв. по Каз. Епарх. 1876, № 11, стр. 322—337. (Есть родословные).
10. Егo-же—Святочные игры у крещеных татар Казанской губ. (материалы для этнографии) Казань, 1877. (оттиск из Каз. Губ. Вед. за 1877, №№ 17, 20, 29 и 36).
11. Арзамасов М. П.—Несколько преданий чуваш и татар Чебоксарского уезда, Казанской губ. ИОАИЭ т. III, 1880—82 г., стр. 285—290.
12. Аристов Н. А.—Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их быте. Жив. Стар. VI, № 3—4, стр. 277—456.
13. Арнольдov—Из путевых заметок по Буинскому уезду. Симб. Г. В. 1866, № 6 (русские, чуваш, татары).
14. Artamof P. et Armengaud I. G. D.—La Russie historique, monumentale et pittoresque. Paris, 1861—65, том II, стр. 73—90. Перевод этих страниц В. Н. Андерсона—Сказания иностранцев о Казани. ИОАИЭ т. XXVII вып. I стр. 86—100).
15. Артемьев А.—Джинн или Зинн, народный татарский праздник. Каз. Г. В. 1848, № 26.
16. Артемьев А.—Сабан и джиин. Народные татарские праздники

¹⁾ В настоящий список включена почти исчерпывающая литература по татарам Поволжья и Приуралья, а так же по Тобольским татарам, по другим же народностям лишь та, которая так или иначе была нами использована.

- Москвитянин. 1850, ч. III, № 11. (июнь) Кн. I, стр. 57—62.
17. Е го - же —Список населенных мест по сведениям 1858 г. Казанская губ. 1886.
 18. Архангельский И.—Краткий очерк современного быта инородцев, Красноуфимского уезда. Перм. Губ. Вед., № 4—7. (Татары, башкиры, мари).
 19. Архипов —Домашняя утварь ногайцев Ставропольской губ. Географ. Известия 1850, № 1, стр. 71—91.
 20. Е го - же—Замечание о кумысе и айране. Вестн. Геогр. О-ва 1851, от 10.
 21. Арцыбашев П.—Довоенная мелкая промышленность Татареспублики. Журн. Труд и Хозяйство. 1925, № 5.
 22. Асколи, д.—Описание Черноморья и Татари в 1634 г. СПб, 1911.
 23. Ауновский Вл.—Иородческие населенные места Симбирской губернии. Симб. Сбор. II, отд. 2, стр. 150—194 (татары стр. 156).
 24. Ахмаров Г.—Заметки о происхождении нескольких кладбищ при татарских селениях В.-К. края. ИОАИЭ т. XI, вып. 3, стр. 277—278.
 25. Е го - же—О поездке в 1894 и 1895 гг. в Тегюшский и Спасский уезды, Казанск. губ. с археологической и этнографической целью. ИОАИЭ т. XV вып. 4, стр. 446—447.
 26. Е го - же—О языке и народности мишарей. ИОАИЭ т. XIX, вып. 2, стр. 91—160.
 27. Е го - же —Разбор татарских преданий о нашествии Тимура на болгарские города. ИОАИЭ т. XV, вып. 4, стр. 454.
 28. Е го - же—Свадебные обряды казанских татар. ИОАИЭ т. XXIII, вып. I.
 29. Е го - же—Тептяри и их происхождение. ИОАИЭ т. XXIII, вып. 5, стр. 340—364.
 30. Амшарин Н. И.—Болгары и чувашы. Казань 1902.
 31. Бабст И.—Речная область Волги. Магазин Землевед. и Путешествий. Сборник. Изд. Н. Фроловым, т. I, 1852.
 32. Баженов Николай—Казанская история. Казань 1847.
 33. Бакалда (этнографический очерк) Справоч. Листок г. Казани, 1867. № 69.
 34. Bálint—Cabor Szentkatolnai Kazani tatar nyelvtanulmányok. Fus 3. Budapest, 1877.
 35. Баранович М.—Рязанская губерния. Матер. для географ. и статист. России. СПб. 1860 с картой. (Касимовские татары).
 36. Барбаро Иосафат—Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, веницианского дворянина. (1436 г.) Библиотека, иностр. писат. о России. Отд. I. т. I, СПб. 1836, стр. 36—38.
 37. Барминский Н. В.—Опыт медико-топографического описания Саратов. уезда, Саратов. губ. Саратов. 1868.
 38. Безоснов—О говорах казанско-татарского наречия. Журн. Мин. Нар. Прос. 1881, ч. 216, стр. 222.
 39. Беллюстин—Татарский вопрос. Неделя. 1871 № 26.
 40. Bergeron—Voyages faits en Asie v. I M. 1735.
 41. Благородов И.—Материалы к исследованию здоровья инородцев Симб. губ. Буинского уезда—чуваш, мордвы и татар СПб. 1886 (Диссертация).

42. Бобровников Н. А.—Инородческое население Казанской губернии. Вып. I, Казань. 1899.
43. Бонч-Осмоловский Г. А.—Крымские татары (этнографический очерк.) Путеводитель по Крыму. Симферополь 1925. стр. 50—71.
44. Егго-же—Свадебные жилища турецких народностей. Матер. по Этногр. т. III, вып. I. Изд. Этногр. Отдела Русского Музея. Ленинград. 1926.
45. Егго-же—Брачные обряды горных татар Крыма. Изв. РГО, 1926.
46. Броневский М.—Описание Крыма. Зап. Одес. О-ва Ист. и Древн. т. 6.
47. Бруин, Конелий де—Путешествие через Москвию, пер. Барсова. М. 1873. Изд. О-ва Истории и Древн. Российских.
48. Bruyns, Cornelis de—Reise over Moscovie door Persie en Indie. T'Amsterdam. Gedrukt voor auteur Willem en David. Goeree. 1711 an. in fol.
49. Будагов Л.—Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб. 1866.
50. Буевский С.—Жители Кунгурского уезда. Учен. Зап. Каз. Ун-та. 1868. № 1, стр. 141—165.
51. В. А.—О положении миссионерского дела между Казанскими мусульманами. (из Мамад. у.) Церк. Общ. Вестн. 1878 № 53.
52. Вагабов—Татарские сказания о взятии Булгара Тимуром.
53. Валидов Д. ж.—О диалектах казанско-татарского языка. Вест. Науч. О-ва Татаровед. № 6. Казань, 1927.
54. Vambéry—Das Türkenvolk in seinen Ethnologischen und Ethnographischen Beziehungen. Leipzig 1885. (о татарах стр. 419—437).
55. Егго-же—Die primitive Cultur des Turko-Tatarischen Völkes. Leipzig, 1878.
56. Васильев М.—(записал со слов крестьянина)—Из моего детства. (воспоминания крещеного татарина) Изв. по Каз. Епарх. 1904 №. 20 стр. 639—748.
57. Егго-же—Рождественские святки в крещено-татарской деревне. Изв. по Каз. Епарх. 1905, № 1, стр. 16—20, № 2, стр. 42—50.
58. Вельяминов-Зернов В. В.—Сведения о Кокандском Ханстве. Вестн. Геогр. О-ва. XVIII 1856, отд. 2, стр. 107—152.
59. Вербицкий В. И.—Алтайские инородцы. Сборн. этногр. статей и иссл. Москва. 1893.
60. Вечеслов. Н. Н.—Описание костюмов русских и инородческих у крестьян Казанской губернии. Казань 1879, или Каз. Г. В. 1878, №№ 99, 101, 1879, №№ 2, 4—7.
61. Видеман Акад.—Классификация населения Российской Империи по языкам. Месяцеслов, 1860.
62. Витевский В. Н.—Найгайбаки (татары) их песни, сказки и загадки. Оренб. Листок. 1878, №№ 14—18, 23, 38, 43, 45, 46, 48 и 49.
63. Володин—Трухменская степь и трухмены. Сборн. Матер. для опис. и иссл. народн. Кавказа XXXVIII, 1908.
64. Воробьев Н. И.—Быт и культура татар на Всесоюзн. С.-Х. Выставке. Труд и Хозяйство, 1923, № 4. Казань.

65. Е го - же—Жилище и поселения Казанских татар Арского кантона ТССР. Вестн. Научн. О-ва Татаровед. № 4, Казань, 1926.
66. Е го - же—Казанские татары (Опыт путеводителя по этногр. отд. Центр. Музея ТССР) Казань, 1927.
67. Е го - же—Казанские татары (этнографический очерк). Матер. по изуч. Татарстана. вып. II, стр. 133—166. Казань, 1925.
68. Е го - же—Материальная культура татар в павильоне Татреспублики. Труд и Хозяйство. 1923, № 10.
69. Е го - же—Некоторые данные о технике вышивок казанских татар. Материалы Цен. Музея ТССР. № 2 Казань, 1930.
70. Е го - же—Некоторые данные по быту крещеных татар (кряшен) Челнинского кантона ТССР. Вестн. Научн. О-ва Татаровед. № 7, Казань, 1927.
71. Е го - же—Отчет об этнографической поездке в Свияжский и Тетюшский кантоны ТССР. летом 1927 г. Вестн. Научн. О-ва Татаровед. № 8, Казань, 1928.
72. Е го - же—Примитивный тип татарского ткацкого станка. Матер. Ц. Музея ТССР. № 1, Казань, 1927. стр. 2—4.
73. Е го - же—К. Ф. Фукс.—первый исследователь быта казанских татар. Вестн. Научн. О-ва Татаровед. № 6.
74. Vsevolojsky N. S.—Dictionnaire géographique—historique de l'empire de Russie. Moscou, 1823, vol I et II.
75. В. Ф.—Сарапульский уезд. Географич. очерк. Вятск. Г. В. 1888, № 73—75.
76. В ы с о ц к и й Н. Ф.—О некоторых типах русских оберегов и об одном татарском амулете. ИОАИЭ том XXV, выпуск 6. стр. 159—166.
77. Г а в р и л о в Б.—Погребальные обычаи и поверья старокрещеных татар д. Никифоровки, Каз. г. Мамад. у. Изв. по Каз. Епарх. 1874, № 9, стр. 250—260.
78. Г а ц и с с к и й А.—Нижегородские татары—татары-ли? Нижег. Г. В. 1886, №№ 39, 41, 42.
79. Географическое описание Татарской республики часть I. Казань, 1922.
80. Географический очерк ТССР. Труд и Хозяйство. 1926, № 6—8, стр. 1—13.
81. Г е о р г и И. Г.—Описание всех обитающих в Российском государстве народов... СПб. 1799.
82. Г е р б е р ш т е й н—Заметки о Московии (Rerum Moscoviticarum commentarii). Перевод Анонимова. СПб, 1866.
83. Главная причина бедствия татар Альметьевской и Микулинской волостей, Бугульминского уезда. Самарский Вестник. 1893, № 37.
84. Г л е б о в Н.—Месяц Рамазан у касимовых татар. Рязанские Губ. Вед. 1860, № 48 и 49.
85. Е го - же—О татарах Пензенской губернии. Пензен. Губ. Вед. 1860, № 18 и 19.
86. Г м е л и н—Путешествие по России в 1759—1770 гг. т. II.
87. Gmelins Johan Georg—Reise durch Sibirien. I Theil. Göttingen, 1751 (о Казани, стр. 60—85).
88. Г о л о в а ч е в—Каргопольская долина. Из экскурсий по Алтаю. Тоб. Г. В. 1894, № 32.

89. Гордлевский В. А.—Гадания татарок о женихе (Из этногр. матер., собранных в Уфе) Сб. Муз. Антроп. и Этногр. Акад. Наук т. V, вып. 2, стр. 709—716. Ленинград, 1925.
90. Е го - же—Элементы культуры касимовских татар. Тр. О-ва Исследов. Рязанск. Края, вып. X, Рязань, 1927.
91. Городской—Устройство быта тептярей Красноуфимского у. Пермск. губ. СПб Ведомости. 1861, №39.
92. Градов Н.—Из быта и нравов древних татар. Волжск. Вестн. 1886, № 13.
93. Е го - же—Из монгольско-татарских преданий. Волжск. Вестн. 1885. №№ 142, 225 и 260.
94. Григорьев Д.—Зовите нас крещенами. Изв. по Каз. Епарх. 1906, № 14—15, стр. 450—454.
95. Е го - же—По миссионерству среди татар магометан. Извест. по Казан. Епарх. 1906, 31, стр. 1001—1009. (некоторые данные о многоженстве).
96. Губайдулин Г. С. Заметки о происхождении хазар. Изв. О-ва Обсл. и Изуч. Азербайджана, вып. 4, 1927, стр. 165—174.
97. Е го - же—Из прошлого татар. Сб. Матер. по изуч. Татарстана вып. II, стр. 71—112. Казань, 1925.
98. Е го - же—История татар (татар тарихи) (на тат. языке). Москва. 1925.
99. Е го - же—Пугачевщина и татары. Изв. О-ва Обсл. и Изуч. Азербайджана. № 4 Баку, 1927, стр. 74—104.
100. Губайдулина Мариам—коллекция С. М. Галсева. Каз. Муз. Вестн. 1921. № 1—2.
101. Губайдуллины М. С. и К. С.—Пища казанских татар. Вестн. Науч. О-ва Татаровед. № 6, Казань, 1927.
102. Их - же—Статьи Татары и Перечень экспонатов в путеводителе по Выставке культуры народов Востока. Казань, 1920.
103. Их - же—*Usanze dei tartari della Russia per la nascita dei bambini* (обычай татар России при рождении детей) *Oriente Moderno* An. VI, n. 10. Roma 1926.
104. Давыдова С. А.—Производство металлических изделий в Рыбной слободе, Лаишевск. уезда. Отчеты и исслед. по кустарн. промышл. III, 1895, стр. 113—123.
105. Далингер А.—Медико-статистическое исследование татарского населения Астраханского уезда. СПб, 1887.
106. Данилов С.—Воспоминания старокрещенного татарина из его жизни. Странник 1872, т. III, стр. 8—31.
107. Е го - же—Некоторые черты из жизни касимовых татар. Миссионер, 1877, № 37.
108. Даулей Р. П.—Святки у крещенных татар Мамадышского и Лаишевского уездов, Казанской губ. ИОАИЭ, т. XIX, вып. 3—4, стр. 196—203.
109. Дегуров, проф.—*De la civilisation des Tartars Nogais dans le midi de la Russie Européenne etc.* Charcow, 1816.
110. Демьянов Г. П.—Иллюстрированный путеводитель по Волге. От Твери до Астрахани. Изд. 10. Н.-Новгород, 1907.
111. Джиин—татарский праздник. Каз. Г. В. 1848, № 26.

112. Диваев А.—О происхождении албасты, джина и дива (киргизская легенда). ИЮАИЭ т. XIV, вып. 2, стр. 226—233.
123. Дорожник Казанского уезда, составленный в 1781 г. Изд. Каз. Уезд. Земства. Казань, 1882.
114. Драверт—Очерк промыслов в Малмыжском уезде, Вят. Г. В. 1857, № 47—49.
115. Дубровский М. И.—Жилище крымских горных татар. Симферополь, 1914 (Оттиск из 1-го сборника „По Крыму“. Изд. 2).
116. Дудкин А.—Джин у татар Казанского уезда. Сев. Вестн. 1890, № 8, стр. 26—30.
117. Дульский П. М.—Искусство казанских татар. Москва, 1925.
118. Его же Искусство Татареспублики на выставке. Труд и Хозяйство, 1923, № 10.
119. Дюзинг А.—Медико-топографическое обозрение Рязанской губ. Памятн. Кн. Рязан. губ. на 1868 г.
120. Евецкий О.—Средства, употребляемые татарами против зубной боли и лихорадки, Астр. Г. Б. 1840, № 15.
121. Евсеев М. Е.—Мордва Татареспублики. Матер. по изуч. Татарстана, вып. II. Казань, 1925.
122. Егоров В. В.—Самобытное расселение народностей Казанского края. Вестн. Науч. О-ва Татаровед., № 8, стр. 55—99. Казань, 1928.
123. Елабужский уезд. Вят. Г. В. 1891, № 22 (Промыслы).
124. Ермолаев В. М. Демографический очерк Татареспублики. Сб. Матер. по изуч. Татарстана. Вып. II, Казань, 1925.
125. Его же—Сельское хозяйство Татарской республики. Там же.
126. Ермолаев В. М., Рухляев А. А.—Мелкая (кустарно-ремесленная) промышленность СССР в 1925 г. Труд и Хозяйство, 1926, № 3, стр. 50—59.
127. Ерусланов П.—Магометанская пропаганда среди черемис Уфимской губ. Православный Благовестник. 1895, №№ 9, 12—14, 16, 18, 19, 21 и 22.
128. Женский вопрос в среде татар. Справоч. Лист. Морш.—Сызран. жел.-дор. 1876, № 172.
129. Жертвоприношение крещенных татар. Казанский Телеграф. 1895, № 589.
130. Живописный альбом. Народы России. СПб. 1880. Изд. карт. зав. А. Ильина.
131. Жирнов О.—Очерк экономического положения татар Кошкинской вол., Малмыжского у. Вятка, 1896.
132. Житецкий И.—Очерки быта Астраханских казмыков. Изв. О-в Люб. Ест. Ант. и Этногр.
133. Житков М. Н.—Татарин и киргиз. Быль из рассказов. Оренб. Г. В. 1849, № 21.
134. Завадский С.—Обыкновение татар показывать гостям своих жен Каз. Г. В. 1843, № 51. Сев. Пчела 1844, № 73.
135. Загоскин Н. П.—Спутник по Казани.—Казань, 1895.
136. Залесский К. В.—Сельско-хозяйственная статистика Саратовской губернии, составленная по сведениям, собранным Саратовской Комиссией для уравнивания денежных сборов с государственных крестьян. СПб., 1859. ЖМГИ'м, 1857 и 1858.

137. Заметки об инородных Волжско-Камского края, изданные в Симбирске в 1896 г.
138. Заметка о костромских татарах. Моск. Вед. 1850, № 24.
139. Заметки о новокрещенных татарах Саранского уезда. Моск. Церк. Вед., 1884, № 6.
140. Заметки о состоянии пчеловодства у крестьян Казанской губ. Тр. Каз. Губ. Ком. 11, 1869, стр. 33—51.—Тр. ВЭО. 1869, т. 1, стр. 43—47.
141. Записки о крымских татарах 1770 годов. Изд. Скальковского. Одес. Вест. 1836
142. Зеленин Д.—Кама и Вятка. Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев. 1904.
143. Змеев Л. Ф.—Медико-топографическое описание и статистический очерк народонаселения Бугульминского уезда. Самарской губ. (диссертация). Москва, 1883
144. Знаменский П.—Казанские татары. Казань, 1910.—Живописная Россия, т. VIII.
145. Егo-же—На память о Н. И. Ильминском. Казань, 1892.
146. Егo-же—О крещенных татарах д. Большой Арняк. ЖМНПрос.. 1868, ч. 137, № 3, стр. 348—364.
147. Золотницкий—Корневой чувашско-русский словарь.
148. Золотарев Д. А.—Народонаселение. Путеводитель по Волге на 1925 г.
149. Ибрагимов Г. Г.—Татары в революции 1905 г. Казань 1926.
150. Иванов.—О вотяках, черемисах и татарах Вятской губернии. Г. В. 1839, № 21.
151. Ивановский А. А.—Население земного шара. Опыт антропологической классификации. ИОЛЕАЭ, СХХI. Москва, 1911.
152. Илентьев—Некоторые характеристические черты и хозяйство татар Бугульминского уезда. Самар. Г. В. 1852, № 31.
153. Игнатьев Р. Г.—Сказания, сказки и песни, попадающиеся в рукописях татарской письменности и устных пересказах у инородцев магометан Оренб. губ. Зап. Оренб. Отд. ИѢГО, 1875, вып. 3, стр. 183—236.
154. Егo-же—Село Котловка, Елабужского у. Очерк. Вят. Г. В. 1883, № 64.
155. Егo-же—Село Slutka, иначе Крымская слутка, Елабуж. у. Очерк. Вят. Г. В. 1874, № 69—70.
156. Известия иностранных писателей о народах Восточной России. ИОАИЭ т. XI, вып. 3, стр. 251—251.
157. Изготовление татарских головных уборов и обуви в Казани. Обзор Куст. занятий Каз. Губ. Изд. Каз. Отд. И. Р. Техн. О-ва. Казань, 1896.
158. Износков И. А.—Кара-Якуповская волость (Уфим. губ.) ИОАИЭ, т. XI, вып. 2, стр. 183—187.
159. Егo-же—Материалы для истории христианского просвещения инородцев казанского края. Правосл. Собесед. 1894 и 1895.
160. Егo-же—Список населенных мест Казанского уезда с кратким их описанием. Казань, 1885.—Каз. Г. В. 1885. Тоже Лаишевский уезд. Каз. Г. В. 1891, № 12, 14, 18 и др.

161. Ег о-ж е—Список населенных мест Мамадышского уезда. Тр. IV Археолог. Съезда в Казани. Т. I Отд. II, стр. 116—148. Казань, 1884.
162. И. Л.—Две деревни (татарская и чувашская). Казан. Газета, 1903, № 32.
163. Иллюстрированный Волжский календарь на 1888 год. Изд. Каз. Бирж. Листка. Казань, 1887.
174. Ильминский Н. И.—О количестве печатающихся в Казани магометанских книг и о школе для детей крещеных татар. Правосл. Обзор. 1866, т. 19, №—стр. № 78—85.
165. Ильминский Н. И.—Религиозное положение крещеных татар. Дневник старокрещеного татарина В. Тимофеева. Правосл. Обзор. 1864, № 10, 1865 № 9. 1866 № 3—4.
166. Ег о-ж е.—Учащательные формы татарского глагола. Учен. Зап. Каз. Унта. 1863, вып. I стр. 13—18.
167. Инфантьев П. П.—Этнографические рассказы из жизни татар, киргизов, калмыков, вогулов, башкир и самоедов. СПб 1910.
168. Историко-статистическое описание церквей и приходов Казанской епархии Вып. VI, Мамадыш и Мамадышский уезд. Казань. 1904.
169. Казанские татары и братство Св. Гурия. Голос. 1874, № 112.
170. Казанские татары. Церк. Вестн. 1884, № 43=Миссионер. 1878, №№ 12, 21—23.
171. Казанские татары. Энци. Сл. Брокг. и Эфр. т. 67. Тюрки.
172. Казанский М.—Путеводитель по Казани. Казань, 1889.
173. Казанцев И.—Описание башкирцев. СПб. 1867=Оренб. Г. В. 1850, № 10, 15—20.
174. Ег о-ж е—Хозяйственное состояние Бугульминского у. Самарской губ. ТВЭО, 1879, т. 2, № 5, стр. 70—75.
175. Казаринов В. А.—Заметки о селениях Чистопольского уезда: Верх. Никиткиной, Татарск. Багане, Кизляу и Биляр-Озере. ИОАИЭ т. II; 1879, стр. 107—111.
176. Ег о-ж е—О мишарях в Чистопольском у. Каз. губ. ИОАИЭ т. IV, 1883, стр. 1—12.
177. Как строятся жители Таврической губернии. Отеч. Зап. т. 69. 1850, № 4, отд. 8. стр. 327—330.
178. Какие инородцы населяют Симбирскую губернию. Симб. Г. В. 1867, № 91 (Буинский уезд).
179. Календарь Волжского Вестника на 1888 г. Казань, 1888.
180. Кандаратский Н. Ф.—Предисловие к материалам для антропологии инородцев Казанск. губ. Н. П. Федорова. Тр. О-ва Естеств. при Каз. Ун-те. т. XI. вып. 3. 1905.
181. Караулов 1-й—Балкары на Кавказе. Сборн матер. для опис. Кавказа, XXXVIII, 1908.
182. Карпини, П. Л.—Любопытное путешествие к татарам в 1246 г. Москва 1795=то же изд. Языкова. СПб, 1825.
183. Ег о-ж е—История монголов пер. Малеина. СПб, 1911.
184. Карышев—Из хозяйственного быта татар Малмыжского у. Русск. Богат. 1896 № 6, стр. 173—189.
185. Касимовская противомусульманская миссия. Рязан. Епарх. Вед. 1898.
186. Катанов Н. Ф.—Восточная библиография. Деятель, 1899, № 4, стр. 195.

187. Е го ж е—Исторические песни казанских татар, ИОАИЭ, т XV, вып. 3, стр. 273—306
188. Е го ж е—Материалы к изучению казанско-татарского наречия. Учен. Зап. Каз. Ун-та 1897, 98, 99.
189. Е го ж е—Народные способы лечения у башкир и крещеных татар Белибейского уезда, Уфимской губ. ИОАИЭ, т. XVI, вып. 1, стр. 1—14.
190. Е го ж е—О некоторых восточных вещах Казанского Городского Музея, ИОАИЭ, т—XXX, вып. 1, стр. 97—101.
191. Е го ж е—Несколько слов по поводу русских и татарских перстней, принадлежащих А. С. Сухареву и А. Т. Соловьеву, ИОАИЭ, т. XX, стр. 29—46.
192. Е го ж е—Обзор правительственных и церковных распоряжений, касающихся обращения в христианство татар мухаммедан. (XIII XVIII вв.) Странник, 1886. № 8, стр. 565—591.
193. Е го ж е—Обзор татарских литографированных изданий за последние 2 года. ИОАИЭ, XIX, вып. 2, стр. 27.
194. Е го ж е—О наказании ленивых богомольцев у татар Китайского Туркестана. ИОАИЭ. т. XII, вып. 6., стр. 578—593.
195. Е го ж е—Об одной выписи 1700 г., данной татарам Свияжского уезда по копии И. Н. Юркина. (татарские тамги). ИОАИЭ т. XIV, вып. 2, стр. 361—362.
196. Е го ж е—О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших времен до наших дней. ИОАИЭ, т. XII. вып. 2 стр № 109—142.
197. Е го ж е О предметах украшений татарских женщин. ИОАИЭ т. XXIII, вып. 5, стр. 385—387.
198. Е го ж е—Отзыв о книгах Харузина. ИОАИЭ т. XII, вып. 6, стр. 557—558.
199. Е го ж е—Татарские рассказы о старой Казани. ИОАИЭ. т. XXX, вып. 3.
200. Е го ж е—Употребление вина по мусульманским законам. Деятель, 1899. № 3, стр. 182.
201. Е го ж е—Этнографический обзор турецко-татарских племен. Казань, 1894.
202. К а т а н о в Н. Ф. и Н а с ы р о в А. К.—Образцы народной литературы казанских татар (загадки, пословицы, песни.) ИОАИЭ т. XIII, вып. 5, стр. 374—427.
203. К е л ь с и е в—Заметки о татарском влиянии на великороссов. Гражданин, 1873 № 44—45.
204. К е п п е н.—Хозяйственные заметки о Казанской и некоторых других губерниях.
205. Е го ж е—Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб. 1861.
206. К заговорам крещеных татар. Изв. по Каз. Епарх. 1878, № 2, стр. 348—344.
207. К л о ч к о в—Население России в эпоху Петра I. т. I.
208. К л ю ч н и к о в—Казанский календарь, на 1885.
209. К о б л о в Я. Д.—Мифология казанских татар. ИОАИЭ. т. XXVI, вып. 5, стр. 415—470.

210. Е го же—Религия, обряды и обычаи татар магометан. ИОАИЭ. т. XXIV, вып. 6, стр. 521—564;
211. Козаченко И. А.—Кустарная промышленность Вятской губ. Вятский и Слободской уу. Тр. Ком. по иссл. куст. пром. XI, 1884, отд. 2, стр. 1—300.
212. Комиссаров Г.—К этнографической карте Козмодемьянского, Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездов. (Объяснительная записка). ИОАИЭ. т. XXVIII, вып. 4—5, стр. 448, 455.
213. Корнилов Ф.—Слободской у, Вятской губ. в 1839 г. ЖМВнД 1843, ч. 2, стр. 386—477.—Вят. Г. В. 1839, №№ 14—16, 23—25, 1841, №№ 1—3, 5, 7, 21.
214. Корнис—Краткий обзор положения ногайских татар и пр. Телескоп (под ред. Надеждина) 1836, ч. XXXIII, в 3 номер.
215. Коробкин А. С.—Очерк Г. Княгинина и его уезда. Нижег. Сборн. VI, 1877, стр. 209—218.
216. Костровский Г.—Краткое описание образа жизни, нравов и обрядов разных народов. Москва, 1782
217. Костюмы инородцев, жителей России. Иллюстриров. Неделя. 1875, № 22.
218. Кошкин П. М.—Татарское население Саратовской губ. Саратов. Г. В. 1889, №№ 52, 60—62.
219. Красноперов Е. И.—Енапаевская волость (Красноуф. у.) Экономич. исслед. Сб. Пермск. Земства. 1886, № I, отд. 3 стр. I—189.
220. Краузе—О косметических средствах туземцев Туркестанского края. Ежегодн. Туркест. Края, т. II, 1873, стр. 447, 449.
221. Крестьянское землевладение, под ред. В. В. Перцева, 12 вып. по уездам и 13 сводный. Казань 1907—1909.
222. Крещенные татары. Церк. Вестн. 1884, № 51—52.
223. Кривожабловский Я.—Костромская губерния. Матер. для геогр. и стат. России. СПб. 1861.
224. Криваксина—О женском кустарном труде в Казани. Извл. из докл. в Каз. Отд. И. Техн. О-ва. Казань, 1892.
225. Кричинский Л. К.—Библиографические материалы о татарах Польши, Литвы, Белоруссии и Украины. ПТГ. 1917.
226. Крылов Н.—Об отпадении крещенных татар в магометанство. Церк. Общ. Вестн. 1879 №№ 100, 102, 104—105.
227. Е го же—О поводах к уклонению в магометанство крещенных татар и др. христиан-инородцев в Поволжском крае. Миссионер. 1877, № 41.
228. Курбский кн.—Сказания о Казанском царстве. Изд. Устрялова.—3-е. 1868 г.
229. Куроптев М. И.—Этнографическая карта Сарапульского у. Вятск. г. Сарапул, 1876.
230. Курочкин Н.—Очерк Малмыжского уезда. Вят. Г. В. 1853, № 18 и 19.
231. Кустарные промыслы Казанской губ. сост. В. Н. Косодапов. Вып. I. Казань, 1901.
232. Кустарные промыслы в Казанском у. Каз. губ. Изд. Каз. Уездн. Зем. Упр. Казань, 1897.

233. Кустарные и отхожие промыслы в Казанской губ. ИГО, XI, 1875, мелк. извест. стр. 290—294. (Из отч. Каз. Стат. Комит. за 1874 г.).
234. Куфтин Б. А.—Жидище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. Мемуары Этн. Отд. О-ва ЛЕАЭ. вып. I, Москва, 1925.
235. Его же Киргиз-казаки. Этнологический очерк. № 2, Изд. Цент. Муз. Народовед. Москва. 1926.
236. Его же—Южнобережные татары. Крым. № 1. Москва, 1925. стр. 22—31.
237. Лаврентьев К. В.—География Вятской губ. Родиноведение. С картой. Изд. 4-е № Вятка 1904.
238. Лаврский К.—Татарская беднота. Стат.-эконом. очерк двух деревень Казанск. губ. Казань, 1884, стр. 43.
239. Лангель—Краткое медико-топографическое обозрение Казанской губ. и г. Казани, 1817 г.
240. Лаптев М.—Казанская губерния. Матер. для геогр. и стат. Росси. СПб. 1861.
241. Lebedeff Olga de,—Abrege de l'histoire de Kazan offert aux membre du XII-me Congres de Orientalist. Roma, 1889.
242. Левшин А.—Описание киргиз-казачьих орд и степей. СПб. 1832 ч. III.
243. Legrelle A.—Le Volga. Paris, 1877. о Казани и татарах стр. 138—209.
244. Леопольдов А.—Извозничество в Самарской губ. Самар. Г. В. 1855 г. № 26-ЖМВнД. XIII, 1855, смесь, стр. 5—7.
245. Его же—Название Аткарска и татары. Саратов. Спр. Лист. 1867, № 94.
246. Его же—Татары. Саратов. Г. Б. 1842, № 35.
247. Его же Татарин—князь. Саратов. Губ. Вед. 1845 № 43.—Влад. Г. В. 1846, № 5.
248. Его же—Татары. Этнографический очерк. Самар. Г. В. 1855, № 8.
249. Лепехин Ив.—Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского Государства. 4 части. СПб. 1771—1805.
250. Лйтуновский Н.—Медико-топографическое описание Оренбургской губернии (Диссертация). Москва. 1877.
251. Любимов К.—Татары Казанского уезда. Пенз. Епарх. Вед. 1892, № 15, стр. 607—617.
252. Люк, Ж. де—Описание перекопских и ногайских татар Зап. Одес. О-ва Ист. и Древн. т. II.
253. Люперсольский В.—Из воспоминаний о с. Мещерякове (Елаб. у.) ИОАИЭ т. XXIII, вып. 4, стр. 296—306.
254. Магницкий В. К.—К вопросу о тамбовских и казанских татарах. ИОАИЭ т. XII, вып. 5, стр. 456—468.
255. Его же—Несколько данных о мишарях и селениях их в Казанской и Симбирской губ. ИОАИЭ т. XIII, вып. 4, стр. 245—257.
256. Его же.—Список селений мишарей в Буинском у., Симб. г. ИОАИЭ. т. XVII, вып. 2—3, стр. 120—132
257. Маковецкий П. Е.—Юрта. Летнее жилище киргиз. Зап. Зап. Сиб. Отд. РГО. т XV, вып. 3, ст., стр. 1—16, 1893.

258. Максимов А.—Из истории семьи у русских инородцев. Этногр. Обзор. т. II, 1902.
259. Максимов С.—Остатки древних народно-татарских (языческих) верований у нынешних крещенных татар Каз. г. Изв. по Каз. Епарх. 1876, № 19—20.
260. Малов Е. А.—Миссионерство среди магометан и крещенных татар. Сбор. статей. Казань, 1893.
261. Его же—Нынешнее положение крещенных татар Заволжского края. Странник, 1866, август.—Прав. Обзор. 1866, июнь.
262. Его же—О крещенных татарах Буинск. у. Симб. г. Рук. для сельск. пастырей. 1865, № 46.
263. Его же—О новокрещенской конторе. Казань, 1878.
264. Его же—О приходе татар. Прав. Обзор. 1866, №№ 6—7.
265. Его же—О татарских мечетях в России. Прав. Собес. 1867, Кн. 12. и 1868, кн. 1.
266. Его же—О татарских талисманах. ИОАИЭ т. XV, вып. 4, стр. 471.
267. Его же—Очерк религиозного состояния крещенных татар, подвергшихся влиянию миссионерства. Прав. Собес. 1871 № 11—12. 1872, № 1—5.
268. Его же—Поездка в татарские деревни (Каз. г.) Рук. для сельск. паст. 1867, № 39 и 41.
269. Его же—Приходы старокрещенных и новокрещенных татар в Казанской Епархии. Прав. Обзор. №№ 8, 10, 12.
270. Его же—Сведения о мишарях. Этнографический очерк. ИОАИЭ т. IV, 1883, стр. 13—91.
271. Его же—Статистические сведения о крещенных татарах. Казань, 1866.
272. Марджани—Мустафаду'ль ахбар. 2 тома. (на арабск. языке) Казань. Т. I.—1885, т. II—1900.
273. Мартынов А.—Казанские татары. Сев. Пчела. 1860, № 21.
274. Масловский А.—О крещенных татарах, Саранского уезда. Пенз. Епарх. Вед. 1871, № 11.
275. Матвеев С.—Гадание на кольцах у крещенных татар. ИОАИЭ т. XXIII, вып. 1.
276. Его же—Гадание посредством веретена у крещенных татар Уфимск. г. ИОАИЭ т. № XIV, вып. 2, стр. 365.
277. Его же—Погребальные и поминальные обряды крещенных татар Уфимск. губ. ИОАИЭ т. XV, вып. 3, стр. 241—272.
278. Его же—Свадебные обычаи и обряды крещенных татар Уфимск. губ. ИОАИЭ т. XIII, вып. 5, стр. 317—353.
279. Материалы для исследования промыслов населения. Изд. Каз. Губ. Зем. Упр. Казань 1887.
280. Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губ. Вып. I—XII Казань, 1886—1896.
281. Материалы по статистике Вятской губ. XI томов, по числу уездов. Изд. Вятск. Губ. Земства. Вятка, 1886—1896.
282. Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбург. губ. Вып. I. Оренбург. 1877.
283. Машанов—Заметки о религиозной нравственном состоянии крещенных татар. Изв. по Каз. Епарх. 1875, №№ 1—5.

284. Медокс К.—Инородцы в Поволжья. Саратов, 1892. Отзыв И. Н. Смирнова ИОАИЭ; т. X, вып. 3, стр. 247—348.
285. Межов—Библиография Азии. т. II. 1892. Литер. о татарах №№ 1975—2034.
286. Малая промышленность Казанской губ. под. ред. В. В. Пердова Казань, 1911.
287. Мельников А. П.—Этнографический очерк Нижегородского края. Н. Новг. 1899.—Нижегор. край. 1900.
288. Мельников С. Е.—Описание некоторых замечательных селений Чистопольского у. Село Архангельское, Седелькино тож. Каз. Г. В. 1885, № 42, 45.
289. Егго же—Починок Шемордан в Малмыжском уезде. Зап. Каз. Экон. О-ва. 1858, ч. 1. отд. 3, стр. 35—48.
290. Егго же—Прасолы и косники в г. Чистополе и его уезде. Каз. Г. В. 1857, № 3 и 4.
291. Мельников П. И.—Очерки Мордвы. Русск. Вестн. 1867, кн. 6, 9, 10.
292. Меньшиков П.—Агинский приход, Лаишевск. у. в настоящем составе. Изв. по Каз. Епарх. 1868, № 16, стр. 442—460.
293. Мессарош Юлий—Отчет члена Венгерского Комитета... о поездке к чувашам и приволжским татарам. Изв. Русск. Ком. для изуч. Средн. и Вост. Азии в истор., арх., лингв. и этногр. отношениях. № 9. СПб. 1909. стр. 60—66.
294. Миллер Гер. Фр.—Описание живущих в Казанской губернии языческих народов... СПб. 1791.
225. Müller K. W.—Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs. S. Petersburg. 1776. т. II ст. 92—110.
296. Михайлов С.—Волдрос-базар в Козмодемьянском у. Каз. Г. В. 1852. № 21.
297. Милькович.—Из записок уездн. землемера... Быт и верования татар Симбирской губернии в 1783 г. Симб. Г. В. 1851. № 44 и 45.—Изв. по Каз. Епарх. 1905, № 15—16.
298. Михеев И. С.—Несколько слов о бессерменах. ИОАИЭ т. XVII, вып. 1. стр. 51—60.
299. Можаровский А.—Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев, с 1552 по 1867 г. Москва, 1880.
300. Егго же—Миссионерская поездка в старокрещенскую деревню Салтыганову. Моск. Церк. Вед. 1880, № 13.
301. Егго же—Старокрещенский вопрос в Казанск. Епархии перед открытием братства св. Гурия. Миссионер. 1878, № 8—9.
302. Монастырский С.—Иллюстрированный спутник по Волге. В 3-х частях. Казань, 1884.
303. Мордовцев Дм.—Характеристика Поволжского населения. Саратов. Г. В. 1859, № 7—10.
304. Мошков В. А.—Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев В-К. края, II. Мелодии ногайских и оренбургских татар ИОАИЭ т. XIV, вып. 2, стр. 251—264.
305. Мункачи—Языческие имена дней недели у старых народов Волжско-Уральского края. Körösi Csowa—Archiv. 1926, т. II вып. 1—2.

306. Мур-ев А.—Татары Петровского уезда. Сарар. Листок. 1885. № 165 и 190.
307. Мухлинский А.—Исследование о происхождении и состоянии литовских татар Торжеств. Акт СПб Ун-та. 1857, стр. 112—183.
308. Назаров Н. С.—К этнографии башкир Этн. Обзор. VI.
309. Накануне всеобщей переписи. Алфав. спис. народов, обит. в Рос. Имп. СПб. 1895.
310. Народы России. 19) Татары. Нива. 1874 № 22—23.
311. Народы России. Волжские татары. Изд. ред. Досуг и Дело. СПб. 1879.
312. Народы России. Живописный альбом. вып. III. СПб. 1878.
313. Народы России. Этнографические очерки. Изд. Природа и Люди. СПб. 1878—1881.
314. Насыров Каюм.—Неизданные произведения и материалы к 100 летнему юбилею со дня рождения. Под ред. Али-Рахима. Казань. 1926. (на тат. языке).
315. Его же—Поверья и обряды казанских татар. Зап. ИРГО. т. VI, 1880.
316. Его же—Татарско-русский словарь.
317. Насыров К. и Поляков П. А.—Сказки казанских татар и сопоставление их со сказками других народов. ИОАИЭ. т. XVI, вып. 4—6. стр. 1—112.
318. Небольсин П. И.—Инородцы Астраханской губернии. Заметки о кундровских татарах. ВГО. 1851. II, отд. 5, стр. 1—30.
319. Его же—Отчет о путешествии в Оренбургск. и Астраханск. край. Вестн. ИРГО. 1852. кн. 1.
320. Невзоров Максим.—Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г. Москва. 1803.
321. Некрасов И.—Инородцы Казанской губ. Русск. Речь. 1861. № 63.
322. Нечто об увеселениях во время Сабана. Каз. Г. В. 1847, № 25.
323. Нечто о татарах. Волжск. Вестн. 1884, № 55.
324. Никольский Д. П.—О спиртных напитках среди наших инородцев. Тр. Антроп. О-ва при Военно-Медиц. Акад., V, за 1897—99 г.
325. Его же—Материалы к антропологии татар. Казанской губ. (Лавишевский уезд). Казань 1914.
326. Никольский Н. В.—Крещенные татары. Стат. свед. за 1911 г. Казань. 1914.
327. Его же—Статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири. Казань 1912.
328. Нурминский Е.—Белогорские татары. Самар. Епарх. Вед. 1883, № 24, 1884. № 1.
329. Н-ч. Н.—Народные юридические обычаи у татар Казанской губ. Тр. Каз. Губ. Ттат. Ком. 1869, вып. 3, стр. 18—42.
330. Обзор кустарных занятий в Казанской губ. Изд. Каз. Отд. И. Р. Техн. О-ва. Казань, 1896.
331. Общий свод данных хозяйственно-статистического исследования по Казанской губ. Часть экономическая. Казань, 1896.
332. Обыватель—Город Петровск. Общий очерк. Сарат. Г. В. 1889, № 84.

33. О вотяках, черемисах и татарах Вятской губ. ЖМВнД. 1839 № 12.
334. Овсяников А.—Географические очерки в картины Т. Очерки и картины Поволжья. СПб. 1886.
335. Овсянников Е.—Отпадшие татары. Каз. Бирж. Листок. 1875 № 85.
336. О грамотности между казанскими татарами. Сев. Почта, 1816 № 27.
337. Одежда тамбовских татар и мордвы День 1865, № 31.
338. О дигитриевский Н.—Крещенные татары Каз. г. Правосл. Благовестн. 1894, №№ 1, 3, 7, 11. 1895, №№ 12, 13, 14, 17.
339. О крещенных татарах. Север. Листок. 1866, № 30.
340. О л е а р и й—Путешествие в Московию.
341. О мерах к обрусению татар магометан. Совр. Листок. 1867 № 94.
342. Описание г. Арска. Каз. Г. В. 1885, № 19, 20.
343. Описание Костромской губернии в историческом и географическом отношениях СПб 1871.
344. Описание Слободского уезда. Вят. Г. В. 1840, №№ 22—25.
345. Описание Янгуловской волости (Малмыжск. у.) Вятск. Г. В., 1876, № 8, 19—22.
346. О с о к и н С.—Народный быт в северо-восточной России. Соврем. 1856, № 10, 11—Вят. Г. В. 1857, №№ 8, 9, 11, 12 и 13.
347. О с т р о у м о в Н. П.—Первый опыт словаря по выговору крещенных татар Казанской губ. Казань 1866.
348. О с т р и к о в А. Н.—К вопросу о разделении на сельское хозяйственные районы территории ТССР. Журн. Казанск. Земледельц. 1921. № 528, стр. 25—47.
349. Отчет о действиях Казанского Губ. Стат. Комит. за 1868 г. ТР Каз. Губ. Стат. Ком. вып. II, Казань, 1860.
350. П а л и ц и н С. М.— Отчет об экономическом положении Больше-Кибяк-Козинской вол. Лаишевск. у. Казань, 1890.
351. П а л л а с П. С.—Путешествие по разным провинциям Российского Государства.
352. Памятные книжки Казанской губ. на г.г. 1861, 1863, 1866—67 и 1891—1892.
353. П а т к а н о в К. П.—Драгоценные камни, их названия и свойства. по понятиям армян в XVII веке. Тр. Вост. Отд. ИРАрх. О-ва часть 17. СПб. 1874.
354. П а у л и Ф. X.—Народы России. Этнографический обзор населения России. СПб. 1862. (с альбомом рисунков. Есть изд. на франц. языке).
355. П а ш и н о.—Татарская свадьба. Каз. Г. В. 1852, № 12.
356. П. В.—Татарский праздник Сабан. Каз. Г. В. 1874. № 48.—Бирж. Лист. 1877, № 50.
357. П е в ц о в.—Очерки путешествий по Монголии и сев. провинциям Внутр. Китая. Зап. Зап.-Сиб. Отд. РГО. кн. V, 1883.
358. П е л ь—Хозяйственные замечания о Казанской и некоторых частях Нижегородской, Пензенской, Симбирской и Вятской губерний. ЖМГИМ. XVI, 1845, стр. 127—146.
359. П е р е т я т к о в и ч Г.—Поволжье XV—XVI в.в. Москва. 1877.

360. Егo-же—Поволжье в XVII и начале XVIII века. Одесса. 1882.
361. Перцов В. В.—Очерк статистики и экономики Казанской губернии. Казань. 1919.
362. Егo-же—Экономические районы ТССР. Казан. Землед. 1921. № 9—12.
363. Пинегин М. Н. — Казань в ее прошлом и настоящем. СПб. 1890.
364. Егo-же—Свадебные обычаи казанских татар. ИОАИЭ, т. IX, вып. I.
365. Писемский А. — Татары. Библиот. для чтения. 1858, т. 152, стр. 1—11.
366. Пирогов В.—Татарская деревня под Костромой, Матер. для стар. Костр. губ., IV, Кострома. 1881, стр. 59—73.
367. Плодоводство Казанской губ. Изд. Стат. Отд. Каз. Губ. Земск. Управы. Казань, 1911.
368. Племенное распределение населения Казанской губ. по уездам. Изв. ИРГО, т. IV, стр. 294, 1875.
369. Покровский И.—Бортничество, как один из видов натурального хозяйства и промысла близь Казани в XVI—XVII вв. ИОАИЭ, т. XVII, стр. 67—73, 1901.
370. Полный алфавитный список всех населенных мест Уфимской г. Изд. Уфим. Губ. Стат. Ком. под ред. А. П. Лобунченко. Уфа. 1906.
371. Поло, Марко—Путешествие в 1286 г. по Татарии и др. странам Востока. Пер. Шемякина. Москва. 1863.
372. Пономарев Н. В.—Кустарная промышленность в Казанской губ. Отч. и иссл. по куст. пром. III. СПб. 1895. стр. 15—44.
373. Пономарев С. — Полный систематический указатель статей местно-областного содержания, напечатанных в „Казанских Известиях“, издававшихся при Имп. Каз. Ун-те с 1811 по 1821. ИОАИЭ, т. II. 1879.
374. Попов И.—О движении крестьянского скотоводства в Казанской губ. Казань, 1898. Ср. Сельское Хозяйство и Лесоводство CLXXXVI. 1897.
375. Попов Н.—Сведения о нижегородских татарах. Нижег. Епарх. Вед. 1895.
376. Попов Н. С.—Хозяйственное описание Пермской губ., собрано по начертанию Санкт-Петербургского Вольного Экономического Общества, сочиненное в 1802 и 1803 гг. в г. Перми, ч. I и II. 1804.
377. Потанин Г. Н.—У вотяков Елабужского уезда. ИОАИЭ т. III, стр. 189—255. Учен. Зап. Каз. Ун-та, 1882, № 2.
378. Пришлый народ в Малмыжском и Уржумском уездах. Вят. Г. В. 1882, № 19.
379. Прошин Н.—Село Кунчерово. Саратов. Г. В. 1871, № 46—49.
380. Егo-же—Татары и татарские деревни. Пензенск. Г. В. 1886, № 30—32.
381. Производство мерлушечных изделий в починке Шемардан. ЖМВнд. XLII, 1860, № 5, смесь, стр. 1—7.
382. Промыслы Елабужского уезда. Вят. Г. В. 1860, № 11—12.

383. Промышленность Казанской губернии. Библиография для чтения, т. 121, 1853, № 9, отд. 4, стр. 1—18.
384. Проходцов И.—Образование у касимовских татар. Сборник Рязан. Губ. Стат. Ком. Рязань. 1900.
385. Пупарев А.—Народные жилища. Из этнографических записок о Царевкокшайском уезде. Каз. Г. В. 1858, № 32.
386. Пчеловодство в Казанской губернии. Земледельч. Газета. 1868. № 52.
387. Радаков А.—Сборник медико-топографических и санитарных сведений о Вятской губернии. Вятка, 1878, стр. 250.
388. Радаков А.—Крымские татары. ВГО. XVIII. 1856, отд. 2. XIX, 1857, отд. 2.
389. Radloff—Aus Sibirien Bd. I.
390. Радаков В. В.—Опыт словаря тюркских наречий. Изв. Акад. Нук.
391. Рамадзе А. С.—Волга от Нижнего до Астрахани. Киев. 1896.
392. Рехенберг А. А.—Статистическое описание лесного пространства между Уралом и Восточным Иком. ЗГО. VI. 1852, стр. 382—502.
393. Риттих А. Ф.—Материалы для этнографии России Казанская губерния. В 2-х частях с этногр. картой Казань. 1870.
394. Егоров—Племенной состав контингентов Русской Армии. СПб. 1875.
395. Романов Н.—Краткие очерки уездов Вятской губ. Вып. I. Уезды: Слободской, Глазовский, Сарапульский и Елабужский.
396. Егоров—Статистическое описание Уржумского у. Вят. г. Изд. Вят. Губ. Земства. Вятка. 1879.
397. Россия. Полное описание нашего отечества, тт. V, VI, XVIII, XIX.
398. Россоловский А. Ф.—Военная служба и повинности каз. татар. Каз. Г. В. 1852, № 26.
399. Егоров—Статистическое описание Царевкокшайского уезда. Составлено в 1837 г. Каз. Г. В. 1852, №№ 41, 45, 46, 48, 49, 51, 52 1853 г. №№ 5, 6, 13—15, 17, 19, 25—27, 29, 31, 33, 35, 37, 39—41, 43, 49.
400. Рубрук, де—Путешествие в восточные страны. Пер. Малеина. СПб. 1911.—Чтен. И. О-ва Ист. и Древн. Росс. при Моск. Ун-те 1864, кн. 3.
401. Руденко С. И.—Башкиры. Опыт этнологической монографии, ч. II. Быт башкир Зап. Гос. Г. О. По Отд. Этногр., т. XLIII, вып. 2. Ленинград, 1926.
402. Рыбаков С. Г.—Любовь и женщина по народным песням инородцев. Рус. Музык. Газета. 1901, стр. 566.
403. Егоров—Музыка и песни уральских мусульман. СПб. 1897.
404. Егоров—О народных песнях татар, башкир и тептярей. Жив. Стар. IV. 1894, № 3—4, стр. 325—364.

405. Е го - же — Очерк быта и современного состояния инородцев Урала. Наблюдатель. 1895, № 7, 8.
406. Е го - же — Этнографическая характеристика татар, башкир^и и тептярей. Песни уральских башкир. Отч. РГО. 1894.
407. Рыбушкин М. — Краткая история г. Казани. Казань. 1850.
408. Рылов М. А. — Забытая отрасль труда (ичежный промысел) Волжск. Вест. № 279, 1886. = Мат. для иссл. промысла Каз. губ. Изд. Губ. Земск. Упр. 1887.
409. Рычков — Журнал или дневные записки путешествия капитана... по разным провинциям Российского государства. 2 части. СПб. 1770—1772.
410. Е го - же. — Письмо о земледельстве в Казанской и Оренбургской губ. Соч. и перев. к пользе и увесел. служащие. 1758, май.
411. Рычков — Опыт Казанской истории. СПб. 1767.
412. Е го - же — Топография Оренбургская, СПб. 1762, ч. 1—2.
413. Рябинин Д. — Конина и ее потребление. Сельск. Хоз. и Лесов. CLXXXVIII. 1898.
414. Сабан (татарский праздник) Каз. Изв. 1814, № 23.
415. Сабан у татар Казанской и Вятской губ. Голос. 1875, № 304.
416. Сабан — татарский праздник. Каз. Г. В. 1845, № 26.
417. Саблуков П. — Черты из жизни русских татар. Саратов. Г. В. 1846, № 25—29. 1849, № 2.
418. Самойлович А. Н. — К истории культурных и этнических отношений в Волжско - Уральском крае. Новый Восток. № 18. Москва, 1927, стр. 210—217.
419. Е го - же — Название дней недели у турецких народов. Яфетический сборник, № 2. 1923.
420. Е го - же — Одежда Ставропольских туркмен. Ленинград. 1924. Листовка изд. Этн. Отд. Русск. Музея.
421. Саттаров Ш. — Празднование Курбан-байрама. Инородч. Обоз. № 1, 1912.
422. Сахаров Л. — Заметки о татарах-поселянах. Нижегород. Г. В. 1860 № 46—47.
423. Сбоев В. А. — О быте крестьян в Казанской губернии. Казань. 1856 = Каз. Г. В. 1844, № 6. 1854, №№ 49, 51, 52. 1855. №№ 4, 8, 10, 12. 16, 18, 20, 23, 24.
425. Сборник статистических сведений по Самарской губ. Т. V. Бугульминский у. Самара, 1887.
426. Сведения о быте крестьян Малмыжского уезда. Вят. Г. В. 1841, № 18.
427. С. Г. — Татарские школы и обрусение. (Из Казани). Гражданин. 1875, № 31.
428. Сборник декретов, постановлений и т. д. материалов в области реализации татарского языка. Изд. ТЦИК. 1925. (демографич. данные по волостям и этнограф. карта).

429. Сборник статистических сведений по Уфимской губ. VIII томов. Уфа, 1898—1900.
430. Свиньин П. П.—Картины России и быт разноплеменных ее народов. СПб. 1839.
431. Свияжский уезд. Изд. Стат. Бюро Казан. Губ. Земства. Казань. 1886.
432. Село Пендеска, Кузнецкого у. Саратов. Г. В. 1894, № 79.
433. Семевский М.—От Твери до Астрахани. Волжские заметки Отечества. Зап. 1861 и 1862 гг.
434. Семенов А.—Из области воззрений мусульман Средней и Южной Азии на качество и значение некоторых благородных камней и минераллов. Мир Ислама, т. I, № 3.
435. Серошевский В.—Якуты.
436. Сказания иностранцев о Казани. ИОАИЭ, т. XIX, стр. 277—285.
437. Скалозубов Н.—Очерк экономического положения башкирского населения Красноуфимского уезда. Пермь. 1893.
438. Скалковский А. А.—О ногайских татарах. ЖМНПр. 1843, ч. XI, отд. II, стр. 156.
439. Егo-же — О хлебопашестве в Новороссийском крае. ЖМВнд. XXXIV, 1841. № 6—8, стр. 29—70.
440. Смирнов И. Н.—Вотяки. Истор. этногр. очерк. Казань, 1890. ИОАИЭ т. VIII.
441. Егo-же —Мордва. Казань, 1892, ИОАИЭ т. X—XII.
442. Егo-же—Черемисы. Казань, 1889, ИОАИЭ т. VI.
443. Егo-же—Несколько слов о русском влиянии на инородцев Казанского края. ИОАИЭ, т. VI, вып. I, стр. 59—63.
444. Егo-же — Этнография на Казанской Научно - Промышленной Выставке. Казань, 1890.
445. Смолин В. Ф.—Археологический очерк ТССР. Сб. Матер. по изуч. Татарстана, вып. II. Казань. 1925, стр. 5—70.
446. Сно Е. Э. — Рассказы о родной стране и ее обитателях. № 58. Потомки Золотой Орды—татары. Издан. О. Н. Поповой. СПб. 1904.
447. Соколов Б. М.—По Петровскому уезду (Сарат. г.). Тр. Ниж. Волжск. Обл. О-ва Краевед. часть IV, вып. 34, Саратов, 1926, стр. 7—21.
448. Sommier Stéphen—Un'estate in Siberia fra Ostiacchi, Samieidi, Sirieni, Tatari, Kirghisi, e Baskiri. Firenze. 1885.
449. Сорокин П.—Арские князья в Карине. Кал. и Пам. Кн. Вят. г. на 1897 г.
450. Егo-же—Татары Глазовского у. Кал. и Пам. Кн. Вятск. губ. на 1897 г.
451. Софийский И.—Заговоры и заклинания крещеных татар Казанского края. Изв. по Каз. Епарх. 1878, № 2.
452. Егo-же—О киреметях крещеных татар Казанского края. Изв. по Каз. Епарх. 1877, № 24.—Миссионер. 1878, № 11—12.

453. Е го - же — О киремтях крещеных татар из дер. Тавели, Чистопол. у. Каз. губ. Тр. IV Арх. Съезда, т. II, стр. 68—79.
454. Е го - же — О начальном образовании у вотяков и татар Ярославской вол. Слободск. у. Вятск. губ. и о названии „татары“. Календ. Вят. г. на 1894 г., стр. 329—337.
455. Социальный строй крестьянства в ТССР. Труд и Хозяйство. 1926. № 6—8, стр. 99—118.
456. С п а с с к а я Е. Ю. — Старо-крымские узоры. Изв. О-ва обл. и изуч. Азербайджана, № 3. Баку, 1926.
457. Е е - же — Татарские вышивки Старо-Крымского района. Изв. Вост. Фак. Азерб. Гос. Ун-та. Т. I. Баку, 1926.
458. С п а с с к и й А. Н. — Очерки по родиноведению. Казанская губерния. Казань. 1913.
459. С п е р а н с к и й А. Р. — Казанские татары. Казань, 1914. Изв. по Каз. Епарх. 1914, №№ 7, 8, 10, 16, 19—20 и 21. есть отгиск.
460. Списки инородческих селений Казанского Учебного Округа. СПб. 1870.
461. Списки населенных мест по сведениям 1859 г. Саратовская губ. СПб. 1862.
462. То-же — Казанская губ. СПб. 1886.
463. То-же — Самарская губ. СПб. 1864.
464. То-же — Симбирская губ. СПб. 1863.
465. То-же — Нижегородская губ. СПб. 1863.
466. То-же — Вятская губ. СПб. 1876.
467. То-же — Пензенская губ. СПб. 1864.
468. Список инородцам Евр. России, с показанием губерний, в которых они находятся. СПб. 1852.
469. Список народностей СССР под ред. Н. И. Зарубина, изд. КИПС № 13. Ленингр. 1927.
470. Список народностей Европейской России в применении к шкале цветов, служащих для изображения их на карте 60-ти верстного масштаба. ИГО. XI. 1875, № 1. стр. 6—9.
471. Список населенных мест. Казанской губ., с кратким их описанием. Каз. Г. В. 1888. №№ 95, 105, 126, 129 и 132. 1889. №№ 78, 86, 98, 120 и 128.
472. С т а р и к о в Ф. М. — Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург. 1891. (быт татар и нагайбаков).
473. Статистический очерк современного состояния сельского хозяйства и промыслов Оренбургской губ. Спр. Кн. Оренб. Края на 1872, отд. 2, стр. 50—136
474. С т е п а н о в С. В. — Исследование казанского юфтового производства подошвенных кож. Казань. 1854.
475. Е го - же. — Исторические сведения о Казанском кожевенном производстве. ЖМВнД. XXXIX, 1858, смесь. i. Каз. Г. В. 1857, № 20—22.
476. С т р а т и л а т о в М. — Введение к сочинению Вамбери: „Первобытная культура тюрко-татарских народов“ Зап. Зап.-Сиб. Отд. ИРГО. VI, 1884, стр. 1—49.

477. Стрижевский.—Ответы капитана... (о башкирах) на программу В. Н. Татищева. ИОАИЭ т. XXV, вып. 6, стр. 167—175.
478. Сухарев А. А.—Казанские татары. Опыт этногр. и мед.-антропол. исслед. СПб. 1904. (диссертация).
479. Сцены из Рамазана. Совр. Изв. 1876. № 278.
480. Талько-Гриневич Ю. Д.—Заметки по антропологии Волжских инородцев. I. Казанские татары. Русск. Антроп. журнал 1904. № 1—2.
481. Ег о-же.—Опыт физической характеристики древних восточных славян. Статьи по славяноведению вып. III. СПб. 1900.
482. Тарапыгин Ф. А.—Волга-матушка. Образовательное путешествие по Волге. Петроград 1914.
483. Татарская деревня. Нива. 1879 № 45.
484. Татарская деревня под Костромой. Переводчик. 1886 № 33.
485. Татарские сказания Пер. Вагабова. Каз. Г. В. 1852, № 43—45.
486. Татарские сказания о Пугачеве. Волжск. Вестн. 1886, № 102—103. Моск. Вед. 1886, № 154.
487. Татарский быт. Берег. 1880, № 7.
488. Татарская свадьба и женщины. Из соч. К. Ф. Фукс—Казанские татары. Каз. Г. В. 1843, № 48 и 49. 1844, №№ 1, 3.
489. Татары Симбирской губ. Кругозор. 1871 № 11.
490. Татары. Иллюстр. газета. 1868 т. 22, № 36
491. Татары Тамбовской губ. по данным 1893 года. ИОАИЭ т. XII, вып. 3.
492. Ташкин.—Инородческое население Поволжья, Приуралья и Сибири. ч. I. Казань. 1882.
493. Тактандер Г.—Краткое и правдивое описание путешествия из Праги в Персию в 1602—1604 г. Прага 1608. Выдержки о Поволжье, пер. Н. Петровского ИОАИЭ т. № XIII, вып. 4, стр. 815—318.
494. Тизенгаузен В.—Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб. 1884.
495. Тимофеев В.—Миссионерско-педагогический дневник старокрещенного татарина. ЖМНП. 1868, п. 140, № 11. стр. 209—240.
496. Ег о-же.—Поездка в приходы крещенных татар по поводу последних отпадений в магометанство. Прав. Обзор. 1872, № 9.
497. Толстов С. П.—Нацмены Центр. Пром. Обл. Путеводит. к выст. Изд. Гос. Музея. ЦПО. Москва. 1928. Сергачские и Касимовские татары.
498. Thomas Prosper—Souvenir de Russie. 1884.
499. Tott, baron von—Nachrichten von den Turken und Tataren. Wien. 1788.
500. Трупчинский А. В.—Среднее Поволжье. Москва. 1908.
501. Труды Статистической экспедиции 1883 г. Изд. Каз. Губ. Зем.-ва.
502. Турбин С. и Павлович С.—Волга и Поволжье. Изд. Ред. журн. Досуг и Дело. СПб. 1890.

503. Turnerelli—Kazan et ses habitans. S. P. Burg. 1841.
504. Turnerelli Edward Tracy—Kazan, the ancient Capital of the Tartar khans, with an account of the province to which it belongs, the tribes and races which form its population etc. London. 1854.
505. Ujfalvy de Mozö-Kövesa—Expetition scientifique francaise en Russie, en Siberie et dans le Turkestan. Paris. 1880.
506. Указатель статей по арх. ист. и этногр., помещенных в журнале „Заволжский Муравей“ (1832—1834) ИОАИЭ т. X, вып. 3. стр. 355—357.
507. То же в неофициальной части Каз. Г. В. 1843—1891 гг. ИОАИЭ т. X, вып. 1. (неокончено).
508. Ураза-Байрам. Уфим. Г. В. 1887 № 12.
509. Уфимский М. В.—(перевод) Три юноши и три чашки кумыса. Волга. 1881, № 549.
510. Фадлаев, Ибн.—Описание... о булгарах. Пер. с пересказа Якута. Сказан. мусульм. писат. о славянах и русских. Гаркави. СПб. 1870.
511. Falk—Beiträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs. S. Petersburg 1886.
512. Федоров Н. П.—Материалы для антропологии инородцев Казанской губ. Тр. О-ва Естественн. при Казанск. Ун-те. т. XL. вып. 3. 1905.
513. Фиельдструп Ф. А.—Свадебные жилища турецких народностей. Мат. по этногр. т. III, вып. I. Ленинград, 1926.
514. Егго-же.—Этнический состав населения Приуралья. Изд. КИПС. № 11. Ленинград. 1926.
515. Филиппов Г. А.—Крещенные мещеряки в Цивильском и Тетюшском уу. Каз. губ. Прав. Благовести. 1915.
516. Филиппов Г. А. и Катанов Н. Ф.—О двух татарских памятниках, находящихся близ с. Стар. Тябердино, Цивильск. у. Инородч. Обзор. 1914. кн. 6.
517. Филиппов Г.—Из истории христианского просвещения крещенных татар-мещеряков Тетюшск. и Цивильск. уу. Каз. Губ. Изв. по Каз. Епарх. 1915, №№ 37, 39—40.
518. Фирсов Н. А.—Инородческое население прежнего Казанского Царства в Новой России до 1762 года, и колонизация Закамских земель. Казань. 1869.
519. Егго-же.—Положение инородцев Сев.-Вост. России в Московском государстве. Казань. 1866.
520. Фирсов Н. Н.—Прошлое Татарии. Казань, 1926.
521. Фукс Ал-ра.—О чувашах и черемисах Казанской г. Казань, 1840.
522. Фукс А. А. и К. Ф.—Поездка из Казани в Чебоксары. (письма) Заволжский Муравей. 1834. т. I. стр. 39—50, 90—101, 154—170. 211—224, 271—287, 348—362, 454—467. т. II. стр. 41—50, 102—121, 166—175.
523. Фукс К. Ф.—История Казани из русских и татарских летописей. Казань, 1889.

524. Ег о-же.—Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань 1844.
525. Ег о-же—О татарских женщинах. Каз. Г. В. 1844. № 1.
526. Ег о-же—Поездка изКазани к мордве Казанской губ. в1839 году. ЖМВНД. XXXIV, 1839, № 10, стр 85—118.
527. Ег о-же.—Праздники казанских татар. Заволжск. Муравей. 1834. т. 3, стр. 52—71, 178—194.
528. Ег о-же.—Рамазан. Каз. Изв. 1814, № 38.
529. Ег о-же.—Татарская свадьба. Каз. Г. В. 1843, № 48—49.
530. Хар лам п о в и ч К. В.—Известия Гмелина о Казани и о казанских инородцах. ИОАИЭ т. XIX, 1903, вып. 5—6, стр. 251—276.
531. Хар у з и н Н. Н.—История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. Москва. 1896.—Этн. Обзор XXVIII, 1896, № 1, стр. 1—53. XXIX—XXX, 1896, № 2—3, стр. 1—71.
532. Хвольсон Д. А.—Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадыарах, славянах и русских. Абу-Али Ахмеда бен Омара ибн Даста. СПб. 1869 г.
533. Худяков М. Г.—Ананьинская культура. Сб. Каз. Губ. Музей за 25 лет. Казань, 1923. стр. 72—126.
534. Ег о-же.—Деревянное водчество казанских татар. Каз. Муз. Вестн. 1924.
535. Ег о-же.—Древности Малмыжского края. Вятка. 1913.
536. Ег о-же.—К вопросу о происхождении чуваш. Изв. О-ва Обсл. и Изуч. Азербайджана, вып. 4 1927, стр 135—147.
537. Ег о-же.—Мусульманская культура в Среднем Поволжье. Казань, 1922.
538. Ег о-же.—Очерки по истории Казанского Ханства. Казань, 1923.
539. Ц е л и н с к и й Ф.—Агрономическое путешествие по некоторым уездам Казанской и Нижегородской губ. в 1855 г. ЖМІ Им. LXI, 1856, отд. 2.
540. Z i e m m e r m a n n E. A. W. von,—Taschenbuch der Reisen oder unterhalten der Darstellung der Entdeckungen des 17-ten Jarhunderts. Leipzig, 1908.
541. Чекалин Ф. Ф. Племенной состав и история населения Кузнецкого у. Саратовской г. Сборн II. Саратов. 1882.
542. Челобитные грамоты Петру Великому симбирских мура и ключищенских татар. Симбир. Г. В. 1876, № 35.
543. Черемшанский В. М.—Описание Оренбургской губ. в хозяйственном, статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа. 1859.
544. Чернов—Указатель г. Казани или памятная книжка для жителей Казанской губ. на 1841 г. Казань. 1840.
545. Чичерина С. В.—Положение просвещения у приволжских инородцев. ИГО. XLII, 1906.
546. Ег о-же—У приволжских инородцев. Путевые заметки. СПб. 1905.

547. Чупин Н.—Обозрение книг и журнальных статей, заключающих в себе географические и статистические сведения о Казанской губ. Каз. Г. В. 1851, № 19—27, 51 и 52.
548. Шаблевич—Медико-топографическое описание Бугульминского уезда. Самарск. Г. В. 1866, № 23.
549. Шараф Г. Ш.—Башкиры. Путевод. по выстав. культуры народ. Востока. Казань, 1920.
550. Шараф Г. и Ермолаев В. М.—Сравнительная характеристика экономики русского и татарского крестьянского хозяйства в Тр. Труд и Хозяйство. 1925 № 11, стр 25—45 Вторая статья на ту же тему напечатана там же 1927 г. № 11—12.
551. Шарифов Д.—Крестьянская усадьба 3 и 4 районов Нухинского уезда. Изв. О-ва Обсл. и Изуч. Азербайджана. вып. 4, стр. 64—74. 1927.
552. Шнэ В.—Зимовки и др. постоянные сооружения кочевников Акмолинской обл. Зап. и Зап.-Сиб. отд. ИРГО. XVII, вып. 1.
553. Шестаков В.—Глазовский уезд. ВГО. XXVI, 1859.
554. Шиле—Татарское племя. Природа и Люди. 1879, № 1 и 2.
555. Шино П. А.—Волжские татары. Современник, 1860, т. 81 и 82. № 6 и 7.
556. Шпилевский С. М.—Древние города и др. болгарско-татарские памятники в Каз губ. Казань. 1877.
557. Его-же.—Путешествие по Полесью. Современник. 1853. № 7. (о литовск. татарах).
558. Шперк А. К. Каталог научно-промышленной выставки 1890 г. Казань, 1890
559. Штейнфельд Н. П.—Малмыжские татары, их быт и современное положение. Кал. и Памятн. кн. Вятской губ. на 1894 г. Вятка. 1893.
560. Щепетов В. А.—О питании татар южного Крыма. СПб. 1886.
561. Эйхенвальд А.—Народная песня и музыка казанских татар. Вестн. Просвещ. ТНКПроса. 1923, № 7 8. стр. 10—13.
562. Энгельгардт А. П.—Очерк крестьянского хозяйства Казанской и др. Верхне-Волжских губ. Казань. 1892.
563. Erdmann I. Fr.—Medicinische Topographie des Gouvernements und der Stadt Kasan... Riga und Dorpat, 1822.
564. Эрдман.—Предки Чингиз-хана. ЖМНП. за 1843 г.
565. Erdmann.—Ueber die Tataren Kasans. Zeitschr. der Deutsche Morgenländischen Gesellschaft. Bd. XIII, Heft 4. Seite 659—690
566. Этнографическая выставка 1867 г. ИОЛЕАЭ т. XXIX, 1878, стр. 1—93.
567. Этнографический очерк Казанской губ. Рассвет. 1860. VII.
568. Этнографическое описание Казанской губ. ЖМВнД. XXXIX, 1841.
569. Юзефович.—Христианство, магометанство и язычество в восточных губерниях России. Русск. Вестн. 1883, март, стр. 24—27.
570. Ядринцев.—Алтай и его инородческое царство. Истор. Вестн. XX.
571. Его-же.—Отчет о поездке в Горный Алтай. Зап. и Зап.-Сиб. Отд. ИРГО, IV.
572. Якобий А. И.—Тюрки степей северного Кавказа. СПб. 1901.

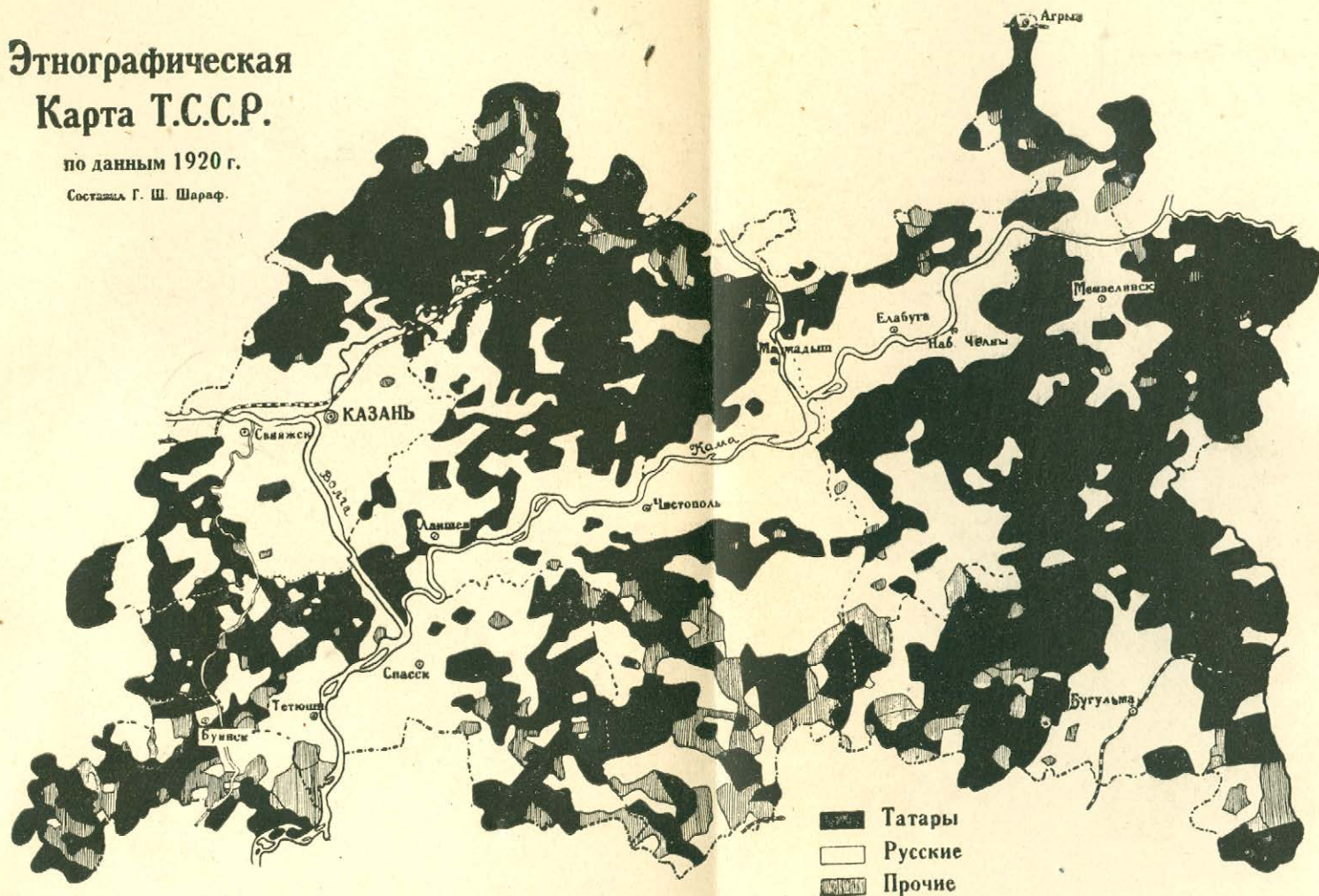
573. Языков М. Г.—Очерки быта крестьян Кузнецкого у. Саратовской губ. Саратов. Г. В. 1880, № 48 и 49.
574. Япей-Бабай (Малов)—О крещенных татарах. Изв. по Казанск. Епарх. 1891, № 18—20.
575. Яс-кий Н.—Обычаи татар на Руси. Воскресн. Досуг. 1871. т. 18, № 36.
- Дополнения.
576. Воробьев К. И.—Материалы по культу домового и дворового у мишарей Буинского кантона Татарской Республики. Труды Студ. Клуба „Любители Природы“, вып. III, стр. 87—92. Казань, 1929.
577. Егго-же—Программа для собирания сведений о духах хозяевах: домовом, дворовом и усадебном у казанских татар и мишарей. Там же, стр. 93—102. (Есть отдельный оттиск.)
578. Воробьев Н. И.—Крышени и татары, (материалы по сравнительной характеристике быта) Журн Труд и Хозяйство, № 5, 1929. Казань.
579. Гаген-Торн Н. И.—Этнографическая работа в Чувашской Республике. Сообщения Гос. Акад. Ист. Мат. Культ. вып. II, стр. 174—195. Ленинград. 1929.
580. Гасткгаузен—Исследования внутренних отношений народной жизни, 1879.
581. Глезденев П. П.—К вопросу о тептярях, (из доклада, прочитанного на заседании Вятск. Историческ. О-ва). Вятская Жизнь, 1923, № 2, стр. 75—79.
582. Губайдуллин К.—Заметка по поводу одного инструмента. Каз. Муз. Вестн. № 1, стр. 96—97.
583. Губайдуллин Г. С.—К вопросу о происхождении татар. Вестн. О-ва Татароведения, № 8.
584. Девишев А. А.—Опыт классификации орнамента тканей казанских татар. Материалы Ц. Музея ТССР, № 2, Казань, 1930.
585. Дульский П. М.—Выставка искусства народов СССР в Москве. Вестн. Татароведения № 8, 1928.
586. Егго-же. Кустари-татары. Газ. „Красная Татария“ 1927, № 77. Казань.
587. Егго-же—Несколько слов по поводу орнаментики татарских памятников XVI—XVII вв. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР, вып. III. Казань, 1929.
588. Егго-же—Отдел Татарской Автоном. ССР. Путеводитель по юбилейной выставке искусства народов СССР. Москва, 1928.
589. Doulski.—P.—Shez les tartares de Kazan. Le Renaissance, mars 1928, pp. 131—136.
590. Информационный бюллетень ВОКС'а. (Всесоюзн. О-ва Культ. Связи с заграницей), № 23—25, 1927. (Номер посвящен ТССР).
591. Кайков А.—К истории семьи и брака у башкир, татар, мордвы и чуваш. Башкирский Краеведческий сборник. 1927, № 2, стр. 54—61. Уфа.
592. Кустарно-промысловая кооперация Татарской Республики в 1927—28 гг. Казань, 1929.
593. Куфтин Б. А.—Татары касимовские и татары мишари Центр. Пром. Обл. Сборник. Культура и быт населения ЦПО. Москва, 1929.

594. Магницкий В. К.—Елабужский уезд. Волжский Вестник. 1891 г. № 70 (о крещеных татарах и их быте).
 595. Егo-же Нечто о чувашах, татарах и мишарях (мещера, мещеряки, можары). Действия Нижегородской губ. Арх. Ком. Сборн. III. Н.-Новгород, 1898, стр. 27—50.
 596. Егo-же—Новые данные о мишарях. ИОАИЭ т. XIII, вып. 6. Казань, 1896.
 597. Егo-же—Факт из быта татар г. Казани. Волжско-Камское Слово, 1882 г. № 211.
 598. Малов С. Е.—Из поездки к мишарям. Приложения к Ученым Запискам Каз. Ун-та, 1904.
 599. Машанов М.—Современное состояние татар мухаммедан и их отношение к другим инородцам. Казань, 1910.
 600. Мехоношин П. А.—Изба и двор крестьян Татареспублики. Сборник Здравоохранения ТССР, № 1, 1928, стр. 65—78.
 601. Миронов А.—Художественные ремесла у татар. Журн. Причал 1925, № 6, стр. 18—19. Казань.
 602. Новые течения с мусульманской школе. Петрогр. 1925.
 603. Перевошиков С.—К материалу о бессерменах (есть данные и о татарах) Тр. Научн. О-ва по изуч. Вятск. края, вып. I, стр. 60—62. Ижевск, 1926.
 604. Плотников В.—О башкирах и мещеряках, живущих в Екатеринбургском у. Пермск. губ. Зап. И. Вольно-Эконом. О-ва. 1885, № 2, стр. 22—27 и № 8 стр. 39—44.
 605. Поздеева Л. М.—Старинное шейно-нагрудное украшение казанских татарок. Материалы Ц. Музея ТССР, № 2. Казань, 1930.
 606. Садретдинов Г.—По вопросу об антирелигиозном воспитании. Методич. письмо № 1. Изд. Академцентра ТНКП. Казань, 1928.
 607. Список народностей СССР. Под ред. И. И. Зарубина. Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран при Академии Наук СССР, № 12. Ленинград, 1927.
 608. Сумароков П.—Прогулка по 12 губерниям с историческими и статистическими замечаниями. СПб, 1839.
 609. Тагиров Р.—Татарская Казань в опыте экскурсионного изучения. Изд. Библ. Экскурсбазы. Казань, 1928.
 610. Тарзиманов Ф. В. и Рахим Али—Хузьяр тауы. Вестник Саратоведения № 2, Казань, 1928.
 611. Толстов С. П.—Итоги и перспективы этнологического изучения национальных групп Нижегородской губернии. Сборник Культура и быт населения ЦПО. Москва, 1929.
 612. Трофимов В.—Татары Саратовского края. Листовка Сар. Гос. Обл. Музея. № 5, Саратов, 1928.
 613. Чудновский—Медико-топографическое описание Саранульского у. Вятской губ. ЖМВнДел, XXVI, 1849, стр. 175—196.
-

Этнографическая Карта Т.С.С.Р.

по данным 1920 г.

Составил Г. Ш. Шариф.

Масштаб
50 км. в дюйме.